
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Институт всеобщей истории Российской академии наук

А.Б. Давидсон

Письма
с мыса
Доброй Надежды

Издательский дом
Высшей школы экономики

Москва 2017

УДК 94(680)
ББК 63.3(6Южн)
Д13

Исследование проведено при поддержке Российского гуманитарного
научного фонда (проект № 13-01-00305 «Историческое примирение
в мировой истории: от Древнего мира до наших дней»)

Р е ц е н з е н т:
доктор исторических наук,
профессор Департамента международных отношений НИУ ВШЭ
И.В. Кривушин

Давидсон, А. Б. Письма с мыса Доброй Надежды // А. Б. Давид-
Д13 сон ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд.
дом Высшей школы экономики, 2017. — 348, [4] с. — 300 экз. —
ISBN 978-5-7598-1204-3 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-1627-0 (e-book).

Когда-то мыс Доброй Надежды называли «морская таверна» на пути из
Европы на Восток. Для русских кораблей — на пути из Петербурга к Владивостоку
и Русской Америке. А в наши дни? Чем интересен Юг Африки? Почему важно
знать события в этом далеком краю земли?

Автор жил там годами, на переломе истории Южно-Африканской Респуб-
лики, и старался понять значение этого опыта для всего мира.

Для историков, политологов, культурологов, студентов, а также широкого
круга читателей, интересующихся историей Южной Африки.

УДК 94(680)
ББК 63.3(6Южн)

На обложке — фотография Кейптаунского университета (из архива автора)

Опубликовано в Издательском доме Высшей школы экономики
<<http://id.hse.ru>>

ISBN 978-5-7598-1204-3 (в пер.)
ISBN 978-5-7598-1627-0 (e-book)

© Давидсон А.Б., 2017

Содержание

ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦА	5
ПЕРВАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ В ЮАР	13
«Манит, звенит, зовет, поет дорога...»	20
Впечатления	30
НА ДАЛЬНИХ И БЛИЖНИХ ПОДСТУПАХ	39
На дальних... ..	42
Поворот — все вдруг	43
Унесенные ветром	44
После двадцатилетнего перерыва	55
Чего, казалось бы, лучше! Но... ..	56
После визита Никсона	59
Москва встречает африканцев.....	61
Встреча с КГБ	64
Окрики	66
Южноафриканцы вновь здесь.....	69
Ссылаться на архив не разрешим!	71
Не сможете вы нас защитить!	74
«Прочь от национальной гордыни!»	80
Россияне зарубежья — африканисты	85
Из стран соцлагеря	87
На 53-м году жизни.....	89
Расспросить не удалось.....	90
Русский охотник — следопыт.....	92
С Арбатовым, Примаковым, Рокфеллером	94
В Йельском университете.....	104
КРУТЫЕ ПЕРЕМЕНЫ ПОД ЮЖНЫМ КРЕСТОМ	107
Символ миротворчества.....	111
Добрый урок современному миру	123
ГОДЫ У МЫСА ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ	127
В Кейптаунском университете	130
Создание Центра российских исследований.....	132
Работа Центра	137

Клуб Совы	146
Кейптаун — Архангельск — Мурманск.....	147
Южноафриканская кровь — советским раненым	149
«От советских летчиков — лучшему другу».....	151
Русские книги на Лонг-стрит.....	154
Знакомство с русской культурой.....	160
Русский клуб.....	182
О чем спрашивали? Что волновало?	188
Знакомые, родные голоса	199
Невеселое собрание	203
НАХОДКИ	211
Когда тут услышали о нашей стране?	213
Наши путешественники не забыты	215
Русское имя в южноафриканской энциклопедии	217
Бур в Бутырке.....	218
Южноафриканцы — георгиевские кавалеры	223
Приемный сын Горького — посол де Голля	224
Тут и их помнят?	225
Совсем уж неожиданная находка	232
Тоже неожиданное	241
СООТЕЧЕСТВЕННИКИ.....	243
У истоков иммиграции	245
Салтыков-Щедрин, Толстой, Лесков в Кейптаунском университете	249
Почему сюда ехали?	252
Слуга России.....	262
А после 1917-го?.....	267
ПЕРЕКЛИЧКА С КНИЖНЫМИ ОБРАЗАМИ ДЕТСТВА.....	275
Африканский Киплинг	277
Конан Дойл в непривычной роли.....	283
«Черчилля, мертвого или живого!..»	292
Марк Твен в Клубе Совы	313
И ВСЕ-ТАКИ — КАК ЖЕ СЛОЖНО!.....	319
Именной указатель	329

ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦА

Perestroika comes to Soshanguve

Inna Filatova

PH: JANNIE GAGIANO

Apollon Davidson

PH: CAPE TIMES

Статья в газете *The Citizen* от 7.12.1989 г.
о приезде И. Филатовой и А. Давидсона

Читателя может удивить: как это автор, публикуя книгу в научном издательстве, осмелился опираться на свои письма как на источник? Ну добро бы, письма великих людей...

Представленные письма — свидетельства очевидца поразительных событий. Я оказался в Южно-Африканской Республике, когда ее судьба круто повернулась.

Этому государству предрекали самую страшную межрасовую схватку за всю историю человечества. Многие политики и политологи считали, что африканцы отомстят миллионам «белых», потомкам выходцев из Европы, за их почти четырехсотлетнее господство. И там действительно были призывы: «Всех белых — в океан!», «Убей бура!», «Убей фермера!». Были стихи о жизни «в аду белого человека»:

Чтобы я опрокинул пламя
На тех, кто меня бросил в пекло,
Чтоб я мог увидеть, как страшно
Извивается, корчится враг мой...¹

В Англии вышла книга «Вихрь перед бурей» — о массовых выступлениях, которые, как считалось, открыли путь к буре. Книгу издали и в Москве².

Но бури не произошло. Не было даже погромов. Нашлись лидеры, которые смогли договориться сдержать самых разъяренных. И в конечном счете страна мирно перешла на другие рельсы. Нет, раем она не стала. Накопленные столетиями расовые противоречия исчезнуть не могли. Но страшного кровопролития избежала.

---

¹ Линии наших рук. Из поэзии стран Юга Африки. М.: Наука, 1983. С. 104.

² Брукс Алан, Брикхил Джереми. Вихрь перед бурей. М.: Прогресс, 1984.

Какой великий пример для современного мира, для стран, где полыхают расовые, национальные, религиозные распри!

Тогда, четверть века назад, мир недостаточно оценил эти события, недостаточно в них вглядывался. Ведь это были годы окончания холодной войны, годы распада Советского Союза... Конечно, это привлекало куда больше внимания, чем Южная Африка.

Из нашей страны увидеть и понять то, что происходит там, было особенно трудно. Не только из-за дальности в тысячи километров. И не только потому, что все наше внимание занимал тогда распад собственной страны, Советского Союза.

Была и причина очень давняя, она-то больше всего и мешала нам понять Южно-Африканскую Республику.

Из всех областей мира Юг Африки, наверно, был самым недоступным для нас, россиян. Никто из нас не мог повидать мыс Доброй Надежды, Кейптаун, Трансвааль... Побывать в стране, простирающейся от Атлантического океана до Индийского и далеко в глубь Черного материка. Самом экономически развитом государстве Африки.

Почему? У властей ЮАР не было никаких связей с Советским Союзом: ни дипломатических, ни культурных, ни общественных. Только взаимная неприязнь.

Автор этой книги попал в Южно-Африканскую Республику через 41 год после того, как еще студентом стал заниматься ее историей. Через 41 год! В наши дни такое звучит неправдоподобно.

И — еще неправдоподобней! Я все равно повидал эту страну первым из всех, кто в СССР изучал Южную Африку. Мои старшие коллеги и учителя там так и не побывали.

Это было в 1989 г. В ЮАР — еще прежний расистский режим. Нельсон Мандела еще в тюрьме, уже 27 лет.

Затем, в 1991–1998-м, почти все время я провел в ЮАР. Видел эту страну на переломе собственной истории, когда она сумела избежать кровавой гражданской войны и дала всему миру урок миролюбия и миротворчества.

Был я там по приглашению нескольких университетов. Организовал Центр российских исследований в Кейптаунском университете, был его директором и членом университетского сената.

Встречался с политиками и учеными. Бывал на многочисленных митингах, где обсуждали, по какому пути должна идти страна, как ее народам уживаться друг с другом.

Встречался и с нашими соотечественниками. Еще к началу Первой мировой войны на Юге Африки жили почти сорок тысяч выходцев из России. Потом — новые притоки. Нашел следы давних русских путешественников на мыс Доброй Надежды. Следы участия российских добровольцев в Англо-бурской войне. И следы Киплинга, Конан Дойла — тех, по чьим книгам еще в детстве узнавал о мысе Доброй Надежды и прилегающих землях. Нашел и память о Черчилле: ведь именно с тех мест и начался взлет его карьеры.

Находясь там, я все время вспоминал, какие же представления об этом крае были в нашей стране в советские времена, когда он был нам недоступен. Вспоминал о тех людях, которые годами, десятилетиями изучали Юг Африки из нашего далека, за тысячи километров, так и не сумев увидеть его своими глазами. Вспоминал о судьбах этих людей. Их образы, уверен, помогают явственней разглядеть и в прошлом нашей страны что-то немаловажное.

Вспоминал, как мой интерес к Африке начался еще в детстве со стихов Гумилева «о дальних загадочных странах». Как я читал лекции о Южной Африке в МГУ. И нашим дипломатам в конце 1950-х, когда в Министерстве иностранных дел создавался Отдел Африки. И перед приехавшими в Москву деятелями запрещенного в ЮАР Африканского национального конгресса — партии, которая тогда боролась против расистского режима, а с 1994-го является правящей партией в ЮАР. И все это приходилось делать, не повидав страну своими глазами.

Правительство ЮАР наградило меня в 2011 г. «Орденом соратников Оливера Тамбо», многолетнего президента Африканского национального конгресса. Конечно, я признателен за высокую награду. Но я не участвовал в политической борьбе на Юге Африки. Был свидетелем, старался понять, проанализировать происходящее там. За это я и получил когда-то похвалу от Нельсона Манделы³.

Из Южной Африки я писал письма в Москву. Какие-то из них печатал московский журнал «Эхо планеты». Даже открыл для

---

³ Speech by President Nelson Mandela at the opening of the Centre for Russian Studies at the University of Cape Town 17 August 1994 // Russia in the Contemporary World. Proceedings of the first Simposium in South Africa at the Centre for Russian Studies, University of Cape Town 17–19 August 1994. Cape Town: Centre for Russian Studies, University of Cape Town and The Marvol Foundation, 1995.

них рубрику: «Письма с мыса Доброй Надежды». Продолжение их — эта книга. Свидетельства очевидца и попытка осмысления тех судьбоносных событий. И вместе с тем — свидетеля тех перемен в понимании образа Африки, которые десятилетиями происходили в нашей стране. Эти перемены говорят не только об Африке, но о и нас, о России.

...Когда-то Иван Гончаров был на мысе Доброй Надежды, всего месяц. И все-таки: «Жаль было нам уезжать... мы пригреблись к этому месту... Мне уже становилось жаль бросить мой 8-ой номер, Готтентотскую площадь, ботанический сад, вид Столовой горы...»⁴. И это — в письмах, подписанных: «Обломов».

Прожив там годы, я, конечно, рад был бы передать читателю и обаяние тех мест. Вдруг вы решите их повидать? А если уже побывали, не сравните ли свои впечатления с моими? Разумеется, моя книга не об этом. И все же — хотя бы мельком, между строк, пробьется и это чувство...

Я, повторяю, видел эту страну на переломе ее судьбы. Когда она была, как говорили, «на острие ножа», на волосок от кровавой гражданской войны.

Каждый год летал, иногда по несколько раз, из Москвы в ЮАР и обратно. И невольно сопоставлял события. Годы-то Девяностые! Там — переход власти «от белых к черным». Говорят — «Конец Белой Африки». А у нас — распад Советского Союза.

Как-то обобщить впечатления мне, естественно, хотелось. Но время, силы, занятость...

Сейчас, во втором десятилетии двадцать первого века, убеждаешься, насколько важно то, что видел в той далекой стране. И видишь теперь. Какие же жаркие споры идут сейчас, во все большем числе стран, о том, как быть, когда миллионы африканцев и азиатов переселяются в Европу. Как жить бок о бок людям разных рас?

А если глянуть и еще шире? Мы живем в постимперском, постколониальном мире, где две основные группы государств. Одна — поменьше — те, что создавали колониальные империи. Другая — намного больше — те, что были из поколения в поколение колониальными или зависимыми. У первой не исчезла но-

---

⁴ Гончаров И.А. Письмо Льховскому 2/14 апреля 1859 // Литературный архив. М.; Л., 1931.

стальгия по былому имперскому величию. У второй — обиды, горечь (оправданная, а иногда и надуманная) за свою униженность.

В ЮАР часть населения происходит из одной группы, часть — из другой. Разве и этот опыт не заслуживает внимания?

* * *

На Западе модной стала психогеография: как влияют на человека те места, где он живет, те, что он видит в своих путешествиях, и те, о которых думает, мечтает. Возникла и геопоезия — и появились те, кто обосновывают ее с научных позиций, — роль старых и новейших мифов о тех или иных местах на нашей планете Земля. Пришлось мне познакомиться и с этим.

Но я не претендую на широкое академическое обобщение. Просто немудреный рассказ о том, что легло на душу. Правда, говорят: если от души — то: или проповедь, или исповедь. Не хочу и этих громких слов.

Так уж получилось, что моя жизнь связана с далеким краем, мысом Доброй Надежды. Поначалу даже просто с этим названием. Наверно, у каждого есть что-то похожее, связанное с такой доброй надеждой? Дальние земли, красоты природы, неизвестная жизнь. Их романтика, их мифы, их необычность, их недоступность. И в то же время какая-то связь с нами.

Жизнь — это плаванье
В дальние края.
Песни прощальные,
Гавани дальние.
В жизни у каждого
Сказка своя.

Так сказал наш современник. И другой, тоже известный, вторил ему:

И сердцу снятся, пока что снятся
Другие страны и города.

Но что это я всё только о романтике? Разве лишь с ней связаны для нас далекие края?

Да, Гумилева в дальние края зовет Муза Дальних Странствий.
Но эта ли муза и у Окуджавы?

А дальняя дорога
Дана тебе судьбой.
Как матушкины слезы,
Она всегда с тобой.

А как насчет нашего «куда Макар телят не гонял»? И — «пошлют в места отдаленные»? Муза ли Дальних Странствий повеле-
ла моей маме произвести меня на свет не в Москве, а в ссылке, в
сибирской таежной деревне?

Нет, не буду о грустном. А то еще вспомнится: от тюрьмы да
от сумы не зарекайся. И подумаешь: отжила эта русская пословица
свой век или еще нет?

В краях, куда меня звала Муза Дальних Странствий, я пови-
дал и тех, кого занесла туда недобрая судьба.

В Европе раздаются стоны: как трудно ужиться с наплы-
вом миллионов азиатов и африканцев. А в Африке Каддафи с гор-
достью публично повторял, как он выгнал из Ливии всех белых и
требовал, чтобы вся Африка сделала то же самое.

А у нас. Слово «черные» — отнюдь не только об африканцах.
И «понаехали»...

Опыт ЮАР заслуживает изучения и понимания. Там уже три
с половиной столетия живут люди разных рас. Вместе с *черными*-
африканцами, четыре миллиона *белых*, больше трех миллионов
цветных (людей смешанной крови), миллион индийцев. Накоплен
многослойный опыт межрасовых отношений.

Уверен, что это должно волновать всех, кто задумывается
над расовой проблемой, которая с каждым годом тревожнее для
всего мира.

Потому и льщу себя надеждой, что мой опыт знакомства с
Южной Африкой — опыт всей моей жизни — может пригодиться.

ПЕРВАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ В ЮАР

From Russia with love

By Ronel Scheffer

AN EARLY – and controversial – Christmas gift to the political and academic community in South Africa was the visit by noted Soviet academics Irina Filatova and Appolon Davidson in the first weeks of December.

Two delightful (but very much no-nonsense) characters, the history professors and African specialists at Moscow State University quickly gained a reputation in the press for being "difficult". If they were politically less outspoken than some expected, they were certainly far too circumspect in their approach for the liking of most.

After a week in Johannesburg, which included a baptism of fire from forthright questioners at a public meeting, the two opened a press conference in Cape Town with an unusual request. Would the journalists present "please ask original questions", pleaded an exasperated Davidson.

The first Soviet academics to visit the

out clearly denouncing or rejecting them as mistakes. In the Soviet Union, this break with the past had occurred and, as historians, they felt that the De Klerk government would need to follow suit if its reforms were meant to be radical.

In their experience, open discussion in the media was a necessary first step to overcome the social difficulties resulting from bad policies of the past. In the Soviet Union, this has in fact accelerated the process of coming to terms with past mistakes, says Davidson.

And the mistakes of socialism? The Soviet Union's response is to develop and improve socialism, which is still very popular and regarded as the only system which is able to provide social justice. "Perestroika has nothing to do with capitalism, the issue is how to develop and improve socialism," said Filatova.

Davidson added that whereas the origins of capitalism go back several centuries, the history of socialism has just begun and its journey is a very difficult one. "In the

Filatova and Davidson face the press in Cape Town.

Russians academics, Professor IRINA FILATOVA and Professor APPOLON DAVIDSON, arrived in South Africa, yesterday for a two week visit as guests of Idasa.

Russia interested more in a political solution for SA

Статьи в журнале *Die Suid-Afrikaan* (февраль 1990 г.)
о визите в ЮАР И. Филатовой и А. Давидсона

Первая делегация из нашей страны приехала в ЮАР в декабре 1989 г. и пробыла там больше двух недель. Делегация — два человека. Оба — профессора-историки: Ирина Ивановна Филатова, заведующая кафедрой африканистики МГУ, и я, заведующий сектором Африки Института всеобщей истории Академии наук.

До нас в тех краях была делегация из нашей страны — на 60 лет раньше, в 1929-м. Тоже два человека. Геологи. Н.М. Федоровский и И. Мушкетов. Приезжали в Преторию на Международный конгресс геологических наук. Тогда это был Южно-Африканский Союз. Страна стала Южно-Африканской Республикой лишь через 30 лет. Во время Второй мировой войны Советский Союз с ЮАС установил консульские отношения. Южноафриканское консульство в СССР так и не было создано, а советское существовало с 1942 по 1956-й, когда его потребовали закрыть наиболее расистские политические силы — те, что в 1948 г. ввели в стране режим апартхейда⁵.

С тех пор у СССР отношения были не с официальными властями этого государства, а с теми, кто против них боролся: с Южно-Африканской коммунистической партией (ЮАКП) и Африканским национальным конгрессом (АНК). Эти партии выступали против режима апартхейда и были официально запрещены в стране. А члены партий, вынужденные оказаться в эмиграции, бывали в СССР регулярно и подолгу. А советским гражданам путь в Южную Африку был закрыт. В.Н. Тетёкин, ныне депутат Государственной Думы, а прежде сотрудник Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, писал, что ЮАР «была для нас, советских граждан, столь же недоступна, как обратная сторона Луны»⁶.

---

⁵ Расистская политика, проводившаяся с 1948 г. В российских СМИ принято написание: апартеид. Но слово «апартхейд» не из английского языка, а из африкаанс — языка африканеров (буров). — *Здесь и далее примеч. авт.*

⁶ Тетёкин В.Н. Африканист. М.: ЭТО-Принт, 2011. С. 9.

Но в конце 1980-х ситуация стала стремительно меняться. Первопричина — конец холодной войны и связанные с этим перемены во всем мире. Холодная война десятилетиями определяла и общую международную обстановку и жизнь большинства (если не всех) государств. И в 1989-м она завершилась.

В Советском Союзе — перестройка с ее достижениями и трудностями.

В самой ЮАР кризис политики апарtheidа становился явным. С Африканским национальным конгрессом приходилось считаться. Он получал все большее признание на Западе. В 1986-м США и западноевропейские страны ввели ряд экономических санкций против ЮАР.

Возникший в 1983 г. Объединенный демократический фронт (ОДФ) добивался все большего влияния и с пониманием относился к АНК. Проходили встречи представителей АНК с либеральной белой интеллигенцией и бизнесменами.

Необходимость серьезных перемен начали понимать и правящие круги. Несколько законов апарtheidа были отменены. Вскоре была освобождена из тюрем и лагерей первая группа лидеров и активистов АНК. Популярность Нельсона Манделы, который еще находился в заключении, росла, и с Манделой расширились переговоры, начатые еще раньше.

Все это сказывалось и на отношении ЮАР к Советскому Союзу. Стали возможны визиты в нашу страну известных либеральных деятелей.

В сентябре 1987 г. в Москве провел десять дней Андре Бринк, один из самых известных писателей ЮАР. Союз советских писателей пригласил его на Московскую книжную ярмарку. Его принимали в Советском комитете солидарности стран Азии и Африки, в Московском университете, в Университете дружбы народов. Его очерк «С Красной площади», который он опубликовал, вернувшись домой, стал первым в южноафриканской печати подробным свидетельством южноафриканца о нашей стране. Бринк писал, что он не «столь наивен», чтобы верить всему, что слышал в Москве. Но все же главное — «южноафриканца, такого как я» поражаало то, что увидел: «это было куда более красивым и впечатляющим, чем знакомые стереотипные образы “коммунистического мира”».

Бринк с недоверием отнесся, когда ему говорили, что советские войска были введены в Будапешт в 1956 г., в Прагу в 1968 г. и, позднее, в Афганистан «для защиты наших границ». В целом встречи поразили его своей открытостью. Бринку дали возможность задавать любые вопросы, вплоть до самых каверзных, и большинство ответов он счел искренними и интересными. Побывал он и в моем доме. Меня уже давно привлекало творчество этого писателя — с начала 1980-х переводы его романов выходили в Москве с моими вступительными статьями.

Вслед за Бринком в Москву приехал известный журналист Алистер Спаркс, а в 1988 г. — Фан Зейл Слабберт и Алекс Борейн, создавшие Институт демократической инициативы. Приходили ко мне домой, были дружеские беседы. Затем, зимой 1988–1989 гг., я повидал Борейна в Америке, участвовал в его встрече с американской общественностью. С Ириной Ивановной Борейн виделся и в Москве, и в октябре 1988-го в немецком городе Леверкузене — на встрече представителей Африканского национального конгресса с либеральной интеллигенцией.

В Америке Алекс Борейн познакомился с участниками Южно-африканской программы Йельского университета. И сказал мне о возможности приглашения в ЮАР. Вскоре он вернулся в ЮАР, я — в Москву.

Тем временем ситуация в ЮАР, особенно в последние месяцы 1989 г., менялась все быстрее и круче. В сентябре 1989-го президентом ЮАР стал Фредерик Виллем де Клерк, выступавший за глубокие реформы. Сам его приход был вызван тем, что политика апарtheid зашла в тупик. Это стало очевидным уже и для правящей верхушки ЮАР. Становилось очевидным, что будет снят запрет с Африканского национального конгресса и Панафриканистского конгресса, введенный в 1960 г., и с компартии, введенный десятью годами раньше. Ясно было, что придется освобождать Нельсона Манделу и других политзаключенных.

Надвигались перемены и во внешней политике ЮАР. Они переплелись с переменами внешней политики СССР в горбачевской перестройке. Куба, Ангола и ЮАР 22 декабря 1988 г. в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке подписали соглашение, сенсационное для тех времен. Договорились, что из Анголы уйдут и вторгшиеся туда войска ЮАР, и кубинские военные отряды, которые

были посланы для противодействия южноафриканцам. Это соглашение открыло путь к независимости Намибии.

Конечно, все понимали, что это соглашение было бы невозможно без предварительного урегулирования советско-американских споров по всем этим вопросам. Советско-американские переговоры шли в 1988-м несколько месяцев. Они не только привели к некоторому успокоению ситуации на Юге Африки — они были, пожалуй, вообще первым ощутимым результатом смягчения советско-американских отношений конца 80-х годов прошлого века. Вместе с тем они открывали возможность и для установления государственных контактов ЮАР с Советским Союзом и странами Восточной Европы — контактов, которых не было уже несколько десятилетий. Готовился визит Рулофа Боты, министра иностранных дел ЮАР, в Будапешт (он состоялся в январе 1990-го).

* * *

В этой обстановке руководство Института демократической инициативы и решило сделать такой шаг: пригласить делегацию из Москвы и организовать серию встреч с южноафриканской общественностью.

Приглашение пришло осенью 1989 г.

Почему выбор пал на нас?

Думаю, оттого, что мы — не политики, не состоим на государственной службе, даже не члены коммунистической партии и наш приезд не носит политического характера. Изучаем проблемы Южной Африки, значит есть основа для встреч, обсуждений и с общественностью ЮАР, и с учеными.

Приглашение прислал Алекс Борейн. Но, конечно, это было решение его коллег.

Тут стоит немного сказать об Алексе Борейне, чтобы понять, какие люди решили пригласить первую делегацию из Москвы, поскольку его общественно-политическая судьба типична для многих деятелей этого института и вообще для Объединенного демократического фронта.

Алекс Борейн родился в 1930 г., начинал свою деятельность как пастор методистской церкви. В 1965-м вступил в Прогрессивную партию. В этой партии, наиболее демократичной из всех, допущенных в парламент, ему поручили устанавливать связи и со-

трудничество с организациями африканцев, цветных и индийцев. Он в первую очередь занялся вопросом: как улучшить жизнь и работу небелых шахтеров в горной промышленности.

Дважды отказывался баллотироваться на выборах в парламент. Затем на выборах в 1974, 1977 и 1981-м годах проходил в парламент, причем со все возрастающей поддержкой избирателей. В парламенте он старался добиться законов об улучшении условий труда в горной промышленности и в этом заметно преуспел.

В 1986-м в знак протеста против карательных мер правительства во время восстания африканцев в Соуэто он отказался от парламентского мандата и отправился за границу собирать средства для создания организации, которая должна выступить за демократические реформы. Ему удалось получить общественную поддержку и внутри страны, и за рубежом. Удалось собрать материальные средства. И он помог Фан Зейлу Слабберту создать Институт демократической инициативы Южной Африки (ИДАСА). Провозглашенная цель: отвергнуть политику апарtheid и найти пути к демократическому развитию.

Борейн добивался проведения встреч ряда общественных деятелей ЮАР, в том числе парламентариев, с Африканским национальным конгрессом и другими официально запрещенными организациями. Такие встречи невозможно было проводить в самой ЮАР, и они состоялись за ее пределами: в Лусаке (Замбия) в 1985-м, затем в Дакаре (Сенегал), в Париже, в Леверкузене (Германия) и других местах.

* * *

Официально ехать в качестве научной делегации нам было нельзя: ООН объявила бойкот научным связям с ЮАР. Так что мы могли поехать лишь от общественной организации — от Комитета солидарности стран Азии и Африки. Хотя и у нас, и в ЮАР было понятно, что мы — в первую очередь — историки-африканисты.

Одного лишь приглашения по тем временам было мало. Требовалась санкция Международного отдела ЦК КПСС (хотя мы беспартийные). В Международном отделе отнеслись с пониманием. Потребовалось согласие АНК. Оно немедленно пришло. Но дело на этом не закончилось. Потребовалось согласие ОДФ. Я написал письмо в Лусаку тем, кому я в Москве читал когда-то лекции по истории

Африки. Пришла поддержка от ОДФ, вопрос был окончательно согласован. И согласие Международного отдела ЦК получено.

Программа поездки — насыщенная. По дороге туда и обратно — Замбия, Зимбабве, Ботсвана. Две недели в самой ЮАР: Йоханнесбург, Претория, Кейптаун, Дурбан, Порт-Элизабет, университетские города Грейамстаун и Стелленбош. Посещение Соуэто и других *черных* тауншипов. Посещение *шантитаунов*, городских поселений африканской бедноты. Встречи с наиболее известными общественными деятелями. Участие в собраниях и митингах.

Фантастика! Что-то небывалое! Сколько наших старших коллег мечтали о такой поездке! Ни один из них — тех, кто изучал Южную Африку, так и не повидал ее своими глазами. Не довелось побывать на Юге Африки ни Эндре Шиду, который написал в 1929 г. первую программу развития африканистики в нашей стране, ни А.З. Зусмановичу и И.И. Потехину — тем, кто вместе с Э. Шиком на рубеже 1920–1930-х гг. изучали Южную Африку и преподавали студентам, приезжавшим оттуда в Москву. Не побывали там ни В.Я. Голант, опубликовавший свою первую статью в 1940 г., а затем переводивший на русский язык наиболее интересные зарубежные книги о Южной Африке, ни Д.А. Ольдерогге — патриарх отечественной африканистики. Все они ушли из жизни, так и не увидев страну, которой занимались много лет. В 1989 г. были еще живы И.П. Ястребова, изучавшая экономику Южной Африки с конца 1930-х гг., М.Б. Рабинович, защитивший диссертацию об истории Южной Африки в 1941 г., А.Л. Витухновский, защитивший в 1949 г. диссертацию «Россия и Англо-бурская война». Но, узнав потом о нашей поездке, радовались, что нам так повезло в том, о чем они и мечтать не могли.

«Манит, звенит, зовет, поет дорога...»

Влетели из Москвы 3 декабря 1989-го. Как раз накануне, 2 декабря, Михаил Горбачев и Джордж Буш объявили о завершении холодной войны.

И все замелькало, как в калейдоскопе: бесконечные перелеты, переезды, встречи, интервью.

4 декабря. Лусака — столица Замбии. Здесь находится штаб-квартира АНК, запрещенного в ЮАР. Встреча с его руководством —

Альфредом Нзо, будущим министром иностранных дел в правительстве Манделы, и другими членами исполкома АНК; с руководителями департаментов АНК. С Джо Слово, генеральным секретарем Южно-Африканской компартии.

5 декабря. Встречи с членами Национального исполкома АНК Палло Джорданом и Джосайей Джеле. (Джордан впоследствии, после прихода АНК к власти, стал министром культуры и образования). Нзо, Слово и Джеле мы знали — в Москве они бывали, и подолгу. С Джорданом встретились впервые. В Москве он не бывал. В 1960-м его отец, Арчибальд Джордан, хотел вместе с семьей приехать в Москву, но его не приняли, припомнив ему якобы троцкистское прошлое в 1930-х. Так что Палло получил образование в Соединенных Штатах.

В тот же день мы встретились с сотрудниками советского посольства в Лусаке. Затем перелет в Зимбабве. Там надо было получить визу в ЮАР. В СССР получить ее, естественно, было нельзя, так как не было дипломатических отношений. В Зимбабве посла и консула ЮАР нет, однако экономические связи существовали, хотя и не афишировались. У Зимбабве и выхода не было: импорт и экспорт страны издавна шел через порты ЮАР. Существовали и другие связи, так что в Хараре работало экономическое представительство ЮАР, которое выполняло и дипломатические функции и выдавало визы.

Мы пришли к торговому представителю. Фамилия его была Нел (имени не помню), по национальности африканер. С визами проблем не было. Очевидно, Нел уже получил инструкции из Претории. Но решил преподать мне урок африканерской истории: «А Вы знаете, что мой народ, восстав против британского колониализма, стал первым в истории всемирной антиколониальной борьбы?»

Я ответил: «Глубоко уважаю ваш народ. Но ведь жители английских колоний в Северной Америке поднялись против британского господства задолго до событий в Слахтерс-Нек».

Он был поражен, что в России знают название Слахтерс-Нек (в том месте в 1815 г. было первое выступление буров против англичан). Для буров оно значит очень много, но за пределами ЮАР особой известности не получило.

На этом встреча закончилась. Но в тот же день — вторая встреча. Обед в респектабельном Хараре-клубе, где часто обедали и

представленные в Зимбабве дипломаты. Мы оказались там потому, что советское посольство устроило нас в гостиницу при Хараре-клуб.

Мы уже обедали, когда пришел Нел и собирался сесть за соседний столик, где сидели его сотрудники или знакомые. Увидев меня, обомлел. Очевидно, он никому не говорил, что встречался с советскими и даже дал им визы. А тут, поди ж, придется объяснять. И он нашелся — слегка кивнул мне: «Хеллоу, мистер Джонс».

Сел и больше уже в нашу сторону ни разу не посмотрел.

Вечер 5 декабря и весь следующий день были заполнены встречами.

* * *

Назавтра — наконец ЮАР. Йоханнесбург. На аэродроме уже ждут журналисты. Да не только они! Буквально толпа. Даже наши соотечественники — россияне — из разных волн эмиграции.

Как же, сенсация! Первая делегация из СССР! Интервью прямо тут же, в аэропорту, под громкие объявления: «Самолет из Виндхука прилетает...», «Рейс на Лондон объявляется...». Вопросы сыплются — и про Горбачева, и про политику СССР на Юге Африки, и про Анголу...

О нашем приезде южноафриканские газеты сообщали заранее. Даже о Центре африканских исследований Института всеобщей истории и о кафедре африканистики МГУ, где мы работали. Что мы там делаем, чем интересуемся, на что обращаем внимание в ЮАР. И не только английские газеты. Одна из африканерских газет за неделю до нашего приезда дала большую статью «Первые русские приезжают в Южную Африку» с подробными сведениями о нас обоих, о Комитете солидарности, о численности студентов из Азии и Африки, обучающихся в Москве. Наших фотографий на южноафриканской земле, естественно, еще не могло быть. Дали фотографию Ирины Ивановны с Дженни Борейн, женой Алекса Борейна, оставшуюся у Дженни со времени ее визита в Москву⁷.

Интервью, которые мы дали на аэродроме, да и потом, появлялись в газетах зачастую под одним и тем же заголовком: «Из

---

⁷ Vrye Weekblad. Johannesburg, 1989. Dec. 1.

России с любовью» (название популярной тогда на Западе и в ЮАР книги о Джеймсе Бонде). Наверно, многие по ней и составляли представление о России, как когда-то молодые россияне узнавали о Юге Африки по романам Буссенара, Хаггарда и Жюль Верна. В ЮАР она была довольно долго запрещена, видимо, из-за названия. Теперь этим названием газетчики привлекали внимание к нам.

Еще до нашего приезда в газетах появилось объявление:

Публичный митинг ИДАСА

Перестройка: что это означает в Советском Союзе?

Как это повлияет на Южную Африку?

Советские ученые

Профессор Давидсон Аполлон,

Профессор Ирина И. Филатова

Из Московского университета

Выступят

Место проведения: Зал Сената, 6

Витватерсрандский университет

Дата: четверг, 7 декабря

Время: вечером, в 7:30

На митинг пришли 300–400 человек. Больше двух часов мы отвечали на вопросы. В аудитории царят взволнованное возбуждение и доброжелательность. Ни одного враждебного вопроса, ни одного недоброго замечания. Ведь само наше появление в стране подтверждало, что наступают перемены, режим отступает. Собралась публика, близкая к ОДФ. Пришли узнать, расспросить да и просто впервые посмотреть на людей из России, которых правительство десятилетиями представляло монстрами. Спрашивали обо всем, но больше всего интересовала перестройка и изменения в политике СССР.

Чтобы не сорвать программу и увести нас на следующие мероприятия, организаторы пустились на хитрость: они продолжали что-то говорить и объявлять, а нам сказали: «Выходите и бегите к машине, а то вас отсюда не выпустят». Мы вышли и побежали. Слушатели, поняв, что происходит, ринулись за нами. Эта сцена до сих пор стоит перед глазами: мы бежим по длинному пустому коридору, а за нами бегут люди, которые еще что-то хотят спросить, уточнить. Уже у машины нас нагнала пара русских эмигрантов.

Они успели лишь сунуть мне в руку записку с номером своего телефона и просьбой позвонить. Мы им позвонили, потом встретились, поговорили.

Всех встреч за три с половиной дня в Йоханнесбурге и не перечислить: разумеется, с коллективом ИДАСА, с руководством ОДФ, с лидерами радикальных организаций черного населения. С Уолтером Сисулу и Ахмедом Катрадой, лидерами АНК, которых только что освободили после многолетнего заключения. В дом Сисулу все время шла толпа, как в храм. Этот человек был исполнен достоинства и дружелюбия. Он очень интересовался изменениями в СССР и, несмотря на занятость, провел с нами много времени. Потом мы поговорили с его женой Альбертиной. Она была одним из «патронов» ОДФ. В присутствии мужа держалась на заднем плане, но произвела впечатление сильной, мужественной и мудрой женщины.

Встречи с известными общественными деятелями либерального направления. С региональным руководством женской либеральной организации «Черные шарфы». С Хелен Сузман, видным политиком из Демократической партии, с руководством этой партии, с директором Института расовых отношений Джоном Кейн-Берманом, с журналистом Алистером Спарксом, с известной писательницей Надин Гордимер (вскоре она стала лауреатом Нобелевской премии по литературе), с видными религиозными деятелями, выступавшими против апарtheid, прежде всего с Бейерсом Нодие.

Естественно, встречи в университете: на кафедре социологии и в Центре политических исследований, которым заведовал социолог Лоренс Шлеммер. Он предложил нам задавать также свои вопросы. О будущем Южной Африки ответы давали чернокожие преподаватели и ученые. Их было тогда еще мало, и все они были молоды. Головы присутствовавших неизменно поворачивались к ним, как только речь заходила о том, что ожидается в ближайшем будущем.

На следующий день после нашего приезда в Витватерсрандском университете, одном из крупнейших университетов ЮАР, началась Конференция за демократическое будущее. 4462 делегата от 2138 организаций самого различного характера: общественно-политических, профсоюзных, региональных, даже спортивных. Организована она была ОДФ. И хотя сама эта организация была уже запрещена, представители ее присутствовали на подиуме.

Считалось, что делегаты представляют 15 млн жителей ЮАР. Зулусская партия Инката, с которой у ОДФ шла в провинции Натал настоящая война, на конференции представлена не была. Основная идея конференции — протест против режима апарtheidа и обсуждение возможностей будущего демократического развития.

Важнейший из принятых документов — декларация. В ней говорилось, что ЮАР должна найти выход из «хаотичного» состояния.

«Правление меньшинства стоит у власти вопреки воле большинства; оно преступно угнетает наш народ; экономика полностью разрушена; страдания нашего народа растут с каждым днем — безработица, низкая зарплата, высокая плата за жилье; ужасные условия жизни...

Неприемлемо никакое правительство меньшинства; апарtheid должен быть полностью упразднен; должна быть создана объединенная, демократическая, нерасовая Южная Африка; мы будем продолжать сопротивление апарtheidу, не повиноваться ему и активно ликвидировать его любой ценой».

Для осуществления этих идей декларация призывала:

«Активизировать все части общества — черных и белых — для объединенных действий всех сил, борющихся против апарtheidа.

Добиваться максимального единства этих сил и продолжать требовать, чтобы международное сообщество усилило свои действия для изоляции правительства де Клерка».

Широкая поддержка этих требований, в том числе и за рубежом, делала конференцию исторической.

В обширном отчете о конференции, опубликованном в газете *New Nation*, отмечались выступления двух иностранных участников: «Заместитель министра иностранных дел Норвегии Кнут Волленбек зачитал заявление о поддержке его страны, а советский профессор Ирина Филатова заявила о поддержке советского народа»⁸.

Нашему участию в этой конференции и во встречах в Витватерсрандском университете печать уделила большое внимание. Множество цитат из выступлений, наши фотографии, мелькали

---

⁸ A New Era dawns // *New Nation*. 1989. Dec. 15–19. P. 6–7; *Sunday Star*. 1989. Dec. 10. P. 2.

слово «гласность»: «Южноафриканцы получили на этой неделе своевременный урок гласности в Витватерсрандском университете, когда советские граждане обращались в этой стране к публичному митингу впервые с 1950-х гг.»⁹.

Рассказывалось, как на одной из встреч нам напомнили о взаимных обвинениях, которыми обычно обменивались марксисты с приверженцами других идеологий, и хотели втянуть нас в спор. Но «профессора терпеливо выслушали все это и продолжили отвечать с невозмутимой откровенностью», и наши ответы сопровождались аплодисментами.

В газете привели, например, мои слова, что изучение многих проблем Советского Союза «помогло нам лучше понять эти проблемы и в их южноафриканском контексте»¹⁰.

Нас провезли по Соуэто, самому большому тауншипу для африканцев. Показали дом Манделы, в котором он жил до ареста. Поразило, насколько ситуация в Соуэто контролировалась ОДФ: без сопровождения мы бы никуда не попали и ничего не увидели бы. Удивило, насколько неодинаков достаток жителей. Конечно, там не было тех вилл с бассейнами и садами, которые мы видели в белых районах, но все же, помимо нищих лачуг, были и хорошие дома.

* * *

10–12 декабря — Претория, столица. Участие в публичном митинге в африканском тауншипе Сошангуве. Там нас впервые спрашивали, коммунисты ли мы. После митинга молодежь долго танцевала воинственный танец той-той под песни, прославлявшие коммунистов.

В Сошангуве мы заночевали в доме одной семьи. Дом большой: три спальни, гостиная, ванная (где, правда, не было горячей воды), гараж. Приняли нас гостеприимно, детей отправили спать в гараж, чтобы освободить для нас место. Спросили, как мы живем в Москве. Мы честно рассказали: комнат меньше, но и обитателей меньше, есть горячая вода, но нет гаража. Позже мы узнали, что нам не поверили: ведь в стране социализма все должно быть неизмеримо лучше.

---

⁹ A New Era dawns...; Sunday Star...

¹⁰ Ibid.

Побывали в индийском поселке, весьма, по нашим понятиям, зажиточном, и в поселке для беженцев из Мозамбика. Как бы ни было плохо положение африканцев в ЮАР, туда все-таки приезжали в поисках работы и убежища люди из соседних стран, где по разным причинам было хуже.

Беседовали с сотрудниками Института Африки, с преподавателями заочного Университета Южной Африки. Побывали в отделе Восточной Европы МИД ЮАР.

В Доме-музее Крюгера увидели подарки, которые посылали из России бурам во время Англо-бурской войны. Огромную братину — чашу для вина вместе с большими листами добрых пожеланий бурам. На листах — подписи десятков тысяч россиян.

Посмотрели и на гордость буров — памятник фуртреккерам — бурам, которые в трудных походах осваивали эти места.

И в Йоханнесбурге, и в Претории нам хотелось повидать очень многое. Все-таки Йоханнесбург — центр экономики, промышленности и торговли всей Южной Африки. Да и на всем Африканском континенте — крупнейший. И город буквально построен на золоте. С 1886-го, с открытия здесь крупнейших в мире месторождений золота, началась та золотая лихорадка, тот массовый приток людей со всего мира, который привел к созданию Йоханнесбурга и стремительному росту промышленности. А Претория — важнейший научный и культурный центр. Сколько же памятников прошлого, сколько интересных музеев в обоих этих городах! Но времени посмотреть у нас не было. Нас ждали новые поездки, новые встречи, новые выступления.

* * *

12–16 декабря — Кейптаун.

Как я мечтал в детстве повидать этот город! Ведь мы, школьники, пели песню «В Кейптаунском порту». Слышал, что сочинил эту песню такой же ленинградский школьник, только чуть постарше. Начитался я стихов Киплинга, романов Райдера Хаггарда, Луи Буссенара. Читал и «Фрегат Паллада» Гончарова — его зарисовки о Кейптауне.

И попав сюда, хотел пройти по крепости — она построена еще до нашей Петропавловской. Погулять по улицам, по которым еще в начале 1770-х ходили российские ссыльные, бежавшие с

Камчатки. А потом — кто только по ним не ходил! Моряки с кораблей, которые плыли из Кронштадта в Русскую Америку. Российские добровольцы, решившие помогать бурам в Англо-бурской войне. Здесь англичане лечили Гучкова, которого они же в той войне и ранили.

Но, конечно, времени толком поглядеть город у нас не было.

Жили в самой знаменитой гостинице Maunt Nelson («Гора Нельсона»). Администратор не преминул сообщить, что там оставались Уинстон Черчилль, его тетя Сара, которая приехала в Кейптаун еще раньше, Артур Конан Дойл, Редьярд Киплинг и другие знаменитые англичане.

Снова пресс-конференции. Встреча с сотрудниками центрального аппарата ИДАСА. Встреча с ректором Университета Западного Кейпа. Семинар «Африканистика в СССР» в Центре южноафриканских исследований Кейптаунского университета. Встреча с руководительницей «Черных шарфов». Газета *Cape Times* сразу же откликнулась на наш приезд благожелательной статьей¹¹.

13 декабря в магазине «Кларкс», крупнейшем книжном магазине Кейптауна, устроили презентацию английского издания моей книги «Сесиль Родс и его время», вышедшей в Москве только что — в конце 1988-го.

14 декабря часть дня провели в Стелленбошском университете, одном из лучших университетов ЮАР, рядом с Кейптауном. Там состоялся публичный митинг. На вечере у профессора Вилли Брейтенбаха познакомились с профессорами Йоханом Дехенаром, Янни Хахиано и другими. Встретились с писательницей Линой Спиз. Ее рассказы уже переводили на русский язык и издавали в СССР.

Познакомились с Филиппом Нелом, директором Центра советологических исследований университета. Нам говорили, что он тесно связан с властями и работает на военную разведку. Но книги и журналы Нел издавал объективные, и Центр под его руководством был активен и вел неплохую работу.

Из Стелленбоша — опять в Кейптаун. 15–16 декабря — поездки по тауншипам и шантитаунам Ньянга, Каелитша, Лусака, Кроссрудс и другим. Сюда без военизированного сопровождения молодежи ОДФ мы бы не могли попасть.

---

¹¹ *Cape Times*. Cape Town, 1989. Dec. 10.

Странное это было зрелище: к главному входу шикарного Maunt Nelson подъезжал разбитый грузовичок с парнями от 15 до 20 лет в военизированных одеяниях, многие — с оружием. Грузовичок ехал за нашей машиной или впереди нее, и по тауншипам мы ходили в сопровождении этой молодежи. Это была и защита, совершенно не лишняя, и контроль: что мы делаем, куда идем, с кем говорим.

В одном из шантитаунов впервые заглянули внутрь лачуг. Поразила не бедность — она была ожидаема, — а ужасный воздух и количество мух. Бич шантитаунов — антисанитария. Ни одного дерева...

* * *

16–18 декабря — Порт-Элизабет. По приезде в гостиницу поздно вечером администратор сказал нам: «Должен вас предупредить. Видите вон ту машину? Машина с нездешним номером и с незнакомыми людьми. Они приехали вчера и остановились напротив ваших окон. О себе никак не дают знать. Будьте осторожны». А как быть осторожными? Что делать? Так что ночь была тревожной. Но ничего не произошло.

На следующий вечер — публичный митинг в помещении ИДАСА. Начался он с того, что один из пришедших заявил: «Организация Объединенных Наций и весь мир объявили академический бойкот ЮАР. Мои друзья, ученые из Америки, не могут приехать. А как вы тут оказались, зачем приехали?»

Обстановка сразу накалилась. Но встал Мкхусели Джек, один из руководителей ОДФ в Порт-Элизабет, и резко ответил, что ОДФ отменил для нас бойкот. Затем все пошло как обычно, как в других городах: вопросы, ответы, свободное обсуждение. (Через несколько лет мы случайно встретились с человеком, задавшим этот вопрос. Преподаватель музыки, он был тогда обижен тем, что были трудности с приглашением его друзей, американских ученых, но против нас лично ничего не имел.)

18 декабря — университетский городок Грейамстаун, Университет Родса, небольшой, но влиятельный — его иногда называли «южноафриканский Оксфорд». Там был проведен семинар с историками, состоялись беседы с заведующим кафедрой истории Родни Давенпортом, с Питером Вейлом и другими преподавателями.

В тот же день — опять Порт-Элизабет. Встреча с Гованом Мбеки и Раймондом Мхлабой. Оба — только что освобожденные

лидеры АНК. Мбеки к тому же историк, одну из его работ перевели в СССР. Он — отец Табо Мбеки, ставшего впоследствии президентом ЮАР. Но последние перемены в политике СССР у них, в отличие от Сисулу, вызывали недоумения.

По плану ИДАСА мы должны были ехать из Порт-Элизабет в провинцию Натал, в город Дурбан, но вместо этого вернулись в Кейптаун. Ситуация была для нас непростой. В плане визита стояла встреча с Бутелези, лидером зулусской партии Инкаты. Но ОДФ, а потом и АНК, вели борьбу против Инкаты за влияние в стране зулусов. Встретиться с Бутелези значило обидеть ОДФ. А поехать в Дурбан и не встретиться с ним — невозможно. Бутелези был в провинции Натал крупнейшей политической фигурой.

Мы решили спросить у правительства разрешения на встречу с Нельсоном Манделой, который был еще в тюрьме: если разрешат увидеть его, то, по крайней мере, ОДФ не сможет упрекнуть нас в том, что мы встретились с лидером Инкаты, не повидав лидера АНК. Но встречу с Манделой нам не разрешили, так что пришлось пропустить Дурбан.

19–21 декабря мы провели в Кейптауне, 21–22 декабря — снова в Йоханнесбурге. Встречи, беседы, пресс-конференции. Снова беседовали с Надин Гордимер. Встречались с Д. Кейн-Берманом, директором Института расовых отношений. (Впоследствии мы оба стали членами этой неправительственной организации).

Добрые дружеские проводы на аэродроме. И домой...

Впечатления

За две недели мы побывали почти во всех крупнейших городах, во всех крупнейших университетах, повидали крупнейшие пригороды для африканцев и трущобные поселения. Почти ежедневно выступали на массовых собраниях и многолюдных конференциях. Неизгладимое впечатление произвел Уолтер Сисулу, один из самых известных лидеров АНК, его лишь несколькими неделями раньше выпустили после многолетнего заключения. Какое же достоинство и отсутствие озлобленности!

Познакомились с теми анковцами, кого только что освободили вместе с Уолтером Сисулу: Гованом Мбеки, Раймондом Мхлабой, Ахмедом Катрадой.

Встречались с лидерами Демократической партии, Капской лиги действия, организаций «Черные шарфы» и «Черное самосознание».

Сколько интересных людей! Кто-то, как показалось, был вполне откровенен, кто-то сдержан. В Соуэто и других африканских поселках прямо говорили о своих невзгодах. Фан Зейл Слабберт и Кейн-Берман анализировали расовую проблему ЮАР. Надин Гордимер откровенно говорила и об этом, и о судьбах своих предков в России, которым приходилось жить в черте оседлости. Писатель Джон Куцие (ему, как и Надин Гордимер, позже дали Нобелевскую премию) больше молчал, но, как нам говорили, это была его обычная манера держаться: мыслями он предпочитал делиться в своих романах.

Бесконечные перелеты, переезды, собрания, выступления, встречи не дали времени, возможности толком ознакомиться с теми городами, в которых мы побывали, прочувствовать особенности их облика, вдоволь налюбоваться.

Не могу сказать, что влюбился в Йоханнесбург, важнейший промышленный центр всей Африки. Бурный, шумный. Очень деловой. Претория, хоть и столица, куда спокойней. В каких-то кварталах, улицах, даже чем-то патриархальна, сохранила дух девятнадцатого века.

Но Кейптаун! Он сразу стал одним из моих любимых городов. Столовая гора, старинная крепость, многообразная архитектура. Два океана! Мыс Доброй Надежды!

Я знал, что времени выкупаться у меня не будет, но все же, приехав в гостиницу, первым делом спросил: «А где у вас тут поплавать?» «Да где хотите. До Атлантического на машине пятнадцать минут. Но там вода холоднее. А до Индийского минут тридцать».

Может, с этого и началась моя любовь к этому городу, хотя выкупаться тогда так и не удалось.

А в целом страна — какой мы ее видели с самолета, из автомобиля, — поразительно хороша. Горы, которые так и зовут взобраться, поглядеть с их высоты. Долины рек. На сотни километров — вельд (по нашему — степь). Невиданные у нас деревья. Пингвины.

Но все это, повторяю, лишь мельком, одним глазом, второпях...

Двух недель бесконечно мало, чтобы разобраться всерьез. Ведь встречались в основном с интеллигенцией. Бывали в Соуэто и других тауншипах. Но всегда накоротке, да и общение зачастую через переводчиков с языков коса или зулу. А буров-фермеров вообще не видели.

Молодая женщина, активистка молодежного крыла Трансваальского отделения ОДФ говорила нам: «Переговоры — это не захват власти. А мы хотим всю власть». По ее словам, африканская молодежь не хотела переговоров и была убеждена, что победа не за горами, если АНК даст им достаточно оружия.

Так что воинственные настроения, конечно, были. Перед нами, иностранцами, их не демонстрировали, наверно, из-за опасений перед властями, полицией. За собраниями, митингами, которые устраивались в связи с нашим приездом, полиция, конечно, следила. Да и не только полиция. Ведь мы — иностранцы, и главное — из СССР.

Все же общее впечатление составилось. Но сложное. В моей голове издавна — пророчества европейских политологов: ЮАР похожа на котел с раскаленной гремучей смесью, и его наглухо держит тяжелая крышка. Стоит ей хоть чуть-чуть сдвинуться, и произойдет взрыв. Гнев черного населения, накопившийся столетиями против белых, яростно выплеснется на угнетателей, и тут уж им не позавидуешь.

Я помнил это пророчество. Но в те немногие минуты, когда оказывался на улице не в автомобиле, а в толпе прохожих, не чувствовал в глазах африканцев ненависти к себе как к белому. Наоборот, встретишься с ними глазами, и они улыбнутся тебе.

Так-то так. Но ведь и в России, бродя по улицам Москвы или Петербурга в 1917-м, можно ли было предвидеть, что совсем вскоре почти все помещичьи усадьбы будут сожжены, и зачастую самими крестьянами? Что начнется гражданская война, и миллионы погибнут или покинут страну?

Отрадно уже то, что ненависти к нам я не увидел. А ведь мы были посланцами из страны, против которой пропаганда десятилетиями нагнетала неприязнь. Не только в первые дни, но и во все время нашего визита относились к нам на удивление доброжелательно как люди, с которыми мы встречались, так и пресса.

Вот из статьи в самом влиятельном еженедельнике: «Это из Советского Союза первые, кто за последние сорок лет выступили на публичном митинге в Южной Африке. В Претории и Йоханнесбурге они встречались с большими группами ученых из ЮНИСА, Ранд африкаанс юниверсити и университетов Претории, Западного Кейпа, Стелленбоша и Кейптауна. Они встречались и с обитателями тауншипов, членами различных организаций.

По словам Давидсона и Филатовой, они вынесли впечатление, что Южную Африку и Советский Союз, при всех их различиях, «объединяет многоплановость и сложность их проблем»... Филатовой аплодировали стоя, когда она обращалась в Витватерсрандском университете к Конференции за демократическое будущее»¹².

Наше пребывание омрачил уход из жизни Андрея Дмитриевича Сахарова. Это произошло 14 декабря, на исходе первой недели нашего пребывания. И сразу же вопросы о нем. Мы увидели, что и в ЮАР, несмотря на явный недостаток информации, этот человек получил признание и уважение.

...Страна ждала крутых перемен. Какими они будут, никто не знал. Мы не узнали всего спектра мнений. Не встречались с министрами и вообще с деятелями властных структур. Не встретились с представителями радикально настроенных политических организаций как белых, так и черных. На встречах и обсуждениях, которые для нас устраивались, преобладала интеллигенция, прежде всего сотрудники университетов. Они не хотели вооруженных противостояний. Но все сходились на том, что переход власти к силам, боровшимся против апартхейда, неизбежен и близок.

Мы ясно видели, что некоторые сферы жизни страны уже контролировал ОДФ, тесно связавший себя с АНК. Его влияние и даже контроль — если не сказать власть, — были очевидны и в тауншипах, и в университетах. Свидетельство тому — и сам факт наших визитов туда и то, что эти посещения, встречи и беседы могли быть организованы. ОДФ в стране был тогда запрещен, и правительство арестовывало некоторых его лидеров. Но люди открыто говорили о нем или о его легальном преемнике — Массовом демократическом движении (МДД).

---

¹² Visiting Soviet Academics on the Changing Soviet Union // Weekly Mail. Johannesburg, 1989. Dec. 15.

* * *

О чем больше всего спрашивали на собраниях и встречах?

О нашей стране. Самое разное. Ведь никто из наших слушателей в Советском Союзе никогда не был (исключение: Алекс Борейн, Алистер Спаркс, Андре Бринк да, может быть, еще один-два человека). Никого из наших соотечественников не видели.

Вопросы — буквально обо всех сторонах советской жизни. Большинство — о переменах, о Горбачеве. События последних дней, животрепещущие и здесь, в Йоханнесбурге, Претории, Кейптауне. В дни нашего приезда в Йоханнесбурге все газеты обсуждали переговоры Михаила Горбачева с Джорджем Бушем на Мальте 2–3 декабря. Их встреча завершилась объявлением, что холодной войне пришел конец.

Подтекст, а то и открытый смысл вопросов... Как это может отразиться здесь, в Южной Африке? И вообще — как перемены в СССР могут сказаться во всем мире и тут, в Африке?

Иными словами: что такое перестройка и видим ли мы здесь «преториястройку».

Расспрашивали о связях Москвы с Африканским национальным конгрессом и Южно-Африканской компартией. Вопросы задавали сдержанно: ведь обе эти партии еще были под запретом. И было понятно, что большинство собеседников знают об этих партиях, в сущности, мало. Неудивительно. Мы в Москве многие годы встречались с политэмигрантами, лидерами обеих этих партий. А здесь, в самой ЮАР, у наших слушателей такой возможности не было. Так что многие имена, события, документы АНК и компартии — те, что были у нас, что называется, на виду и на слуху, оказались им внове.

Среди наших слушателей почти всюду были и выходцы из Советского Союза — давние и недавние иммигранты. Вопросы они обычно задавали уже после общей встречи, дав высказаться коренным жителям. Подходили, рассказывали о себе. И вопросы у них были несколько иные. Например:

— Вот 5 декабря СССР, Венгрия, Польша и Восточная Германия признали ошибкой ввод своих войск в Чехословакию в 1968 г. Что это может значить? Как это отразится вообще на взаимоотношениях внутри лагеря социалистических государств?

Были в Йоханнесбурге и выходцы из Прибалтики. Они хотели узнать подробности о массовых демонстрациях и митингах протеста, которые проводились 23 августа, в день 40-летия пакта Риббентропа—Молотова. И о той живой цепи протеста, которая окружила Эстонию, Латвию и Литву, длиной в 560 километров.

Главные вопросы:

— К чему это приведет? Например, в конце сентября Верховный Совет Литовской ССР объявил незаконным присоединение Литвы к СССР в 1940 г. А в октябре Народный фронт Латвии объявил, что добивается выхода из состава СССР. Чем это может кончиться? Будут ли репрессии против этого или нет?

— А цепочка-митинг вокруг здания КГБ на Лубянке в День политзаключенных, 30 октября, как это понять? И что такое общество «Мемориал», которое этот митинг организовало?

— А что значит указ Верховного Совета СССР о восстановлении советского гражданства Ростроповичу, Вишневской, Войновичу? И как это может отразиться на отношении Москвы к другим эмигрантам — к нам, тем, кто осел тут, в Южной Африке?

— А декларация Верховного Совета о признании незаконными и преступными репрессии против народов Кавказа и Крыма, которых в конце войны насильственно переселили в Среднюю Азию?

Могли мы на все это ответить? Тогда, в канун 1990-го, могли ли мы, да и вы, мои читатели, представить, что вот-вот произойдет ГКЧП, а затем наша страна распадется на пятнадцать республик? Для нас самих столько было неясного. Мы сами задавали себе эти вопросы. И не скрывали, что многое объяснить не можем. Эта откровенность, мне кажется, вызывала к нам доверие.

Мы были рады рассказать, что за последние месяцы изданы книги, которым раньше не давали дорогу. «Поэма без героя» Ахматовой, «Окаянные дни» Бунина, «Иван Чонкин» Войновича, «Крутой маршрут» Гинзбург, «Все течет» Гроссмана, воспоминания Надежды Мандельштам.

Южноафриканцы большинство этих названий слышали впервые, но наши бывшие соотечественники чуть ли не ликовали.

* * *

Две недели. Это и много, но и очень мало. И хотя мы буквально ни одной свободной минуты не потратили зря, все же раз-

ве поймешь жизнь огромной страны за две недели? И тем не менее мы как-то могли судить о состоянии настроений и умов. В то время вряд ли у кого в нашей стране были такие живые представления о ЮАР.

Уезжая, думали, побываем ли когда-нибудь опять? Увидим ли опять этих людей, а как хотелось бы!

23 декабря — Габороне (Ботсвана). Встреча с советским послом по фамилии Кривда.

24–25 декабря — Лусака. Встречи с Альфредом Нзо, Джо Слово и другими руководителями АНК, членами Национального исполкома, руководителями департаментов. Выступление перед сотрудниками нашего посольства в Замбии.

Вернулись в Москву под новый 1990 г. Что-то он принесет этой стране? И нашей!

...Наши интервью журналам продолжали публиковаться и после нашего отъезда. Большое интервью с нашими фотографиями — в февральском номере журнала *Die Suid-Afrikaan*. Один из вопросов:

— Каковы ваши впечатления о Южной Африке по сравнению с тем, что вы могли думать об этой стране до приезда сюда?

Я ответил:

— Читать — это одно, а увидеть своими глазами — совсем другое. Мы читали много книг о Южной Африке. Шантитауны нас поразили... и убеждают, насколько же общество тут расколото.

— А что вы увидели позитивного?

— Мы встретили многих, кто серьезно озабочен будущим страны, встретили таких людей с обеих сторон. По сравнению с тем, что обычно читали, намного больше людей — чем можно было ожидать, — стремятся сейчас глубоко понять происходящие перемены. Даже в шантитаунах, где условия жизни особенно трудны, мы слышали очень интересные и политически разумные мысли. Особенно в Сошангуве услышали от многих удивительно глубокие соображения.

Журнал дал этому интервью заголовок: «Перестройка приходит в Сошангуве»¹³.

---

¹³ Perestroika comes to Soshanguve // *Die Suid-Afrikaan*. Kaapstad, 1990. Febr. P. 44–48.

Могли ли мы составить вполне достоверное общее представление о происходящем в ЮАР и тем более — о возможных перспективах? Повидав эту страну в считанное число дней, когда и местные-то знатоки терялись в догадках?

И все же — мы увидели страну воочию. Услышали и увидели, как бурлят в ней общественные настроения и как стремительно это бурление нарастает.

...На пути домой снова и снова возвращались к мысли, что нам, в нашей стране, надо смотреть и пересматривать, как и из чего складывался и как менялся у нас образ этого африканского далека. Как бы ни было загружено встречами это наше путешествие, но из головы не выходило: с какими же представлениями мы ехали сюда? Насколько они похожи на то, что мы теперь увидели? И как эти представления складывались из десятилетия в десятилетие? И как они диктовались политикой «партии и правительства» и ее переменами. С причинами этих перемен. И с судьбами людей — бывало, очень трагичными.

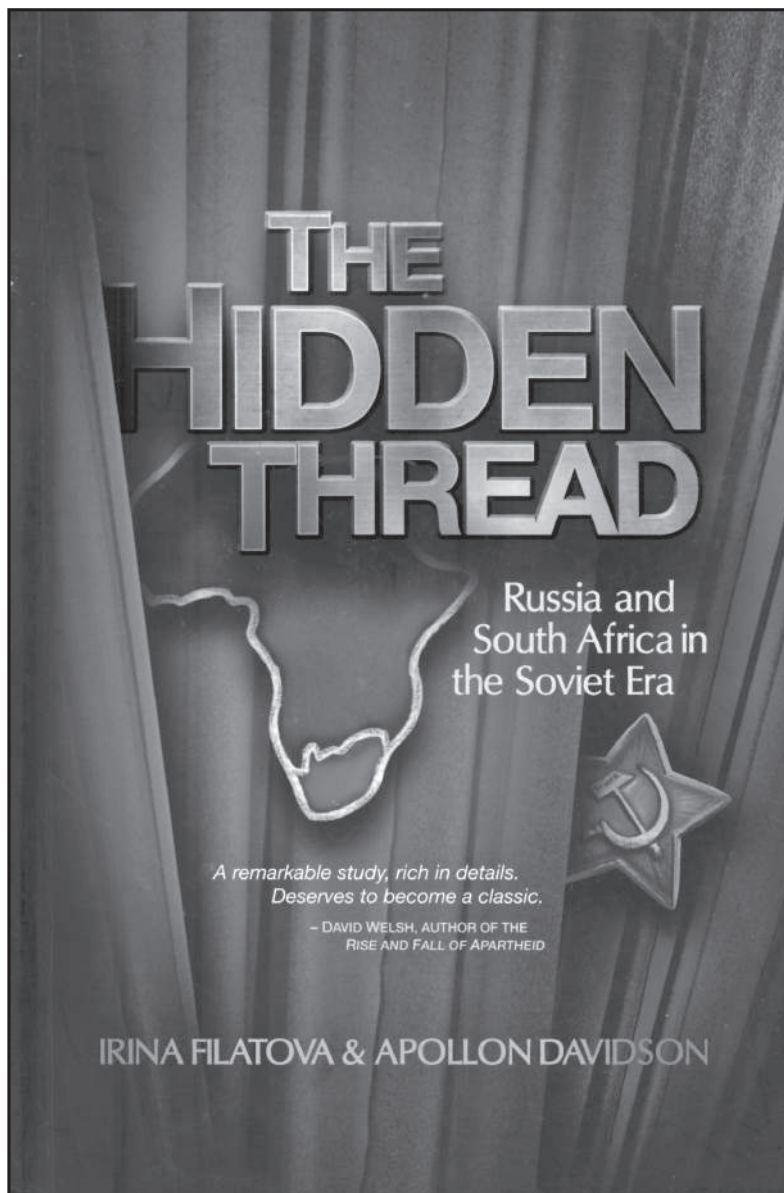
Обо всем этом пришлось думать и по возвращении домой — снова и снова.

НА ДАЛЬНИХ
И БЛИЖНИХ ПОДСТУПАХ

Книга И. Филатовой и А. Давидсона о связях России и ЮАР в советское время.
Издана в ЮАР в 2013 г.

Мне нужно в ту страну.
И поздно или рано
Я зоркую охрану обману.

Булат Окуджава

Вся моя жизнь связана с Южной Африкой. И с историей ее изучения в нашей стране. И с загадками этой истории. И с великими трагедиями. Да, да, были и загадки. Увы, и трагедии.

Путь мой — до появления научных интересов — возник с чтения стихов Николая Гумилева об Африке, его сборника «Шатер», а затем и романов Райдера Хаггарда, Луи Буссенара, с забытым теперь романом Жюль Верна «Приключения трех русских и трех англичан в Южной Африке». И со стихов Киплинга. Этот интерес подогревался тем, что Гумилев был под запретом, его стихи не переиздавали, его имя не принято было упоминать. А все запретное привлекает.

Потом, поступив в 1948 г. в Ленинградский университет на кафедру истории международных отношений, я придумал для своих занятий такую тему: как создавался образ далеких «экзотических стран» в творчестве русских писателей и поэтов начала двадцатого века, и прежде всего тех, кто путешествовал по этим странам: Немирович-Данченко, Андрей Белый, Бальмонт... И, разумеется, Гумилев. Иными словами, то, что теперь именуют Серебряным веком.

Но, как мне сказал декан исторического факультета В.В. Мавродин: «О такой теме не надо и заикаться: все эти авторы, если и не под запретом, то никак не ложатся в лоно официально рекомендуемых».

На дальних...

И я тогда решил заняться историей Южной Африки конца XIX в. Знал ее по стихам Киплинга и романам. Хотел понять, что же было на самом деле, а не только в романтике.

В популярной советской песне конца сороковых были строчки:

Не нужен мне берег турецкий
И Африка мне не нужна.

Не скажу за берег турецкий, но Африка, во всяком случае Тропическая и Южная, не входила тогда в сферу геополитических интересов СССР.

Историей Южной Африки занимались только в Ленинграде. И только три человека. Михаил Борисович Рабинович: перед самой войной он защитил диссертацию о британской попытке захватить Трансвааль в 1895 г. Его аспирант Александр Лазаревич Витухновский в 1949 г. представил диссертацию «Россия и Англо-бурская война». И Вениамин Яковлевич Голант. Он в том же 1949-м представил диссертацию о борьбе африканцев против немецкого господства в германских колониях в начале XX в.

Я тогда же читал эти диссертации... Добросовестные... Но ни одна из них потом так и не была опубликована. Было даже и такое. Защита Голанта прошла вполне успешно, но вскоре ученый совет собрали снова и степень отняли. Почему? Автор «не разоблачил» роль США в эксплуатации африканцев в германских колониях, или — как говорили тогда, — «хищный оскал звериного лица американского империализма». Хотя в конце XIX в. США в германских колониях себя не проявляли.

И Голанту пришлось потом проходить обсуждения диссертации еще не раз. Академик В.В. Струве, придя на очередное обсуждение, сказал Голанту: «По сравнению с Вами даже Одиссей не был страдальцем».

Ну а потом? В 1949-м Рабиновича арестовали. Изучение Африки к этому не имело никакого отношения. Арестовали, как тогда бывало, «ни за что». Реабилитировали через несколько лет. Работу по изучению Африки он уже не продолжил.

Витухновского на работе в Ленинградском университете не оставили. Отправили в Петрозаводск, где, конечно, не было таких архивов и библиотек, которые помогли бы ему продолжить работу.

А Голант вообще был без работы. Зарабатывал только переводами английских книг.

И это все при том, что диссертации явно заслуживали опубликования. Авторы — достойные люди. И участники Отечественной войны.

Почему так получилось? Чем объяснить? В предвоенные и военные годы было не до далекой Южной Африки. А в послевоенные советская политика была занята внедрением влияния СССР в страны Восточной и Центральной Европы. Так что не до далеких краев.

Когда в 1949-м я сказал декану (уже другому, новому), что хочу заняться историей Южной Африки кануна XX в. (т.е. событиями всего лишь полувековой давности), он возмутился: «Мы вас считали толковым студентом, а вас занесло в археологию». Сам-то он занимался текущими событиями: советской политикой создания Германской Демократической Республики.

Поворот — все вдруг

Слышал, что такой приказ у моряков был — или даже есть.

В советской геополитике в 1956 г. такое и произошло: внимание к Востоку и Африке резко возросло. Еще в 1954-м закрыли учебный Московский институт востоковедения (там учился и Примаков). Очевидно, сочли востоковедение не таким уж нужным. А в 1956-м пришлось создать Институт восточных языков (теперь Институт стран Азии и Африки). И вскоре возникли секторы и отделы Африки в Министерстве иностранных дел, в Центральном комитете КПСС, во многих государственных общественных учреждениях и организациях. В том числе и в научных. В 1956 г. резко расширился Институт востоковедения, в нем был создан Отдел Африки — около двадцати человек.

Почему? Руководство СССР, наконец, осознало стремительно растущую роль стран Азии и Африки. В 1960-м возникли 17 новых африканских государств.

Открылся путь к развитию африканистики.

Для меня открылось и другое. Как это ни парадоксально — наше прошлое, которое было напрочь забыто. Не просто забыто, а нарочито предано забвению, вычеркнуто из истории отечественной науки.

Стала вырисовываться страшная загадка, а затем, постепенно и ответ на нее. Трагедии многих людей, наших предшественни-

ков... Оказалось, что Южную Африку и ее историю уже изучали. И не три человека, как в мои студенческие годы.

Африканистика родилась в нашей стране в конце 1920-х годов, и вся, кроме лингвистической части, была уничтожена в несчастном 1937-м, на пике сталинского террора. Не потому, что удар был направлен именно против африканистики, а из-за того, что африканистика в основном создавалась в Коммунистическом Интернационале (Коминтерне), по нему-то и наносился удар.

Большинство африканистов были арестованы, отправлены в ГУЛАГ, расстреляны. В лучшем случае просто уволены. И боялись новых репрессий. И позднее о тех людях — а их было немало, — не принято было говорить, вспоминать о них. Даже те, кто выжил — кого не расстреляли, кого не замучили в ГУЛАГе, — предпочитали помалкивать.

В 1956 г., когда я стал сотрудником только что созданного Отдела Африки Института востоковедения, появились какие-то возможности хоть немного узнать о том страшном прошлом. Возвращались из ГУЛАГа выжившие востоковеды, кого-то из них брали на работу в Институт востоковедения. И я кое о чем услышал, хотя поначалу больше недомолвками.

История этого забытого первого периода отечественной африканистики и первых африканистов меня взволновала. И я старался тогда, с 1956-го, узнать как можно больше, расспросить тех, кто прошел через все это. Хотя отвечали они очень неохотно.

Унесенные ветром

Отношение советского руководства к Африке поначалу проявлялось через деятельность Коминтерна. В Африке хотели разглядеть, а затем усиливать и направлять возможность участия в грядущей всемирной пролетарской революции.

На Южно-Африканский Союз обращали особое внимание: из всех стран Африки только там существовал значительный промышленный пролетариат с 1921 г. — компартия. Южноафриканские коммунисты приезжали в Москву на все съезды Коминтерна. А с конца 1920-х, по рекомендациям Коммунистической партии Южной Африки, приезжали на учебу в Ленинскую школу, а позднее и в Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ).

В начале 1930-х годов в КУТВе создали кафедру Африки, а в коминтерновской Национально-исследовательской Ассоциации национальных и колониальных проблем — Африканский кабинет.

Сейчас трудно поверить, как же много сотрудников Коминтерна занимались тогда изучением политических и социально-экономических проблем Южно-Африканского Союза. Венгр Эндре Шик¹⁴ (он жил в нашей стране со времени Первой мировой войны вплоть до конца Второй; называли его Андрей Александрович *Шийк*). Александр Захарович Зусманович, Николай Михайлович Насонов, Иван Изосимович Потехин, Федор Степанович Гайворонский. К ним присоединились Лазарь Бах, братья Пауль и Морис Рихтеры, уроженцы западных частей Российской империи. Они со своими семьями эмигрировали в Южную Африку, там вошли в компартию, а в начале 1930-х отправились в Москву. Приезжавшие в Коминтерн на учебу южноафриканцы сотрудничали с коминтерновцами. Один из них, зулус Альберт Нзула, написал ряд статей¹⁵, а вместе с А.З. Зусмановичем и И.И. Потехиным — книгу¹⁶.

В контакте с коминтерновцами был ленинградец Игорь Леонтьевич Снегирев. Он принимал участие в конференциях коминтерновцев и учился зулусскому языку у южноафриканцев-студентов¹⁷.

¹⁴ Здесь и далее по тексту написание фамилии — *ШИК*, в цитатах и библиографических сносках — *ШИЙК*.

¹⁵ *Nzula A. The Coloured Workers in South Africa // The Negro Worker. Hamburg, 1936. Apr. Vol. 6. No. 2; Nzula A. The Fusion Movement in South Africa // The Negro Worker. 1934. May. Vol. 4. No. 1; Jackson T. South Africa and the Imperialist War // The Negro Worker. 1932. June. Vol. 2. No. 6; Nzula A. The Struggles of the Negro Toilers in South Africa // The Negro Worker. 1935. Vol. 5. No. 2–3, 4, 5, 6, 10; Джексон Т. Страна алмазов и рабов. М.: Изд-во ЦК МОПР СССР, 1932; Джексон Т. Южноафриканская федерация профсоюзов и работа среди горняков // Красный Интернационал профсоюзов. М., 1933. № 11–12; Джексон Т., Снегирев И.Л. Рабочее движение в Южной Африке // Борьба классов. 1933. № 11. (Том Джексон — псевдоним А. Нзулы.)*

¹⁶ *Зусманович А., Потехин И., Джексон Том. Принудительный труд и профсоюзное движение в странах негритянской Африки. М.: Профиздат, 1933. (Эта книга была издана в Лондоне в английском переводе: Nzula A., Potechin I.I. and Zusanovich A.Z. Forced Labour in Colonial Africa. London: Zed Press, 1979.)*

¹⁷ Результатом стала книга: *Сказки зулу. Izinganekwane* / пер. И.Л. Снегирева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. (Снегирев посвятил ее памяти А. Нзулы.)

Георгий Евгеньевич Гернгрос, автор первой советской книги (а до того ряда статей) о Южной Африке¹⁸, не был сотрудником Коминтерна. И не мог быть. Сын начальника Генерального штаба Российской империи и, конечно, беспартийный. Но в конференциях кафедры Африки он участие принимал, и какое-то сотрудничество, наверное, было.

Перечнем этих людей не исчерпывается список тех, кто в Коминтерне занимался Южной Африкой. Были и тайные эмиссары, которые, в отличие от Зусмановича, Насонова, Потехина, Шика и Гайворонского, повидали Юг Африки своими глазами. Несколько имен потом стали мне известны из архива Коминтерна, который был наглухо засекречен до начала 1990-х. Это Борис Иосифович Идельсон, выходец из Латвии, американцы Джордж Кларк и Юджин Деннис (впоследствии руководитель компартии США), болгарин Боню Петровский (настоящая фамилия Димитров), англичане Джеймс Шилдс и Джордж Харди. Доклад Б.И. Идельсона был направлен даже Сталину. Но, возможно, сотрудников кафедры Африки не ставили в известность о деятельности этих секретных эмиссаров.

* * *

В 1937 г. кафедра была закрыта, большинство ее сотрудников репрессированы: расстреляны или оказались в лагерях ГУЛАГа. Других выгнали с работы. Не потому, что они африканисты, а из-за судьбы всего Коминтерна. В 1937 г. на пике сталинского террора, он был разгромлен (хотя официально ликвидирован лишь в 1943 г.).

Казалось бы, Коминтерн — орудие большевистского влияния во всем мире — необходим Сталину. Но роль Коминтерна для Сталина оказалась совсем не такой, как для Ленина. «Можно ругаться, что победа коммунистической революции во всех странах неминуема... победа Коммунистического Интернационала во всем мире и в срок не чрезмерно далекий — эта победа обеспечена»¹⁹. Так говорил Ленин в марте 1920-го в связи с первой годовщиной

---

¹⁸ Юг. Южно-Африканский Союз. Очерки. М.; Л.: Соцэкгиз, 1931. (Юг — псевдоним Гернгросса.)

¹⁹ Ленин В.И. Речь на торжественном заседании Московского совета, посвященного годовщине III Интернационала, 6 марта 1920 г. // Ленин В.И. Соч. 3-е изд. Т. XXV. М.; Л., 1929. С. 76–77.

Коминтерна. Потом, в конце 1929-го, когда разразился мировой экономический кризис, эти надежды чуть блеснули снова — и угасли.

В 1936 г. Сталин, отвечая американскому корреспонденту на вопрос о мировой революции, сказал, ничтоже сумняшеся: «Таких планов и намерений у нас никогда не было»²⁰. Для Сталина и его окружения Коминтерн был лишь «поставщиком кадров для ведения подрывной и разведывательной работы»²¹.

Коминтерн был создан не Сталиным, и Сталин никогда не считал его своим детищем. Не доверяя никому вообще, он особенно недоверчиво относился к иностранцам и к советским людям, которые общались с иностранцами, пусть даже и по долгу службы.

Коминтерн возглавляли те, кого «хозяин» объявил своими врагами: Зиновьев, Бухарин. И даже расправившись с ними, он сказал Георгию Димитрову (11 февраля 1937 г.): «Вы все там, в Коминтерне, работаете на руку противника»²².

Н.М. Насонов был арестован еще в 1934-м и потом исчез. Ф.С. Гайворонский — в 1937 г. Он долгое время провел в тюрьме и лагерях. Это его надломило. Как говорила мне его жена, он, выйдя из заключения, во время войны сам искал смерти и погиб в первом же бою.

Лазаря Баха и братьев Рихтеров арестовали в 1937-м. Их обвинили в участии в контрреволюционных организациях, контрреволюционной пропаганде и оказании помощи мировой буржуазии. Отправили в концлагерь, а там Рихтеров обвинили в участии в тайной террористической антисоветской организации, якобы созданной заключенными, и в марте 1938 г. расстреляли. Л. Бах скончался (по версии КГБ) 10 февраля 1941 г. Г. Е. Гернгросса арестовали 5 сентября 1937 г. и расстреляли на полигоне в Бутово 10 декабря. Э. Шика арестовали, но продержали недолго. Б.И. Идельсона в 1938 г. расстреляли.

Как же не повезло буквально всем, кто тогда имел хоть какое-то отношение и к Южной Африке! А.З. Зусмановича изгнали из

---

²⁰ Беседа товарища Сталина с председателем американского газетного объединения «Скриппс-Говард ньюспейперс» г-ном Рой Говардом 1 марта 1935 года. М.: Партиздат, 1937. С. 8.

²¹ Пятницкий В. Заговор против Сталина. М.: Современник, 1998. С. 135.

²² Там же. С. 125.

Коминтерна с выговором еще в 1935 г., И.И. Потехина в 1936 г. Может быть, их спасло, что в страшном 1937-м их в Коминтерне уже не было? Не арестовали и И.Л. Снегирева. Но злая судьба не миновала Зусмановича и Снегирева в дальнейшем, когда они уже прошли всю войну. Снегирев был арестован в 1945 г., сослан и вскоре погиб. Зусманович был в тюрьмах и лагерях в 1949–1956 гг. Вернулся с подорванным здоровьем.

Профессора Н.М. Федоровского, который побывал в 1929 г. в Претории на Международном геологическом конгрессе (его книга впечатлений вышла двумя изданиями²³), тоже арестовали.

Какое же наследие оставили эти люди? Конечно, работали они в русле коммунистической идеологии. Целиком ли она соответствовала взглядам каждого из них, теперь уже не спросишь. Они постоянно находились под угрозой «чисток», обвинений в троцкизме и разных «уклонов». Доносительство не было чем-то из ряда вон выходящим. Обстановка сгущалась, приближаясь к 1937 г. Непростыми были отношения в кругу этих первых африканистов. Уже хотя бы потому, что принадлежали они к разным социальным слоям. И уровень образования разный.

Но в целом направление их работы безусловно представляет интерес. В те годы западная африканистика концентрировалась на изучении языков, обычаев, традиций народов Африки. А Коминтерн внес свежую струю: изучение новейших перемен в социальных структурах, становление новых антиколониальных настроений. Источниковой базой для этого служили сведения от приезжавших южноафриканцев.

Африканисты Коминтерна, надо отдать им должное, работали интенсивно. Множество их статей появлялось в различных московских журналах и сборниках. Больше всего — в журнале «Революционный Восток» и (зачастую под псевдонимами) в коминтерновском журнале *Negro Worker*.

Конечно, книги, статьи были разного качества: сказывалась недостаточная образованность многих их авторов. Наилучшие — у Гернгросса и Шика. Они были и старшими по возрасту: Шик родился в 1891 г., Гернгросс в 1892 г.

---

²³ Федоровский Н.М. В стране алмазов и золота. Путешествие по Южной Африке. М.; Л.: ОНТИ, 1924; 2-е изд. М.; Л.: ОНТИ, 1936.

Гернгрос до Первой мировой войны учился в Александровском (бывшем Царскосельском) лицее, получил, как он писал потом в анкетах, «образование юриста и экономиста».

Шик в 1912 г. окончил юридический факультет Будапештского университета. В декабре 1913 г. получил звание «доктор прав». В автобиографии, поданной в 1938 г. в Академию наук СССР, писал, что работал в Ленинской школе и в КУТВе в 1924–1937 гг. «Я специализировался по расовому вопросу и особенно по истории и экономике африканских колоний»²⁴.

Конечно, Шик и Гернгрос работали в том же русле коммунистической идеологии, как и все другие. Но более высокий уровень образования и лучшее знание зарубежной научной литературы сформировали у них более широкий кругозор, более научный подход. Это не раз приводило к тому, что их подвергали критике — и в кругу коллег, и в печати. Так, книге Шика «Расовые проблемы и марксизм», где рассматривались возникшие на Западе расовые теории, журнал «Революционный Восток» дал разгромную отповедь:

«Шийк хочет материалистически объяснить расовые различия и доказать, что по существу все люди — люди. Но, спрашивается, насколько целесообразно у нас, в СССР, печатать книгу, где критикуются десятки реакционных “предлогов” для эксплуатации негров? Что с предрассудками белых рабочих надо бороться, это ясно, но надо ограничиться лишь обычными, “житейскими” предрассудками и для борьбы с ними все же лучше использовать старую литературу. Собственно говоря, доказывать и доказать, что негры — это такие же люди, не является нашей задачей. (Мы должны организовать белых и черных рабочих). Такую задачу должна была выполнить передовая буржуазия, и она выполняла ее кое в чем. Возьмем, например, Генриетту Бичер-Стоу и др. Лучше для нашей партии найти такие сочинения и перепечатать их. Больше пользы будет от них, чем от ученой, скучной, напыщенной чепухи тов. Шийка»²⁵.

В предисловиях к книгам Шика и Гернгроса издательства не раз предупреждали, что точки зрения авторов отнюдь не бесспор-

---

²⁴ Шийк Андрей Александрович. Автобиография, составленная в 1938 г. // Становление отечественной африканистики 1920-е — начало 1960-х. М.: Ин-т Африки, 2005. С. 86.

²⁵ Насонов Н. Расовая проблема и марксизм в понимании тов. Шийка // Революционный Восток. 1930. № 9–10. С. 331.

ны. Для того времени такие предостережения ставили авторов под удар. Если учесть, что Шикю было предъявлено обвинение в троцкизме, а Гернгросса еще в начале 1920-х дважды арестовывали, легко представить, насколько тревожным было их существование.

И все же Шик, поскольку ему не оборвали жизнь, как Гернгроссу, даже после окончания своей деятельности в Коминтерне смог еще немало сделать. Ему удалось найти работу в Академии наук: сперва в Институте истории, а потом в Институте этнографии, и он написал двухтомную «Историю Черной Африки». Сотрудничал с лучшими тогдашними советскими востоковедами. Ему принадлежат главы о Черной Африке в учебниках «Новая история колониальных и зависимых стран» (М., 1940) и «Новейшая история колониальных и зависимых стран» (сдана в издательство за день до начала войны, и так и не была опубликована). Его двухтомная история не была издана в СССР, он увез рукопись в Венгрию, вернувшись туда в сентябре 1945 г. Потом был вынужден оставить африканистику: перешел на дипломатическую работу, стал послом Венгрии в США, а затем и министром иностранных дел. Но, выйдя на пенсию, вернулся к двухтомнику, написал еще два тома и в 1960-х годах издал их все на венгерском, английском и французском языках. На русском они так и не появились, хотя первые тома были написаны на русском языке.

Так вся африканистика, возникшая в Коминтерне, оказалась ликвидирована. Больше того — вычеркнута сама память о ней, потому что была связана с именами репрессированных. Африканистику нигде не поминали. Если она не была целиком изъята из библиотек, все же к ней относились настороженно: можно ли ссылаться на труды репрессированных?

Оказался перечеркнут весь первый период советского изучения Южной Африки. О тех первых африканистах и их работе можно сказать словами известного американского романа и фильма: «унесенные ветром».

Помнить о том периоде, о тех людях совершенно необходимо. Это есть история отечественной науки и история нашей страны через судьбы ее людей. Востоковеды это осознали: глубоко изучили судьбы своих предшественников, условия их жизни и работы, трагедии. Собрали богатейший материал — а это было ой как трудно, он ведь властями скрывался, — и выпустили даже «Биобиблиогра-

фический словарь востоковедов — жертв политического террора» со сведениями о сотнях отечественных востоковедов²⁶.

* * *

...Мне посчастливилось. Шаг за шагом удавалось находить сведения о том периоде и тех людях. Я никогда не был марксистом-ленинцем, отказывался вступать в партию. Идеи Коминтерна не близки мне. Но трагедия тех людей! Их жизни и эта трагедия помогают понять немаловажное в истории нашей страны. И то, что они делали: были ведь у них и интересные подходы и находки.

Я начал собирать сведения о них в ноябре 1956 г. Тогда в Институте востоковедения был создан отдел Африки — первая в Москве большая группа африканистов через двадцать лет после ликвидации коминтерновской кафедры Африки. Там я встретил Зусмановича, его выпустили из ГУЛАГа, и он, приволакивая ногу, пришел работать в тот отдел. В Институте востоковедения оказались и другие бывшие коминтерновцы, вернувшиеся, как и Зусманович. Они не были африканистами, но тогдашнюю атмосферу и тогдашних африканистов помнили. Отвечали на мои вопросы неохотно, все время давал о себе знать неизбежный страх. Но постепенно все-таки удавалось их разговорить.

В середине 1960-х я чудом получил доступ к архиву Коминтерна. Показывали мне далеко-далеко не всё, и то с опаской. Но в начале 1990-х открыли уже очень многое.

В начале октября 1964 г. в Москву после двадцатилетнего перерыва приехал Эндре Шик. Янош Кадар, тогдашний венгерский лидер, попросил Хрущева издать на русском языке «Историю Черной Африки». Издательство «Прогресс», получив такое поручение с «самого верха», попросило меня познакомиться с этими томами и дать свое заключение. Сказали, что по издательским правилам заключение рецензента необходимо, но оспаривать я могу лишь частности, так как издавать все равно будут: ведь указание от самого Хрущева.

Это дало мне возможность несколько раз встретиться с Шиком. Первый разговор начался довольно резко.

---

²⁶ Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб.: Петерб. востоковедение, 2003.

— Я хочу, чтобы книга была издана в таком виде. А вы можете публиковать свои соображения в виде рецензии, где хотите.

Я ответил, что это, конечно, его право, но книга пострадает, если не будут учтены достижения африканистики последних десятилетий.

В какой-то момент Шик бросил даже такую фразу:

— Я министр холодной войны и понять вас не могу.

Причина такой резкости дошла до меня не сразу. Потом уже понял, что должен был чувствовать Шик в тот момент. Мы сидели в гостинице в Плотниковом переулке, неподалеку от бывшего КУТВ, от тех мест, где Шик не раз бывало солоно.

Потом он помягчел, нашелся общий язык. Стал рассказывать о давних коминтерновских временах.

«Историю Черной Африки» на русском так и не издали. Через несколько дней после наших встреч Хрущева изгнали со всех постов, и его указание издательству как в воду кануло.

Но с Шиком у меня пошла многолетняя переписка. На мои вопросы о коминтерновских временах он охотно отвечал.

Может быть, мои расспросы и навели его на мысль написать воспоминания о том времени.

Шик долго колебался. Советовался с лидерами венгерских коммунистов. Он хорошо их знал. Считался среди них патриархом: был старше всех. Ему дали совет: ограничиться лишь судьбами венгерских коммунистов в СССР, а то не дай Бог, прогневаются блюститель идеологии Суслов, и из Москвы грянут громы и молнии.

Шик так и сделал. Писал предельно осторожно, всячески смягчая краски. В разговорах со мной он описывал судьбу венгров, да и вообще коммунистических эмигрантов в Москве куда трагичней. Правда, все же назвал книгу «Ветер лист гоняет». По-русски сказали бы: «Лес рубят — щепки летят».

Мне запомнился его рассказ о главной гостинице Коминтерна на Тверской. Она стоит там и сейчас и называется «Центральная». В коминтерновские времена она называлась «Люкс». Названия второй коминтерновской гостиницы — в Леонтьевском переулке, по другую сторону Тверской, — Шик не помнил, но в просторечии ее именовали «Малый Париж». Шик подолгу жил в обеих. В «Люксе» обычно останавливались и южноафриканские коммунисты. В 1920-х одна из комнат была даже за ними закреплена.

Когда наступил 1937-й, из обитателей этих гостиниц в живых не осталось почти никого. Аресты проходили чаще всего по ночам. Люди не ложились спать и прислушивались к шагам на лестнице: не к их ли дверям на этот раз приближается злобещий стук сапог. Если нервы не выдерживали, выбрасывались из окон. Но, говорил Шик, обычно во внутренний двор, а не на центральную улицу Москвы. Продолжая верить в коммунизм, они не хотели даже своим самоубийством компрометировать его в глазах московских обывателей.

Ни этот, ни другие подобные рассказы Шик не включил в свои мемуары. И все же в один прекрасный день к нему пришел секретарь ЦК правящей коммунистической (официально — Венгерской социалистической рабочей) партии, ведавший идеологическими вопросами, и сказал: «Ну как же, товарищ Шик, издал такую книгу и ничего не сказал нам. Почему же нельзя было прийти, посоветоваться? Так что ты уж не гневайся. Пришлось нам твою книгу с продажи снять». Говорил он, улыбаясь. А затем вытащил из портфеля три экземпляра книги и попросил Шика сделать дарственные авторские надписи. Одну — Яношу Кадару, другую — себе, третью — еще кому-то из венгерских коммунистических лидеров. Шик левой рукой (правая у него была парализована) исполнил эту просьбу.

Своей дочери Ирине Андреевне, которая ехала в Москву, Шик разрешил мне все это рассказать. И объяснить подоплеку. Книгу напечатали тиражом 10 тыс. экземпляров. Венгерское руководство об этом прекрасно знало и подождало, пока 8 тыс. уже были проданы. А затем решили, что, если Суслов выразит недовольство, они смогут ответить: «Как же, мы ничего не знали, а когда узнали, то книгу сразу же запретили».

Такова судьба единственных воспоминаний человека, работавшего на африканском направлении деятельности Коминтерна. Они были снова изданы в 1988 г.²⁷, на самом исходе холодной войны, когда публикация воспоминаний не могла привести к прежней обеспокоенности. Но их автора, последнего участника и свидетеля тех событий и той трагедии, уже не было в живых. Дописать их, пополнить всем недосказанным, он так и не смог.

---

²⁷ *Sík Endre. Vihar a levelet...* Budapest: Zrínyi Kiadó, 1988.

...Посчастливилось мне расспрашивать не только тех, кто в коминтерновских университетах учил африканцев, но и тех, кого учили: самих африканцев. В 1960-х годах в Москву приезжали и подолгу жили Мозес Котане и Джон Маркс. В начале 1930-х они учились в Коммунистическом университете трудящихся Востока. Затем стали — и надолго — лидерами южноафриканских коммунистов. В этом качестве они и приехали в Москву через три десятилетия. Я много раз с ними встречался, расспрашивал о жизни. Был на похоронах обоих: они лечились в Москве, лежали в больницах, умерли и погребены на Новодевичьем кладбище. И только через много лет прах каждого из них был перенесен на родину.

Рассказывали они мне не только об учебе в Москве, но и о всей своей жизни. Мне кажется искренне. О времени учебы — очень по-доброму. Вспоминали, как заплутавшись в Москве, спрашивали у прохожих по-русски: «Тверской бульвар, 13», и им указывали дорогу. Такого расизма, как у себя на родине, в тогдашней Москве они не встречали. Из преподавателей с наибольшим уважением вспоминали Эндре Шика.

В 1980-х, побывав в Лесото, я встретил одного южноафриканца, когда-то учившегося в КУТВе. В Лесото он, коммунист, уехал из ЮАР, боясь преследований. Воспоминания о Москве оказались весьма схожи с теми, что говорили мне Мозес Котане и Джон Маркс...

Конечно, сбор сведений об Африке широко развернулся в нашей стране позднее, с 1960-х годов. Каково же значение раннего этапа в истории отечественной африканистики? Конечно, идеи Коминтерна, под которые эта африканистика создавалась, мне никогда не были близки. Они и не выдержали проверки временем. Тем не менее это и был первоначальный опыт научного изучения. Были собраны богатые материалы. Соображения, подходы — пусть и не у всех тогдашних африканистов, но у лучших, — не ограничивались руслом коминтерновских идей...

Из всех регионов Африки наибольшее внимание уделялось его южной части. Возможности для ее изучения подкреплялись приездами южноафриканцев, общением с ними, сотрудничеством. И работы о Южно-Африканском Союзе были у тех африканистов наиболее информативными и продуманными.

Все это делает тот период немаловажным во всей истории отечественного изучения Африки. В 1960-х мне удалось увидеть в архиве Коминтерна документы об этом. Но тогда, конечно, доку-

менты в архиве давали очень скупое — куча запретов. Зато в 1990-х архив открылся шире. И когда мои коллеги и я подготовили огромное собрание этих документов — двухтомник, он вызвал такой интерес, что его сразу же издали в Лондоне²⁸.

...И наконец, во всей истории зарождения африканистики (и, может быть, это и есть самое важное?) — люди, их судьбы. Это ведь история нашей страны, ее сложности истории, ее трагедии.

После двадцатилетнего перерыва

С осени 1956-го для африканистики открылись перспективы, о которых невозможно было и помышлять. А с 1960-го! Он вошел во всемирную историю как «Год Африки». Семнадцать африканских стран провозгласили себя независимыми. На московских улицах расклеивали плакаты: мускулистый черный человек на фоне карты Африки рвет цепи, которыми опутано его тело.

Сведения об Африке сразу, срочно, скоропалительно понадобились всюду. «Директивным органам» — аналитические записки о ситуации в странах Африки. Издательствам, журналам, газетам — они получили указание «сверху» — нужны позарез статьи и книги по Африке. Отечественные — но кто их напишет? Переводы иностранных — а кто даст квалифицированные рекомендации, что именно стоит переводить? Московскому университету нужны лекции об Африке. Всей системе образования — что и как включать в программы для студентов. Лекторам-международникам по всей стране нужны были сведения об Африке. А сведения еще только накапливаются: раньше их не очень-то собирали. Да и стран в Африке ой как много. И события во многих из них меняются день ото дня.

А тех, кто хоть как-то знают Африку, накопили какие-то сведения о ней — их в Москве лишь несколько человек.

Вот тут я почувствовал свою востребованность: все-таки, как-никак, занимался Африкой с 1948-го. И впервые понял, что могут быть два положения: или ты не нужен никому, или нужен всем. Середины, золотой середины (так бы ее хотелось) почему-то нет.

---

²⁸ South African and the Communist International: A documentary History. Vols. I–II / ed. by A. Davidson, I. Filatova, V. Gorodnov, Sh. Johns. London: Frank Cass, 2003.

До осени 1956-го я со своей Африкой был не нужен. В Ленинградском университете не разрешали писать дипломную работу об Африке. В аспирантуру взяли только по Англии. После аспирантуры в Институте истории не оставили.

А тут!

Чего, казалось бы, лучше! Но...

Создавался отдел Африки в Министерстве иностранных дел, и меня попросили в 1959–1960 гг. читать курс лекций (50 ч) в Высшей дипломатической школе (теперь это Дипломатическая академия) для группы дипломатов, опытных, уже работавших за границей. Из них создавался отдел Африки. Читал я современные проблемы стран всего континента. С 1962-го я разработал и читал курс истории Тропической и Южной Африки в МГУ. Такой университетский курс был поставлен в нашей стране впервые.

Чего уж лучше? Однако во всяком положении есть свои «но».

Это я увидел сразу. Обсуждалась моя диссертация и была рекомендована к печати. Готовил я ее еще в аспирантуре в Институте истории. Называлась: «Захват Родезии Англией». И тогда требовали от меня больше всего анализ британской имперской политики и идеологии. Но тут, в отделе Африки Института востоковедения, все повернулось прямо наоборот. И.И. Потехин, зав. отделом Африки, сказал: «Мы должны изучать Африку изнутри, ее внутренние процессы, а не британскую колониальную идеологию и политику. Этим пусть занимаются англоведы».

И велел уполовинить работу, оставить только антиколониальную борьбу, убрать главы об английском колониализме (сколько я вбил в них труда!). И озаглавить по названиям народов Родезии: «Матабеле и машона в борьбе против английской колонизации, 1888–1897». (Под таким названием ее и издали весной 1958 г.) Она стала первой книгой об Африке, вышедшей из стен Института востоковедения, но мне было грустно: пропали мои двухлетние штудии английского колониализма.

Да разве только это? Вообще рухнули мои надежды заниматься историей девятнадцатого века, началом двадцатого. Оказалось, не до этого. Позарез нужна современность или, хотя бы, история самого последнего времени.

В Кунсткамере в моем любимом Ленинграде вдали от текущей политики занимайся хоть древней Африкой. Но тут, в Москве, не для того же создали отдел Африки, а затем и институт, так срочно, впопыхах. И мне поручили заняться современной расовой политикой на Юге Африки. Пришлось разобраться (впервые у нас), в чем же состоит теория и практика апартхейда (или, как у нас писали, апартеида). Во всей нашей литературе апартхейд считали продолжением традиционной английской политики и только. Это казалось удобно политически: взвалить всё целиком на проклятый британский империализм. Но придумали-то политику апартхейда буры, или, как они сами называют себя, африканеры. В России слово «буры» оваяно романтикой и связано с борьбой против английского империализма. Но все-таки никуда не деться: и идея, и практика созданы бурскими политиками. И само-то слово «апартхейд» из языка африкаанс, их языка (означает оно: раздельность, раздельное существование). Об этом я и написал.

В 1960 г. мне вместе с двумя коллегами поручили подготовить «Новейшую историю Африки» — первую такую книгу в мировой африканистике. Писать, подбирать авторов глав, редактировать. А делать-то приходится на пустом месте! Работ отечественных еще почти не было. Так что ушло на это у меня четыре года, без отпусков. Потом книга вышла двумя изданиями. И перевели на английский. К нашему теперешнему времени эта книга, конечно, устарела. Но тогда это был шаг вперед.

Какими же бурными были для меня годы! Писал статьи для научных и общественных журналов. Редактировал отечественные и переводные книги. Штудировал африканскую художественную литературу: давал рекомендации издательствам для перевода. Писал к ним предисловия и комментарии.

Выходили статьи и на иностранных языках. Редактирование переводов поручали тогда Ральфу Паркеру, поселившемуся в Москве известному английскому журналисту, и строго засекреченному Дональду Маклейну, одному из «Кембриджской пятерки», работавшей на советскую разведку. В это время Маклейн, уже завершив свою разведывательную деятельность, жил в Москве, работал в Институте мировой экономики и международных отношений как Марк Петрович Фрезер. И редактировал для английского издания журнала «Международная жизнь» статьи, в том числе и мои (я об этом узнал отнюдь не сразу).

И все-таки больше всего времени уходило не на это.

Требовались бесконечные «аналитические записки» о текущих, быстро меняющихся событиях в странах Африки для ЦК партии, МИДа и других вышестоящих инстанций. Доклады и лекции для республиканских, краевых и областных семинаров лекторов-международников. В основном это на меня и легло. С 1958-го по 1962-й объездил шестьдесят городов: от Ленинграда, Таллинна, Вильнюса и Риги до Новосибирска и Кемерово.

Дали мне доступ к закрытой информации: «Белому ТАССу» и «Красному ТАССу». Каждый день ТАСС выпускал подборку информации о свежих событиях в мире из иностранных газет и радиосообщений. «Белый ТАСС» — каждый день подборка по полтора-два страницы. А «Красный ТАСС» — это переводы статей из зарубежной печати. Были и другие источники закрытой информации. Для моих научных интересов меня бы ко всему этому даже не допустили. А тут, можно сказать, навязали, заставили.

Вот я и ездил по городам и весям, в некоторых бывал по два-три раза с лекциями о ситуации в Африке. Выступал перед московскими лекторами-международниками.

Почему выбор пал на меня? Да больше-то — по тем временам — некого. Наш отдел Африки в Институте востоковедения состоял из тех, кто только-только решил войти в африканистику. В Институте Африки поначалу — та же ситуация.

Иногда с «верхов» приходило указание, чтобы выступил — хотя бы в Москве — сам Потехин. Но он и без того был загружен директорскими обязанностями и заграникомандировками. Вот мне и приходилось. Да разве только эти бесконечные поездки? Еще и статьи писать — для «Правды», «Известий», «Нового времени», «Международной жизни», «За рубежом». Мои статьи об Африканском национальном конгрессе — к его 50-летию и 60-летию были первыми в советской печати²⁹. В дальнейшем — одна из первых статей о Нельсоне Манделе³⁰.

---

²⁹ Давидсон А. Африканский национальный конгресс // Современный Восток. 1958. № 9; Он же. Полвека борьбы. К 50-летию Африканского национального конгресса // Правда. 1962. 21 янв.; Он же. Тернистый путь // Правда. 1972. 8 янв.

³⁰ Давидсон А. Сын Африки. К 70-летию Нельсона Манделы // Правда. 1988. 17 июля.

В целом — чересчур уж много.

Конечно, это создавало ощущение востребованности. И я, как никто другой, был тогда в курсе самых свежих событий. Знал, в какую сторону сегодня посмотрел, кого благословил, кого заплевал любой африканский президент или премьер-министр. Работал, что называется, с утра до ночи. Но не мог сосредоточиться на том, что было важно самому. Выражаясь высокопарно, на том, что называют фундаментальными исследованиями.

...Да, доверили читать лекции по всей стране и даже дипломатам МИДа. Но о том, чтобы дать мне командировку в Африку, речи не было. Поездки уже начались с 1957 г., но не для меня. Почему? Отказывался вступать в партию. И вообще анкетные данные — не из лучших.

Да и те выступления по всей стране — они в той обстановке «идеологической борьбы» были хождением по минному полю.

Приведу один пример.

После визита Никсона

Август 1959 г. Звонок из «высоких инстанций».

— Вы должны завтра лететь в Новосибирск, выступить с докладом на большом семинаре лекторов Новосибирской и Кемеровской областей.

Уж как мне не хотелось! Поездка приходилась на 23 августа, на день рождения, мое тридцатилетие. Но куда деваться? Полетел.

В Новосибирске встречают отцы города. Спрашиваю:

— Не скажете, что это за семинар? И почему такая срочность?

— Да у нас побывал Ричард Никсон, вице-президент американский.

— Ну и что?

Немного замаявшись:

— Да у нас тут ЧП было. Когда он выходил из машины, к нему подошел человек, бросил конверт. И успел сказать: «Тут вы узнаете, как живут рабочие в СССР».

Ну и что?

— Как что? В Москве разгневались: значит у вас работа с населением плохо поставлена! Повелели собрать лекторов из горко-

ма, райкомов. Вот и прислали из Москвы докладчиков. Полковник будет говорить о бдительности (должно быть, из соответствующих служб, я с ним так и не познакомился). Будет доклад о международном положении. Ну и Вы — об Африке.

Причем тут Африка, спросите вы. Африку тогда включали во все такие инструктажи для лекторов. Вот я и объездил шестьдесят городов.

А почему так нервничали в Москве? Визиту Никсона придавали большое значение. Пытались улучшить отношения с Америкой (закончилось это желание в мае следующего года, когда над Свердловском сбили американский самолет-разведчик, и Хрущев заговорил об Америке с яростью). А это был первый визит на таком высоком уровне — вице-президент США! В Москве знали, что Никсону прочат большое будущее. Молодой, ему всего сорок шесть лет, и он уже шесть лет вице-президент (стал потом президентом). В Москве вел себя свободно, раскованно. Ходили слухи, что даже якобы пошел на рынок и там разговаривал с мясником.

В общем, поездку Никсона считали важной, и вдруг — такой афронт в Новосибирске!

Семинар прошел спокойно. Мой доклад возражений не вызвал.

Но в тот же день ко мне подошел директор гостиницы, где меня поселили: «Наши сотрудники просят Вас рассказать им об Африке. Не откажетесь?»

Вот, значит, как далеко зашла мода на Африку! Я, разумеется, не отказался. Встретился с горничными, официантами, поварами. Говорил о том, что, мне казалось, может быть им интересно. Коротко, всего полчаса.

На следующее утро — я уже готовился к отъезду — звонок из горкома.

— Зайдите сейчас. Тут у товарищей претензии к Вам.

Я удивился. Доклад ведь прошел благополучно.

Пришел. За столом двое незнакомых, хмурых и очень официальных.

— Мы тоже из Москвы. По заданию ЦК партии. Вас сюда прислали выступать с докладами. А нас — проверять политико-пропагандистскую работу в Новосибирске. В наши задачи не входило проверять москвичей. Но мы живем в той же гостинице. Вчера шли

ужинать и вдруг услышали ваш голос. Прислушались. И что же? Вы не привели ни одного высказывания Никиты Сергеевича. Ни разу не сослались на газету «Правда», центральный орган партии. Мы уже сигнализировали об этом в ЦК. Ставим вас в известность.

Погода стояла прекрасная. За окном светило солнце. После-завтра мой день рождения. Настроение отличное. Пусть едят, куда хотят. Времена уже «вегетарианские», как сказала Ахматова. «Черный ворон» за мной не приедет. Партбилет не отберут: я беспартийный. Отлучат от этих поездок? Да я только рад буду.

И уже открыл рот, хотел сказать, что я об этом думаю. Но, чувствую, под столом меня кто-то ногой задел. Это лектор-международник, который приехал со мной из Москвы. Дает знать: мол, помолчи лучше. Ну я не стал препираться, лезть на рожон, хоть и хотелось.

Вернулся в Москву. Был уверен, что последствия неминуемы. Нет, ничего не последовало. Почему? Тогда, в 1959-м, кроме меня, послать было некого. Только Потехина. Но он, хоть и не стал еще директором института, все время в командировках.

Зачем я вспомнил этот эпизод? Да уж очень типичен он для тех времен. Теперь это уже подзабылось. Вот и хотелось напомнить, что и африканистики это коснулось.

Москва встречает африканцев

Июль–август 1957-го... Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Сейчас трудно представить тот ажиотаж, тот восторг, что охватил тогда Москву. Почти одновременно приехали больше тридцати тысяч иностранцев — такого Белокаменная не видела.

В центре внимания — африканцы. Большинство россиян никогда еще не видели человека с черной кожей. А тут сотни! Вокруг четвертого корпуса Ярославской гостиницы, где жили африканцы, постоянно толпа народа. Каких только казусов ни наблюдался. Какая-то девушка кричала: «Хочу родить ребенка от негра!» Как же возбудили ее слухи о сексуальности черных мужчин! Комсомольский патруль застал двух суданцев со студентками пединститута в более чем интимных позах, и те, приводя себя в порядок, повторяли два единственных русских слова, которые успели выучить: «Мир, дружба».

Тех, кто приехали из Южной Африки, за африканцев не считали. Из гостиницы, отведенной африканцам, выходили белые люди. Недоумение: какие же это африканцы? А из семнадцати приехавших южноафриканцев почти все были белые. Три индийца и только один человек с несомненно черным цветом кожи (остальные немедленно выбрали его главой делегации).

Южноафриканцам, как и представителям каждой из стран, пришлось объявить себя делегацией, хотя приехали они все как одиночки, каждый на свой страх и риск. И не прямо из Южной Африки, а из Лондона. Большинству наших было невдомек, что при неприязненных отношениях СССР с Южно-Африканским Союзом получить там визу в Москву было негде. И даже сказать, что едешь на действо, организованное большевиками, значит попасть под подозрение.

Что это были за люди? У кого-то родители — выходцы из России, у кого-то — тоже старинные родственные связи. Их, как и всех остальных, объединяло любопытство к нашей стране. Она ведь у них была под таким же запретом, как Южно-Африканский Союз у нас.

Меня Институт востоковедения выделил для работы с южноафриканцами и с делегацией с острова Маврикий. Что это значило? Быть с ними, отвечать на их вопросы. Нужен был человек, что-то знающий о стране и к тому же близкий к ним по возрасту. Мне было тогда двадцать семь.

Никаких заданий от спецслужб я не получил. Наверно, для этого нашлись другие.

Не уверен, что для южноафриканцев встречи со мной оказались интересны, но для меня-то уж точно. Хотя им больше хотелось узнать о нашей стране, чем говорить о своей, я все-таки понял многое, чего не найдешь в книгах. Главное — цвет, колорит тамошней обыденной жизни. Впервые!

Говорили все больше о фестивальных концертах, представлениях. А их — десятки каждый день. И с нашей стороны, и от гостей.

Как-то среди объявленных оказался концерт Аркадия Райкина. Мне очень хотелось его посмотреть, и я уговаривал гостей. Две переводчицы, работавшие с этой делегацией, единодушно противились.

— У Райкина же главное — чувство юмора! Но понять ведь могут только те, кто хорошо знают русский язык и нашу жизнь.

Я все-таки убедил. Пошли. И южноафриканцы потом благодарили меня. Настоящее искусство оценишь даже без знания языка. К тому же какие-то фразы Райкин произносил по-английски.

О политике речи было мало. Но все же двум индийцам — звали их Мунсами и Маниками (не знаю, подлинные это имена, или придуманные), — удалось вовлечь всех остальных в дискуссию почти на целый вечер. Индийцы познакомились с ленинградским доцентом, преподавателем основ марксизма-ленинизма. Это знакомство их вдохновило: наконец-то смогут по-марксистски решить свои национальные и расовые проблемы.

Задали ему вопрос: «Как индийцам построить в Южной Африке свой социализм — социализм для индийцев?»

Доцент, фамилия его была Степанов, попытался объяснить бессмысленность такого подхода. Идеи Сталина о национальном вопросе он знал назубок. Но связать их с обстановкой в Южной Африке не сумел. Разочарованные индийцы закончили дискуссию: «Вы, наверно, знаете марксизм, но совсем не знаете Южной Африки!»

Для меня самыми интересными стали беседы с третьим индийцем, Джорджем Найкером. Он был активистом партии Африканский национальный конгресс, хорошо разбирался в его идеях, знал его историю. Я исписал его рассказами свою записную книжку.

А потом, к концу того же года, я стал получать южноафриканскую газету *New Bridge* и журнал *Fighting talk*. Присылали мне их сами редакции, но, конечно, после рассказа Найкера о фестивале. Присылали на Институт востоковедения, где я тогда работал, а потом в Институт Африки, куда я перешел.

Через четверть века я повидал Джорджа опять в Лусаке, столице Замбии, где была тогда штаб-квартира АНК. Он к этому времени уже посидел по тюрьмам. Мы так обрадовались неожиданной встрече!

Но ни с кем из тех южноафриканцев, как и с делегацией острова Маврикий, с которой я тоже тогда работал, переписки потом не было. В Институте востоковедения дали понять, что переписка с иностранцами нежелательна. О получении писем на домашний адрес вообще речи не было. А письма, приходившие в Институт, не

разносились по отделам: все ставились на доске при входе, и часто исчезали, до адресата не доходили. Уверен, что писали и мне.

Вообще создавалось впечатление: был фестиваль, дали нам глоток свободы. И баста!

Мне на эти объявленные и необъявленные запреты хотелось плюнуть. Но у меня сразу начались сложности с «органами».

Встреча с КГБ

Неожиданный звонок.

— Моя фамилия Буча (наверно, придуманная). Мне надо встретиться с Вами и поговорить по важному делу.

Тон голоса и сама манера дали понять, что говорят «оттуда».

Встречу назначил на улице.

«Мы потеряли след двух человек из южноафриканской группы. Постарайтесь вспомнить, когда и как они улетали или уезжали. Аэродром, вокзал, номер рейса, поезда».

Я не помнил. До аэродрома или вокзала я провожал не всех. Улетали и уезжали они в разные дни, в разное время, поодиночке. Да и неразберихи было полно. Кто-то возвращался, что-то перепутали наши организаторы. Первый раз ведь такой наплыв иностранцев.

Я признался: «Не помню». — «А вы напрягитесь. Это важно».

Он меня дожимал и дожимал. Тех, о ком он говорил, я помнил хорошо. Англичане, переехавшие из Южной Африки в Англию: им не понравилось ужесточение расизма. Образованы, интеллигентны. Один из них женат на дочери Эдуарда Ру, автора нашумевшей тогда книги о протесте африканцев против расистских порядков. Подарили мне его книгу. Для меня это было ценно: в библиотеках этой книги тогда не было.

В Москве те двое вели себя независимо. Ходили по городу сами, не с общей группой. Потому, верно, и навлекли на себя подозрение.

Но все же вспомнить, как они уезжали, я не мог. После бесконечных повторных расспросов сказал, чтобы отвязаться, первое, что пришло на ум: «Кажется, с Киевского вокзала».

На следующий день Буча позвонил опять: «А переводчицы дали другую информацию».

Так я, наверно, и попал под подозрение.

Ну, это еще ничего, если бы не дальнейшие события.

В Москве группа молодежи (аспиранты, младшие научные сотрудники), вдохновленная разоблачением культа Сталина на Двадцатом съезде КПСС, решила «очистить ленинизм» от того, что они считали извращениями сталинского времени. Группу арестовали. Конечно, никаких сведений в печать не проникло. Но слухи шли. Называли это «делом Краснопевцева», по фамилии одного из организаторов.

Несколько из них работали в Институте востоковедения, и я их знал. С одним из них вместе работал на фестивале.

Такую же группу нашли в Ленинграде. Кого-то арестовали, кого-то исключили из комсомола и уволили с работы. Некоторые из этих ленинградцев — мои друзья, учился с ними в университете. Они предлагали мне поучаствовать, но идея очищения ленинизма от сталинизма меня не соблазнила.

А когда начались аресты, меня стали вызывать для «бесед». Уже не на улицу, а в гостиницы, в отдельные номера (под столами, должно быть, стояли записывающие устройства).

В первой беседе было сказано как бы доверительно: «Вы поймите, сейчас новое время, новые порядки и люди у нас новой формации — не 1937 года».

И тут же передал мне привет от Бучи.

Так вот, значит, сошлось. Тогда Буча был недоволен мной, теперь этот. Я ведь говорил ему не то, что он хотел.

Беседовали со мной не раз. Приходили и в Институт востоковедения. И выражали недовольство моими ответами. В библиотеке знакомая библиотекарьша: «Приходили, смотрели ваш формуляр: что читаете». Дежурная в общежитии, шепотом: «Приходили, интересовались вами».

У меня в это время должна была выйти первая моя книга. Она уже была в типографии. Думал, успеет выйти или сорвут. Если с работы выгонят, так хоть память бы осталась — книга.

С работы не выгнали, но поскольку я на много лет стал «невыездным», этот случай, наверно, сыграл свою роль.

Так обернулась в моей судьбе первая встреча с южноафриканцами.

Окрики

Вторая встреча с южноафриканцами, вернее, с одним южноафриканцем, произошла в 1958-м. В Лондоне вышла книга о громком политическом процессе в Южной Африке. Судили одновременно 156 политических и общественных деятелей, среди них и Нельсона Манделу. За что? Они организовали в Йоханнесбурге массовый митинг и приняли документ — «Хартию свободы» (он стал программой борьбы против апарtheidа, а теперь, в наши дни — это идейная программа правительства ЮАР).

Два известных южноафриканских публициста написали об этом книгу «Процесс о государственной измене в Южной Африке». В Москве решили перевести ее и издать. Меня попросили отредактировать и написать предисловие. А одного из авторов, Солли Сакса, в связи с изданием книги пригласили приехать в Москву. Мне он понравился. Интересный человек. К тому же — сын выходцев из России: они уехали на Юг Африки в первые годы двадцатого века.

Но и эта встреча завершилась для меня не лучшим образом.

В 1959–1960 гг. власти Советского Союза стали налаживать отношения с Южно-Африканской компартией, а затем и с Африканским национальным конгрессом. И в международном отделе Центрального Комитета КПСС одному из сотрудников, Ю.С. Иванову, поручили заниматься связями с этими партиями. Он вызвал меня. Для меня это был первый вызов в ЦК партии. Спешность вызова говорила о его важности. Из ЦК позвонили в дирекцию Института Африки 2 января и сообщили, что я должен придти к ним 3 января. Сейчас в эти дни люди обычно отсыпаются после встречи Нового года, но тогда, в 1961-м, эти дни официально считались рабочими.

На столе Иванова и на столе его соседа лежали свежие номера «Международной жизни» и других журналов, как раз те, где были мои статьи.

Разговор оказался краток:

— Вы ориентируетесь не на тех.

Объяснять не дал себе труда. Понимай, как хочешь.

Из южноафриканцев я общался тогда только с Саксом. Значит, речь может идти только о нем. Перебирал в памяти разговоры с ним. Наконец, осенило.

Сакс рассказывал, как в начале 1930-х в южноафриканской компартии проводился сталинский лозунг «большевизации» всемирного коммунистического движения. Как в СССР проводились «чистки», уничтожение кадров ленинского времени, вплоть до ликвидации Общества старых большевиков, то же, — объяснял он, — по приказу из Москвы делалось и в других компартиях.

В Южной Африке в 1931 г. «вычистили» всех, кто создавал компартию в двадцатых. Исключили основателей партии — Билла Эндрюса и С.П. Бантинга (Бантинг был первым, кто выступил с программой предоставления прав африканцам!). Исключили Т. Тибеди и Г. Макабени — первых африканцев, которые вступили в партию. Сакс тоже попал под эту кампанию: «вычистили» и его.

Не это ли имел в виду Иванов в разговоре со мной? Откуда он мог бы знать о давних делах? Может быть, запросил документы из архива Коминтерна тут же, в Москве. Но он, конечно, должен был и знать, что сами южноафриканские коммунисты признали те чистки ошибкой.

И все же объяснение, наверно, не в этом. Иванов не произвел на меня впечатление человека, которому придет в голову обращаться к давним архивам. Все куда проще. Иванов — сотрудник международного отдела ЦК партии. Ему доверили налаживать отношения с Южно-Африканской компартией и АНК. Значит, он и есть главный специалист, главный знаток Южной Африки. А тут какой-то младший научный сотрудник какого-то академического института, оказывается, что-то делает, что-то знает, а, главное, думает, что имеет право на свою точку зрения. Печатается в журналах. Так нужно поставить его на место, показать, кто хозяин в подходе к Южной Африке.

Иванов был не один, кто считал, что если его поставили на какую-то должность, на какое-то дело, то, значит, он в этом деле непререкаемый знаток.

Так считал и И.В. Милованов, начальник Иванова. Он руководил в международном отделе сектором Африки (сперва Африка входила в сектор Ближнего Востока, а потом выделилась). И если Иванов давал понять свое непререкаемое главенство мне, то Милованов — Потехину. Милованов, как и Иванов, едва заступив на должность, сразу же стал писать статьи, брошюры, выступать ответственным редактором книг по Африке.

Кем был для Милованова и Иванова Потехин? Человек из давно минувших коминтерновских времен. А сам Коминтерн? Я потом провел такой опыт. Спросил у нескольких сотрудников международного отдела: «Не скажете, где находилась штаб-квартира Коминтерна? И где вообще он размещался?»

Казалось бы, кому, как не им, это знать: все-таки международный отдел — преемник Коминтерна. Но нет, не знали. Не знали, что улица Калинина (ныне — Воздвиженка) много лет именовалась улицей Коминтерна, что передачи советского радиовещания начинались со слов «говорит радиостанция имени Коминтерна». Для них, партаппаратчиков, это все было давно забытым и ненужным прошлым. Зачем о нем помнить. И Потехин — тоже из того прошлого.

Милованов и Иванов, возобновляя прерванные связи с южноафриканскими коммунистами, не только не привлекали к этому Потехина, но даже не ставили его в известность. Руководители компартии ЮАР Мозес Котане и Джон Маркс — вскоре стали приезжать в Москву. Когда-то, в начале 1930-х, они учились в Коммунистическом университете трудящихся Востока на кафедре Африки, слушали лекции Зусмановича и Потехина. Но об их приездах ни Зусмановичу, который работал в Институте Африки (скончался летом 1965 г.), ни Потехину (скончался осенью 1964-го) даже не сообщали (что уж говорить обо мне!).

Еще в 1960-м, до моего вызова «на ковер», сорвался приезд в Москву профессора Арчибальда Джордана, африканца, специалиста по фольклору и литературе африканцев Южной Африки. Он прислал письмо Потехину, что хочет приехать в СССР для повышения образования. На деле он хотел уехать из ЮАР, хотя бы временно. И выбрал нашу страну. Как много мы могли бы узнать от него!

Потехин передал письмо мне. Иван Изосимович был поглощен административными обязанностями (надо было организовать Институт Африки), и у него не было времени разбираться, кто такой Арчибальд Джордан. Я подготовил ему развернутую справку с рекомендацией: обязательно пригласить.

Но без санкции ЦК КПСС такие дела не решались. А оттуда пришел отказ: очевидно, от тех же Иванова и Милованова. В 1930-х годах Джордан, якобы, был троцкистом.

Одним словом, вместо Москвы Джордан уехал в Соединенные Штаты. Там и вырос его сын, Палло Джордан. Он стал потом министром образования и культуры в правительствах Нельсона Манделы и Табо Мбеки.

Меня Милованов и Иванов возмущали своим цинизмом. Все-таки Потехин — хотя бы в молодости — был революционным романтиком. Мне этот пафос никогда не был близок. Но все же романтик вызывает больше уважения, чем партаппаратчик.

И я позволял себе выражать свое отношение к Иванову, да и к Милованову. Как? Они давали свои брошюры и статьи в издательства и журналы. Редакторы, конечно, понимали, что печатать придется. Но понимали и другое. Если в статьях и брошюрах окажутся ляпы, то достанется прежде всего именно им, редакторам. И для подстраховки посылали рукописи на внутреннее рецензирование тем, кого считали специалистами. Немалая доля приходила и ко мне. И я, ничтоже сумняшеся, и не опасаясь ответных репримандов (что уж было терять!) найденные ляпы отмечал — а их была тьма-тьмушая. У авторов любви ко мне, разумеется, не прибавлялось.

Южноафриканцы вновь здесь

С начала 1960-х южноафриканцы стали в Москве не просто появляться — многие жили месяцами, даже годами. Студенты Университета дружбы народов и других вузов, слушатели закрытого Института общественных наук (в просторечии — Ленинской школы), бойцы военно-тренировочных лагерей. Ну и, конечно, те, кто управляли этими потоками: руководители и активисты компартии и АНК. Они и рекомендовали студентов и слушателей для вузов.

Запреты на мои знакомства с этими людьми продолжались недолго. Иванов и Милованов не удержались на своих позициях. Что произошло с Миловановым, не помню. А Иванова перебросили с Африки на Израиль. Как мне говорили, это было понижение. И даже не за слабый профессионализм, а якобы за проступок бытового характера. Правда, он не растерялся. Написал книгу «Осторожно, сионизм». Она вышла многотысячным тиражом.

На африканское направление в Международный отдел ЦК пришли другие люди. У них не было косых взглядов на сотрудни-

ков Академии наук и университетов. Наоборот, они ценили профессиональные знания, хотели сотрудничества. Что касается Южной Африки, это прежде всего Андрей Юрьевич Урнов и Владимир Геннадиевич Шубин. Такая обстановка дала мне возможность общаться с южноафриканскими политиками. Разумеется, коммунистами и анковцами, другие в Москве не появлялись. С начала 1970-х я — время от времени — преподавал африканцам в Ленинской школе и два года в Университете дружбы народов. Участвовал в научно-общественных конференциях, которые проводились с ними в Комитете солидарности стран Азии и Африки.

Все это для меня и всех моих коллег было важно: ведь увидеть Южную Африку своими глазами у нас не было никаких возможностей.

Я многократно и подолгу встречался, со всеми известными южноафриканцами, которых приглашали в Москву. Расспрашивал о сегодняшних и давних событиях в Южной Африке, об их собственной жизни. Мозес Котане и Джон Маркс в первой половине тридцатых были слушателями коминтерновского университета на Тверском бульваре, дом 13. Останавливались и в гостинице «Люкс» на Тверской. Теперь приезжали в Москву, как лидеры Южно-Африканской компартии и АНК. Поначалу я говорил с ними только о теперешних делах. А потом стал расспрашивать о далеком прошлом.

Мозес Котане от одной встречи к другой рассказывал мне о своей жизни. И о тридцатых годах. О тех, кто его учил в Москве, как и чему учили. Джон Маркс — еще откровенней. Даже о тогдашних раздорах в его партии. Я спросил:

— Насколько типично было тогда изгнание Солли Сакса, обвинения Арчибальду Джордану?

— Да и меня самого тогда исключали из партии. Такой был раздрай — мы жили как кошки с собаками.

Расспрашивать мне их было легко. В Москве они бывали не раз. Позднее, в 1970-х, оба тяжело заболели, долго лечились в Кремлевской больнице.

И шаг за шагом мне становилось ясно, что не только судьбы Мозеса Котане и Джона Маркса оказались связаны с нашей страной. Среди самых интересных южноафриканских политэмигрантов, которые время от времени приезжали в Москву, были Брайан

Бантинг, Рэй Александер и Джо Слово. Жена Бантинга Соня — из семьи выходцев из России. Рэй родилась в Латвии, когда Латвия была еще в составе Российской империи (Михаил Александрович, двоюродный брат Рэй, был в СССР в послевоенные и пятидесятые годы одним из самых известных певцов). Родители Джо Слово тоже жили в Латвии, когда она была частью России.

Так что я слышал и предания их семей о российской жизни. Это меня с ними сблизило. И о Южной Африке они рассказывали так, что мне она становилась понятней. Какой-то мостик к России чувствовался в их словах.

Ссылаться на архив не разрешим!

Знакомство с южноафриканцами, сведения открытых и закрытых источников о текущих событиях в Африке, скудная литература в московских и ленинградских библиотеках — всего этого мне, историку, было, конечно, мало. Нужны архивы. Не попасть в европейские и африканские? Так искать в отечественных! Есть же там что-то. А, может, и немало.

О материалах последних десятилетий не могло быть и речи. Засекречены-перезасекречены. Хотел найти хотя бы о далеком прошлом. Но и тут, ой как не просто!

Одно время действовало указание: в любом архиве на любой документ, если он хоть как-то связан с международными делами, надо получить разрешение и от Архива Министерства иностранных дел. В Ленинграде в Архиве Военно-морского флота мне не хотели дать даже документ о закупке Англией лошадей из России во время Англо-бурской войны. (Правда, потом все-таки сжалились, дали.)

Но трудности, как известно, только разжигают любопытство. Так я и побывал в основных архивах Москвы и Ленинграда. Собрал материал о связях Южной Африки с нашей страной за время с XVIII в. до 1917 г. Находил нередко совершенно уникальные материалы. О замысле Петра I послать русские фрегаты в плавание вокруг Африки. О концертах, которые в 1798 г. давал в Кейптауне русский музыкант Герасим Лебедев. О тринадцатимесячной стоянке в 1808–1809 гг. русского шлюпа «Диана» на мысе Доброй Надежды. О плаваниях русских кораблей, для которых мыс Доброй

Надежды был «морской таверной» на пути из Петербурга на Дальний Восток и в Русскую Америку. О русских добровольцах, сражавшихся в Англо-бурской войне...

* * *

Удалось получить из американского Гуверовского института микрофильмы собранной там коллекции документов о Южной Африке с начала XX в. до конца 1960-х. Я не мог напрямую обратиться в Гуверовский институт: в Советском Союзе такого не положено. Обратился в Библиотеку Академии наук. Они запросили документы, получили их. Дали мне.

Представляете мою радость! Коллекция не только большая (много катушек микрофильмов), но и уникальная. Ее собрала группа американских архивистов. Они приходили, например, к кому-нибудь из ветеранов Африканского национального конгресса и других общественных организаций и просили сфотографировать весь домашний архив, вплоть до писем. Конечно, цены такому архиву нет! Купил аппарат «Микрофот» и принялся читать.

Но вот ведь незадача! Пленка микрофильмов — позитивная (черный фон с белыми буквами), а не негативная. Труднее ее читать. Попросил директора Института Африки помочь перевести в негатив хоть какие-то особо интересные документы. Он сказал, что фотолаборатория занята более важными делами.

И вот по какому-то случайному вызову прихожу в 1-й отдел института (так назывались секретные отделы). На столе у заведующего вижу большую катушку микрофильмов. По виду — явно моя. Хватаю, не спрашивая. Смотрю. Да, моя. И уже переведенная в негатив. Значит первый отдел решил проверить, что это за документы я получил. И для этого у лаборатории время, конечно, нашлось.

* * *

А уж как мне хотелось добраться до документов Коминтерна.

Об африканском направлении работы Коминтерна я больше всего узнал от Зусмановича. Но он говорил очень сдержанно, без подробностей, без деталей. Был слишком напуган годами ГУЛАГа, хотя временами все-таки не мог удержаться.

Как же мне захотелось узнать все это по документам, попасть в архив Коминтерна! Но как? Архив-то закрытый!

И вот тут мне совершенно неожиданно повезло. Б.Н. Поспелов, секретарь ЦК КПСС, в ведении которого находился и этот архив, был академиком по отделению истории Академии наук. В отделе-нии он бывал, правда, крайне редко. И иногда ему давали на под-пись какие-то академические документы. Я и подал свою просьбу о допуске в архив. И он — о, чудо! — подписал. Наверно, не вгля-делся. С его-то высоты и какие-то академические бумажки, такие ли они важные?

Я бросился в архив. Вход был тогда с улицы Горького, прямо напротив Моссовета, за спиной Юрия Долгорукого.

Там моему приходу крайне удивились: «Ну что-нибудь Вам дадим. Но учтите, ссылаться на наш архив вы не имеете права. Ведь иностранцам мы говорим, что он не разобран, пользоваться им нельзя. Тетрадь со своими выписками вы не имеете права вы-носить. Будете оставлять нам. Мы из нее вырежем всё, что решим изъять».

Вот так! Но все равно мне было страшно интересно: хоть чуть-чуть проникнуть в то, о чем нигде не смогу узнать. И сидел я в этом архиве изо дня в день.

Повезло мне еще раз. Видя, как я постоянно прихожу и кро-потливо вчитываюсь в документы, Ростислав Александрович Лавров, заместитель заведующего архивом, должно быть, проник-ся ко мне симпатией. По временам подходил ко мне и говорил с загадочной улыбкой: «Ухожу на обеденный перерыв. Вы можете поработать в моем кабинете».

И еще более загадочно: «Но помните, у Вас только час».

Я шел в его кабинет. На столе лежали подготовленные для меня дела. Святое святых: личные дела коминтерновцев. Выписок я делать, конечно, не мог. Но старался запомнить.

Когда я потом готовил книгу «Южная Африка — становле-ние сил протеста», встал вопрос — а как писать об этом, если ссы-лок делать нельзя? Ведь каждый редактор спросит: «Откуда вы это взяли?»

И тут один мой старый и опытный друг дал совет: «А Вы, когда пишете что-то, о чем никто еще слыхом не слыхивал, начи-найте так: “Как известно...”» Редактор и успокоится, решит, что, хотя он сам этого не знает, но что за беда, нельзя же все знать.

Так я и делал.

Не сможете вы нас защитить!

Какие еще есть пути понять чужую страну, если вы не можете там побывать? Книги, журналы...

До начала 1960-х годов московские библиотеки вообще почти не получали литературы из Африки. Да и той, что издавалась в Европе, в Америке — тоже не густо.

Конечно, я старался следить за научной литературой, особенно той, что создана африканцами, но к началу 1960-х ее было мало. Общественно-политической и мемуарной — больше, но тоже не очень много. И я обратился к художественной (не забывая, конечно, научную).

На фольклор не покушался — особая сфера, знаю его мало. А вот романы, рассказы, повести, стихи — всем этим стал заниматься. Никто мне этого не поручал. Увлёкся.

За выходящей тогда литературой я вообще следил внимательно — и не только из-за своих интересов. Институту Африки при его создании дали для комплектования научной библиотеки 20 тыс. инвалютных рублей. Сумма по тем временам большая. Для закупки книг надо было штудировать бесчисленные каталоги книгопродавцов о новейшей, да и о букинистической литературе. Сравнивать с тем, что уже есть в крупнейших московских библиотеках. Эту работу Потехин поручил мне. Я выискивал, составлял списки для заказов. Так что знал тогдашний книжный рынок. А он быстро расширялся. «Африканский бум» — как называли в Европе 1960 г., привел к тому, что поток литературы об Африке резко возрос.

И стал подбирать книги не только для библиотеки Института Африки, а и издательствам — для возможного перевода на русский язык. Издательства хотели заполнить зияющую брешь — дефицит литературы об Африке. Если рекомендации им подходили, они просили меня редактировать переводы, писать предисловия и комментарии.

Так с конца 1950-х издавали книги англичан Б. Дэвидсона и Дж. Уоддиса, американца Э. Хантона, немцев Г. Линде и Э. Бретшнейдер, Г. Шомбурга, чеха Э. Голуба... Научные и публицистические... Произведения южноафриканцев: Р. Фёрст, Х. Бернстайн, Б. Бантинга, книги Ч.Т. Бинса об истории зулусов.

Еще больше вышло с моими предисловиями — да зачастую и под моим редактированием, — романов повестей, сборников рассказов Надин Гордимер, Андре Бринка, Алекса Ла Гумы, Ричарда Рива, Джека Коупа, Элфреда Хатчинсона, Карела Схумана... Стихи Д. Оппермана, Эйса Криге, Ингрид Йонкер... «Избранное» Оливии Шрейнер — писательницы, чьи рассказы Горький печатал в «Нижегородском листке» еще в 1898 г. Вышли и произведения Райдера Хаггарда, ранее не переводившиеся на русский язык.

Но как же часто я сталкивался с цензурными рогатками. И — еще чаще — с «политической корректностью». Редакторы боялись: литература-то эта у нас неопробованная, неапробированная. Как начальство посмотрит на этот роман, на эту поэму? Сразу же досталось двум книгам, которые и до сих пор, мне кажется, принадлежат к самому интересному, что издано у нас об Африке.

Первая — книга Э. Риттера «Зулус Чака». Основана на преданиях зулусов. История этого народа его же глазами. К чему тут, кажется, можно придаться? Ан, нет. Придаться, как известно, можно к чему угодно. У зулусов до прихода европейцев нравы, отношения между женщинами и мужчинами были простые, не прикрытые на каждом шагу недомолвками, эвфемизмами, фиговыми листками... И при обсуждениях на редсовете книгу клеймили: эротика, и даже — о ужас! — секс. Ведь «у нас в СССР секса нет».

У зулусов этих слов не было. Была простота нравов, как, наверно, и у наших давних предков.

Пришлось мне вести битвы. Защищать зулусов. И не раз. Наконец, приняли. Редакционные советы ведь не без умных людей. Поняли, помогли. Книга пошла на ура. Вышли три издания. Но, увы, на первой же странице русского перевода все же убрали абзац, который есть в оригинале. Не удалось мне отстоять. Сказали: «Секс!»

Со второй книгой оказалось еще сложнее. Это уже не секс, не эротика — политика.

Роман южноафриканского писателя Питера Абрахамса «Венок Майклу Удомо». Казалось бы, имя Абрахамса уже известно. Его роман «Тропою грома» вышел на русском языке еще в 1949-м. Издавался и переиздавался даже в Алма-Ате, Саратове, Ставрополе и Чебоксарах. Композитор Кара Караев написал музыку к балету «Тропою грома», кинорежиссер Рошаль выпустил фильм. Кому еще из африканских авторов создали у нас такую славу?

Но издание другого его романа мне пришлось пробивать три года. Почему? «Тропюю грома» у начальства и цензуры не вызвал никаких сомнений. Там ведь идея одна, простая, всем доступная: в Южной Африке богатые белые угнетают бедных черных. Разве не находка для советской пропаганды? Что представляет собой этот южноафриканский режим? Типичное капиталистическое государство с типичными для капитализма эксплуатацией и насилием. Значит, роман заклеит весь капиталистический строй.

Не думаю, что сам Абрахамс стремился к таким обобщениям. Но в нашей пропаганде все выглядело именно так.

А «Венок Майклу Удомо» не укладывался в привычную схему: колониализм и борющиеся против него свободолюбивые африканские народы. Там все куда сложнее. В самих африканских обществах — глубокие внутренние противоречия, вплоть до того, что героя романа убивают сами же африканцы. Но... не отвлекает ли нашего читателя эта сложность от простой и ясной идеи: единственное зло — в колониализме?

Я уверен, что этот роман куда лучше первого. Абрахамс проявил тут дар предвидения. Роман написан в 1955-м, за несколько лет до того, как на карте «Черной Африки» на месте колоний стали появляться первые государства. И Абрахамс показал те внутренние противоречия, которые там сразу же начали проявляться. Нам бы задуматься над этим. Африку-то Абрахамс знал лучше, чем мы тогда.

Когда я пришел к заместителю главного редактора журнала «Иностранная литература» с идеей издания этого романа, он сказал: «Хорошо бы ваш Институт Африки поддержал Вас».

Я поговорил с Потехиным. Он мне поверил (штудировать роман у него времени не было), дал письмо руководству журнала. Но после того, как они сами прочитали роман, тот же заместитель главного сказал:

— Знаете, если нас будут бить за его публикацию, то ни вы, ни широкая спина вашего института нас не прикроют. Так что пока отложим.

Отложили на три с лишним года. В 1964-м все-таки опубликовали. Сразу — в журнале и отдельной книгой в Издательстве иностранной литературы. К 1964-му и весь мир, и начальство нашей страны, видимо, тоже поняли, с какими трудностями столкнулись только что возникшие африканские государства. Недавняя эйфория проходила. А именно эти трудности и предвидел Абрахамс.

Предисловия я писал не только к книгам об Африке.

В 1983-м позвонили из московского издательства «Радуга».

— У нас к Вам просьба. Хотим издать сборник рассказов Найпола, тринидадского писателя индийского происхождения. Рассказы прекрасные. Правда, что-то уже публиковалось в журнале «Иностранная литература», но маловато. А мы хотим целую книгу. Но боимся цензуры: вдруг сочтут, что они непривычны для советского читателя. Не напишете вводную статью? Чтобы объяснить, прикрыть, если будут сомнения.

Написал. Слава Богу, издали. В 2001 г. Найпол получил Нобелевскую премию. Наши редакторы потирали руки: мы-то выпустили, не дожидаясь!

* * *

Но были трудности и не только от нашей всегдашней перестройки.

В 1975-м при моей поддержке издали сборник стихов южно-африканских поэтов «Голоса Доброй Надежды». Стихи разные. Из тех, что затрагивали политику, выбрали не крикливые, не барабанные, а такие, что заставляли призадуматься. Например, стихотворение «Взаимость»:

Утром приехали белые,
Одетые в белое люди,
В огромной белой машине
Они увезли его.

В полдень приехали черные,
Одетые в черное люди,
В огромной черной машине
Они увезли его.

Автор — Доллар Брэнд. (Потом он сменил имя, стал Абдуллой Ибрагимом.) Прекрасный композитор, во всех аэропортах стран Юга Африки звучали его мелодии. И хороший поэт.

А в его стихотворении «География»:

Так много вокруг теорий
О Западе и Востоке,
В их многоголосом хоре
Претензии и упреки.

Одно лишь, во всяком случае,
Известно давно и без карт —
На фоне всего, что накручено: Земля наша –
Круглый шар.

Ингрид Йонкер, белая южноафриканка, покончила с собой,
уплыв далеко в океан. Перед этим написала стихотворение «Я улетаю с ветром».

О Черной Африки народ мой!
Путь далекий
Провижу твой — его веленьям следуй,
Пускай тебя минуют мои беды,
Мои тоска, печали и тревоги;
Я одинока, как в лесу сова...
Услышь мои последние слова...
Я ухожу, еще сжимают пальцы
Холодный воздух... Пустота кругом...
Что станет с тобой, народ страдальцев?
Взойдет ли солнце на небе твоём?

Включили и стихи, где не было никакой политики.

На разбитой гитаре,
На последней струне
Я бренчу потихоньку,
Что припомнится мне.

...

Ну и пусть все болтают,
Что и стар я, и глуп.
Пыль ласкает мне щеки
Нежным бархатом губ.

...

Что мне шутки соседей
И насмешливый взгляд,
Если месяц вздыхает.
Если звезды не спят!³¹

Это один из самых известных поэтов-африканеров Луис Лейпольдт. Кстати, когда-то, в молодости, еще в 1908-м, он побывал и в России.

---

³¹ Пер. с африкаанс Феликса Бурташова.

Сборник вышел. А тут приехал в Москву один из активистов Африканского национального конгресса. Он руководил чем-то вроде отдела пропаганды. Человек неплохой, но сильно зациклен на пропаганде. Посмотрел сборник. Перевели ему оглавление (русского языка он не знал). И список поэтов ему не очень понравился.

Пришел ко мне, как ответственному редактору и автору предисловия:

— Как Вы могли переводить Оппермана или Роя Кэмпбелла?

— А почему же нет? Они во всем мире признаны хорошими поэтами.

— Но они не принимали участия в нашем движении!

— Ну и что?

— Настоящий поэт — тот, у кого в одной руке перо, в другой — автомат Калашникова!

Пришлось обратиться к советской истории, напомнить: большевики не считали своими единомышленниками Достоевского и других классиков русской литературы и поначалу стремились их не печатать. Однако позднее стали публиковать их произведения.

Подумав, он согласился.

* * *

Художественная литература была важна мне не только потому, что помогала лучше узнать Африку. Здесь чуть меньше ощущалось давление цензуры и политической корректности. В предисловиях, введениях к романам, к сборникам стихов можно было дать какие-то сопоставления, параллели с жизнью в нашей стране. А ведь что может быть интереснее? Сравнения чужого со своим делают понятней и чужое, и свое.

В научных, и тем более в статьях, как-то касающихся политики, это было невозможно. Тебе скажут, что наша страна совершенно особая, еще и еще раз — особенная. Никаких сравнений не может быть!

Где-то в 1960-х был такой случай.

Сергей Васильевич Датлин, первый из отечественных журналистов, занявшийся Африкой, попросил меня написать статью о только что умершем южноафриканском президенте. Отказаться я не мог — к Датлину относился хорошо. Но писать скучно: южноафриканские политики у нас уже руганы-переруганы. И сделал я

статью с обобщениями (конечно, весьма сдержанно) об авторитарных режимах в современном мире вообще.

Сдал. Проходит неделя... Сергей Васильевич не звонит. Вторая... Третья... Наконец, звонок:

— Знаете, такая была горячка, так был занят... Сейчас уже номер сверстан.

И, немного смущаясь:

— Я понимаю, у Вас могут быть претензии. Ну, тогда придется делать выдержку из журнала. Но Вы понимаете, какие у меня будут неприятности.

Я посмеялся: мы друг друга поняли. Статью он не менял. Просто в каждый абзац вставил слова: «в Южной Африке», а то подумают, что тут и о советской власти речь идет.

Самое убийственное обвинение в редакциях, как и на собраниях: антисоветчина. Правда, и сейчас есть этому аналог — русофобия. Но он все-таки бьет не столь же беспощадно.

«Прочь от национальной гордыни!»

Эту идею я услышал в августе 1960-го в Москве на Всемирном конгрессе востоковедов от двух английских африканистов — Роланда Оливера и Джона Фейджа. У меня были с ними теплые встречи. Они подарили мне первый номер созданного ими *Journal of African history* — первого журнала, целиком посвященного истории Африки.

Обоим нет и сорока, но у них уже большой опыт. Джон Фейдж прожил десять лет в Западной Африке, преподавал в университетском колледже в Аккре. Роланд Оливер побывал во многих странах Африки, преподавал и в Аккре. Их книги уже были известны. Роланд Оливер еще в 1952-м издал книгу «Миссионерский фактор в Восточной Африке», а в 1957-м — «Гарри Джонстон в борьбе за Африку». Фейдж в 1955-м — «Введение в историю Восточной Африки», в 1958-м — «Атлас африканской истории», в 1959-м — «Гана — историческая интерпретация». У обоих авторитет среди африканцев — подрастающих исследователей.

Нам в Москве такое и сниться не могло: годами жить в Африке, повидать разные страны, преподавать там в университетских колледжах!

Я спросил об их ближайших планах. Они сказали, что, создав журнал, пишут книгу «Краткая история Африки». Хотят, чтобы она была краткой, ясной, понятной широкому кругу читателей и давала основные сведения об истории Африки. Одним словом, это должен быть вводный компактный курс и в университетах, и в школах, и для всех, кого интересует история Африки.

Эту книгу они вскоре завершили и в 1962-м издали большим тиражом. Продавалась по доступной цене и действительно положила путь и в европейские, и в африканские университеты.

Я спросил, что они считают главным в своем подходе к истории Африки.

— Главное — найти общий язык с молодыми учеными-африканцами. Англичанам надо отказываться от своей гордыни, от высокомерия по отношению к африканцам: только тогда возможно сотрудничество.

Они действительно так себя и вели. Поэтому и достигли уважения в африканских университетах. У них становилось все больше учеников среди африканцев.

* * *

Познакомился я на этом конгрессе и с Мельвилем Херсковичем, главой американской африканистики. Он был старше Оливера и Фейджа, и сумел сделать еще больше. Среди его книг уже были «Экономическая антропология», «Культурная антропология». Я спросил, над чем он работает.

— Кончаю книгу «Человеческий фактор в меняющейся Африке».

Этот объемистый том — больше пятисот страниц — вышел вскоре, в 1962-м.

Могли мы тогда мечтать о таком широком замысле?

Меня огорчило, что на этом конгрессе Херскович вместе с Потехиным выступили с предложением, как мне казалось, неудачным, чтобы африканисты отныне проводили свои собственные конгрессы, отделясь от востоковедов. Конечно, в 1960 г., в Год Африки, эта идея звучала очень актуально, подчеркивалась растущая роль Африки, африканцам это льстило. Но советская, да и вся мировая африканистика, была неизмеримо слабее востоковедения, и отрывать ее от востоковедческой пуповины вряд ли было

дальновидно. Так оно вскоре и оказалось. Совместные конгрессы были бы полезней. А африканистские, едва начавшись, перестали проводиться.

Не помню, тогда ли я познакомился со своим однофамильцем Бэзилем Дэвидсоном. Если не на том конгрессе, то примерно в те же времена. Был рад, что он сам захотел со мной встретиться. Я уже хорошо знал и его книги, и его биографию.

Жизнь его поразительно интересна. Во время Второй мировой войны воевал в Югославии, в партизанских войсках Тито: его в сентябре 1943 г. сбросили туда на парашюте. Провел там больше года. Стал так популярен, что партизаны радостно приветствовали его: Николá (так они его звали), Николá!

Потом воевал в Северной Италии, тоже в партизанском отряде. Кончил войну подполковником. Награжден британским Военным крестом.

После войны — журналистика. Сотрудничал в *Times*, *New Straights Time*, *Daily Gerald*, *Daily Mirror*. объездил Восточную, Центральную и Западную Африку. В ЮАР въезд ему запретили из-за критики апартхеида. Все это он рассказывал мне скороговоркой. Я старался записать, так было интересно.

Подарил мне только что изданную свою книгу «Прошлое Африки открывается заново». А через год прислал новую — «Черная мать. Африка: годы испытаний». Ее сразу же перевели на русский. Вышла в издательстве «Наука» под моей редакцией. Мне показалось, что читатели удивятся сходству фамилий автора и редактора, и я подписался фамилией мамы: Макрушин.

К сожалению, в Москве Дэвидсон был на моей памяти только раз. А когда я стал «выездным» и появлялся в Лондоне, он был уже не очень активен и жил в своем доме в провинции.

Его книги с интересными находками в истории Африки известны по всему миру. Последний сборник его статей вышел в Англии в 1994 г., последняя книга — «Западная Африка до колониальной эры. История до 1850 г.» — в 1998-м. Он ушел из жизни 9 июля 2010 г. Было ему девяносто пять.

Бэзил Дэвидсон рассказал мне о своем друге Кристофере Файфе. Сказал, что у них один день рождения — 9 ноября, правда, с разницей в шесть лет. Файф — глава африканистики в Эдинбурге, знаток Британской Западной Африки, особенно Сьерра-Леоне.

Вскоре я получил письмо от Файфа. А потом книгу «Изучение Африки после 1945 года» — сборник статей известнейших африканистов стран Запада и Африки. Издан Файфом и посвящен Бэзилу Дэвидсону. Для меня сборник оказался бесценным: дал представление о достижениях мировой африканистики.

А потом (забегаю вперед), когда меня стали «выпускать» на Запад и в Африку, и мы, наконец, встретились, то быстро подружались. Файф настоял, чтобы Эдинбургский университет пригласил меня на празднование его 75-летия. Последние годы был на пенсии. Жил под Лондоном. Приезжал в Лондон, когда я там бывал. Бродили по городу. От него я узнавал историю британской африканистики. Один из его дней рождения мы с женой отметили у нас в гостинице: человек он был одинокий.

Хотя Файф был моложе Бэзила Дэвидсона, ушел из жизни раньше его на два года.

На конгрессе очень интересными для меня были встречи с Гаральдом фон Сикардом, выходцем из Прибалтики, когда она была еще частью Российской империи. Четверть века прожил миссионером в Южной Родезии и сопредельных странах. Был, очевидно, одним из лучших в Европе знатоков этой части Африки. Автор книг и многих статей в западноевропейских журналах и южно-родезийском журнале *Nada* о традициях и обычаях местных народов и об истории распространения христианства.

Еще до конгресса я много слышал о нем от Дмитрия Алексеевича Ольдерогге. Они переписывались с 1955 г., и именно Ольдерогге просил организаторов конгресса пригласить Сикарда. Они были сверстниками (Сикард старше на три года), у обоих в роду немецкие корни, да и в воспоминаниях о жизни в России до 1917–1918 гг. тоже много общего.

Я знал статьи Сикарда, был благодарен ему за то, что он в известном журнале *Anthropos*, опубликовал рецензию на мою книгу «Матабеле и машона» сразу после ее выхода в 1958-м.

При нашем знакомстве назвал себя Гаральдом Эрнестовичем. За четыре десятилетия жизни вне России не забыл русский язык: говорил по-русски очень хорошо. Сказал мне, что только из-за болезни вынужден был уехать из Африки в Швецию. Стал работать в университете в Упсале.

На конгрессе сделал доклад «Африканский Демиург. Представления африканцев о Творце».

Увы, это оказалась его первая и последняя поездка в Москву. Газета «Правда» заказала Потехину статью об итогах конгресса востоковедов. Конгресс прошел хорошо. Но по тем временам надо было обязательно показать, что империализм не дремлет. Естественно, на конгрессе тоже. Была ведь, наверно, попытка протащить враждебную, религиозную идеологию? Выбор пал на доклад Сикарда. Его так и помянули в «Правде». Наверно, Потехину «подсказали». Мне неловко было его спрашивать.

Больше Сикард в Москве не был. Почти до самой кончины (умер в 1973-м) присылал мне свои статьи. Прислал и прекрасно изданный сборник сказок народов Анголы. Я отдал его в издательство «Художественная литература». Но его так и не перевели.

Не помню, на этом конгрессе, или, может, немного позднее, я познакомился с английскими африканистами Томасом Ходжкиным и Терри Рейнджером. И тот и другой были крупнейшими историками Африки. Рейнджер выпустил книгу об истории народов Южной Родезии (тогда уже Зимбабве) и во вступлении написал добрые слова о моей «Матабеле и машона».

Вскоре Рейнджер и его коллеги начали готовить Международный конгресс историков Африки. Такой конгресс проводился впервые. Готовился долго. За полтора года до его проведения я получил приглашение, причем не только выступить, но и вести в течение целого дня дискуссию по своей теме («Соппротивление африканцев установлению колониального господства»). Почему такой почет? Дело в том, что на Западе еще только начали изучать характер и формы того сопротивления, которое оказывали африканцы колониальным захватам в период «раздела Африки». А я этим занимался уже давно.

Приглашение было признанием вклада наших историков в мировую африканистику. Казалось бы, советская сторона должна это приветствовать. Нет, разрешения на поездку я не получил. Разумеется, без объяснения причин.

Конгресс состоялся, был проведен в Дар-эс-Саламе в 1965 г. Мой доклад был там зачитан и затем опубликован в сборнике докладов «Возникающие темы африканской истории»³². В предисловии к

---

³² Davidson A.B. African Resistance and Rebellion Against the Imposition of Colonial Rule // Emerging Themes of African History. Proceedings of the International

сборнику говорилось, что многое на конгрессе обсуждалось «в развитие тех проблем, которые подняты профессором Давидсоном»³³.

Этот доклад был переиздан в США в 1970-м в сборнике «Проблемы истории колониальной Африки, 1860–1960»³⁴. Разрешения на перепечатку у меня не запросили (уверен, что разрешение издатели запрашивали, но оно до меня не дошло). Но я был не в обиде: доклад появился среди материалов наиболее известных африканистов.

Россияне зарубежья — африканисты

Встречи с Сикардом и Херсковичем навели меня на мысль, правда, сперва она показалась мне странной. Оба они — выходцы из России. От них я узнал, что Макс Глакман, известный этнолог (тогда директор Института Родса — Ливингстона в Родезии), — тоже. И английский этнолог-африканист Лео Купер — из России. В Америке Копытов и его жена Херсковиц-Копытова, дочь Мельвиля, — тоже из семей выходцев из России. Дубоу в ЮАР — тоже.

В разговорах с Оливером и Фейджем меня поразило, что мы начинали разбираться в проблемах Южной Африки с работ одного и того же автора — Айзека Шапера. Ведь когда я, студент первого курса, зимой 1948–1949-го просил у Дмитрия Алексеевича Ольдерогге рекомендовать мне книги о Южной Африке, он назвал мне это же имя. Снял с полки две книги и особенно посоветовал мне одну из них, изданную еще в 1934 г. Я ее тогда проштудировал. Чем она примечательна? Основная литература, изданная к тому времени о Южной Африке, посвящена освоению этого края «белым человеком». А тут — вся книга о коренном населении, об африканцах: «Западная цивилизация и туземцы Южной Африки. Исследования культурных контактов»³⁵. Сборник статей о самых

Congress of African Historians held at University College, Dar es Salaam, October 1965 / ed. by T.O. Ranger. Nairobi: East African Publishing House, 1967. P. 177–188.

³³ Introduction // Ibid. P. XIX.

³⁴ Davidson A.B. African Resistance and Rebellion Against the Imposition of Colonial Rule // Problems in History of Colonial Africa, 1860–1960 / ed. by R.O. Collins. New Jersey: Prentice-Hall, Inc., Englewood Cliffs, 1970. P. 50–58.

³⁵ Western civilization and the Natives of the South Africa. Studies in culture Contact / ed. by I. Schapera. London: George Routledge and sons, 1934.

разных сторонах жизни африканцев: «Экономические условия жизни сельских туземцев», «Социальные и экономические условия жизни туземцев-горожан», «Экономическое положение банту Южной Африки», «Туземные власти в Южной Африке», «Христианство и религиозная жизнь банту», «Образованные туземцы в общественной жизни банту», «Европейское влияние на развитие языков и литературы банту», «Воздействие европейской цивилизации на музыку банту», «Смещение рас и туземная политика в Южной Африке».

Все авторы — профессора и преподаватели южноафриканских университетов: Претории, Кейптауна, Стелленбоша, Витватерсранда. Одну статью — редкость для того времени — написал Д.Д.Т. Джабаву, африканец. Его называют преподавателем латыни и автором исследований о народах банту в Южно-Африканском туземном колледже в Форт-Хейре.

Издана книга под редакцией Айзека Шапера, старшего преподавателя социальной антропологии Кейптаунского университета. Открывается его предисловием и двумя его статьями: «Старая культура банту» и «Современная жизнь в туземных резерватах».

С этой книги началось в студенческие годы мое знакомство с народами банту Южной Африки. Тогда я, конечно, не понимал, какое место занимает эта книга в мировой африканистике. Лишь через много лет осознал, что это было, пожалуй, первое столь всестороннее исследование жизни коренного населения.

Потом прочитал и другую книгу по той же тематике³⁶. Она была издана уже в Оксфорде, и автор назван профессором Кейптаунского университета. А еще через ряд лет я узнал, что Айзек Шапера — из семьи выходцев из России (в России он именовался бы Исаак Шапиро). В момент выхода первой книги ему было немного за тридцать. Как он, пришлый, и к тому же такой молодой, мог сделать все это? Поразительно! К сожалению, когда я стал спрашивать о его жизни, ученого уже не было в живых.

Макса Глакмана, под чьим руководством много лет работал Институт Родса—Ливингстона, я тоже уже не застал.

Потом, через немало лет, познакомился с Шулой Маркс. В восьмидесятых-девяностых годах она была в Лондонском уни-

---

³⁶ *Schaper I. Migrant Labour and Tribal Life. Oxford: University Press, 1947.*

верситете директором Института содружества, возглавляла британскую африканистику и считалась крупнейшим знатоком проблем Южной Африки. Тоже из семьи выходцев из России.

Как же велик оказался вклад россиян-эмигрантов в создание мировой африканистики!

Но нам, тем, кто изучал Африку в Советском Союзе, путь туда так долго был закрыт!

Из стран соцлагеря

Как же долго еще мы обсуждали проблемы Африки, не по-видав ее ни с одного края! Тех, кто хоть как-то и очень недолго по-видал — было так мало. И к тому же зачастую их «пускали» не из-за высокого профессионализма, а из-за близости к начальству, спецслужбам и благодаря «незапятнанным» анкетным данным. Так что, обсуждая, мы в своем кругу сообщали друг другу вычитанное из книг или из дошедших до нас впечатлений побывавших.

Так жили не только мы, а и африканисты стран социалистического лагеря. Время от времени, с конца 1960-х, мы собирались вместе с чехами, венграми, поляками, болгарами, немцами из ГДР. В Москве или в какой-либо из их стран.

Не могу сказать, что эти встречи много дали каждому из нас профессионально. У наших коллег из стран соцлагеря знаний было не больше, зачастую даже меньше. Но все же эти встречи мне памяты. Это была возможность увидеть другие страны. Побывал, правда, лишь по несколько дней в Берлине, Лейпциге, Варшаве, Праге, Братиславе, Варне. Повидал очень разных людей.

У некоторых африканистов Лейпцигского университета (он носил имя Карла Маркса и был центром африканистики в ГДР) увидел порой даже более жесткий «марксистский» подход, чем в Москве. Чехи, венгры и поляки позволяли себе некоторые вольности, немножко свободомыслия.

Венгр Ласло Крижан, чехи Иван Хрбек, Владимир Клима и Отокар Хулец стали моими друзьями. После подавления Пражской весны им стало неуютно. Ивану Хрбеку перекрыли поездки за рубеж. Но его имя уж очень известно на Западе: крупнейший арабист, перевел Коран на чешский язык. Был членом редсовета восьмитомной «Всеобщей истории Африки», которая готовилась под

эгидой ЮНЕСКО. Глава ЮНЕСКО специально приехал в Прагу защитить Хрбека, обратился к правительству Чехословакии. Запрет с Хрбека сняли.

Когда я приезжал в Прагу (всегда в составе делегации) Хрбек на машине увозил меня из гостиницы за город, и там мы, гуляя на свободе, говорили по душам. Потом (опять забегаю вперед), когда я уже был в Кейптауне, чехи попросили меня написать статью в сборник к его семидесятилетию. Я, конечно, написал. Но сборник, увы, вышел уже не к юбилею, а в память: Иван скончался.

Отокара Хулеца уволили из Пражского университета. На долгие годы он стал школьным учителем. Уволили не сразу. Последнюю командировку он получил в Москву. Сказал мне: «Вернись, уволят».

Успел выступить у нас в секторе Африки Института всеобщей истории. Тревожно спросил меня перед этим: «Как мне держаться?»

Я успокоил: «Доносов тут никто писать не будет».

Однажды чешские коллеги меня особенно растрогали. В Праге шел американский фильм об англо-зулусской войне (на московских экранах он почему-то не появился). Они знали, что я на днях приеду, и решили дожидаться, чтобы всем вместе пойти на эту картину, а потом посидеть в уютном баре.

До конца 1981-го я был «невъездным». За пределы стран социалистического лагеря выпустили только один раз, в 1967-м, на трехдневную конференцию в Замбию.

Почему не выпускали? Так я до сих пор и не знаю. В архивах КГБ наверняка есть объяснение. Но они закрыты. Могу лишь гадать. В партию вступить отказался, хотя даже Ростислав Александрович Ульяновский, заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС дважды предлагал свою рекомендацию. Фамилия моя, как говорили, «неудобная», родился в ссылке. Вроде бы и не диссидент, а все-таки ведет себя как-то не так. Что-то в моих лекциях, докладах могло не нравиться начальству. Например: «сверху» шла идея, что африканские государства могут с помощью СССР и соцлагеря пойти по некапиталистическому пути, т.е. миновать капитализм, как этап в своем развитии. Эта идея стала одной из центральных в московской африканистике. А я позволял себе в лекциях студентам шутить над этим. Говорил: «Порядочная женщина

не родит ребенка раньше, чем за шесть-семь месяцев. И если соберутся девять женщин, не смогут они сообща родить ребенка за один месяц». Подобные шутки, конечно, не проходили мне даром.

Из Лондона прислали просьбу войти в редколлегию ежегодника по проблемам Африки.

Директор Института Африки: «Ни в коем случае. Откажитесь».

Даже с социалистическим лагерем не все просто. То пускали, то нет.

Приглашение в Братиславу. Приехал. Встречающие:

— Это действительно Вы?

— Конечно.

— Удивительно. Мы Вас приглашаем уже не раз. Но или никто не приезжал, или приезжал кто-то другой. Говорили, что Вы никак не можете.

Спрашивать начальников? Не хотел унижаться.

На 53-м году жизни

В ноябре 1981-го все-таки спросил Примакова. Он был тогда директором Института востоковедения, а я там заведовал группой по изучению национальных проблем. В его добром отношении я был уверен. Знал его много лет. Поэтому и не считал зазорным:

— Доколе?

Не помню уже, задумался ли он или ответил сразу. Но ответ помню:

— В течение месяца поедете в Африку.

И действительно: в декабре 1981-го я на несколько дней поехал на международную конференцию в Анголу.

С этого и началось. Шел мне пятьдесят третий год.

Лиха беда начало. Весной 1982-го — Париж. Конференция по подготовке «Всеобщей истории Африки».

Затем — Эфиопия, Лесото. А Мозамбик, Замбия, Зимбабве... и по несколько раз.

Интересно? Еще как! Но... верно говорят: дорого яичко к Христову дню. Куда живее я бы все воспринимал, будь помоложе.

В каждой из этих стран встречался с политэмигрантами из ЮАР.

Расспросить не удалось

В августе 1982-го в Мозамбике (в Мапуту) конференция о проблемах всей Африки. Проводил ее Центр африканских исследований. В этом центре столичного университета собрались эмигранты из разных стран. И, конечно, из ЮАР. Яркие люди (впоследствии они разъехались: кто-то в Канаду; конголезец Жак Деспельшин бывал у меня в Кейптауне, а потом вошел в ряды повстанцев, воевавших против режима Мобуту).

Одной из них была Рут Фёрст из ЮАР. Встречи с ней я ждал с особым интересом. В Москве вышли в русских переводах две ее книги. В 1965-м — «Юго-Западная Африка. Историко-публицистические очерки»; в 1967-м — «117 дней. Рассказ о пережитом в одиночной тюремной камере» (обе с моими предисловиями).

О своих тюремных переживаниях она поведала очень искренне: как тяжело уже само по себе одиночное заключение, если даже не пытаются, не мучают. В предисловии я написал, что эта ее книга — пособие для каждого, кто может оказаться в таком положении (читатель мог понять и как намек на нашу страну).

В Москве я Рут Фёрст никогда не встречал. Не знаю, приезжала ли она в шестидесятых и семидесятых. В Мапуту она встретила меня на аэродроме, а вечером пришла ко мне в гостиницу вместе с мужем, Джо Слово. Его-то я в Москве встречал не раз. Он был лидером южноафриканской компартии. Не уверен, что тогда, в 1982-м, у них были вполне одинаковые взгляды. Да и личная жизнь... у Джо Слово уже появилась другая семья. Но на конференции они появлялись вместе.

Мне оба они были очень интересны. Живая история борьбы против режима апарtheidа. К тому же оба — из семей выходцев из Латвии. Правда, русского языка не знали, но помнили какие-то впечатления своих родителей о дореволюционной России.

С Рут Фёрст меня сближал и ее интерес к южноафриканской литературе. Она написала книгу об Оливии Шрейнер, южноафриканской писательницы, которая получила известность в Европе еще в конце девятнадцатого века.

Русские переводы книг Рут я посылал через ее товарищей еще в конце шестидесятых. Но почему-то они до нее не дошли, и она обрадовалась, когда я вручил их ей в Мапуту.

В благодарность подарила мне брошюру, которая уже была раритетом — «Южноафриканцы в Советском Союзе». Отредактировала и опубликовала Рут Фёрст³⁷. Это впечатления ее самой и ее товарищей — Уолтера Сисулу, Пола Джозефа, Сэма Кана, Брайена Бантинга и Дума Нокве — об их поездках в СССР в первой половине 1950-х. Предисловие пастора Д. Томпсона, он возглавлял Южноафриканское общество дружбы с Советским Союзом. И тоже побывал в Москве.

Все впечатления восторженные. И у самой Рут Фёрст. Она побывала не только в Москве, но и в Сталинграде, на канале Волго-Дон.

Брошюра вызвала у меня кучу вопросов. Там не сказано, когда были все эти визиты. Очевидно, не одновременно. Даты дали только Томпсон — 1951 год, Пол Джозеф, Уолтер Сисулу и Дума Нокве — 1953-й. Сама Рут Фёрст написала — в июне-августе. Но какой год?

И главные вопросы! Как были организованы эти поездки? Кто приглашал? Кто принимал? Тогда приехать в СССР было ой как не просто.

По приглашению из ЦК КПСС? Напрямую вряд ли. В ЮАС в 1950-м был принят «закон о подавлении коммунизма», и в том же году партия объявила о своем самороспуске, очевидно, чтобы избежать репрессий.

В каком же качестве они приезжали? Мне удалось найти в архивах сведения о пребывании Сэма Кана (до самороспуска партии он был ее председателем). Оказалось, что в Москве его принимал Комитет по культурным связям с заграницей. Представитель ЦК КПСС присутствовал на каких-то беседах с ним, но выдавал себя за сотрудника этого комитета. К Сэму Кану отнеслись сдержанно: знали, что он не захочет продолжать деятельность уже в подполье.

Партия восстановилась как нелегальная, слегка изменив название: вместо Коммунистической партии Южной Африки стала Южно-Африканской коммунистической партией. Решение было принято группой коммунистов в 1953 г.

---

³⁷ South Africans in the Soviet Union / ed. and publ. by Ruth First. Johannesburg: [n.p., n.d.].

Непонятно: почему в 1951–1953-м, когда партия вроде бы не существовала, столько людей приезжало в СССР? А после 1955-го и до 1959–1960-го не уверен, приезжал ли кто-нибудь. Все это мне хотелось уточнить у Рут Фёрст. И даже — когда именно вышла эта ее брошюра. Даты издания (года) на ней нет.

Много деликатных моментов. А Рут перегружена: в Мапуту она главный организатор конференции.

Решил отложить разговор до лучших времен. Думал — ненадолго. Уже намечался мой следующий визит в Мозамбик.

В воскресенье, 15 августа, Рут проводила меня на аэродром.

В свой кабинет в университете она пришла во вторник. Принялась открывать почту: много накопилось за дни конференции. В 16:30 дошла до очередного пакета. Открыла... взрыв. Рут Фёрст не стало.

Спецслужбы ЮАР прислали и еще один такой пакет Акино де Браганце, моему доброму знакомому, советнику президента Республики Мозамбик. Но тот отделался ранением.

Вряд ли мои взгляды на жизнь вполне совпадали с мироощущением Рут. Но я уважал ее за мужество и одаренность.

В тогдашних поездках по Африке я встречал немало интересных людей. Увы, далеко не все они сейчас живы. Но уход Рут мне особенно памятен. Не только из-за особой трагичности. Ее глубоко интересовала история и литература. Как же грустно, что так и не удалось с ней поговорить, что называется, по душам.

Русский охотник — следопыт

В детстве я читал (и упомянул в начале книги) о том, что были когда-то и русские сафари, путешествия, чтобы посмотреть и поохотиться. Прибыв на место — это были просторы Восточной Африки, — россияне искали проводников-следопытов: кто познакомит с тутошними обычаями, научит, где и на кого можно охотиться.

Но представить, что таким следопытом мог стать потом и русский, я не мог... До встречи в Мозамбике с Львом Крэгером. Да, он был профессиональным охотником, и как охотник-проводник помогал приезжим из Европы и Америки.

Пригласил меня в гости. Ему шел восьмой десяток. Моложав, спортивен. Прекрасный собеседник. В кабинете большой шкаф с

новейшей литературой на русском языке, выписывает из Америки и Англии.

Поразительная жизнь. Родился в Хабаровске в 1912-м. Мать русская, отец немец. Сказал, что страсть к охоте у него от деда, на-родовольца. Его сослали на Сахалин, и охота там стала для него подспорьем к существованию: чтобы выжить, дед стал охотиться.

А еще Лев Эрнестович рассказал о своем детском увлечении книгой Брема о диких животных: «Эта книга околдовала меня. Отсюда и мечта об экзотических странах».

С Дальнего Востока двенадцатилетним мальчиком уехал с мамой в Харбин (отец умер, когда ему был всего год). С ужасом говорил о «советской оккупации» «Русского Харбина» в 1945-м, о том, как КГБ отправлял в Сибирь русских, которые жили в Харбине. Высылка миновала его каким-то чудом, случайно.

В 1952-м с помощью лютеранской церкви (Крэгер по отцу мог считаться немцем, да и женился на немке) удалось переехать в Германию. Затем — Англия. Но... туманы, холод, промозглость. Хотелось в теплые страны. И в 1953-м — Мозамбик. Сафари были в моде. Действовали даже охотничьи концессии, например, немецкая Сафариландия.

Когда я с ним познакомился, об охотах речи быть не могло. В стране уже несколько лет шла кровавая гражданская война. Леса горели.

И охотиться он потом, в 1990-х, приезжал в Россию. Несколько раз. Сначала — Маныч, у слияния Дона и Кубани. Потом — Байкал и Дальний Восток. Помогал ему организовать его поездки Леонид Иосифович Шинкарев. Он был несколько лет корреспондентом газеты «Известия» в Мозамбике. Они сдружились. Жена Шинкарева перевела на русский язык одну из книг Крэгера (его охотничьи рассказы) и издала в Москве в 2001 г. Книга называется «Лев, который родился в рубашке»³⁸. Лев — это сам Лев Крэгер. А «в рубашке» — благодарность судьбе: прошел через столько испытаний, уцелел и прожил, как он считал, счастливую жизнь.

В один из приездов в Москву он жил в моей квартире — мы с женой были уже в ЮАР.

---

³⁸ Крэгер Лев. Лев, который родился в рубашке. М.: Северные просторы, 2001.

...Однажды в Мозамбике Крэгер посоветовал мне отправиться купаться на самый юг страны, близ границы с ЮАР. Я соблазнил еще несколько сотрудников советского посольства, и мы поехали. Вышли из машины, идем по пляжу. Навстречу туристы из ЮАР. Спрашивают, откуда мы.

— Из Москвы.

Они — почти с ужасом:

— Так советские уже и здесь!

С Арбатовым, Примаковым, Рокфеллером

— Руководству нашей страны следовало бы не импровизировать в закрытом узком кругу высших чиновников, а создать группы высококвалифицированных и безупречно честных людей для выработки программы каждой из реформ.

Так Георгий Арбатов говорил не раз. Эта мысль есть и в его воспоминаниях.

Ему самому удалось когда-то осуществить эту идею на практике. А мне посчастливилось быть причастным к этому.

Дартмутские встречи. У нас о них, если и упоминали, то совсем вскользь. Немудрено. Они не носили клейма «секретные», но их не афишировали. Да и теперь у нас о них известно очень мало, лишь по кратким упоминаниям нескольких участников. Так что их значимость еще предстоит оценить. И использовать тот опыт.

Задача этих встреч, которые регулярно шли с 1960-х до начала 1990-х, — добиться взаимопонимания с Соединенными Штатами по всему кругу международных проблем. Помочь смягчению напряженности.

Попыток ослабить холодную войну, как известно, было много. Но тут — дело особое. Не дипломаты, не государственные структуры, а эксперты с обеих сторон.

Меня привлекли, как только в повестку дня включили проблемы Африки.

...Начало июня 1977-го. Телефонный звонок. Евгений Максимович Примаков. Он тогда был заместителем директора Института мировой экономики и международных отношений.

— Что Вы сегодня делаете?

— Маму из больницы забираю.

- Когда?
- В 12 часов.
- В 16:30 ждем Вас во Внуково. Самолет в Юрмалу.
- ?!
- Там узнаете. (Ему явно было некогда.)

Приехал. Две группы. Наша и американская. Нашей руководил Георгий Арбатов. Мы знали, что он не только директор Института США и Канады, но и один из главных советников Брежнева по международным вопросам. Американскую возглавлял Рокфеллер. Держался просто. Подошел, представился: «Дэвид».

Все друг друга знали, встречались уже не раз, то у нас, то в Америке. А я — новичок. Так что пришлось в самолете расспрашивать, куда и зачем я попал. Это оказалось несложно. Атмосфера вполне доброжелательная.

Мне объяснили, что это уже одиннадцатая Дартмутская встреча. Поводом к ним стало ухудшение отношений между СССР и США после того, как 1 мая 1960-го над Свердловском сбили американский самолет-разведчик. Антиамериканские эмоции Хрущева, может быть, взяли тогда верх над интересами реальной политики. По трезвом размышлении, однако, обе стороны решили, что терять голову ни при каких обстоятельствах не следует, что у сверхдержав должны быть механизмы взаимного зондажа, чтобы уберечься от случайностей.

Идею такого механизма выдвинул Норман Казинс, американский журналист и общественный деятель. Ее одобрил президент США Эйзенхауэр, а затем и Хрущев. Создали с каждой стороны группы экспертов по важнейшим вопросам отношений между СССР и США: экономика, политика, космос, конфликтные ситуации в мире. Первая встреча состоялась в колледже Дартмут (штат Нью Хэмпшир); отсюда и пошло наименование встреч.

Затем диалог до начала 1990-х. Он не прерывался даже в моменты резкого обострения отношений двух держав. Участники собирались на конференции то в Советском Союзе, то в Соединенных Штатах. Были и встречи по группам, они собирались иногда и вне связи с большими конференциями.

В советской печати тогда об этих встречах не сообщалось. Оценки появились спустя годы. Е.М. Примаков вспоминал: «Что касается Дартмутских встреч, то они регулярно проводились для того, чтобы обговаривать и сближать подходы двух супердержав

по вопросам сокращения вооружений, поисков выхода из различных международных конфликтов, создания условий для экономического сотрудничества... Естественно, что все разработки обе стороны докладывали на самый "верх"». Дэвида Рокфеллера Примаков назвал незаурядным и обаятельным человеком³⁹.

Дэвид Рокфеллер, в свою очередь, дал Дартмутским конференциям такую оценку: «Они явились той площадкой, на которой можно было обсуждать существенно важные вопросы и предлагать новые идеи. Каждый из нас, принимавших в этом участие, независимо от того, был он американцем или русским, узнал что-то относительно взглядов, мотивации и надежд своих партнеров, что сделало невозможным мышление, остающееся только в жестких идеологических категориях холодной войны. Дартмутские встречи разрушили барьеры и сделали перемены возможными»⁴⁰.

В Америке в 2002 г. вышел увесистый том: «Непрерывный диалог. Многоуровневый мирный процесс и Дартмутская конференция»⁴¹. Эту историю Дартмутского диалога подготовил Джеймс Вурхис, сотрудник Фонда Кеттеринга. Фонд сыграл большую роль в организации и финансировании тех конференций. Сам Вурхис не участвовал в Дартмутском диалоге, но подготовить книгу ему помогли два активных участника: с американской стороны Гарольд Сондерс, бывший помощник государственного секретаря США, с российской — академик Виталий Владимирович Журкин, который долгое время возглавлял Институт Европы Академии наук.

За десятилетия Дартмутских встреч там обсуждались все сколько-либо важные проблемы советско-американских отношений и вообще острых ситуаций в мире. Участники — известные политики, ученые, крупные финансисты и промышленники. По традиции — те, кто в тот момент не входил в правительство. Но влияния у этих людей, во всяком случае у некоторых из них, было не меньше, чем у министров.

---

³⁹ Примаков Е. Годы в большой политике. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 1999. С. 39.

⁴⁰ Рокфеллер Д. Банкир в XX веке. Мемуары / пер. с англ. М.: Междунар. отношения, 2003. С. 236.

⁴¹ Voorhees J. Dialogue Sustained: The Multilevel Peace Process and the Dartmouth Conference. Washington, DC: United States Institute of Peace Press, 2002.

Почему меня включили в состав нашей делегации, да еще так срочно, что, сев в самолет, ничего не знал об этом, как говорили американцы, Дартмутском процессе?

Дело в том, что прежде, до 1977 г., проблемы Африки на этих встречах не обсуждались. А по прибытии американской делегации в Москву, в июне 1977-го (для совместного перелета в Юрмалу) американцы внезапно настояли и на включении в постоянную повестку дня, начиная с этой конференции, вопроса о конфликтных ситуациях в Африке (американцев встревожила активизация советской политики в Анголе и общее развитие обстановки на Юге Африки). Вот и вызвали меня так внезапно.

Более того — с вопроса об Африке началось первое заседание. И мне пришлось выступать первым. А я не представлял, какие тут традиции выступлений и обсуждений. Что сказать? В духе нашей пропаганды? Или как я сам считаю? Разница-то велика. Выбрал второе.

Закончив, был готов к тому, что моя дартмутская деятельность на этом закончится. Подошел к Арбатову: «Отработал я свой хлеб?»

Его ответ меня удивил: «Вы же профессионал. Мы вам верим».

Во время завтрака и обеда я садился за отдельный столик, чтобы никому не навязываться. Уже на второй день ко мне подсели Дэвид Рокфеллер с сыном, остальных советских участников они уже знали. Поговорили на общие темы. Потом Дэвид спросил:

— Не объясните, почему моему Chase Manhattan Bank разрешают в СССР иметь только два отделения? И не больше?

— Но ведь раньше и двух не разрешали?

Он кивнул, улыбнувшись.

Напротив меня за столом конференции сидел президент компании Pepsi Cola Доналд Кенделл. Перед каждым из нас ставили три бутылки: рижский лимонад, московский лимонад и минеральную. Он ничего не пил. Мы решили: брезгует. Но на следующий день было жарко, и он пил все подряд.

Включили меня в группу по конфликтным ситуациям в мире. Принимал я участие в обсуждении всех вопросов, но когда переходили к Африке, должен был выступать первым.

Вплоть до начала 1990-х, до завершения Дартмутских встреч, подход к африканским проблемам в нашей делегации представлял я. В американской — эксперты менялись. Самым знающим был

Джон Стремлау. Он прежде работал в Нигерии и в ЮАР. Способный человек и хороший полемист. Вскоре стал в Госдепе заместителем директора управления планирования политики.

Мне понравились дух и атмосфера тех встреч. Они задуманы были не для обмена взаимными претензиями и колкостями, не для бесполезных препирательств. Участники — профессионалы. Стремление к спокойному деловому обсуждению. К пониманию друг друга. Простота, а не дипломатический протокол.

Встречи были хорошо продуманы. Более или менее постоянный состав. Возникло взаимное доверие. Обеспечивался прекрасный синхронный перевод: лучшие переводчики из ООН, Госдепа, Москвы. Многие — давние российские эмигранты. Уильям Кремер, главный переводчик Госдепа при переговорах с советскими лидерами — от Хрущева до Горбачева. Джордж Шерри долгое время был помощником Генерального секретаря ООН. Павел Толстой-Милославский. С ним мы подружились, и он показывал мне потом русские кварталы Парижа. Директор русской службы переводчиков ООН Юрий Хлебников. Как-то разговорились с ним, и оказалось, что очерк Николая Гумилева о том, как в 1915 г. с поля боя выносили раненого офицера, это о его отце. Познакомил меня Юрий и со своим сыном Павлом. (Много лет спустя он, уже редактор журнала *Forbes*, был застрелен в Москве. Убийцы, как известно, так и не найдены.)

Парадокс нашей жизни. Меня включили, должно быть, в самый важный процесс переговоров с Западом, и все же я еще несколько лет оставался «невъездным». До декабря 1981 г. мог участвовать только во встречах, которые проходили в нашей стране. В Америке — только с 1982 г.

* * *

Больше всего запомнились мне две конференции. В Юрмале — не только потому, что она была для меня первой, но и потому что американцы считали ее самой трудной за всю историю Дартмута. Был разгар холодной войны.

Вторая — в Остине (Техас) в апреле–мае 1988-го (с заездом в Нью-Йорк, Вашингтон и Лос-Анджелес) — была особенной. Разгар перестройки. В середине апреля СССР согласился вывести войска из Афганистана. У всех — надежда на улучшение советско-американских отношений.

Советская делегация держалась поразительно раскованно и свободно, без той самоцензуры, что порой все же проявлялась раньше. Царила эйфория: гласность, новое мышление... Разговоры велись искренне, как никогда. Этим настроением мы заразили и американцев. Они поняли, что в СССР действительно наступили перемены.

Состав делегации был ярче, чем прежде. Среди «новичков»: известный социолог Борис Грушин, поэт Андрей Дементьев... Философ Мераб Мамардашвили, может быть, лучший из философов советского времени. Мой старый знакомый. Человек поразительной искренности. В Грузии вскоре после той Дартмутской встречи, пришел к власти националистический режим Гамсахурдиа. Мераб не смог и не захотел смириться. Сказал «Самое главное — это истина, и истина выше патриотизма, выше любви к своему народу».

Но борьба против идей, за которыми, как казалось тогда, пошел его народ, подорвала силы Мераба. Он умер от инфаркта в аэропорту Внуково в 1990-м.

Приехали и те, кто пропустил какие-то конференции. Прекрасный экономист и такой же прекрасный писатель Николай Шмелев. Владимир Лукин — впоследствии посол, а позднее уполномоченный по правам человека в Российской Федерации.

Да и за пределами конференций проходило больше интересных встреч, чем раньше. Мне пришлось выступить в Капитолии перед группой конгрессменов, связанных с американской политикой в Африке. Встречался с Эдуардом Кеннеди, Джесси Джексоном. И с Элен Китчен, профессором Джорджтаунского университета. У нее была слава лучшего знатока международных дел, связанных с Африкой. Заместитель госсекретаря, отвечающий за политику в Африке (на этом посту за годы Дартмутских встреч побывали несколько дипломатов) всегда прислушивался к советам Элен Китчен.

В целом обстановка — дружественная. Возможен ли был на привычных дипломатических переговорах такой, например, эпизод. Председательствующий Дэвид Рокфеллер спрашивает меня и Джона Стремлау:

- Так какие у вас мнения?
- Может Джон сказать, могу я.
- У вас что же, единое мнение?
- Да.

Сейчас идет опять ухудшение российско-американских отношений — так, может, не стоит напоминать о том сотрудничестве? Мне кажется — стоит.

Вот мнение о Рокфеллере — из дневника известного журналиста Станислава Кондрашова. Уж очень оно сошлось с моим первым впечатлением, еще в Юрмале.

«Рокфеллер был в том же костюме, что и два года назад. Пиджак клетчатый, коричневатый, помятый на сутулой спине. Ботинки на толстой подошве, мягкие, удобные для старого человека. Рокфеллер был решительно, как все. Пользуясь нашей терминологией и мифологией, Рокфеллер был прост... как Ленин. Сидел со всеми за столами заседаний и если на более почетном месте, то только потому, что ветеран Дартмута, один из основателей этих ежегодных американо-советских встреч. Смешивался с толпой на коктейлях и приемах, в перерывах (coffee breaks). И самое удивительное, что простота его никого не удивляла, кроме, может быть, нас, новичков Дартмута. ... У Дэвида лицо мягкое и манеры мягкие и очень интеллигентные, и он совершенно одинаково относится ко всем: к студентке, которой рассказывал, у кого учился в Лондонской школе экономики, и к канцлеру Хансу Марку, слегка поворачивая к собеседнику суховатое, тронутое старческим пергаментом лицо с красивым носом.

Я хотел взять у Дэвида интервью. Он деликатно отнекивался, не совсем понимая мои намерения. Мое откровенное выступление на одном из заседаний о роли нашей печати в перестройке, о ее проблемах, видимо, убедило его. В перерыве он подошел, сказал комплимент, удивился, какие мы все теперь “индивидуальные” и смелые, спросил: “Как же вы раньше жили?”»

Он, показалось, так и не поверил, что наши выступления мы не давали утверждать академику Георгию Арбатову, главе нашей делегации»⁴².

В том же 1988-м прошли конференции, уже не общие, а отдельных групп. Группа по конфликтным ситуациям, в которую я входил, собралась в начале декабря в Нью-Йорке. Дискуссии — о Ближнем Востоке, Афганистане, Латинской Америке. Положение

---

⁴² Кондрашов С. На сломе эпох. 1982–2006. Летопись очевидца: в 2 т. Т. 1. 1982–1991. М.: Междунар. отношения, 2007. С. 267.

на Юге Африки вызывало оптимизм. В конце 1988-го реально проявилось сближение позиций СССР и США. Решался вопрос о будущем Анголы, где велась война с участием кубинских и южноафриканских войск. И о судьбе Намибии; тоже сложная проблема. И, пожалуй, впервые в истории региональных кризисов холодной войны дело шло к спокойному продуманному урегулированию. Соглашение подписывали Ангола, ЮАР и Куба, но в действительности решали Советский Союз и США. Это было важной разрядкой в холодной войне, еще до ликвидации Берлинской стены.

И Дартмутские встречи внесли в это свой вклад.

Правда, не все американские политики относились к нам с доверием. Меня удивило тогда поведение Киссинджера. В Дартмутских встречах он прямого участия не принимал — слишком очевидна его связь с Государственным департаментом. Но в феврале 1989 г. он участвовал в публичной конференции Университета штата Флорида. Она была посвящена соглашениям по Анголе—Намибии. Выступить пригласили троих: Киссинджера, меня и главу ангольского представительства в США. Америка и СССР поддерживали в Анголе силы, противостоявшие друг другу. СССР — правительство Агостиньо Нето, США — оппозицию во главе с Джоном Савимби. В США Анголу, естественно, представлял сторонник Савимби.

Конференция была широко разрекламирована, ее материалы вскоре опубликованы.

Что из событий той встречи особенно запомнилось? Прежде всего — речь Киссинджера. Он выразил сомнение в искренности советской позиции: не верьте вы этому горбачевскому «новому мышлению»: все советские лидеры одинаковы, одним миром мазаны.

Анголец меня тоже удивил. Он выступал крайне воинственно, резко обличал Советский Союз. А во время фуршета подошел ко мне и стал рассказывать о себе. Оказалось, его семья, или во всяком случае часть ее, находится на территории, подконтрольной Агостиньо Нето. Больше того, один из родственников — в военнотренировочном лагере в СССР. И попросил помочь: советские дипломаты не идут на контакты с ним.

Что это? Когда он был искренен? Так я и не понял. Посольским нашим его просьбу передал. Но ко всему, что связано с Савимби, отношение у них было однозначно отрицательным.

И третье, что меня поразило. Устраивая меня в гостиницу, организаторы конференции предупредили:

— Мы Вас записали под другим именем.

— ?!

— На всякий случай. Тут, во Флориде, много эмигрантов с Кубы, бежавших от Кастро. Советских ненавидят. Как бы чего не вышло.

— Но ведь завтра я буду выступать на конференции под своим именем.

— Ну, то завтра. Там будет порядок. Охрана.

Так я и провел ночь под чужим именем. Первый раз в жизни.

...Дартмутские встречи в Москве, Баку, Суздале, под Вашингтоном, в Нью-Йорке, Остине... В 1990-м состоялась последняя общая конференция. После этого еще несколько лет — по группам. Однако обсуждение африканских проблем постепенно отошло на второй план. Намибия стала независимым государством. Политика апарtheid в ЮАР рухнула. Появились новые проблемы: обострилось положение в Афганистане, в Таджикистане и вообще в Центральной Азии. Это и отвлекло внимание от Африки.

В американской книге об истории Дартмута мне впоследствии было приятно прочитать: «Хотя Африка ушла из повестки дня, Давидсон участвовал в ряде обсуждений, и его здравый смысл высоко ценился»⁴³.

Мне кажется, что Дартмутские встречи помогали сверхдержавам лучше узнать намерения друг друга. Способствовали, хоть в какой-то мере, смягчению холодной войны. Многие дали и нашим политикам и политологам: учили терпению, умению спокойно вести переговоры, понимать другую сторону, по-деловому аргументировать.

Казалось бы, да в чем тут заслуга? Разве так трудно — понимать? Но вспомните, к каким трагедиям в нашей истории приводило неумение и нежелание понимать. За то, что Николай I, ведя переговоры в Англии, даже не попытался понять англичан, мы заплатили Крымской войной. Александр III считал, что пока русский царь рыбу удит, Европа может подождать. А сколько русских солдат в русско-японскую войну заплатили своими жизнями за высо-

---

⁴³ Voorhees J. Op. cit. P. 299.

комерие Николая II? Он называл японцев макаками. Это и привело к похвальбе: «шапками закидаем».

Сталин говорил: «иностранцы — засранцы», а Хрущев грозил «закопать» капиталистический мир!

В середине пятидесятых меня, младшего научного сотрудника, один известный политолог поучал: «Вы на аргументы иностранцев не реагируйте. Подождите, пока они кончат говорить, и опять — свое».

Увы, такой подход не вполне умер и теперь. Но, как говорил Алексей Константинович Толстой, «о том, что близко, мы лучше умолчим».

Дартмутские встречи учили вести диалог. Слушать, слышать и пытаться понять доводы другой стороны. Мне они помогли лучше понять и отношение Соединенных Штатов к Африке.

* * *

Для меня оказалось интересным знакомство не только с американцами, но и с членами нашей делегации. Рад, что ближе узнал Арбатова, встречался с ним и потом. Много из того, что слышал от него, прочел потом в его воспоминаниях. Вот хотя бы такое:

«Мы, россияне, — европейцы, а никакие не «евразийцы» по генотипу и истории, по традициям и культуре. Мы — часть Европы, правда, в силу объективных исторических причин и собственных субъективных ошибок, мы сильно отстали. Бесконечные рассуждения о нашей «особости» («русская идея», «особая миссия», «самодостаточная цивилизация»), о наших, якобы отличающихся от Европы, ценностях, на мой взгляд, полная чушь. В лучшем случае — это отражение искренних заблуждений, а в худшем — потуги обосновать и облагородить неумение или нежелание создать благополучное и активное гражданское общество».

И другое — из мыслей, которые он высказывал в последние годы жизни. «Теперь нам пытаются внушить, что нынешняя политическая система России — это реальная демократия, но только «особого», российского «разлива», и любая критика ее есть априори попытка навязать нам чуждые порядки и подорвать российский суверенитет в угоду «злонамеренному» Западу»⁴⁴.

---

⁴⁴ Арбатов Г. Жизнь. События. Люди. М.: Любимая Россия, 2008. С. 352, 356.

В Йельском университете

С осени 1988-го до лета 1989-го у меня была возможность повидать и послушать ведущих знатоков Южной Африки, приехавших со всего мира, и участвовать в обсуждениях. Дело в том, что американский Йельский университет создал Программу исследований южноафриканских проблем — программу для ученых из разных стран. Пригласили и меня, на год.

Руководил программой профессор Леонард Томпсон, крупнейший африканист в Америке, автор двухтомной «Истории Южной Африки».

Почему возникла эта Программа?

Судьба ЮАР привлекала внимание всего мира. Казалось очевидным, что политика апартхеида зашла в тупик. Но каковы пути выхода? Какое влияние это окажет в Африке? Да и как отзовется в мировой политике? Над этим бились политологи, социологи, экономисты и, разумеется, историки, которые во всем стремятся разглядеть исторические корни, традиции, тенденции.

В Москве добро на поездку мне дали довольно легко. Но в Управлении внешних сношений Академии наук брать с собой жену не разрешили.

Я пошел к главному ученому секретарю Академии наук, попытаться еще раз. Не особенно надеялся: плетью обуха не перешибешь. Но в приемной встретил того самого сотрудника, который мне отказал. Поглядев на меня, он бросил с издевкой:

— Что ж, каждый имеет право выбирать наиболее мучительный путь, чтобы снова получить отказ.

Тут во мне зыграло:

— Дойду до Горбачева, но добьюсь.

— Посмотрим.

Никаких шансов обратиться к Горбачеву у меня, конечно, не было. Но вспомнил, что могу позвонить Примакову. На следующий день разрешение дали. Пришлось только на месяц отложить поездку жены: ее документы в УВС якобы потеряли...

В ноябре добрался до Нью-Хейвена, где расположен Йельский университет, один из самых престижных университетов Америки. Тут учились Клинтон — муж и жена, Буши — отец и сын. Да кто только там ни учился!..

Работа этой программы была действительно своевременной. Мне было интересно выслушать мнения известнейших знатоков ситуации, участвовать в дискуссиях.

Доклады и обсуждения — каждую неделю. Говорим буквально о всех сторонах жизни на Юге Африки: экономике, политике, социальных и национальных отношениях, культуре. Но все-таки, что мне бросилось в глаза по сравнению с подходами в Москве: у нас все сосредоточивалось на компартии и АНК, а тут об этом говорилось меньше. Больше — о положении внутри ЮАР, о разных сторонах государственной политики. Но АНК и компартии уделялось недостаточно внимания.

Большинство коллег придерживались либеральных взглядов. Но терпимо относились к любым иным. Южноафриканка, доцент одного из американских университетов, начала свой доклад:

— Я вообще-то не читаю того, что пишут белые. Зачем это мне?

Ко мне относились очень хорошо. Это вызвано было и вестями, которые доходили из Москвы и привлекали внимание в Йеле. В первые же дни моего пребывания в Америке стало известно, что в Москве проведена Неделя совести, посвященная памяти жертв сталинских репрессий. Прекращено глушение радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа». Академик Сахаров избран в Президиум Академии наук. Отменено, наконец, злосчастное постановление 1946 г. о журналах «Звезда» и «Ленинград», с которого пошли погромы во всех сферах культуры. А затем в январе — указ о реабилитации всех несправедливо осужденных (впоследствии мне был дан документ, что я — жертва политических репрессий, поскольку отца арестовали, когда я был несовершеннолетним). Создано общество «Мемориал». Учрежден Съезд народных депутатов СССР. Завершен вывод войск из Афганистана. Шел вывод войск из ГДР и Чехословакии.

Но — вместе с тем — митинги ультранационалистического общества «Память» проходили даже в телецентре в Останкино.

Как-то, уже в мае 1989-го, позвал меня Леонард Томпсон пообедать с ним в ресторане и после второй рюмки вина сказал: «Очень уж беспокойно, тревожно у вас там, в Москве. Не боитесь возвращаться?»

Взглянул на меня как-то испытующе.

И продолжил: «У меня тут кое-какое влияние есть в нашем университете. Рад буду, если Вы решите остаться. Я, конечно, не

могу сейчас Вам сразу гарантировать, но кое с кем уже поговорил. Надежда есть. Одним словом, готовы Вы подумать о работе здесь, в нашем университете? Он ведь не худший тут, в Америке».

Замолчал. Решил дать мне подумать.

В его искренности я не сомневался. Он ко мне действительно очень хорошо относился.

Насколько реально было его предложение? Трудно сказать. У него в университете были и сторонники, и недруги. Действительно ли он добился бы того, о чем говорил? Наверно, он подумал, взвесил, если так со мной говорил.

Во всяком случае, меня очень растрогали его слова. В них и доброта, и уважение ко мне как к человеку и как к его коллеге по профессии.

Я ответил, конечно, глубокой благодарностью. Сказал, что хотел бы сотрудничать с ним и после завершения срока моей работы в его центре. Сказал, что его предложение для меня очень лестно, что он сумел создать прекрасный центр. Что Йельский университет я глубоко уважаю и не только потому, что его студенты становились потом президентами США. Все это я говорил вполне искренне.

Так что, повторяю, предложение оказаться там, среди этих людей, слышать мне было, что и говорить, приятно.

Но о том, чтобы принять предложение Томпсона или начать конкретно его обсуждение, для меня не было и речи. Все друзья, все самые близкие и все, с кем меня объединяла многолетняя совместная работа — в Москве и Ленинграде. И человек я русской культуры. Так что — о чем речь?

Отказался. Постарался найти слова, чтобы не обидеть Томпсона.

Второе предложение услышал от Джона Стремлау, моего «противника» на Дартмутских встречах. Он стал важной персоной, заняв в Госдепе пост заместителя директора управления планирования внешней политики. Сказал, что я могу поработать в архиве Гуверовского института, одном из самых богатых архивов Америки. И что Фонд Форда оплатит мое пребывание — несколько месяцев, может быть, год.

Конечно, увидеть документы этого архива — неслыханное везение. Но я не принял и это предложение. Забрехала надежда, что, вернувшись из Америки, я вскоре смогу повидать страну, которой занимался уже сорок лет, — Южно-Африканскую Республику. Тот самый мыс Доброй Надежды.

КРУТЫЕ ПЕРЕМЕНЫ ПОД ЮЖНЫМ КРЕСТОМ

Нельсон Мандела

Аполлон Давидсон и вице-президент ЮАР (в дальнейшем — президент)
Табо Мбеки на открытии Центра российских исследований

Не пришлось так уж жалеть, что отказался от поисков в Гуверовском архиве. Конечно, хорошо бы поискать там документы. Но от заманчивого предложения отказался не напрасно. В ЮАР все-таки поехал.

О той первой поездке (в конце 1989-го) я рассказал в начале этой книги. Вернулся под Новый 1990 год. В 1990-м там уже не побывал: московские дела, курс лекций в Америке, давнюю договоренность о нем разрывать не к лицу. Так что весь год я вместе с коллегами узнавал о событиях в ЮАР издали. Правда, в том году провели международную конференцию об Африке. Была и большая делегация от АНК. Потом мы создали (сами, без приказов сверху) общество по связям с Южной Африкой. Назвали его: «Общество Доброй Надежды», или «Русское общество».

Мир тогда обратил на вести из ЮАР куда меньше внимания, чем они заслуживали. Уж очень много было тем для обсуждений и волнений: конец холодной войны, вывод советских войск из Афганистана, из стран Восточной и Центральной Европы.

А вести-то были поразительные. В самом начале 1990-го освободили из тюрьмы самого знаменитого заключенного — Нельсона Манделу, отсидевшего 27 лет. Затем новое правительство во главе с де Клерком, сняло запрет со всех политических партий, давно находившихся под запретом: с компартии, с АНК. И даже с Панафриканистского конгресса, в рядах которого звучали призывы «Всех белых в океан!», «Убей бура!», «Убей фермера!».

Теперь может казаться: что ж, везде убрать эти запреты было вполне правильно, логично. Но разве действия правительств в ЮАР, да и в других странах обязательно логичны?

Легко ли было правительству сделать это? Возмущение, протест у части белого населения. Говорили: де Клерк легализует тех, кто против нас. И даже: легализует террористов.

В ЮАР не столь уж многие ожидали этого шага. Да и во всем мире. На Дартмутских встречах, на дискуссиях в американской Программе южноафриканских исследований как-то не предвидели такого поворота событий, во всяком случае, такого быстрого. Доходили слухи, что власти ЮАР ведут в тюрьме переговоры с Манделой, что речь идет о его освобождении при соблюдении строгих условий. Но чтобы сняли запрет с запрещенных партий, не помню, чтобы такая возможность всерьез обсуждалась.

Как правительство де Клерка решилось на такой шаг? Конечно, оно чувствовало обреченность политики апарtheidа. Но привычные расистские настроения немалой части белого населения и его уверенность в терроризме АНК, застарелая вера в то, что советский коммунизм и его орудие — южноафриканский, — это самая страшная угроза их существованию. Как было де Клерку не бояться, что его сметут?

Конечно, на его правительство и близкие к нему круги влияли общемировые события. Конец холодной войны, перемены в Африке, перестройка в СССР, изменение отношения Запада к АНК, начавшиеся, пусть и неглубокие, советские контакты с властями ЮАР, скрытые контакты этих властей и с Манделой, находившимся в тюрьме, и с некоторыми представителями АНК.

Действия де Клерка вызвали активизацию крайне националистических африканеров, но у большинства белых возмущения не проявилось. Очевидно, вера в апарtheid сильно поколебалась или ушла в прошлое.

А в лагере АНК и компартии? В российской литературе это внимательно и подробно анализировали В.Г. Шубин и И.И. Филатова. Все же обобщить и составить безусловно четкое впечатление нелегко. Внутри этих партий были разные настроения: и за продолжение бескомпромиссности, воинственности, и за возможность переговоров. Возможность переговоров обсуждалась сугубо внутри. В официальных же документах сохранялась бескомпромиссность: очевидно, чтобы не вызывать недоумений в многочисленных рядах самих сторонников. Сколько-то широко возможность переговоров не обсуждалась. Южно-Африканская компартия, если судить по ее принятой в 1889 г. программе «Путь к власти», не предвидела, что ее легализуют, снимут с нее запрет. Там провозглашался «захват власти» путем вооруженной «революционной борьбы».

И все же вскоре начались переговоры, и в результате — договоренность.

Свидетельство и результаты этого я видел, находясь в ЮАР с 1991 по 1998-й. И видел тех, кто руководил компартией и АНК. Не раз подолгу разговаривал с Джо Слово, лидером компартии. Но никогда не задавал вопросы о внутренних сложностях, разногласиях, противоречиях. Неловко было спрашивать, неделикатно.

Символом мирных договоренностей в глазах всего мира стал Нельсон Мандела.

Символ миротворчества

Никто не рождается с ненавистью
к другому человеку из-за цвета кожи,
происхождения или религии.
Люди учатся ненавидеть, и если они могут
научиться ненавидеть, нужно стараться
учить их любви, потому что любовь
ближе человеческому сердцу.

Нельсон Мандела

Часто ли президенты Владимир Путин и Барак Обама сходятся во мнениях? Горбачев и Путин тоже не всегда дают одни и те же оценки. Но вот: высказались поразительно единодушно.

Что же их объединило? Отношение к Нельсону Манделе, бывшему президенту Южно-Африканской Республики, в связи с его кончиной.

Обама не только приехал в Южную Африку на его похороны в декабре 2013 г. Он и прежде в течение многих лет называл Манделу своим кумиром.

Горбачев откликнулся так: «Он много сделал для человечества, и память о нем сохранится не только в его народе, но и во всем мире... Он умел ценить заслуги других народов... Будут помнить таких людей, как Мандела. Счет их идет на единицы»⁴⁵.

Путин пришел в посольство Южно-Африканской Республики и в книге соболезнований написал: «Мужественный, мудрый чело-

---

⁴⁵ РИА Новости. <<http://ria.ru/world/20131206/982374546.html#ixzz2-muNBzq4S>>.

век Нельсон Мандела всегда последовательно боролся за свои убеждения, но при этом оставался великим гуманистом и миротворцем. Именно такой подход востребован в мире сегодня: поиск компромиссов — это лучшая основа для согласия и сотрудничества».

И Путин, и Обама сравнили Манделу с Махатмой Ганди.

Кто только ни превозносил этого человека! Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун сказал на его похоронах, что Мандела показал путь, по которому должен идти мир. И добавил, что иногда добрая улыбка сильнее грубой силы.

На похороны собрались государственные деятели со всего мира. Высказывания Манделы появились в газетах и журналах разных стран, в том числе и российских. «Воевать и разрушать очень легко. Настоящие герои — те, кто устанавливает мир и начинает строить». «Сложности и невзгоды разрушают одних людей, но создают других». «Сложно изменить общество, но еще сложнее изменить себя». «Я против господства белых и против господства черных». «Мы должны использовать время мудро, и помнить: правое дело можно начать в любую минуту». Он был против «длинных речей, сотрясания воздуха и размахивания кулаками, осуждений и резких резолюций».

Можно по-разному трактовать какие-то его высказывания, можно соглашаться или не соглашаться с ними. Но они заставляют задуматься. И многие из них — мудрые.

Манделу связывают с именами лучших людей истории и современности. Для нас, россиян, наверно, очень близко, что его образ связан с именем А.Д. Сахарова. Да, Мандела был лауреатом Нобелевской премии мира, но еще раньше он стал первым лауреатом премии Сахарова.

Но в 1990-е годы, на которые пришелся крутой поворот в истории ЮАР, теснейшим образом связанный с именем Манделы, мировое сообщество уделяло происходившему в ЮАР и роли Манделы все-таки не такое внимание, какого они заслуживали. Это вполне объяснимо: весь мир обсуждал тогда завершение холодной войны и распад Советского Союза.

Почему же потом — через много лет — имя Манделы привлекло всеобщее внимание и вызвало столь единодушную оценку даже у тех, кто не особенно привык соглашаться друг с другом?

Во многих странах мира растут национальные противоречия, осложняются и межрасовые. Былому, казавшемуся неоспори-

мым, господству евроцентризма бросили вызов востокоцентризм, исламоцентризм, афроцентризм. Вышли на поверхность и стали очевидными те национальные, расовые, религиозные противоречия, которые тлели в глубинах или, во всяком случае, не приводили к бурным взрывам. Сворачиваются одна за другой вызванные этими противоречиями революции: особенно явственно это видно в мусульманском мире.

Значение опыта ЮАР стало очевидно. Государству предрекали страшную межрасовую войну, многомиллионное восстание черных против белых⁴⁶, которых черные считали своими угнетателями три с половиной столетия. Но этого не произошло. Даже погромов не было. Революция состоялась, но мирная. Конечно, и после этого страна отнюдь не стала олицетворением благополучия, но ожидавшегося всеобщего обвала она избежала.

Разумеется, один человек, каков бы он ни был, не мог добиться мирного перехода власти. Но все же те события оказались теснейшим образом связаны прежде всего с именем Нельсона Манделы. И по всему миру это особенно подчеркивалось в дни его кончины и похорон.

Какие идеи способствовали мирному исходу событий на Юге Африки четверть века назад? Почему они так тесно связаны с именем Манделы? Чем они важны для человечества сейчас? В каких исторических обстоятельствах они сформировались? И как мы в нашей стране узнавали о них и об этом человеке?

* * *

Литературы о тех событиях и о деятельности Манделы появилось уже немало, хотя меньше, чем они того заслуживают. Для меня важный источник сведений — мой личный опыт.

Услышал живые рассказы о Манделе и связанных с ним событиях еще летом 1957 г. от южноафриканцев, приехавших в Москву на Всемирный фестиваль молодежи и студентов.

В 1957 г. мы в Институте востоковедения перевели на русский язык Хартию свободы, которая является сейчас важнейшим программным политическим документом в ЮАР. Хартия была

---

⁴⁶ В ЮАР сохраняются термины: «белые», «черные», а для потомков смешанных связей употребляют термин «цветные».

принята 26 июня 1955 г. Конгрессом народов, массовым (три тысячи человек) собранием, которое было созвано Африканским национальным конгрессом (АНК), старейшей и наиболее влиятельной партией африканцев. Хартия начинается так: «Южная Африка принадлежит всем, кто здесь живет, черным и белым»⁴⁷. Среди организаторов Конгресса народов и создателей Хартии свободы был и Нельсон Мандела (член АНК с 1944 г.).

В 1956 г. власти страны начали судебный процесс: организаторов Конгресса народов обвинили в государственной измене. Нельсон Мандела оказался среди 156 обвиняемых. С 1960 г. в Москву из ЮАР стали все чаще приезжать южноафриканцы, и можно было уже немало услышать о Манделе. В 1968 г. в Москве вышел перевод книги самого Манделы: его статьи, речи, выступления на суде⁴⁸. Перевела мой давний друг Ирина Павловна Ястремова.

Манделу арестовывали не раз. В 1962-м его судили за участие в создании и деятельности организации «Умконтэ ве сизве» («Копье нации») — военного крыла АНК. 26 апреля 1964 г. он произнес свою последнюю перед пожизненным заключением речь — на суде. Большая, обстоятельная речь, она заслуживает особого внимания.

Как Мандела объяснял, почему он признал тогда возможность вооруженных действий?

21 марта 1960 г. полиция стреляла в мирные демонстрации африканцев в пригородах Кейптауна и Йоханнесбурга. После этого ООН объявила 21 марта Международным днем борьбы против расизма — так он отмечается и сейчас. А в ЮАР в том году власть официально запретила АНК. Это было сделано накануне 50-летия партии, созданной в 1912 г. Мандела в своей речи сказал: «50 лет отказа от насилия не принесли африканскому народу ничего, кроме все более и более подавляющего нас законодательства и все меньших и меньших прав... Только после того, как все другие формы потерпели неудачу, когда все пути мирного протеста были для нас закрыты, только после этого было решено перейти к насильственным формам борьбы и образовать «Умконтэ ве сизве». Мы

---

⁴⁷ Африка южнее Сахары. Вопросы экономики и истории / Акад. наук СССР. Ин-т востоковедения. М.: Изд-во вост. лит., 1958. С. 251.

⁴⁸ Мандела Н. Нет легкого пути к свободе. Статьи, речи, выступления на суде. М.: Прогресс, 1968.

пришли к этому решению не потому, что одобряем насилие, а потому, что правительство не оставило нам другого выбора».

Сказал и о том, о чем предупреждали правительство Южной Африки многие западные политики: «Мы понимали, что страна катится к гражданской войне, в которой черные и белые будут воевать друг против друга, и с тревогой думали о создавшемся положении... Мы были против гражданской войны, но если она окажется неизбежной, мы хотели быть к ней готовыми».

Крови он не хотел. «Из четырех возможных форм насилия — саботаж, партизанская война, терроризм и революция — мы решили выбрать первую форму и использовать все ее возможности, прежде чем принимать другое решение... Такой был план. «Умконто ве сизве» должна была осуществлять саботаж, причем все ее члены с самого начала получили строгие указания ни в коем случае не допускать, чтобы при планировании или выполнении операций были раненые или убитые... «Умконто» провела свою первую операцию 16 декабря 1961 г. В этот день было совершено нападение на правительственные здания в Йоханнесбурге, Порт-Элизабет и Дурбане. Выбор объектов является доказательством характера политики, о которой я говорил. Если бы мы намеревались посягать на человеческую жизнь, мы выбирали бы такие объекты, где скапливается народ, а не пустующие здания и электрические станции. Акты саботажа, совершенные до 16 декабря 1961 г., были делом изолированных групп и не имели никакой связи с «Умконто». Фактически некоторые из этих актов, а также ряд более поздних были предприняты другими организациями.

В сентябре, октябре и ноябре 1962 г. на дома, принадлежащие лицам проправительственной ориентации, были брошены бомбы. Я не знаю, чем можно оправдать эти акты или чем они были спровоцированы. Но если согласиться с тем, что я уже сказал, то станет ясно, что эти акты не имеют ничего общего с проведением политики «Умконто»⁴⁹.

11 января 1962 г., вскоре после создания «Умконто», Мандела отправился в поездку по Африке. Вернулся он 24 июня, а 5 августа его арестовали. На суде он мог заявить о неучастии в акциях в связи со своим отсутствием в стране. Но он этого не сделал.

---

⁴⁹ Там же. С. 206–208, 212.

Инкриминировали Манделе и нарушение «Закона о подавлении коммунизма», принятого еще в 1950 г., за 10 лет до запрещения АНК, т.е. Манделу обвинили в том, что он — коммунист.

В своей речи он осудил «Закон о подавлении коммунизма», признал, что сотрудничал с коммунистами в борьбе против расизма, но заявил: «Я никогда не был членом коммунистической партии».

Его высказывание о марксизме: «На меня оказали влияние марксистские идеи. Но это верно также в отношении многих глав правительств новых независимых государств. Такие, крайне отличавшиеся друг от друга личности, как Ганди, Неру, Нкрума и Насер признавали этот факт. Все мы признаем необходимость какой-то формы социализма для того, чтобы наш народ мог догнать развитые страны мира и преодолеть полученную в наследство крайнюю нищету. Но это не значит, что мы марксисты»⁵⁰.

6 декабря 2013 г. в обширном заявлении Южно-Африканской коммунистической партии в связи с кончиной Манделы есть такая фраза: «В августе 1962 г., когда Манделу арестовали, он был не только членом Южно-Африканской коммунистической партии, находившейся тогда в подполье, но и членом ее центрального комитета»⁵¹. Тут возникает множество вопросов. Почему это сказано лишь после его кончины? Почему он сам никогда об этом не говорил? Предположим, не хотел признаться на суде. А в следующие 50 с лишним лет?

Мандела сотрудничал с коммунистами, не видел в этом ничего зазорного. Они входили в правительство, когда он стал президентом. Но никогда не называл себя коммунистом.

В 1960–1980-х годах лидеры компартии были в эмиграции в Замбии, в Анголе. Часто и подолгу бывали в Москве. В Москве, на Новодевичьем кладбище, похоронены старейшие руководители партии — Мозес Котане и Джон Маркс. Я хорошо знал их и их премников. Все они высоко ценили Манделу, но никогда не говорили о нем как о члене их партии.

Вернусь к той его знаменитой речи, в ней он ясно говорил, что его позиция не увязывается со взглядами коммунистов: «Из чтения марксистской литературы и бесед с марксистами у меня

---

⁵⁰ Мандела Н. Указ. соч. С. 220–221.

⁵¹ Mashilo Alex. Nelson Mandela was a member of our CC at the time of his arrest — SACP. Politics Web. 2013. Dec. 6.

сложилось впечатление, что коммунисты считают парламентскую систему Запада недемократичной и реакционной. Я же, напротив, поклонник такой системы...

Я испытываю большое уважение к британским политическим институтам и к системе правосудия страны. Я рассматриваю британский парламент как наиболее демократический в мире институт, а независимость и беспристрастность системы правосудия Англии всегда вызывает мое восхищение.

Американский конгресс, доктрина разделения власти, так же как и независимость системы правосудия США, вызывают у меня такие же чувства»⁵².

Говорил он это в угоду властям ЮАР? Эти слова не могли им нравиться: Мандела противопоставлял апарtheid британской и американской демократии. Мнение Манделы должно было не понравиться и африканцам даже внутри АНК: ведь многие из них винили в своих невзгодах Англию и США, считали их соучастниками расистской политики в ЮАР.

Я уверен, что два года — с 1960 г., когда АНК запретили, до августа 1962 г., когда Манделу окончательно посадили, — были для него очень сложными. Лидеры АНК и компартии оказались под арестом или в эмиграции. Не могло не быть растерянности, метаний. Что делать? В длительной поездке по десятку стран в 1962 г. Мандела встречался со многими деятелями африканских государств, слушал их противоречивые советы, знакомился с литературой, которую они читали — от Мао до Че Гевары. Как было разобраться во всем этом? А сразу по возвращении на родину — тюрьма.

В его речи на суде в 1964 г., мне кажется, отразилась его уже продуманная позиция. Все ли он говорил вполне искренне? Ведь был, как перед смертью! На помилование он надеяться не мог.

Да простит меня читатель за длинные цитаты. Но ведь это говорил человек, считавший, что, скорее всего, это последние слова, которые от него услышат при жизни.

* * *

Когда вполне сформировались мировоззрение и характер Манделы? Когда он стал тем человеком, которым восхищается весь мир?

---

⁵² Мандела Н. Указ. соч. С. 221.

Можно бесконечно спорить почти о каждом человеке, о каждом из нас: когда именно и как именно шло становление взглядов и характера, и какой период жизни особенно важен? Взгляды Манделы на протяжении жизни, конечно, менялись. И как же важен оказался для его становления тюремный период жизни! Даже своей продолжительностью. Его окончательно арестовали, когда ему было 44 года, а когда он вышел из тюрьмы, ему шел 72-й год. Так что случайно ли его признание: «Я благодарен тем 27 годам, которые провел в тюрьме, потому что это дало мне возможность сосредоточиться»⁵³?

В статьях и книгах об этом периоде его жизни больше всего уделялось внимания условиям, в которых он находился. Долше всего его держали в тюрьме на острове Роббен, недалеко от Кейптауна. Условия были, мягко говоря, нелегкие. Первые годы заключенных заставляли дробить камни. В дальнейшем — работать в известковом карьере. В камерах — железные койки без матрасов. Надзиратели обращаются с заключенными жестоко. Свидания — только несколько раз в год и только с ближайшими родственниками. Постепенно, особенно к середине 1970-х годов, когда Мандела провел там уже больше 10 лет, условия смягчались. Вести с острова Роббен распространялись по стране, вызывали возмущение, и власти не могли не считаться с этим.

Для политических заключенных на острове Роббен было чрезвычайно важно, что их содержали вместе. Они могли общаться друг с другом, обмениваться мнениями, обсуждать проблемы, которые их волновали — и в собственной судьбе, и в положении страны. Заключенные даже создали свой высший орган из нескольких наиболее авторитетных и уважаемых людей. Среди них, разумеется, и Мандела. Они давали советы своим сотоварищам, как вести себя в тюрьме, делились размышлениями о будущем страны.

Информацию о происходящем в государстве заключенные получали от вновь прибывающих арестантов. Газет не получали. Мандела вспоминал потом: «В тюрьме я любил работать с таким мусором. Иногда там попадались обрывки газет. В тюрьме нам газет не полагалось, так что я брал обрывки, чистил их, а вечером тихо читал в камере. Вряд ли когда-либо я так ценил прессу»⁵⁴.

---

⁵³ Esquire.ru. <<http://info.tatcenter.ru/article/131782/>>.

⁵⁴ Там же.

Но какая-то литература в тюрьме всё-таки была, ее разрешали читать. И больше того, заключенным позволено было заочно учиться, и для этого получать литературу. Мандела заочно учился юриспруденции в Лондонском университете, занимался историей, особенно биографиями видных деятелей. Улучшал свой английский язык.

Заключенные, во всяком случае многие из них, стремились к самообразованию и в этом помогали друг другу: устраивались доклады, лекции. Выступали те, кого считали наиболее знающими, потом обсуждали услышанное.

Мандела старался поддержать упавших духом, искал пути, как их ободрить. Я расспрашивал в Южной Африке тех, кто был с ним на острове Роббен. Одному из очень загрустивших он говорил: «Ведь мы все равно придем к власти и тогда надо будет решать многие практические вопросы. Представь себе, что ты — министр экономического развития. Подумай, какой круг мер самый первоочередной, самый необходимый».

Пусть тот, к кому Мандела обращался, и не уверился, что будет министром. Но эти слова помогли ему как-то отвлечься от безнадежных мыслей и задуматься над возможными перспективами: а вдруг они сбудутся?

Конечно, не обходилось без споров и в кругу тех, кого заключенные считали самыми авторитетными людьми. Падения режима апарtheidа хотели все. Но что потом? Это и стало предметом разногласий. В Африке с конца 1950-х годов распространялась идея так называемого некапиталистического пути развития: после краха колониальных режимов колониальные и зависимые страны, провозгласив свою независимость, смогут идти к социализму, избежав стадии капиталистического развития. Эта идея настойчиво продвигалась Москвой. На острове Роббен коммунисты и радикально настроенная молодежь ее горячо поддерживали. Но в речах Манделы этой идеи я не встречал.

Его авторитет в ЮАР возрастал. Вести о его поведении в тюрьме широко разносили те, кого выпускали на свободу по истечении срока заключения. Начиная с 1974 г. в тюрьму несколько раз приезжали представители властей и предлагали Манделе освобождение, если он откажется от идеи вооруженной борьбы. Но он ни на какие предварительные условия не соглашался. Эта его твердая позиция способствовала росту его популярности по всей стране.

Через 20 лет после ареста, в апреле 1982 г., Манделу и еще нескольких деятелей АНК перевели с острова Роббен в Кейптаун, в тюрьму Поллсмур. Условия — неизмеримо лучше: газеты, радио, телевизор. Появилась возможность получать книги и отправлять письма. Стало намного больше информации.

К этим уступкам власть вынудили усиление напряженности в стране, бурные волнения середины 1970-х и внешнее давление со стороны ООН, международного сообщества. В 1980-х годах напряженность в стране нарастала еще больше. Решительнее проявляло себя либерально-демократическое движение, активнее стал протест среди белого населения. В начале 1980-х сложился Объединенный демократический фронт, в который вошли организации, активно осуждавшие апарtheid. Возник и Конгресс южноафриканских профсоюзов. Начались, разумеется за пределами ЮАР, встречи представителей этих объединений с представителями заперщенного АНК. Идеи АНК находили широкое признание.

В июле 1985 г. из-за массовых протестов правительство ввело в стране чрезвычайное положение. Напряженность в ЮАР нарастала. А весь мир стремился к разрядке, восьмидесятые годы завершились падением Берлинской стены и заявлением о прекращении холодной войны, которое 3 декабря 1989 г. сделали Горбачев и Буш-старший.

Казалось бы: хорошие условия и для умиротворения конфликтов в Африке. Но именно после завершения холодной войны резко обострилась обстановка в ряде африканских стран: вышли на поверхность давняя этническая рознь и накопившиеся политические противоречия. Развернулись гражданские войны. Самые кровопролитные — в Руанде и в Конго (тогда — Республика Заир). В Руанде в 1994 г. погибли около 800 тыс. человек. В Конго в середине и конце 1990-х (по разным подсчетам) погибло от 4 до 5 млн человек, а 2,5 млн стали беженцами.

Почему это произошло? Есть и такая попытка объяснения. Во время холодной войны многие страны Африки были ее активными или пассивными участниками, получали помощь: одни — от СССР и социалистического содружества, другие — от Запада. Холодная война в какой-то мере определяла их внутреннюю политику. А с ее окончанием помощь извне резко сократилась, африканцы даже говорили, что внешние силы их бросили и это, якобы, привело к активизации внутренних противоречий.

Не уверен в справедливости такого объяснения. Но, так или иначе, нестабильность во многих странах Африки стала более явной. А ЮАР оказалась перед выбором: путь к примирению или к гражданской войне. Это были вынуждены осознать обе стороны конфликта. Правительство стремилось вести переговоры с Манделой. Почему с ним? Он стал символом мужества и воли к борьбе. В честь его 70-летия в июле 1988 г. в Лондоне состоялся рок-концерт. Телевизионную передачу о нем смотрели 200 млн человек в 60 странах мира.

Еще в начале 1985 г. П. Бота, президент ЮАР, на заседании парламента пообещал освободить Манделу, если он осудит вооруженную борьбу. Мандела на это не согласился. Но все же счел необходимым начать переговоры с властями. К нему приходили министр юстиции Куцие, глава ведомства разведки Нил Барнард. В июле 1989 г. с Манделой поговорил Бота, а в декабре — сменивший его Ф. де Клерк. Де Клерк обсудил с Манделой важнейшие проблемы ЮАР.

Насколько это согласовывалось с политикой руководства АНК, находившегося в Лусаке, столице Замбии? Что-то Мандела, вероятно, делал на свой страх и риск. Но до него доходили сведения, что лидеры АНК и компартии склоняются к идее переговоров и даже шли на какие-то контакты. В апреле 1989 г. ему удалось связаться по компьютеру с О. Тамбо, председателем АНК. И хотя вряд ли были обсуждены все конкретные вопросы, но главное, принципиальное они, очевидно, согласовали.

* * *

Конечно, Мандела приобрел известность задолго до своего 27-летнего заключения, а за годы, проведенные в тюрьмах и лагерях, она возрасла. В феврале 1990 г., когда его освобождали, у ворот тюрьмы его ждала огромная толпа.

Но все же в историю он вошел больше всего своей деятельностью в 1990-е годы, в ЮАР они накрепко связаны с его именем. Это не значит, что он проводил единоличную политику. Мандела был верен своей партии — Африканскому национальному конгрессу — и согласовывал с коллегами основные действия. Но у него была особая популярность благодаря долгим тюремным годам и поразительной харизме. Я в этом убеждался, видя Манделу на массовых митингах. Они были его триумфом. На его плечи лег-

ли переговоры с правительством. И хотя де Клерк, став президентом в конце 1989 г., безусловно, стремился к переговорам, он все же не мог идти на все уступки, которых добивался АНК. На де Клерка давила консервативная часть его Национальной партии.

Переговоры Манделы с де Клерком были нелегкими и непростыми, не говоря уже о том, что многие в АНК, особенно молодое поколение, сам факт переговоров сочли предательством революции. Переговоры не раз были под угрозой срыва уже с самого начала. Де Клерк требовал ликвидации «Умконто ве сизве» и сдачи оружия. Мандела настаивал, что «Умконто» сдаст оружие только тогда, когда АНК войдет в правительство. И настоял на своем. Мандела договорился, несмотря на резкие протесты в АНК, что в переходное правительство войдут представители Национальной партии и что за белыми госслужащими, во всяком случае на переходный период, сохранятся их должности. Согласился Мандела и с закреплением принципа частной собственности, хотя в первой речи после выхода из тюрьмы выступил еще за национализацию горной промышленности и перераспределение земли в пользу африканцев.

Манделе приходилось урезонивать горячие головы в своей партии и, вообще, тех африканцев, которые считали схватку с белыми естественным выходом. Он умел убеждать в необходимости переговорного процесса, компромисса. Это было особенно трудно в июне 1992 г., когда убили 45 активистов АНК, и в апреле 1993 г., после убийства Криса Хани, лидера компартии и бывшего главнокомандующего «Умконто ве сизве». В обоих случаях в стране возникали взрывы возмущения, усиление враждебности против белых. Манделе удавалось достичь успокоения. А белых он призывал не покидать страну.

Смог Мандела урегулировать и острые разногласия АНК с зулусской политической партией «Инката». Лидеры «Инкаты» уговаривали зулусов не участвовать в намеченных на 1994 г. парламентских выборах — первых всеобщих выборах в истории ЮАР. Мандела обратился к зулусам: «Я приду к вам, встану перед вами на колени с просьбой: приходите на выборы».

Ему пришлось уговаривать и тех в АНК, кто выступал против переговоров с «Инкатой». Дошло до того, что Мандела готов был уйти с поста президента АНК, на который был избран в 1991 г.

Но его точка зрения победила. Примирие с «Инкатой» произошло в 1994 г., когда Манделу избрали президентом ЮАР. Лидер «Инкаты» стал министром внутренних дел.

Добрый урок современному миру

К концу 1993 г. важнейшие противоречия в переговорах АНК с правительством де Клерка были преодолены и согласован текст новой конституции. Это вызвало эйфорию во всем мире. Манделу и де Клерка наградили Нобелевской премией мира.

27 апреля 1994 г. в ЮАР состоялись выборы в парламент. Впервые голосовало все население, независимо от цвета кожи. АНК получил почти две трети голосов. Президентом стал Мандела, вице-президентами — де Клерк и Табо Мбеки, один из лидеров АНК. На церемонии инаугурации Мандела поднял вверх руку де Клерка и воскликнул на языке африкаанс: «Пусть прошлые обиды останутся в прошлом!». По-русски мы бы сказали: кто старое помянет, тому глаз вон. Это был смелый шаг. Всем ли черным он понравился? Ведь именно в среде африканеров родилась когда-то идея и политика апартхеида. Но Мандела продолжал свою линию на ослабление противоречий с африканерами. Выйдя из тюрьмы, говорят, встретил судью, который приговорил его к пожизненному заключению, и вместо проклятий сказал ему: «Давайте строить будущее нашей страны вместе». Целовал белых детей, приветствовал в 1995 г. состоящую из африканеров команду на всемирном первенстве по регби. Пил чай с вдовой Хендрика Фервурда, провозгласившего политику «тотального апартхеида» (он был премьер-министром, когда Манделу и его коллег посадили в тюрьму).

Став президентом, Мандела не очень вмешивался в конкретные дела министерств. Главной своей задачей считал межрасовое и межнациональное примирение. Конечно, стремился улучшить жизненные условия тем, кто был ранее дискриминирован, но вместе с тем минимизировать обиду белого населения, которому пришлось расстаться с привилегированным положением. Он призывал всех забыть прежние межрасовые и межнациональные притеснения и обиды. В этих целях была создана Комиссия правды и примирения. Она выявляла и собирала сведения о политических преступлениях, совершенных в 1960–1980-х годах. На заседания

комиссии приглашались и жертвы, и те, кто совершал преступления. Тем, кто покался и доказал, что преступления совершались именно по политическим мотивам, давали амнистию. Рассматривались не только преступления, совершенные властными структурами и теми, кто был с ними связан, но и членами АНК.

Мандела не стремился создать авторитарное государство. На парламентских выборах 1994 г. его партия одержала полную победу, но в провинции Западный Кейп, центром которой является Кейптаун, у власти осталась Национальная партия. А в провинции Натал — зулусская «Инката». Мандела этому никак не препятствовал. Он не стремился и к своей авторитарной власти. Не держался за посты, на которые был избран. В 1997 г. уступил Табо Мбеки роль президента АНК, а по истечении пятилетнего срока на посту президента ЮАР не добивался переизбрания.

Его скромность и уважение к людям проявлялись буквально во всем. Я жил в Кейптауне рядом с той улицей, по которой он ездил из своей резиденции в парламент. Но за четыре года я ни разу не видел, чтобы для него перекрывали движение.

Главное достижение ЮАР тех лет: мирная революция, мирный переход от прежнего режима к тому, который называли Новой Южной Африкой. Переход был достигнут благодаря усилиям многих людей, ряда политических сил. И все же в истории он связан прежде всего с именем Нельсона Манделы.

* * *

Мог ли Мандела за пять лет своего правления сделать страну процветающей? Отвечает ли он за все, что произошло после его ухода? И чисто по-человечески: можно ли высокомерно судить о человеке, который отсидел в тюрьмах 27 лет? Уже этого достаточно, чтобы проникнуться к нему сочувствием. К тому же он не сломался, мужественно боролся за свои добрые идеи.

Те, кто яростно критикуют Манделу, ищут изъяны в его деятельности, они не задумываются над теми сложностями в жизни ЮАР, с которыми ему пришлось столкнуться, тем наследием страны и ее народов, которое надо было переосмысливать. Не сопоставляют Манделу с государственными деятелями, которые оказались у власти после таких же крутых перемен в их странах. В Африке, да и не только в Африке. Как эти политики шли на соз-

дание авторитарных режимов и поддавались соблазну стать авторитарными властителями.

Мандела, при его огромной популярности, этого не сделал. Как глава АНК он не навязывал партии своего мнения. Наоборот, нередко уступал аргументам других, если видел, что они обладают в партии значительной поддержкой. Как президент он не навязывал своего мнения правительству. И сам — по своей воле — сложил с себя руководство партией, а затем ушел и с поста президента, считая, что надо уступать место молодым.

Конечно, можно критиковать его и за это. Можно считать, что останься он у власти, не уступи ее другим (которым он не очень симпатизировал), не произошло бы отхода от его государственной линии. Да, можно подойти и так. Действительно, что-то из начатого Манделой оказалось утраченным. Но если бы он держался за свою власть, он не был бы Нельсоном Манделой. Был бы таким же авторитарным властителем, каких мы немало видим в современном мире.

И разве все его наследие совсем утеряно? В ЮАР сохраняется многопартийность — подлинная, а не показушная. Провинцией, центром которой является Кейптаун, и где заседает парламент страны, сейчас управляет не Африканский национальный конгресс, а оппозиционный ему Демократический альянс. Он был создан прежде всего белыми, но в его руководстве теперь все больше черных, не говоря уже о цветных и индийцах.

Мандела призывал белых не покидать ЮАР, не уезжать. А ведь в те же годы Муаммар Каддафи с гордостью публично говорил, что он изгнал из Ливии всех белых, призывал все страны Африки поступать также. Считал, что Африка вообще должна отказаться от европейских языков: африканцы могут понимать друг друга только на своих языках. Что уж говорить об Алжире. Ему не удалось избежать кровавой войны, оттуда пришлось уехать всем белым, а ведь их там было больше миллиона.

Жизнь таких людей, как Мандела, еще раз убеждает нас, что у соседа, у соседнего народа, у чужой страны надо в первую очередь обращать внимание не на то, что нас разделяет. Не на обиды, которые можно им припомнить. Не на те их черты, которые позволяют нам подчеркнуть свое превосходство, свой приоритет, свое величие. Не повторять все время, чем гордишься перед другими.

А обращать побольше внимания на тот опыт, которому не плохо бы поучиться и нам, на их успехи, достижением которых нам

полезно бы заняться. На хорошее и доброе в их жизни. И в своем прошлом видеть не только доброе и хорошее, а и то, что надо помнить, чтобы оно не повторилось.

Человечество привыкло прославлять генералов, завоевателей, победителей в войнах (а нередко и зачинателей войн). Именно им ставят монументы. Памяти тех, кто, как Нельсон Мандела, призывал к умиротворению, к взаимопониманию народов, их опыту уделяется внимания неизмеримо меньше. Мандела считал, что «настоящие герои — те, кто устанавливает мир и начинает строить».

Не пора ли поглубже задуматься над этим. Менять отношение к опыту прошлого, чтобы и в настоящем главную роль играли мирные средства, взаимопонимание?

И самое, самое главное: искать не то, что разделяет, а то, что сближает. Увы, в практической деятельности многих-многих государств это пока не находит применения.

* * *

На те годы, которые в истории ЮАР стали пиком перелома и больше всего связаны с именем Нельсона Манделы, как раз и пришлось мое пребывание там.

Это дало мне возможность изо дня в день видеть перемены в жизни ЮАР, а они были тесно связаны с Манделой. Я бывал и на конференциях, и на многочисленных митингах, где он выступал.

Я поражался, как он умел увлечь аудиторию, из каких бы разнородных групп она ни состояла. Его уверенности, его логике полагала удивительная харизма этого человека. Влияние его харизмы я чувствовал и на себе во время коротких встреч с ним.

ГОДЫ У МЫСА
ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ

На открытии Центра российских исследований.
Слева направо: И.С. Кон, В.Л. Шейнис, Т.А. Колесниченко,
А.К. Симонов, А.Б. Давидсон

Аполлон Давидсон с Уильямом Дугласом Хоггом, южноафриканским
морским офицером, плававшим на кораблях «русских конвоев»
в 1941–1942 гг. На праздновании в Центре российских исследований
50-летия Дня Победы в мае 1995 г.

Когда и как я видел эти перемены? В 1991–1992-м — работал в ЮАР по приглашению сразу нескольких университетов. Прежде всего — Витватерсрандского (Йоханнесбург), Южно-Африканского (Претория) и Университета Родса (Грейамстаун). От меня хотели докладов и лекций о России. А мне было интересно увидеть, как и что происходит, какие у них профессора, как студенты и преподаватели откликаются на сегодняшние перемены. Как относятся к нашей стране.

Преподаватели — все, или почти все, белые. Есть индийцы и цветные, но их мало. Черных почти нет. Образование и подготовку многие из англоязычных преподавателей получили в Британии. Многие африканеры — в своей среде. Историю преподают как прошлое Европы и белых южноафриканцев.

Подавляющее большинство студентов — белые.

Представления о нашей стране — туманные. Отношение к ней — противоречивое. У тех, кто верит пропаганде — одно, у тех, кто не верит — прямо противоположное. Но интерес явно усиливается.

В каждом из этих университетов находилось что-то особенно интересное для меня. Университет в Претории, который называется Южно-Африканским, предназначен для заочного обучения. Именно там в начале 1960-х была создана первая русская кафедра. Изучались в основном русский язык и культура. Создала эту кафедру Елизавета Кандыба-Фокскрофт, русская эмигрантка. Она жила в Европе, потом переселилась на Юг Африки. У нее сложились неплохие отношения с властями ЮАР, поэтому она смогла шесть раз побывать в СССР и давала студентам свежие сведения. В восьмидесятых годах, узнав, что я бываю в Мозамбике, написала мне, что хочет повидаться, и сообщила, когда сможет приехать в Мапуту. Но что-то тогда случилось: автомобильная авария или что-то с ее

здоровьем, от чего она не смогла оправиться. Свой архив завещала университету. Архив — богатый. Из него я узнал, чем занимались студенты русской кафедры, что обсуждали на своих встречах, какие устраивали концерты, какие песни пели. Ну и, конечно, ее статьи. Ее книга о русских на Англо-бурской войне...

Представляете, как мне все это было интересно!

А в Йоханнесбурге, в Витватерсрандском университете, я нашел материалы Томпсона, президента общества по связям с Советским Союзом. Там и документы, рассказывающие как во время войны СССР с Гитлером это общество собирало деньги для помощи Советскому Союзу, посылки, даже кровь для раненых.

Университет Родса, в отличие от Витватерсрандского и Южноафриканского, сравнительно небольшой. Но его иногда называют южноафриканским Оксфордом. Его выпускников можно было увидеть на важных постах в государственных учреждениях и общественных организациях. Прекрасная библиотека. Преподаватели, прошедшие Оксфорд, Кембридж, Лондон. Городок Грейамстаун — целиком университетский.

В этот университет меня пригласили на июнь–август 1992 г. Предложили выступить с докладом о Сесиле Родсе. У них была традиция — раз в несколько лет представлять такой доклад. До меня выступил глава De Beers, крупнейшей в мире алмазной компании, основанной когда-то Родсом. А меня попросили потому, что я написал книгу «Сесиль Родс и его время». В 1988 г. ее перевели на английский язык.

Доклад я сделал в августе 1992 г., после чего мне предложили в этом университете заниматься научной работой по своей тематике с октября 1992 г. по октябрь 1993-го. Предложение я принял и провел год в этом университетском городке.

Но самым интересным для меня университетом стал Кейптаунский. С ним связаны четыре года моей жизни.

В Кейптаунском университете

В конце октября 1993-го я вернулся в Москву после года работы в Университете Родса. И вдруг в феврале 1994-го — предложение организовать Центр российских исследований в Кейптаунском университете.

Инициатива — от Марка Волошина, бизнесмена российского происхождения. Организуя свой бизнес в ЮАР, он справедливо считал, что для успеха желательно и участие в общественно-научной и культурной жизни этой страны. В 1992-м основал газету *New Bridge* — для взаимного ознакомления России и Южной Африки. Редактором привлек прекрасного журналиста Леонида Шинкарева, который уже имел опыт работы в Африке: он был корреспондентом газеты «Известия» в Мозамбике. Волошин вскоре создал и русскую картинную галерею в Кейптауне. Все это субсидировала его компания *Marvol* (к сожалению, из-за финансовых трудностей компания в дальнейшем не смогла выполнить обязательства).

В Кейптаунском университете идею создания Центра приветствовали. Это было время, когда южноафриканцы испытывали огромный интерес к России, только-только открывшейся для них стране. В 1992-м в Претории, наконец, появилось российское посольство, в Кейптауне — генконсульство. В обеих странах обсуждались возможности деловых, культурных и научных связей. Таким образом, Центр, что называется, во благовремение.

Предложение было неожиданным. Я долго не был в Москве, соскучился по московским друзьям. Возобновил работу в Институте всеобщей истории — в Центре африканских исследований, читал лекции в МГУ — в Институте стран Азии и Африки и на истфаке. И вообще возобновил всю московскую жизнь. Опять оторваться от этой жизни? И, вероятно, на несколько лет.

Но предложение заманчиво. В ЮАР — самый канун перехода власти, как говорили тогда, от белых к черным. Выборы — первые в этой стране всеобщие выборы — намечены на 27 апреля. Так что можно увидеть Кейптаун и накануне этого события, и во время. И последствие этого важного события — становление Новой Южной Африки.

И видеть все это уже в новом качестве. До сих пор — только как свидетель. А тут — и участник, сотрудник университета, старейшего в Африке. Как руководитель одного из его подразделений, становлюсь членом Сената университета, участвую в решении важнейших вопросов его жизни, вплоть до выборов ректора. Тут уж ко мне не могут относиться как к иностранцу, обсуждать за моей спиной.

Согласился. Собрались мы с женой быстро. Уж раз решились, хотели застать и предвыборные схватки.

Сразу же по нашем приезде ректор и первый проректор Кейптаунского университета пришли к нам обсудить конкретные вопросы: о возможных курсах лекций, о преподавателях, о приглашении ученых из России. Обсуждали при полном взаимопонимании. Создание Центра решили провести, когда пройдут парламентские и президентские выборы и общая ситуация в стране определится.

Я смог наблюдать за последними неделями событий, решавших судьбу страны. Основной путь к выборам и созданию правительства вроде бы уже пройден. Главные препятствия убраны. Но какие-то неожиданности не исключались: и от черных экстремистов, и от белых.

Снова митинги на многотысячных стадионах. Снова речи самого разного характера. Большинство на митингах отдавало должное Манделе, его умению убедить несогласных и даже противников. Его такту... И тому громадному авторитету, который он завоевал всей своей жизнью.

Общая обстановка спокойнее, чем можно было ожидать. Выборы прошли, как и намечалось, 27 апреля. Этот день теперь отмечается в ЮАР ежегодно. АНК получил почти две трети голосов. Мандела стал президентом. Путь к новой жизни открыт. Гадали, какой она будет.

Так в истории ЮАР произошел коренной, революционный переворот. Мирно, бескровно, без погромов, поджогов. Без гражданской войны.

Создание Центра российских исследований

17 августа состоялось торжественное открытие Центра российских исследований. Присутствовали министры, члены парламента. Нельсон Мандела был нездоров, и его приветственную речь зачитал министр культуры Палло Джордан. Мандела настаивал, что надо покончить с «ужасными недоразумениями» в отношениях России и ЮАР. А для этого — отнестись со вниманием к истории их взаимоотношений. И привел факты, вряд ли сколько-то широко известные в ЮАР. О том, что русские корабли заходили на мыс Доброй Надежды с 1808 г. И что еще раньше там побывали российские ссыльные, бежавшие из острога на Камчатке. О том, как в 1850-х годах у народа ко́са слух о Крымской войне вызвал надежду, что

«русские с далекого севера» помогут им в борьбе против англичан. И о том, как Джосайя Гумед, один из предшественников Манделы на посту президента АНК, был приглашен в Москву в 1927-м...

Мандела призвал изучать эти события прошлого. «Мы рискуем забыть их!» И вывод: «Так было заложено начало взаимоотношений, которым сопутствовало множество предрассудков и недоразумений. Исследование этой долгой истории и выявление крупных зерен взаимопониманий и недоразумений [...] и будет центральной и ответственной задачей Центра российских исследований. Это — работа важная и требующая отдачи всех сил».

Определил идею создания Центра: «Искоренение предрассудков и развенчание мифов — это и сами по себе заслуживающие одобрения и научно значимые цели, но если обе страны намерены сблизиться друг с другом в новом мире, то Центру российских исследований следует сделать еще один шаг вперед: ему нужно навести “мосты”». Конференция «Россия в современном мире», которая начнется завтра — полезная для этого стартовая площадка. <...>

Нужно поздравить Кейптаунский университет, который принял решение не просто создать Центр, а Центр, занимающийся «сооружением мостов».

Выразил уверенность в успехе Центра: «Определяя новое пространство для развития отношений между двумя странами, мы обязаны признать, что профессор Аполлон Давидсон и его коллеги обладают прекрасными знаниями для того, чтобы определить реальную значимость и характер связей между двумя странами. У них есть личный опыт установления длительных связей, которые соединяли наш народ с Москвой. Многие политические замыслы, которые помогут развитию Южной Африки в грядущие десятилетия, были исследованы в советских университетах».

Мандела заявил, что значение Центра важно отнюдь не только для Кейптауна и Кейптаунского университета. «Ознакомление с Россией и понимание ее здесь в Рондебосхе⁵⁵, не многого значит, если то, что мы узнаем и поймем, не будет воспринято всеми на Юге Африки и на всем континенте».

И заключил: «Южная Африка и Россия могли бы стать странами, объединенными очень похожим будущим, которому не вос-

---

⁵⁵ Район Кейптауна, где расположен Кейптаунский университет.

препятствуют ни географическая отдаленность, ни прошлые заблуждения, ни политические мифы»⁵⁶.

Вряд ли Мандела мог сколько-то глубоко познакомиться с наследием лучших русских мыслителей. Но, оглядывая его жизнь, кажется, будто он их знал. Хотя бы завет Герцена: «Прощение врагов — прекрасный подвиг, но есть подвиг еще более прекрасный, еще более человеческий — это понимание врагов, потому что понимание — разом прощение, оправдание, примирение». Или завет Чаадаева, тоже вошедший в сборники русских афоризмов: «Прекрасная вещь — любовь к отечеству, но более прекрасное — это любовь к истине. Любовь к отечеству рождает героев, любовь к истине создает мудрецов. Любовь к родине разделяет народы, а любовь к истине распространяет свет знаний».

Приехав в Москву уже в конце своего президентского срока, Мандела на встрече с Ельциным подчеркивал важность отношений с нашей страной. Он пришел и на Новодевичье кладбище. Я показал ему могилы трех южноафриканцев.

Узнав о кончине Манделы, Горбачев вспоминал: «Он говорил мне: “Если бы не ваша перестройка, наверное, мы бы еще тянули, я не знаю как”. Он умел ценить заслуги других народов»⁵⁷.

* * *

На открытии Центра присутствовали и депутаты Государственной Думы России, которые были в это время в ЮАР. И группа видных российских ученых: Центр пригласил их для участия в научной конференции.

А затем — научная конференция: «Россия в современном мире», но речь шла, конечно, и о Южной Африке.

Приветствия конференции прислали Академия наук России, МГУ, Институт всеобщей истории, министр культуры Евгений Сидоров, председатель Государственного комитета по высшему образованию Владимир Кинелев...

---

⁵⁶ Speech by President Nelson Mandela at the opening of the Centre for Russian Studies at the University of Cape Town 17 August 1994 // *Russia in the Contemporary World. Proceedings of the First Symposium in South Africa at the Centre for Russian Studies, University of Cape Town. 17–19 August 1994.* Cape Town: Phoenix Publishers, 1995. P. 5–6.

⁵⁷ <<http://ria.ru/world/20131206/982374546.html>>.

Анатолий Собчак, мэр Санкт-Петербурга, писал, что в его городе к образованию Кейптаунского учебно-научного центра относятся с особым вниманием, поскольку «российская школа африканских исследований» была основана в Санкт-Петербурге».

Евгений Евтушенко выразил радость, что Южная Африка познакомится с русским языком и поэзией. Потому что «русская поэзия — ключ к русской душе».

Пришла телеграмма от Надин Гордимер, первого в Африке лауреата Нобелевской премии по литературе.

На конференции — доклады российских, южноафриканских, американских ученых. О России, ЮАР, об их взаимоотношениях, о российском опыте, который может быть полезен в ЮАР.

«Мечты и реальность сегодняшней России» — академик Александр Фурсенко. «Россия между двумя выборами» — депутат Государственной Думы Виктор Шейнис. «Экономическая политика правительства России» — директор Института Европы Николай Шмелев. «Россия и мусульманский мир: современные реальности и перспективы» — профессор (впоследствии директор) ИСАА при МГУ Михаил Мейер. «Центральное правительство и регионы: чему учит опыт СССР» — профессор МГИМО Марина Лебедева. «Сексизм без секса» — академик Игорь Кон. «Африканцы в России» — Лия Голден (тогда — профессор Чикагского университета). «Россия и Восточная Европа — партнеры в мирном процессе» — Сара Пинар, национальный директор Южноафриканского института международных отношений.

О различных аспектах отношений России с ЮАР — доклады знатоков южноафриканских проблем Владимира Шубина и Ирины Филатовой, американского профессора Шеридана Джонса, посла ЮАР в России Герита Олифира, германского специалиста по южноафриканским проблемам Рудольфа Грубера, полярника Василия Калязина, геолога М. Копыловой, Аполлона Давидсона. Дж. Чикомбола, получивший образование и степень кандидата наук в Волгограде, сделал доклад о тех уроках НЭПа, которые могут быть полезны для ЮАР.

С докладами в прениях выступили Руфина Вяткина, Алексей Макаров, Татьяна Калязина и другие российские ученые и общественные деятели. Колин Банди (ректор Витватерсрандского университета), Питер Вейл, Йохан Дехенаар, Френсиз Уилсон, Вилли

Брейтенбах, Уилмот Джеймс, Дэвид Вудс (ректор Университета Родса), Д. Гарни, К. Джовелл и другие профессора университетов ЮАР. Дипломаты обеих стран.

О российской культуре и ее влиянии в ЮАР — доклады председателя Фонда защиты гласности А.К. Симонова («Тенденции в социальной и культурной жизни России»), профессора Кейптаунского университета Н. Дубоу («Русский авангард: его противоречивость и его вклад в искусство XX в.»), профессора Кейптаунского университета П. Хорна «Достоевский в Кейптауне»...

В докладах и дискуссиях рассмотрены общие черты исторического развития России и ЮАР. Подчеркивалось, что в обеих странах долгое время господствовали тоталитарные и авторитарные режимы. Обе страны одновременно начали поиски путей демократического развития. В истории обеих стран — множество ошибок и преступных действий в сфере национальных отношений, и перед обеими стоит задача улучшения этих взаимоотношений. Важнейшая задача внешней политики ЮАР — установить добрососедские связи с соседними государствами Африки, поскольку в течение десятилетий их отношения были враждебными. Задача внешней политики России — сближение со странами ближнего зарубежья.

Доклады вместе с выступлением Нельсона Манделы и сопутствующими материалами были опубликованы на английском языке в сборнике «Россия и современный мир. Первый симпозиум в Южной Африке, в Центре российских исследований Кейптаунского университета»⁵⁸.

Как торжественное открытие Центра, так и конференция широко освещались в печати ЮАР. Публиковали подробные сведения, фотографии, мои интервью. А еженедельник Кейптаунского университета *Monday Paper* — даже в нескольких номерах.

Любопытный факт. В ходе подготовки конференции, отбирая музыку к вечеру, мы вдруг услышали южноафриканскую песню, в точности совпадающую с нашей «Однозвучно звенит колокольчик». Иногда у нас предположительно дается авторство И. Макарова на музыку А. Гурилева. Но скорее всего музыка заимствована у англичан (The Little Bell?). Единственная разница: в нашей песне — грусть и тоска, а в южноафриканской — жизнерадостный бодрый ритм...

---

⁵⁸ Russia in the Contemporary World...

Хотелось бы и сейчас — в нынешние дни — организовать конференции с таким богатым подбором авторитетных имен и докладов.

Работа Центра

Кончился праздник. Начались рабочие будни.

Настроение хорошее. Университет — может быть, лучший в Африке. И старейший. Возник по образу и подобию английских. Многие преподаватели прошли выучку в Британии или, во всяком случае, часто там бывали. Техническое обеспечение университета — отличное.

Действовала на настроение и окружающая природа. Университет находится в тихом спокойном месте. Обширная территория, со спортивными стадионами, удобными местами для отдыха. Над университетом нависает высокая гора, архитектура университета вписана в нее, и это придает ему величественность.

Как войти в ритм работы университета? Надо ведь знать его традиции, настроения, общую атмосферу. И настроения студентов. Захотят ли учить русский язык? Знакомиться с нашей страной?

Понять все это — непросто. Что-то я, конечно, уже знал. Все-таки пробыл год в Университете Родса. Но у каждого университета свое лицо, свои обычаи. Правда, я и раньше бывал в Кейптаунском университете во время приездов в ЮАР. Но одно дело — короткие встречи, совсем другое — вжиться во всё тутошнее.

Ведь надо начинать с азов. Работа Центра должна согласовываться с деятельностью других кафедр и факультетов.

Руководство университета отнеслось к нам благожелательно. Я был избран директором, хотя мне было уже 65 лет — возраст, когда профессора должны уходить на пенсию. Так что сделали сугубое исключение. Стал я и членом Сената университета. А для жилья дали нам с женой пятикомнатный коттедж рядом с учебными корпусами, в нескольких минутах ходьбы.

Как отнеслась к нашему появлению университетская профессура? В общем — неплохо и с явным любопытством. Многие сдержанно. Уж очень долго велась пропаганда против нашей страны, не могла она уж совсем не воздействовать. Но явного недоброжелательства мы не видели.

Итак — за дело.

* * *

Прежде всего — определить направления работы. Методику преподавания русского языка в условиях ЮАР. Курсы лекций, семинаров и докладов по истории России, ее традициям, культуре, внешней и внутренней политике, месту в международных отношениях. И, конечно, по теме: «Россия и Африка» во всех аспектах этих взаимоотношений. Все это должно вписаться в систему работы Кейптаунского университета. А система там отлажена и во многом отлична от привычного МГУ.

Обдумать и вопросы о приглашении ученых из России: для докладов и для установления связей с наукой в ЮАР.

Кроме учебной работы, еще и научная. Общественные, деловые и культурные связи России с ЮАР только еще возникали. Значит, надо как-то помогать приезжающим делегациям: давать советы, консультации.

А ведь еще надо писать статьи и в южноафриканские журналы, и, разумеется, в российские.

* * *

Начались занятия. Какие возможности дал университет? Двух секретарш: русскую и местную, с английским языком и африкаанс. Пять комнат, не маленьких. Надо заполнить их литературой, учебными материалами.

Нашлись желающие изучать русский язык. Каждый год — новая группа. Занятия стала вести лингвист-африканист Людмила Алексеевна Карташова. Основные курсы — я. Один из важнейших курсов — Владимир Геннадиевич Шубин, он в это время жил в Кейптауне и преподавал в другом университете, который находился вблизи от города.

Периодически читала лекции Ирина Ивановна Филатова. Она уже заведовала кафедрой всеобщей истории университета в провинции Натал, но время от времени вырывалась в Кейптаун.

У Центра была возможность приглашать ученых из России для встреч с преподавателями университета и для лекций. Так приехали несколько математиков, физиков, химиков. Из историков: академики Борис Васильевич Ананьич и Сергей Леонидович Тихвинский. Перед преподавателями выступил и профессор Александр

Степанович Балезин, приехавший по приглашению одного из университетов ЮАР. Приходили к нам в Центр ректор МГИМО и ректор Санкт-Петербургского университета. Мы не просили их выступать — они приезжали не по нашим приглашениям и были заняты. Но беседы с ними были интересны.

Расходы на организацию и работу Центра поначалу взяла на себя компания Marvol. Но затем из-за финансовых затруднений, или по каким-то другим причинам, она прекратила финансирование, и его взял на себя университет.

О студенчестве. За четыре года существования Центра оно менялось. Поначалу было преимущественно белым, затем приходило все больше африканцев и цветных, как называют в ЮАР людей смешанной крови. Уровень их знаний после школы был не очень высок. Виной тому система образования для небелых, которая существовала при апарtheid. Но интерес к политике велик. В сочетании с чувством ущемленности, расовой дискриминации, некоторого недоверия к белым.

В университете студенты сами выбирают себе курсы. На наши лекции записывались африканеры, черные южноафриканцы, зимбабвийцы, китайцы, даже молодой человек из Бельгии, узнав что здесь преподают русский язык, приехал его изучать. Изучали с интересом. Для них устраивали просмотр образовательных фильмов. Специально командировали преподавателя для закупки учебных пособий на русском языке. Организовывали дегустацию русских блюд в открывшемся русском ресторане. Учили варить борщ и жарить котлеты. Справляли Пасху и Рождество по-русски. Студенты получали университетские награды за свой успех. Двух лучших студентов Центр послал на две недели в Москву в знак поощрения. Русским языком каждый год занимались не меньше пятнадцати студентов. Двоих из них наградили медалями университета.

Россия была интересна студентам в нескольких отношениях: история отношений России с Африкой; российский опыт, который может пригодиться Африке; и взаимопонимание России с Западом, с бывшими метрополиями.

В Центр приходили русские эмигранты, южноафриканцы, учившиеся раньше в СССР, российские дипломаты из генконсульства и посольства, дипломаты других государств.

Постепенно мы перестали чувствовать себя новичками в жизни университета. Нас приглашали участвовать в конференциях, симпозиумах других факультетов и кафедр, не говоря уже об общеуниверситетских. Бывало, предлагали и председательствовать. Человеческих контактов, общения становилось все больше. Мы переставали быть чужаками, становились своими. С нами делились горестями и радостями. Рассказывали и о научных проблемах, и о своих личных.

Задавали вопросы, далеко не всегда легкие. Профессора-англичане (их было большинство) не раз говорили:

— Мы никак еще не разберемся в своем колониализме. А вы? Надо ли сопоставлять расширение Российской империи с Британской? Есть ли в чем-то сходство? Или одни только различия? Россия завоевала Сибирь, Центральную Азию, Кавказ? Много у вас об этом исследований? Как относились к этому в тех странах? Много ли издано воспоминаний? Художественной литературы?

Что я мог ответить? Как историк, профессионально этим никогда не занимался. В детстве читал роман Чарской «Грозная дружина» о Ермаке. Читал романы Каразина о войнах в Средней Азии и о жизни там. О «белом генерале» Скобелеве. Знал слова «Смирись, Кавказ, идет Ермолов». Намного больше читал о том просвещении, образованности, раскрепощении женщин, что принес этим областям приход русских.

Конечно, обсуждал, спорил. Но, должно быть, историки еще будут разбираться в вопросах, которые ставили передо мной кейптаунские коллеги.

Беседы с профессурой и в Кейптауне, и в других университетах дали мне очень много. Но чтобы понять массовые представления, пожалуй, еще больше дали разговоры на улицах, в скверах, часто со случайными знакомыми. Тут не было научных объяснений и, главное, «политической корректности». Вот из типичных, услышанных на улицах, мнений африканцев:

— Белые нас понять не могли и, наверное, еще не могут. Белые говорят: ведь в соседних странах Африки черным живется хуже, чем здесь. Что же вы этого не цените?

У африканеров:

— Ну из поколения в поколение нас не понимали. Поймут ли, наконец, теперь?

Когда я все это слышал, мне хотелось думать, что это — отголоски уходящего. Но сколько еще времени оно будет уходить? Долго ли людей будет судить по цвету кожи и по национальности? Не будет ли рецидивов? И только ли здесь, в Южной Африке?

* * *

Созданием Центра занимались ректор Кейптаунского университета С. Сондерс и первый проректор Виланд Гиверс. Они и вели переговоры с Марком Волошиным, главой фирмы Marvol, и со мной. Сондерс уже собирался перейти на пенсию, так что решения готовил в основном Гиверс. В ректорате он в дальнейшем курировал работу Центра. К нему мне и приходилось постоянно обращаться, особенно после того, как фирма Marvol из-за своих финансовых трудностей перестала субсидировать Центр, и мы перешли на баланс университета.

Работать с Гиверсом оказалось легко. Он помнил о всех наших нуждах. Сам приходил в наш Центр — нам не надо было записываться к нему на прием, стоять в очереди. Так он относился, мне кажется, ко всем факультетам и кафедрам, которые входили в круг его деятельности: понимание, внимательность, симпатия, не жалел своего времени.

Он был профессиональным опытным администратором. В университете его уважали. Первым проректором он был давно, ему прочили занять место ректора Сондерса, когда тот уходил на пенсию. Но выбор властей страны пал на Мампелу Рампеле. Она никогда не была тесно связана с университетской системой. Но она африканка, а у него английские корни. Нет, не хочу сказать, что африканизация кадров при президенте Нельсоне Манделе проводилась жестко и что цвет кожи считался приоритетным признаком. Но состав преподавателей Кейптаунского университета был очень *белым* и, очевидно, считалось, что место ректора лучше занять африканцу. А что еще важнее, Мампела Рампеле — участница политической борьбы. Она поддерживала Конвент черного народа, созданный в 1972-м и основанный на идеологии «Черного самосознания». Стив Бико, создатель этой идеологии и президент этой организации, был ее возлюбленным. От него у нее родились двое детей. Идеи Стива Бико, явно антиевропейские, антибелые, отличались от принципов Африканского национального конг-

ресса. Но он умер в тюрьме и, как полагали, из-за пыток. И имя Рампеле было связано не только с идеями «Черного самосознания», но и с мученическим ореолом ее возлюбленного.

Сенат университета смирился с тем, что ее следует выбрать ректором. За нее проголосовало большинство. Правда, я, наученный в СССР горьким опытом политических решений, голосовать за нее в Сенате не стал (забегая вперед, скажу, что ректором она оставалась лишь несколько лет, потом вошла в директорат одной из международных финансовых структур, но там продержалась совсем недолго).

Ну да Бог с ними, с перемещениями в университетской администрации. В ЮАР (как, наверно, и повсюду) они проводились, исходя из противоречивых, не всегда бесспорных соображений.

Другой член ректората, к которому мне тоже приходилось обращаться, это Хью Амур, главный администратор, организатор учебного процесса. В российских университетах такой должности нет, в ЮАР есть. Называется: администратор-регистратор. У Амура слава прекрасного администратора и доброжелательного человека.

Понять сложности университетских правил оказалось трудно: они сильно отличаются от московских. Постоянно допытываться у начальства, донимать своими недоумениями не хотелось. И тут на помощь пришел старый знакомый, с ним я сдружился еще в начале 1990-х, когда был приглашенным профессором в Грейамстауне, в университете Родса. Кит Хант тогда был главным администратором этого университета, как Амур в Кейптаунском. Легко представить, насколько он был загружен: все неполадки университетской жизни приходилось решать ему. И все-таки с какой бы просьбой в Грейамстауне я к нему ни обращался, у него находилось время помочь. Больше того, каждую неделю он спрашивал, не хочу ли я съездить на океан. Жили мы с ним рядом, окна дома, который мне выделил Университет Родса, смотрели на его окна. Но машины у меня не было, и поехать на океан, за 60 км я не мог. А Кит знал, как я люблю плавать. И каждое воскресенье он и его жена Розмари возили меня на побережье. Даже в холодные для ЮАР месяцы: июль и август. Розмари и Кит в воду не заходили, ходили по берегу, пока я плавал.

Вскоре после того, как я оказался в Кейптауне, туда переехали Розмари и Кит. Ему исполнилось 65 лет, и как бы высоко его ни ценили, закон есть закон: выход на пенсию.

От Кита Ханта я и получал в Кейптауне дружеские, самые полезные советы. Как они помогали разобраться в новой для меня тамошней административной университетской работе!

Надо было разобраться и в кейптаунской обстановке, в бытующих там противоречивых настроениях. И вообще увидеть южноафриканские события глазами самих кейптаунцев. Входил в это постоянными беседами с профессорами-историками Крисом Сондерсом, Яном Фимистером, Биллом Нессоном, Ричардом Мандельсоном, Милтоном Шейном.

Важными оказались отношения с Питом Вестрой и Риной, его женой. Пит много лет был директором Южно-Африканской библиотеки — крупнейшей библиотеки Кейптауна, а может быть, и всей Африки. Я был там завсегдаем, там и началось наше знакомство. Потом Питу пришлось уйти из библиотеки: назначили другого директора, вернее, директоршу. Дело тут не в африканизации. Преемница Пита — тоже белая. Мне эта замена показалась несправедливой, но где же не бывает несправедливости? Разве только в ЮАР?

* * *

Добрые советы я получал и от тех, кого знал по встречам в Москве. От тех, кто были политэмигрантами, жили вдали от ЮАР и вернулись на родину только в 1990-м, когда правительство де Клерка сняло запрет с их политических организаций. Таких людей я встречал с конца пятидесятих, с кем-то сдружился. Они вызывали у меня сочувствие: ведь годами, а то и десятилетиями были изгнанниками, не видели родного очага, своих близких. Конечно, теперь, вернувшись в Кейптаун, Йоханнесбург и Преторию, в страдании они уже не нуждались. Альфред Нзо, Ронни Касрелс, Палло Джордан стали министрами. Табо Мбеки — вскоре вице-президентом, а затем и президентом. Эссоп Пахад, которому я когда-то читал лекции, был назначен министром, главой президентской администрации. Многие стали членами парламента, крупными чиновниками, бизнесменами. У кого-то это отразилось на характере, манере поведения, отношении к людям. Но с большинством моих старинных знакомых этого не произошло. Сохранилась добропорядочность, простота.

Членом парламента стал Брайен Бантинг. Я его глубоко уважал, хотя и не во всем разделял его взгляды. Он был коммунистом,

можно сказать, потомственным. Сидни Персивал Бантинг — отец Брайена — один из основателей южноафриканской компартии. Бывал в Москве еще в 1920-х. В тридцатых, когда сталинская «чистка» охватила и зарубежное коммунистическое движение, его исключили из компартии, прокляли как белого расиста и троцкиста, прилепили к его имени все ярлыки, присущие тем чисткам.

Как же сильна была в этой семье вера в идеи коммунизма, если его сын стал одним из видных деятелей компартии. Коммунистами были и жены отца и сына (обе из семей выходцев из России). Марксизм для них был тесным образом связан с борьбой против белого расизма в их стране. Ради этого они шли на жертвы. Брайен и его жена Соня могли бы пользоваться в ЮАР привилегиями, которые давал им белый цвет кожи. Но, включившись в борьбу, они были вынуждены бросить родные места, уехать из ЮАР.

О Бантингах — об отце и о сыне — я рассказывал в своих статьях и книгах еще в 1960-х. Написал предисловие к книге Брайена Бантинга «Становление южноафриканского рейха», изданной в русском переводе в 1965-м.

С Брайеном я познакомился в 1967-м, когда он приезжал в Москву уже из эмиграции, из Лондона. Потом встречался много раз, бывал у него в Лондоне.

В начале семидесятых он писал письма в московское издательство «Прогресс», настаивал, чтобы мою книгу «Южная Африка — становление протеста» перевели и издали на английском языке. Издательство согласилось. А не получилось по моей вине. Из-за общей занятости у меня не было времени тщательно подготовить к переводу более чем шестисотстраничную книгу.

В ЮАР Брайен вернулся, как и все политэмигранты, в 1990-х годах. При новой власти с 1994-го стал депутатом парламента. Остался очень скромным человеком. В Кейптауне я жил в нескольких минутах ходьбы от его дома. Виделись мы часто. О своей жизни и событиях, связанных с ней, он рассказывал охотно. Разумеется, он стоял за новую власть. Видел в ее делах и ошибки, опасность кое-каких из наметившихся тенденций. Но говорил об этом очень сдержанно, старался новую власть ничем не компрометировать.

Неподалеку от моего дома жила и Рэй Александер (по мужу Саймонс), старейшая южноафриканская коммунистка. Она роди-

лась в 1913-м, еще в Российской империи, в Латвии. В Южной Африке с 1929-го. В эмиграции — в Замбии — с 1965-го по 1990-й.

Познакомился я с ней в 1967-м, когда она приезжала в Москву. А здесь в Кейптауне, вечер за вечером расспрашивал о ее поразительно яркой жизни. Так увлекался, что не записывал, да как-то неловко было разложить перед ней свои записные книжки.

А вспоминала она и о том, как еще в конце 1920-х из Москвы приезжали эмиссары Коммунистического Интернационала и добивались, чтобы южноафриканская компартия сочла своей задачей (в африканской-то действительности!) сосредоточить свою работу на борьбе с троцкизмом. Как в 1936-м, вдохновясь опубликованной тогда сталинской конституцией, она и ее товарищи рассказывали о ней на митингах как о самой демократической конституции в мире (о том, как слова этой конституции расходились с жизнью, они узнали много позднее).

О том, как она и ее друзья были ошарашены пактом Риббентропа—Молотова. О том, как в годы нашей Отечественной войны их общество дружбы с Советским Союзом помогало нам, собирало средства. Даже организовали еще одно общество — «Медицинская помощь Советскому Союзу».

Рассказывала и о горьких разочарованиях. О том, как обсуждалась в ее семье сталинская кампания борьбы против «космополитов» и «врачей-отравителей»: так горячо, что чуть не развелась с мужем.

Это — об отношении к нашей стране. А уж о событиях в самой ЮАР она помнила с конца 1920-х!

Я назвал только нескольких из тех интересных людей, с которыми постоянно встречался в Кейптауне. А сколько же их было! И как бурно они реагировали на события тех переломных лет в истории их страны, какие корни перемен искали в ее прошлом...

Да и сами эти люди! Как они достойны, чтобы о них помнили! Тем более, что многих из них, вернее даже большинства, уже нет в живых. И так ли уже хранят о них память на их родине? Пушкин попенял когда-то нам, русским, что не умеем помнить о наших замечательных людях так, как они того достойны. Не хочется думать, что великий поэт был прав. Но если был, то к нам ли одним можно отнести его упрек?

Во всяком случае мне посчастливилось: тех людей я видел, расспрашивал, слышал и, хочется думать, во многом понимал, пусть и не во всем.

Клуб Совы

Круг моих знакомых расширился, когда меня приняли в Клуб Совы. Это старейший английский клуб в Африке. Меня пригласили выступить там, когда отмечалось его столетие, — он основан 1 октября 1894 года.

На собраниях Клуба (они проводились в третий вторник каждого месяца) выступали Киплинг, Марк Твен, Джозеф Чемберлен, фельдмаршалы Смэтс, Китченер, Робертс, основатель бойскаутизма генерал Баден-Пауэлл... Да кто только не выступал! Увы, протоколы и записи первых лет (до августа 1900 г.) утеряны.

Наверно, мало таких клубов можно увидеть в наше время. Обычаи я застал такими же, какими они были в конце XIX в. Члены клуба — одни мужчины. На собрания можно приходить только в черных костюмах. И никаких галстуков — только бабочки. Обращение друг к другу: «Брат Сова» (сова — символ мудрости). На стенах, на столах — везде изображения совы. Ритуал собраний продуман до деталей: церемония изысканного ужина, доклады на самые разные темы, всегда короткие и всегда интересные. Между докладами и после них — музыка. Лучшие оркестры города считают за честь быть приглашенными.

Всё в традициях позднего викторианства, «старой доброй Англии». На лестнице перед входом в зал — бюст королевы Виктории и большой портрет Сесиля Родса. В отличие от клубов «Ротари» — а их в Кейптауне четыре, — тут собираются не бизнесмены, а интеллигенция.

Сами «совы» над традициями клуба подтрунивают, но в то же время относятся к ним с пиететом. И гордятся принадлежностью к этому клубу избранных. Поэтому я был польщен, когда — после моего выступления — они избрали меня членом клуба. А вскоре предложили выступить еще раз. Должно быть, моя тема — события в России — их заинтересовала.

При всей викторианской респектабельности жизнь клуба пронизана юмором. Юмором сдобрены доклады, вопросы и ответы и, разумеется, тосты. На каждого из докладчиков тотчас же появляется дружеский шарж. Через несколько дней после каждого собрания члены клуба получают по почте шуточный отчет о заседании. Готовит его Сова-секретарь.

Клуб переставал быть монополией англосаксов. Я видел в клубе африканеров. А вскоре и нескольких людей с темным цветом кожи.

Если раньше я встречался в основном с университетской профессурой, то здесь круг расширился: адвокаты, художники, журналисты, представители городской администрации. Поводырем для меня был поначалу Пит Вестра, директор Южно-Африканской библиотеки.

В 1994 г. мы с Ириной Ивановной опубликовали статью в журнале, который издавала эта библиотека. В ней говорилось о нескольких наших находках. О письме, которое в 1886 г. верховный правитель народа пондо, жившего к востоку от Капской колонии, направил Александру III с просьбой о помощи. О том, что в казахском эпосе конца XIX в., было и сказание Акулбая Кунабаева с поразительным названием «Зулус». И другие уникальные находки⁵⁹.

Эта статья заинтересовала Пита Вестру. С нее началась наша дружба и продолжается до сих пор.

Кейптаун — Архангельск — Мурманск

Из конференций, которые мы проводили в нашем Центре, особенно запомнилась та, что была посвящена 50-летию Победы во Второй мировой войне.

Здесь, на Юге Африки, эта встреча имела особенный смысл. Холодная война настолько развела наши страны, что и у нас, и в ЮАР не просто было вспомнить, что мы были когда-то союзниками.

Нашу инициативу поддержали и Южно-Африканский институт международных проблем, Институт оборонной политики и Военно-морской музей.

Начали с того, что стали разыскивать ветеранов войны. Крупнейшая в ЮАР газета *Argus* по нашей просьбе 2 февраля 1995 г. обратилась к читателям с просьбой дать сведения о всех южноафриканских моряках, которые участвовали в помощи России: «История мужественных арктических моряков должна быть рассказана». От-

---

⁵⁹ Davidson Apollon, Filatova Irina. The Africans and the Russians in the Nineteenth Century. Four Episodes // Quarterly Bulletin of the South African Library. Cape Town, 1994. Dec. Vol. 49. No. 2.

кликнулись несколько человек. Затем мы расширили сферу розысков: стали искать ветеранов, которые родились в России, и тех, чьи родственники были выходцами из России. Получили отклики и тут.

В ходе подготовки конференции, на ее заседаниях и встречах, и потом, по ее итогам, удалось найти и свидетелей, и свидетельства, которых мы раньше не знали.

Конференцию мы назвали «Россия и Южная Африка — союзники во Второй мировой войне». Провели ее 24 апреля 1995 г. Встреча продолжалась с 15:30 до 22:00 часов. Собралось около двухсот человек: ветераны, ученые, члены парламента во главе с заместителем председателя парламента, генералы и офицеры, вместе с командующим войсками восточнокапской провинции, видные общественные деятели, деятели культуры, сотрудники российского посольства. Из Москвы приехала группа российских общественных деятелей и бизнесменов.

Среди выступавших ветеранов были те, чьи семьи тесно связаны с Россией: Френк Бредлоу, Уолфи Кодеш, Лу Вулф, Брайен Бантинг. Известный кейптаунский архитектор Хиллел Турок рассказал не только о своем участии во Второй мировой войне, но и о своем отце, который в Первую мировую сражался в русской армии и заслужил Георгиевский крест.

Но еще больше поразило всех появление и выступление старых моряков — тех, кто плавал в «русских конвоях». Во время войны с Британских островов шли один за другим «русские конвои» — караваны английских (а затем и американских) кораблей с военным снаряжением для нашей страны. И уже в экипаже первого конвоя были южноафриканцы.

От этих моряков выступил Уильям Дуглас Хогг, коммодор (это последний чин перед адмиральским). Он родом из южноафриканского портового города Порт-Элизабет, провел в Архангельске и Мурманске почти четыре месяца, с сентября 1941-го по январь 1942-го, потому что минный тральщик «Гусар» оказался скован льдами. А потом — весной 1942-го — «Гусар» вновь послали из Великобритании в Мурманск. Немецкие самолеты его обнаружили, преследовали, атаковали. И Уильям Хогг опять провел в Мурманске два или три месяца.

Хогг рассказал и о гибели крейсера «Эдинбург», который в апреле 1942-го был потоплен двумя немецкими торпедами. Тральщик

«Гусар», сопровождавший этот караван из Мурманска, шел ему на помощь. Удалось спасти 840 моряков. Среди погибших были и южноафриканцы.

Командир советской канонерки «Рубин» отправил тогда послание союзникам: «Советские моряки были свидетелями героической борьбы английских моряков с превосходящими силами врага».

Историки военно-морского флота в морском музее Саймонстауна, главного военного порта Южной Африки, не смогли назвать мне точную цифру численности южноафриканцев в «русских конвоях». Сказали, что в Британском королевском флоте служили тогда 3 тыс. южноафриканцев. За время войны в Мурманск и Архангельск прошли 35 караванов — 715 кораблей. В самом тяжелом сражении из 36 кораблей конвоя RQ-17 погибло 23. Среди погибших были и южноафриканцы.

Сохранились и письма южноафриканцев об участии в этих опасных походах.

В российском консульстве в Кейптауне этим ветеранам вручали медали 50-летия Победы. Я поздравил их. В ответ они поздравили меня — как ленинградский блокадник, я уже был награжден этой медалью.

Южноафриканская кровь — советским раненым

В архиве Витватерсрандского университета и в других архивах ЮАР я нашел много документов о помощи, которая шла в Советский Союз из Южной Африки во время Второй мировой войны. А в связи с подготовкой празднования Дня Победы наше посольство получило из архива МИДа России документы советского генконсульства, которое работало в Претории в годы войны, когда наши страны были союзниками.

Посольство дало мне возможность ознакомиться с ними. Их очень много. Приведу только некоторые из названий.

«О кампании сбора крови для советских раненых. 1943 г.»;

«О передаче СССР в дар крови и медикаментов. 20 мая 1943 г.»;

«Об оказании СССР гуманитарной помощи. 18 июня 1942 г.»;

«Меморандум общества Медицинская помощь России. 1942 г.»;

«О передаче в дар медикаментов. 19 августа 1942 г.»;

«Об оказании СССР медицинской помощи. 18 сентября 1942 г.»;

«Список товаров, переданных в дар народам СССР жителями Претории. 1942 г.»;

«Дополнительный список вещей, подготовленных к отправке в СССР в качестве дара. 1942 г.»;

«О передаче в дар СССР медикаментов. 20 ноября 1942 г.». И такой же документ от 26 января 1943 г.;

«О передаче СССР денежного пожертвования 5 марта 1943 г.»;

«Об отправке медпомощи. 23 марта 1943 г.». Такие же документы от 7 апреля 1943 г., июля 1944 г., 28 ноября 1944 г., 13 января, 18 января, 1 марта, 2 марта, 9 марта, мая 1945 г.

Перечень таких материалов можно продолжать и продолжать. И не только о медикаментах, а и о продовольственной помощи, о денежных пожертвованиях, о подарках советским детям.

Вот письмо советского генконсула в Наркомат иностранных дел от 20 декабря 1944 г. Оно было переслано Молотову, Микояну, Вышинскому, Деканозову и в различные департаменты Наркоминдела. «“Медицинская помощь для России” информирует нас, что в ближайшее время они доставят ... вакцину против тифа в 24 коробках общим весом в 900 фунтов и стоимостью в три тысячи фунтов [стерлингов]. Этот груз составит сорок тыс. доз...».

Даже после окончания войны из Южной Африки шли средства для организации госпиталей и клиник в советских городах. 7 сентября 1945 г. заместитель наркома иностранных дел А.Я. Вышинский сообщил заместителю наркома народного здравоохранения Колесникову:

«Южноафриканские организации, дружелюбно расположенные к Советскому Союзу, выдвинули вопрос о строительстве нескольких больниц и поликлиник в СССР на собранные деньги.

Еврейская организация собрала 30 тыс. фунтов и хочет использовать их на строительство больниц в Минске, Каунасе и Вильно.

“Медицинская помощь для России” сообщила нам, что она намеревается построить клинику в СССР и отводит для этой цели сто тыс. долларов. Я прошу Вас информировать о Вашем мнении на этот счет, и какой ответ можно дать на предложение Еврейской организации и Медицинской помощи России».

Свидетельств о рассмотрении этого вопроса я не нашел.

В отчете советского генконсула за 1945 г. говорится:

«С 1942 по июнь 1944 г. Комитетом медицинской помощи СССР собрано около 700 000 фунтов стерлингов среди населения Южно-Африканского Союза, как европейского, так и туземного. Отправлено в СССР: медикаментов, крови, витаминизированного рыбьего жира, теплой одежды и одеял, продуктов на сумму: 426 246 ф. ст. Кроме приведенных расходов (426 246 ф. ст.) Комитет медицинской помощи СССР перевел на имя т. Майского сумму в 130 000 фунтов стерлингов и 20 000 фунтов стерлингов в фонд британской организации помощи СССР, возглавляемой мадам Черчилль»⁶⁰.

Так что советским раненым вливали южноафриканскую кровь! Может быть, в ком-то из нас теперь есть и эта кровь?

Ни из какой другой страны Африки такой помощи в СССР не шло. А почему отсюда?

Занимались этим общественные организации. Прежде всего две: общество «Друзья Советского Союза», возникшее еще в начале 1930-х и «Медицинская помощь для России», созданная после нападения Германии на СССР. Инициаторами создания первого из этих обществ были коммунисты, но в обоих большую роль играли выходцы из России и их потомки. Их в стране было около ста тысяч, если не больше. Большинство — евреи: те, кто бежали от погромов еще с 1880-х, и приток эмиграции — после большевистского переворота.

Эти россияне были душой движения помощи. Посылали и деньги, и свою кровь.

Но, конечно, не только они. Немало южноафриканцев следили за ходом Великой Отечественной войны, искренне желая победы над Гитлером. Нашлись, правда, африканеры, чья давняя неприязнь к англичанам определила во время войны их отношение ко всей антигитлеровской коалиции. Но таких все же было мало. А к русским относились с симпатией со времен Англо-бурской войны, когда на стороне буров сражались российские добровольцы.

«От советских летчиков — лучшему другу»

В 1995 г. я встретился под Кейптауном и с человеком, который помог нашим летчикам в 1943-м, в сущности спас их.

---

⁶⁰ Из отчета советского генконсула в Претории. 1945.

...В крепости, построенной больше трех веков назад, когда Кейптаун еще именовали по-голландски Капстадом, есть военный музей. Он обновлен и открыт после долгого перерыва. Меня пригласили на церемонию открытия. На большом плацу внутри крепости войска, одетые в голландскую военную форму XVII в., маршировали под старинные марши, показывали тогдашние приемы военной подготовки. Принимал парад министр обороны (черный южноафриканец) и командующий войсками (белый).

После парада — осмотр обновленной экспозиции музея. Если раньше там была представлена только история белых (голландцев, буров, англичан), то теперь и боевое прошлое народов банту (зулусов, ко́са, суто и других). Историю белых потеснили, но не вытеснили. Недалеко от входа осталась фигура мушкетера д'артаньяновских времен: ведь на мыс Доброй Надежды переселялись когда-то и французы — гугеноты из-под Ла-Рошели. Мушкетера сделали реалистично, и он мало похож на опозтезированных Атоса—Портоса—Арамиса.

Меня интересовали не только экспозиции, но и запасники. Там я увидел маленькое зеркальце. На его оборотной стороне выведено: «От советских летчиков — лучшему другу Wolhuter, sergeant S. G. за оказанную помощь. Герой СССР Козуля. 5.12.43».

Тот, кому обращена эта благодарность, бережно привез зеркальце с войны, из лагеря для военнопленных в Германии, и вот оно хранится здесь, в Кейптауне.

Мне сразу же захотелось узнать, кто такой этот сержант Волхютер. Долго расспрашивать не пришлось.

— Валли Волхютер? Ну как же, жив, здоров. Живет с женой в пансионате для пожилых людей. Тут, под Кейптауном. Недалеко.

Узнать адрес, телефон оказалось легче легкого. Позвонил, договорился о встрече.

Африканер... Высокий, худощавый, подтянутый человек. Изящно одетый. Маленькая квартира в отличном доме. По-нашему — хороший санаторий. Сразу подумал, что пенсия у него — не чета моей.

Встретил приветливо. На вопросы отвечал охотно. И вместе с тем без старческой болтливости. Затем достал книгу своих воспоминаний. Книга на английском языке. Издана в Кейптауне, но год издания не обозначен⁶¹. Спросил его. Он написал на книге: 1982.

---

⁶¹ Wolhuter S.G. The Melancholy State. The Story of a South African Prisoner-of-War. Cape Town: Howard Timmins Publishers, [1982]. P. 90–99.

Я спросил, почему его зовут Валли, а на книге стоит: Шалк Георг (эти инициалы: S. G. — и в надписи, сделанной на зеркальце).

— У нас, африканеров часто принято не то имя, что в паспорте, а прозвище, которое закрепилось в детстве.

Уже уйдя от него, я подумал: надо было спросить, почему такое прозвище и что оно значит. Но забыл и тогда и потом, когда звонил ему по телефону.

А рассказ его выглядит так.

На севере Африки в 1941–1942-м шли тяжелые бои английских войск против наступавшей с запада германской армии Роммеля. В составе английской армии были и южноафриканские части.

В середине 1942-го Роммелю удалось одержать серьезную победу под Тобруком, близ границы Египта и Ливии. Среди южноафриканцев оказался в плену и Волхютер. Отвезли его в Германию, в лагерь военнопленных возле Мюльберга. Там определили переводчиком: он мог объясняться по-немецки. Поэтому и пользовался несколько большей свободой.

Однажды к нему подошел русский военнопленный, назвал себя Фролом Козиным и попросил помочь четырем советским летчикам — заключенным тюремного барака. И хотя пленным запрещалось выходить из бараков с наступлением темноты, Волхютер пошел за Козиным.

Мне он объяснил это сочувствием к советским пленным. Они голодали. Помощи от Международного Красного Креста не получали, потому что сталинское правительство отказалось подписать Женевскую конвенцию о военнопленных. И гитлеровские власти обращались с ними неизмеримо хуже, чем с американцами или англичанами.

Волхютер показал мне фотографии, которые он включил в книгу. Военнопленные играют в футбол. Зулусы — немало зулусов было взято под Тобруком — в день государственного праздника Южной Африки танцуют с деревянными копьями в руках. Одна фотография меня просто поразила: немецкие солдаты дают залп — прощальный салют над могилами умерших пленных. Волхютер написал под этой фотографией: «Всем, кто умирал, за исключением русских, отдавались военные почести. От вермахта приносили бумажный венок». Меня это удивило. Не думаю, что такое отношение к военнопленным было в Германии типичным.

Вспоминая о положении советских военнопленных, Волхютер помрачнел: большинство из них оказывалось в таком аду, который трудно представить.

Но то, что он увидел в тюремном бараке, оказалось особенно страшной частью этого ада. В бараке было ужасно холодно. Печь не топились, на койках не было ни одеял, ни соломенных тюфяков. Фрол открыл дверь в уборную с цементным полом. Там было еще холоднее. Там и держали четырех летчиков Красной авиации.

— А за что их посадили?

— За попытку к бегству. А летчика Козулю еще и за отказ выступить по радио с осуждением Советского Союза.

Естественно, мне интересно было: за что же летчики так горячо благодарили Волхютера, чем объясняется та надпись на зеркальце?

— Я вместе с английским сержантом Биллом Дэвисом стал собирать у других пленных то, что они могли дать из присылаемых им посылок. По кусочку печенья, по ломтику мяса, по ложечке сахара. Фактически мы создали в лагере «Комитет взаимопомощи».

Рассказ Волхютера — еще один пример той помощи, которую оказывали южноафриканцы нашей стране во время Второй мировой войны.

Русские книги на Лонг-стрит

Создан Центр российских исследований, но ведь нужна основа — книги, библиотека. Для студентов — как же без книг? Да и не только для них. Для российских эмигрантов: они же сразу стали к нам приходить. Да и вообще — для всех, кого интересовала наша страна, ее культура, язык.

Что-то нам выделили из фондов библиотеки университета. Но — на английском языке. На русском очень мало.

И все-таки удалось в течение одного года создать библиотеку. Не только книги об Африке, но — главное — русские и английские книги о России. На всех стенах пяти комнат, которые университет дал Центру, стеллажи от пола до потолка.

Как это удалось?

Раз за разом, из многочисленных поездок в Москву, я привозил пачки книг. Что-то собрал и во время визитов на конференции в Америку.

Но главный источник обнаружился на Лонг-стрит, одной из старейших улиц Кейптауна. Эту улицу когда-то, двести с лишним лет назад, не могли миновать наши первые соотечественники: музыкант Герасим Лебедев, моряки Лисянский, Крузенштерн, Головин, да, наверное, и бежавшие с Камчатки ссыльные, те, кто побывали тут еще во времена Екатерины II.

В 1994 г. большой магазин «Кларкс» на Лонг-стрит столкнулся с финансовыми трудностями. И книги — тонны книг — распродавались по дешевым ценам.

Там было что купить! На английском языке и — к моему изумлению — на русском. Этим букинистам сдавали книги российские иммигранты нескольких поколений.

Первое, что я увидел там — стихи Надсона. Три однотомника, разные издания. Как же любили его россияне, если когда-то брали с собой, уезжая на чужбину! И сколько же везли книг его стихов, если только в одном магазине оказались эти три!

Это заставило меня взглянуть на Надсона другими глазами. В мои школьные и в студенческие годы никто из преподавателей ни разу не назвал это имя. Знал я лишь презрительно высокомерное упоминание о нем в стихах Маяковского. А тут в одной из книг увидел «Список стихотворений Надсона, положенных на музыку». На «Мне снилось вечернее небо» музыку дали одиннадцать разных композиторов, «Над свежей могилой» — двенадцать, «Не говорите мне: он умер» — шесть. 125 романсов и песен. Среди композиторов: Сергей Рахманинов, Цезарь Кюи...

Из обширных предисловий к этим томам узнал о стихотворении Я.П. Полонского на смерть Надсона, о переписке Надсона с А.Н. Плещеевым, о Пушкинской премии, которую присудила Надсону Академия наук.

Эпиграф к тому — его стихи:

Не говорите мне: он умер — он живет,
Пусть жертвенник разбит — огонь ещё пылает.
Пусть роза сорвана — она ещё цветет,
Пусть арфа сломана — аккорд ещё рывается!..

И грустное, как всё у этого поэта:

Исчезнет мечтою
Украшенный мир...

Я задумался над судьбой забытого поэта. Кем он был для тех, кто вез его стихи за тысячи верст в те давние времена, в той убогой кладу, которую могли взять с собой? И кем бы стал этот поэт, если б не покинул мир, прожив всего двадцать четыре года?

Увидел на полках «Исповедь графа Л.Н. Толстого. Вступление к сочинению «В чем моя вера»». На русском языке, но издано в Женеве. В 1900 году. И «Граф Лев Толстой. Мысли о Боге». Издано тоже не в России... В Берлине.

Конечно, купил. Читал и думал: знаем мы «Войну и мир», «Анну Каренину», но многим ли знакома «Исповедь», мысли Толстого о Боге, о церкви, о православии? А россиянам, что приезжали сюда больше ста лет назад, значит, эти мысли были близки.

Сидя в саду, укывшись в тени от южноафриканского солнца, я читал, перечитывал, пытаюсь понять, как это воспринималось теми, кто привозил «Исповедь» с собой.

Нашел я и Салтыкова-Щедрина. Не только «Историю одного города», а и «Современную идиллию», «Письма к тетеньке», «Пошехонскую старину». Давние петербургские издания. Вспомнил, что Николай II, судя по его дневникам, стал читать Салтыкова-Щедрина лишь в тобольской ссылке, незадолго до смерти. А те, кто везли Щедрина с собой в такую даль? Как же много он значил для них! И подчеркивания на полях. Подчеркивали высказывания Щедрина о том в нашей российской жизни, из-за чего, очевидно, они и уезжали даже сюда, на юг Черного материка.

Были в магазине пьесы, повести, романы, написанные в ЮАР, из русской жизни или на основе произведений русских авторов. Пьеса Гая Батлера «Капская шарада» — по запискам Ивана Гончарова о пребывании на мысе Доброй Надежды в 1853 г.⁶² Пьеса драматурга Дэймона Гэлгута. Действующие лица: Николай II, Александра, Григорий Распутин, Анна Вырубова, Феликс Юсупов, приближенные к царскому двору. Пьеса шла в Государственном театре, в Претории, с 15 марта 1983 г.⁶³

Книга Баренда Турина: «Август в Москве», на языке африканс. О поездке в Москву в августе 1990-го⁶⁴. Россия его интересовала

---

⁶² Butler Guy. Cape Charade or Kaatjie Kekkelbek. Cape Town: A.A. Balkema, 1968.

⁶³ Galgut Daman. Echoes of Anger. Johannesburg: Johann Ball Publishers, 1983.

⁶⁴ Toerin Barend. Augustus in Moscow. Kaapstad: Tafelberg, 1992.

ла давно. Он составил и перечень всех переводов с африкаанс, изданных в СССР и России. И впечатления его о переломном времени в истории нашей страны.

В книге южноафриканского поэта Уильяма Пломера подробно рассказывается, как он еще в 1929 году проехал на поезде из Кореи через всю Сибирь до западных границ СССР⁶⁵.

«Путешествие по России» известного писателя Лоренса фан дер Поста — рассказ о двухмесячном путешествии 1962 г. в Москву, Ташкент, Баку, Одессу, Киев, о пути в Хабаровск, а затем обратно — в Ленинград и Ригу⁶⁶.

Впечатления Джона Раннелса — Петербург, Москва, Иркутск, Байкал, Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре. Хорошее знание русской литературы. Прекрасные юмористические зарисовки. Начинаются главой «Занавес поднят». А подзаголовок: «Написано человеком, который уезжает со слезами на глазах»⁶⁷.

Книги русских эмигрантов. Художник Владимир Третчиков. Как перевести название его книги? Пожалуй, «Удача простака»⁶⁸. Священник Алексей Черный — «Русская Одиссея. Жизненный путь эмигранта»⁶⁹. Черный родился в России, воевал в Белой армии, эмигрировал в Литву. Во время войны арестован гестапо. Ему удалось бежать, уехал в США, стал священником. В 1959-м возглавил православную церковь на всем юге Африки, пробыл там несколько лет.

И переводы русской литературы на язык африкаанс. Одна находка за другой. Лев Толстой — «Казак»⁷⁰. Место и год издания не обозначены. Правда, перевели не с русского, а с испанского. «Тарас Бульба» с хорошими иллюстрациями, тоже без места и года издания. Лишь указано: «Печатано в Испании»⁷¹. Почему в Испании? Вряд ли цензура ЮАР запрещала Толстого и Гоголя.

---

⁶⁵ *Plomer William*. At Home. Harmondsworth: Penguin Books, 1958.

⁶⁶ *Post L. van der*. Journey into Russia. London: Horth Press, 1964.

⁶⁷ *Runnalls John A.* Railroaad Tracking the Russian Way (By The Man Left With Tears in his Eyes). Cape Town: Edit'n Run, 1997.

⁶⁸ *Tretchikoff Vladimir, Hosking Anthony*. Pigeon's Luck. London: Collins, 1973.

⁶⁹ *Father Alexey Chernay*. Russian Odyssey. The Life-path of an exile. Pretoria: Cum Books Rooderport, 1981.

⁷⁰ *Tolstoi Leo*. Die Kosakke. [n.p.]: Newman Art, [n.d.].

⁷¹ *Gogol Nicolas*. Taras Bulba. [n.p.]: Newman Art, [n.d.].

Чехова переводили на африкаанс особенно охотно. Он пришелся бурам по душе. Его издавали в самой ЮАР. «Три сестры» — в 1989 г. уже третье издание (первое — в 1977-м, второе — в 1980-м)⁷².

Переводили не только признанных классиков, но и литературу XX в. Роман Нины Берберовой перевел Анре Бринк, один из писателей, самых популярных в ЮАР. Но ... с французского⁷³.

Я упомянул тут в качестве примера книги, которые мне показались особенно интересными. Многие из них я получил в подарок от авторов и переводчиков: от Андре Бринка, с которым познакомился еще во время его поездки в Москву в 1988-м. От Третчикова и Турина. С Турином я провел немало вечеров в Кейптауне. От Гая Батлера, автора ярких трехтомных воспоминаний, я бывал у него дома в Грейамстауне.

Покупал я там книги не только русские (все-таки их было не так уж много) и о России, но и книги о самой Южной Африке, об Англии, о Британском Содружестве — все, что, как мне казалось, необходимо иметь в библиотеке Центра. Не только для студентов и местных жителей, но и для тех, кто приезжает из России и хочет больше знать о ЮАР, о ее прошлом и настоящем, о ее связях с миром.

Так и создавалась эта наша библиотека.

* * *

В поездках за книгами я мог познакомиться с центром города. Осмотреть старую гавань, о которой мы когда-то пели песню «В Кейптаунском порту». Старинную крепость. Смешанную кейптаунскую голландско-британскую архитектуру. Малайские кварталы.

Красив этот город! Особенно впечатляет, когда видишь его весь со Столовой горы. Она высотой больше километра. Вершина — плоская, как поверхность стола, поэтому и назвали Столовой. Можно подняться на фуникулере. Но я предпочитал пешком, хотя это не так уж легко. Видишь и город, и безбрежную Атлантику!

Изо дня в день ходил за книгами на Лонг-стрит. Эта улица оправдывает свое название — длинная улица. Она действительно длинная. И совсем не широкая, почти вся с односторонним движением, бежит от побережья в направлении Столовой. Но знаменита

---

⁷² *Tsjechhof Anton. Drie Susters. Kaapstad: Tafelberg, 1989.*

⁷³ *Berberova Nina. Die Begeleidster. Pretoria: Nien Muckleneuk, 1993.*

не только своей длиной, сколько неповторимой, захватывающей атмосферой.

Чтобы изучить Лонг-стрит, нужно неторопливо бродить по ней целый день. Попад сюда утром, будешь бродить до самого вечера, а назавтра обязательно захочешь вернуться, чтобы найти еще что-нибудь интересное.

Архитектура — смешение стилей и культур старого Кейптауна. Рядом с викторианскими верандами — мусульманские мечети. Несколько великолепных исторических памятников, таких как гостиница Metropol, построенная в 1894 г., и церковь — одна из старейших в Южной Африке.

На левой стороне — магазин современной книги «Селлерс» (один из нескольких книжных магазинов на улице), желтого цвета бистро и, наконец, Noorel-Hamidia — мечеть на пересечении с улицей Дорп. Построена в 1884 г., а всего их на Лонг-стрит две. Вторая построена еще в 1777 г.

На Лонг-стрит в начале 1990-х открылся и первый в Кейптауне русский ресторан. Но вскоре закрылся. Одна из причин, впрочем, как и других русских ресторанов в том, что не учитывались потребности и вкусы южноафриканской публики.

На пересечениях Лонг с соседними улицами — два книжных магазина, на самой Лонг-стрит — книжный магазин Reader's Den.

Для отдыха по воскресеньям нам посоветовали бухты Индийского океана. Они находились неподалеку: на машине меньше получаса. Побережье Атлантики тоже недалеко, но вода там намного холоднее. Мы облюбовали для купанья бухту Фиш-хук, окруженную высокими живописными горами.

Ездили и возили друзей на мыс Доброй Надежды. За пределами ЮАР, так называют южную оконечность Африки зачастую даже включая Кейптаун. Здесь — иначе. Называют мысом только узкую полоску суши, которая разрезает океан южнее Кейптауна. Туда ведет многокилометровая дорога. Вдоль дороги — стаи обезьян. Не боятся людей, готовы залезть в машину, если она остановится. Добравшись до конца, видишь вокруг до самого горизонта только океан. Кейптаунцы любят говорить, что эта полоска суши отделяет Индийский океан от Атлантического, но географы считают, что водораздел на самом деле — немного восточней.

<...> Отовсюду возвращаюсь в свой коттедж. Он рядом с Мейн-род. А на ней — неподалеку — группа домов, в которых жили во время приездов в Кейптаун Нельсон Мандела, Табо Мбеки, министры. Приезжали они из столицы Претории часто и останавливались подолгу, чтобы бывать в парламенте. Парламент — не в Претории, а в Кейптауне.

Мандела и министры по дороге в парламент проезжали близко от нас. Но не помню ни одного случая, чтобы ради них прекрывали движение.

Знакомство с русской культурой

Русский роман читаю
В далекой трансваальской степи...

Уильям Пломер

В работе со студентами нам помогло то знакомство с русской культурой, которое мы увидели отнюдь не только в книжном магазине на Лонг-стрит.

До второй половины 1980-х южноафриканская цензура запрещала многие издания, выходившие в СССР. Бывало, и чисто научные журналы, даже по биологии или математике. Доходило до анекдотических случаев: одно время подвергся запрету известный роман Яна Флеминга о Джеймсе Бонде «Из России с любовью». Очевидно, цензоров смутило название: как это может быть — из России... и с любовью?

И все же мы увидели немало переводов русской литературы и не только на английский, но и на африкаанс. А интерес только подогревался запретами. Запретный плод, как известно, сладок.

Как же зарождался и развивался на Юге Африки интерес к российской культуре?

В 1798 г. музыкант Герасим Степанович Лебедев жил там десять месяцев и давал концерты, на которых присутствовало кейптунское высшее общество, включая английского губернатора лорда Макартни. «Буреборственный путешественник», как называл себя Герасим Лебедев, задержался в Кейптауне по пути из Индии на родину. Сохранился его дневник о пребывании в Кейптауне, начатый 12 февраля 1798 г. В дневнике есть даже двухкрасочный об-

разец билета на один из его концертов. И записи о четырех концертах, с 30 марта по 15 октября 1798 г.⁷⁴

О первом из них: «Лорд Мокартней сделал мне честь посещением его, в собрании больше двухсот персон: каждая заплатила 3 рейхсталера (двенадцать английских шиллингов) за вход».

Но явный и постоянный интерес к русской культуре и прежде всего к литературе, естественно, появился в Южной Африке позднее.

Оливия Шрейнер (1855–1920), южноафриканская писательница, получившая всемирную известность, в сентябре 1891 г. отозвалась о тургеневских «Отцах и детях»: «Базаров — это человек, которого я люблю больше всех литературных героев. Если бы я встретила такого человека в своей жизни, я готова была бы выйти за него замуж»⁷⁵.

Любовь Оливии Шрейнер к русской литературе была связана в целом с ее интересом к России. «Я прочитала все книги о России, которые могла достать в течение последнего года»⁷⁶ — писала она своим друзьям в 1918 г., будучи уже тяжело больной. Еще в 1905 г., сразу после «Кровавого воскресенья», она откликнулась на слухи об аресте Максима Горького и написала письмо в газету *South African news* с резким протестом⁷⁷. Протестовала она и против еврейских погромов в России⁷⁸.

Но надо сказать, что и в России Оливия Шрейнер получила известность больше ста лет назад. В 1893 г. в нескольких номерах журнала «Вестник иностранной литературы» вышел перевод ее романа «История африканской фермы» и одного из ее коротких рассказов⁷⁹. В 1897 г. в том же журнале была опубликована ее по-

---

⁷⁴ Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом. Ф. 285. Оп. 2. Д. 4025 («Африканские дневники, записи и письма из Африки Г.С. Лебедева»). Начато 12 февраля 1798 года. Кончено 14 февраля 1800 года).

⁷⁵ *Schreiner O. Letters 1871–1899* / ed. by Richard Rive. Cape Town: David Philip, 1987. P. 195.

⁷⁶ *The Letters of Olive Schreiner* / ed. by S. Cronright-Schreiner. London: T. Fisher Unwin, 1924. P. 359, 362.

⁷⁷ *South African news*. 1905. Febr. 6.

⁷⁸ *Ibid.*; see also: *The Letters of Olive Schreiner*... P. 395.

⁷⁹ Вестн. иностр. лит. СПб., 1893. Сент.-дек.

весть «Рядовой Питер Холкит из Машоналенда»⁸⁰, почти сразу после издания этой повести на английском языке. Затем она выдержала несчетное число изданий: в журналах «Литературные вечера» и «Домашняя библиотека», в виде приложения к «Живописному обозрению». А отдельной книгой — и в Петербурге и в Москве в массовой серии «Книжка за книжкой» и в издании «для интеллигентных читателей».

Один из коротких рассказов, «аллегорий» Оливии Шрейнер был опубликован в газете «Нижегородский листок» в 1898 г., а в следующем, 1899 г. в этой газете появилась уже большая подборка ее «аллегорий» с предисловием Максима Горького⁸¹. Затем переводы произведений Оливии Шрейнер и статьи о ней печатались в «Русской мысли», «Русском богатстве», «Ниве», «Литературных вечерах», «Живописном обозрении», «Журнале для всех», «Мире Божьем», «Новом веке», «Книжках недели», «Северном сиянии». Ее книги печатались в России как до, так и после революции. Сборник избранных произведений вышел в 1974 г. (с моей вступительной статьей)⁸².

Вслед за Оливией Шрейнер прочный, устоявшийся интерес к русской литературе проявили к России три писателя и поэта, начинавшие свой путь примерно в одно время и в начале пути тесно сотрудничавшие друг с другом. Это Уильям Пломер, Лоуренс фан дер Пост и Рой Кемпбелл.

В 1926 г. они основали в провинции Натал журнал *Voorslag: a Magazine of South African Life and Art*. Россия поминалась в этом журнале не раз. А русской культуре была посвящена большая статья Роя Кемпбелла «Толстой и Достоевский». Он опубликовал ее под псевдонимом Мэри Энн Хьюс. Статья знакомила читателей с некоторыми письмами Льва Толстого и Николая Страхова о Достоевском. Комментируя эти письма, Рой Кемпбелл пришел к выводу, что Толстой недооценивал Достоевского или даже прямо принижал его значение⁸³. Подготовка такой статьи требовала от

---

⁸⁰ Вестн. иностр. лит. 1897. Окт.

⁸¹ Горький М. Аллегии Оливии Шрейнер // Нижегородской листок. Н. Новгород, 1899. 26 февр.

⁸² Шрейнер О. Избранное. М.: Худ. лит., 1974.

⁸³ Mary Ann Hughes. Tolstoy and Dostoevsky // *Voorslag: a Magazine of South African Life and Art*. Pietermaritzburg: University of Natal Press; Durban: Killie

Роя Кемпбелла отличного знания не только творчества обоих этих писателей, но и культурной обстановки в тогдашней России.

Рой Кемпбелл не утратил интереса к России и в дальнейшем. Но этот интерес принял больше политический характер, чем культурный. В его стихах фигурируют Ленин, троцкисты и многие мировые события, связанные с СССР. Кемпбелл занял резко антикоммунистическую и антисоветскую позицию, особенно со времени гражданской войны в Испании, где одно время оказался на стороне генерала Франко. А во время Второй мировой войны он считал, что на Ялтинской конференции 1945 г. Черчилль и Рузвельт так же капитулировали перед Сталиным, как Чемберлен и Даладье капитулировали перед Гитлером в Мюнхене в 1938-м. Рой Кемпбелл так и писал: «Ялта — это новый Мюнхен»⁸⁴.

Интерес Уильяма Пломера к русской культуре перерос в настоящую любовь. У него даже есть стихотворение «Влюбленный в Россию».

Лишь стоит закрыть глаза, и мне чудятся
зеленые холмы Сибири в красках вечерних сумерек...⁸⁵

Свое фантастическое произведение он назвал «Мать Камчатка. Фантазия»⁸⁶.

Пломер мечтал повидать Россию своими глазами и осуществил это в 1929 г. Он проехал по Транссибирской магистрали. Ехал из Кореи в Европу. Его заметки интересны тем, что он все время сравнивал Россию своих любимых писателей с тем, что увидел своими глазами.

Его впечатления начались еще с Харбина. В те годы там жили десятки тысяч русских иммигрантов, и их присутствие чувствовалось на каждом шагу. «...Впервые у меня появилось ощущение, что я нахожусь в России... Харбин во многом похож на русский

Campbell Africana Library, 1926. June. Vol. I. No. 1; Facsimile reprint // Pietermaritzburg: University of Natal Press, 1985. P. 46–52.

⁸⁴ Campbell R. Collected Works. Vol. I. Johannesburg: Ad. Donker, 1985. P. 420.

⁸⁵ Plomer W. Selected Poems // The New Hogarth Library. Vol. I. London: The Hogarth Press, 1940. P. 51.

⁸⁶ Mother Kamchatka: or Mr. Mainchance in Search of the Truth // Plomer W. Paper Houses. London: Hogarth, 1929.

провинциальный город». А когда он пришел в гости к одной из иммигранток: «Я с радостью увидел самовар: он воскресил для меня волшебный мир русского романа, который всегда значил для меня больше, чем английский роман. Я полагал, что обитательница этой комнаты как будто сошла со страниц Достоевского... Но оказалось, что у нее скорее чеховский характер».

Вид людей на российской границе также вызвал у Пломера литературные ассоциации. «Я увидел, что попал в мир Горького, где расстояния исчислялись верстами, а плата — копейками... Россия, представленная мне русскими пиателями, чьи книги я читал в переводах, оказалась настолько реальной, что я не чувствовал себя здесь незнакомцем»⁸⁷.

Впечатления Пломера о тогдашней России очень интересны. Это не только пытливый взгляд из окна вагона и на станциях во время девятидневного пути до Москвы, но и Москва, и дальнейший путь: Пломер уезжал из России через польскую границу. Нравилось ему не все. Не пришлось по душе пропагандистские картины, вывешенные в Третьяковской галерее и агитационный спектакль в Большом театре. Но все же главным его впечатлением было то, что он уже знает Россию по столь любимой им литературе. «Я понял, насколько ясные представления мне дали Гоголь, Толстой, Достоевский, Аксаков, Тургенев, Чехов, Горький и Бунин — столь отчетливые, что, казалось, я *узнавал* то, что увидел, как если бы я вернулся после долгого отсутствия. Даже в самой Москве полный волнения и благоговения я, к своему изумлению, не чувствовал себя незнакомцем. Она выглядела местом, где я не раз жил и сопереживал страданиям окружающих. Вокруг меня были люди, которых я будто бы знал давно, и, казалось, я был одним из них. Таково воздействие литературы»⁸⁸.

Вероятно, многое в российской реальности противоречило романтическим литературным представлениям Пломера. Но российские образы по-прежнему появляются в его стихотворениях, и интерес к России не пропадает у него до последних лет жизни. В предисловии к сборнику своих стихов, изданному в 1973 г., он пишет об Анне Ахматовой, приводит слова, сказанные ею в Лондоне в 1965-м⁸⁹.

---

⁸⁷ *Plomer W. Autobiography. London: Jonathan Cape, 1975. P. 223–226.*

⁸⁸ *Ibid. P. 231.*

⁸⁹ *Plomer W. Collected poems. London: Jonathan Cape, 1973. P. 6.*

Он мечтал еще раз посетить Россию. Писал: «Я хочу побывать в России, чтобы разобраться, что такое большевизм»⁹⁰. Но этого он уже не успел.

* * *

О Советском Союзе тридцатых годов публиковались впечатления писательницы Гертруды Сары Миллин и Андре Хугенета, одного из самых известных тогдашних африканерских артистов. Миллин была в СССР в мае 1936 г., Хугенет — в октябре 1937-го. Оба были и в Москве, и в Ленинграде.

Впечатления Миллин весьма скудны. Она горько сожалеет, что ей не удалось встретиться ни с кем из известных писателей, деятелей искусства. Объясняет это тем, что к ней советские власти относились с повышенной подозрительностью. Причиной она считала то, что приехала вместе с англичанкой Мюриел Педжет, которая входила в организацию «Перемещенные британские подданные» и старалась помочь тем англичанам, которые хотели вернуться из СССР в Англию. Миллин считала, что советские власти видели в Педжет разведчицу, а заодно подозревали и ее, Миллин⁹¹.

Миллин повидала первомайские торжества, мавзолей Ленина, музеи, метро. Побывала у жены наркома иностранных дел Литвинова. Та уже прочитала наиболее известный из романов Миллин. Иви Литвинова пригласила ее на официальную церемонию, которая проводилась по поводу приезда в Москву премьер-министра Латвии. После этого они остались вдвоем и поговорили о литературе. Однако, когда Миллин пригласила Литвинову отобедать вдвоем на следующий день, Иви Литвинова ответила, что для нее это будет неосторожным поступком, и позвала Миллин присутствовать на уроке английского языка: Иви Литвинова, по рождению англичанка, преподавала английский.

У Миллин от этой поездки остались грустные впечатления: люди одеты бедно, вся их жизнь сурово забюрократизирована.

У Андре Хугенета возможности оказались богаче⁹². Он был в составе делегации английских артистов и режиссеров на фестива-

---

⁹⁰ Doyle J.R. William Plomer. New York: Twayne Publishers, 1969. P. 68.

⁹¹ Millin S.G. *The Night is Long*. London: Faber, 1941. P. 338.

⁹² *Huguenet A. Applous! Die Kronieke van 'n Toneelspeler*. Kaapstad, Pretoria: J.H. de Bussy, 1950.

ле, посвященном 20-летию Октября. Почти каждый день бывал в театрах — от Большого и Мариинки до драматических. Посетил и выставку, посвященную Пушкину (100-летие со дня гибели). Поражался вниманием правительства к театральным деятелям. В те дни, когда он был в Москве, сорок артистов получили правительственные награды, вплоть до орденов Ленина и Трудового Красного Знамени.

Восхищался разнообразием репертуара. И тем, что театры и картинные галереи переполнены посетителями. По его словам, театр никогда — со времен Древней Греции — не пользовался таким вниманием: «Восхищение искусством в народе поразительно, его ценят, почитают, обожают; улицы названы именами писателей; художниками и артистами гордятся; театры принадлежат правительству; актерам платят хорошие зарплаты, у них машины, их посылают отдыхать на курорты на Кавказ... Это единственная страна, где я испытал гордость, что занимаюсь искусством».

Побывав в музее Льва Толстого, мысленно перебирал давно читанные «Воскресение» и «Войну и мир».

Как и все приезжие, называл метро настоящим чудом. Восхищался развитием детского и юношеского спорта, прыжками с парашютом в парках культуры.

Андре Хугенет приехал в СССР без предубеждений. Как и многие африканеры, он осуждал капитализм (прежде всего, английский) и хотел видеть иной путь к будущему человечества. Но все же и он во многом разочаровался. Его ошеломило число политических лозунгов, которые он видел на улицах и в театрах. Он понял, что с поисками новых авангардистских форм театрального искусства высокие власти покончили. В этом его убедила и встреча с Мейерхольдом, хотя открытым текстом Мейерхольд иностранным гостям этого и не говорил. И все же: «Боюсь, что он уже попал в немилость у советской власти».

Хугенет увидел очень сильный импульс к развитию культуры, но пришел к выводу, что критическая сторона в ней разрушена, уничтожена. «Священная линия большевиков проводится неукоснительно, критику и самокритику не терпят». Очень строгая цензура. Русские не знают, что происходит в мире. Дезинформация и умалчивание. Никто не осмеливается выражать свое мнение — только коллективное. Увидел у русских даже комплекс превосход-

ства: они полагают, что их достижения ни с чем не сравнимы и что миссия России — спасти мир от капитализма.

В отличие от Миллин, он описал свои впечатления очень подробно. Они двойственные: в чем-то восторженные, в чем-то мрачные. Людей на улице видит плохо одетых и сумрачных. Мало улыбающихся лиц.

Артисту, приехавшему из далекого Кейптауна, трудно было понять, что он попал в СССР в пик Большого сталинского террора — это ведь был октябрь 1937 г.! Но его заметки все же передают ту атмосферу.

* * *

Третий представитель того давнего южноафриканского культурного содружества — Лоуренс ван дер Пост — в начале 1960-х годов провел в России около трех месяцев. Побывал не только в Москве и Ленинграде, но и в Средней Азии: в Ташкенте, Бухаре и Самарканде. На Кавказе и в Закавказье — в Тбилиси и в Баку. В Крыму, на Украине, в Сибири. И даже на Дальнем Востоке — в Хабаровске. Он считал, что «среди некоммунистов он после войны совершил самое продолжительное путешествие по Советскому Союзу». Трудно сказать, обосновано ли такое утверждение. Но его книга получила, может быть, больше читателей, чем книги других иностранцев об их путешествиях в СССР в первые два десятилетия после Второй мировой войны. Она выходила много раз: от богато иллюстрированных до дешевых карманных изданий.

Зачем ван дер Пост предпринял это нелегкое путешествие? Он объяснил это тем же, что и Пломер: «Россия меня всегда очень интересовала». И тем, что «благодаря ее дореволюционной литературе я знаю ушедшую царскую Россию неизмермо лучше, чем я знаю СССР». Готовясь к путешествию, ван дер Пост старался заполнить этот пробел: «Я читаю сейчас обширную русскую литературу о революции»⁹³.

Фан дер Пост зачастую не дает имен своих собеседников в СССР. Это понятно: он опасался за их безопасность. Но, к сожалению, на протяжении всей своей объемистой книги он не дал и ни одной точной даты. Не только начала путешествия, но и ни одной

---

⁹³ *Post L. van der. Op. cit. P. XI, 2.*

из промежуточных дат. Может быть, он считал, что с точными датами книга быстрее устареет, а без них она будет выглядеть более современной даже через годы? Я не знаю причин, могу лишь выразить недоумение, что так делают многие авторы. Судя по тексту, можно предположить, что фан дер Пост прилетел в Москву из Лондона в апреле 1962 г.

Его поражали и возмущали низкий уровень жизни, всевластие бюрократии, отвратительная официальная пропаганда, изоляция СССР от внешнего мира и многие другие гримасы советской действительности.

Уровень жизни и нехватка многих товаров — эти черты были очевидны даже при самом поверхностном взгляде. И многие иностранцы, бывавшие в России, ограничивались их описанием. Понять духовную жизнь или даже хоть немного проникнуть в нее неизмеримо труднее. Но фан дер Пост попытался это сделать. Он проявил интерес к тем писателям и поэтам, которые, по его мнению, задавали тон духовной жизни России: Твардовский, Паустовский, Винокуров, Слуцкий, и особенно молодежи — Евтушенко, Ахмадулина, Вознесенский, Анатолий Кузнецов.

Он не застал в живых Пастернака. Но говорил о нем со многими. Побывал на его могиле в Переделкине. Возмущался отзыву о Пастернаке одного из комсомольских бюрократов: «Чего ж можно ждать от еврея!» Восхищался не только произведениями Пастернака, но и его гражданским мужеством. «Пастернак был первым, кто проломил стену, отгородившую Россию от остального мира, и возобновил прерванную связь... Я стыжусь, что, находясь в том мире, где подобные связи воспринимаются как привычные и неотъемлемые, я не оценил этого в полной мере»⁹⁴.

Фан дер Поста интересовали не только видные деятели культуры, но и духовная жизнь студентов, молодежи. С московскими студентами он обсуждал выходившие тогда сенсационные воспоминания Ильи Эренбурга. После того как в Сибири ему цитировали стихи Роберта Бернса, он заключил: «Бернс, я понял, был столь прекрасно переведен поэтом Маршаком, что он стал в такой же степени частью русской культуры, как и шотландской».

В одном из молодежных кафе в Москве его спрашивали, что он думает о музыке Бенджамина Бриттена. «Другие расспрашива-

---

⁹⁴ *Post L. van der. Op. cit. P. 303.*

ли меня о Хемингуэе, Нкруме, Голсуорси, логическом позитивизме, британской системе здравоохранения, о прочности семейных уз, о контроле над рождаемостью, об экзистенциализме, об автоматизации, о Т.С. Эллиоте и т. д. Каждый раз, когда я возвращался после танца, меня осыпали новыми вопросами»⁹⁵.

Легко представить удивление фан дер Поста. Во многих ли кафе других стран случайные соседи обсуждали такие вопросы?

Фан дер Пост бывал не только на балетных спектаклях в Москве, в Большом театре, но и в Киеве, неизменно восхищаясь ими, не только посещал музеи, не только слушал музыку Шостаковича. Он бывал и на злободневных эстрадных представлениях. И даже привел несколько куплетов из тогдашних сатирических песенок.

В целом он дал читателям представление о жизни в самых разных частях громадного Советского Союза. Хотя многие из его наблюдений были поверхностны, все же можно лишь удивляться, как за такой короткий срок он мог столько увидеть и понять. Без предварительного глубокого знакомства с русской литературой и культурой вообще, он, конечно, не мог бы этого сделать.

Фан дер Пост сравнивал сибирских крестьян с бурами. Вероятно и на эти сравнения навели его давние литературные reminiscences, начиная с гончаровского «Фрегата “Паллада”».

* * *

Путешествия по Советскому Союзу — это до последних лет в ЮАР было уделом редких счастливых. Художественная же литература составляла основу знаний для многих.

О знакомстве южноафриканцев с русской литературой судить не так легко. О знакомстве россиян с южноафриканской дает представление обширный перечень русских переводов и размеры тиражей. Но в Южной Африке русскую литературу больше знали по переводам на английский язык, опубликованным, как правило, в Великобритании или в США. И невозможно проследить, какие из этих книг попадали в Южную Африку.

О тех, кто читал на языке африкаанс, можно судить чуть лучше, поскольку книги для них выходили в самой Южной Африке.

---

⁹⁵ Ibid. P. 305–306.

Первой книгой о России, изданной в Южной Африке еще на голландском — до официального признания языка африкаанс — было, скорее всего, «Путешествие в Россию. Начало конца империи»⁹⁶. Эти воспоминания о походе Наполеона на Россию вышли в 1912 г., к 100-летию того трагического похода. Книга была издана для школьников, как одно из пособий по изучению голландского языка.

Почему такую книгу включили в число пособий для школьников? Интерес и симпатии к России среди африканеров выросли во время Англо-бурской войны, когда на стороне буров сражались российские добровольцы, а раненых лечили русские врачи и медицинские сестры. Очевидно, издание книги — это дань симпатии и интересу к России.

Одним из первых русских писателей, которого издавали на африкаанс, стал Лев Толстой. С 1927 по 1933 г. сборник его рассказов вышел тремя изданиями. Переводчица Ида Терон честно написала, что переводила не с русского оригинала, а с английского перевода⁹⁷ (другие переводчики признавались в этом далеко не всегда). В 1933 г. в Претории вышел еще один сборник Толстого⁹⁸, в 1950 г., в Кейптауне — третий⁹⁹. Выходила повесть «Казачьи», но почему-то в переводе с испанского¹⁰⁰.

В 1947 г. на языке африкаанс был издан перевод романа Тургенева «Отцы и дети»¹⁰¹. В 1969 г. — роман Достоевского «Идиот»¹⁰². Появилась и повесть Гоголя «Тарас Бульба»¹⁰³ (в пере-

⁹⁶ De Tocht naar Rusland of Het begin van de val van het Keizerrijk, 1812 door P.J. Andriessen, Bewerkt ... door C.J. van Rijn. Kaapstad-Pretoria: T. Maskew Miller, 1912.

⁹⁷ Tolstoy L. Vreemde goud: verhale en sketse uit Tolstoi se werke. Uit die Engelse vertaal deur Ida Theron. Kaapstad: Nasionale Pers, 1927; 3e dr. 1935.

⁹⁸ Tolstoy L. Russiese volksvertellings. Afrikaanse bewerking van A.E. Carinus. Pretoria: Van Schaik, 1933.

⁹⁹ Tolstoy L. Elf verhale. Vertaal deur Fanny Jordan. Kaapstad: Afrikaanse Kulturele Leserskring, 1950.

¹⁰⁰ Tolstoi L. Die Kosakke. [n.p.]: Newman Art, [n.d.].

¹⁰¹ Turgenyev I. Vaders en seuns. Kaapstad: Colin Reed-McDonald, 1947.

¹⁰² Dostoevskii F. Die Idioot. Johannesburg: Dramatiese, Artistieke en Letterkundige Regte Organisasie, 1969.

¹⁰³ Gogol N. Taras Bulba. Roodepoort: Newman Art, [1980].

воде с испанского), а одна из его комедий вышла под названием, измененным до неузнаваемости¹⁰⁴.

Самым любимым из русских писателей оказался в Южной Африке Чехов. Больше всего повезло двум его пьесам: «Три сестры» и «Чайка». На африкаанс их издавали много раз. Одно лишь кейптаунское издательство Tafelberg с 1977 по 1988 г. выпустило «Трех сестер» пять раз (три издания — в 1988 г.¹⁰⁵). Выходила эта пьеса и раньше¹⁰⁶.

Переведены «Дядя Ваня»¹⁰⁷, «Вишневый сад»¹⁰⁸, «Медведь»¹⁰⁹ и многие рассказы¹¹⁰. Пьесы Чехова не только издавались, но и ставились южноафриканскими актерами: профессиональными, а еще чаще любителями. Как на английском языке, так и на африкаанс.

Аспирантка Витватерсрандского университета Эстель Бота провела кропотливую работу, стремясь выяснить, как в Южной Африке воспринимали Чехова. Она собрала сведения, в каких театрах ставили пьесы Чехова, в какие годы, сколько раз они шли, и даже — сколько было зрителей. «Чайка» с 1931 по 1985 г. ставилась девять раз: шесть — на английском языке, два раза — на африкаанс и один — на немецком. «Вишневый сад», с 1934 по 1979 г. — семь раз: шесть — на английском и один раз на африкаанс. «Дядя Ваня» — тоже шесть раз, с 1963 по 1985 г. Три раза — на английском языке и три — на африкаанс. «Три сестры» — шесть раз. Четыре — на английском, два — на африкаанс. Такие же сведения и о других пьесах. О посещаемости: в 1963 г. «Вишневый сад» шел 41 раз, зрителей было 9399. «Чайка» в 1972 г. шла 52 раза, зрителей — 8800. И так по

¹⁰⁴ *Gogol N.* Diamond cuts diamond. Johannesburg: Dramatic, Artistic and Literary Rights Organization, 1970.

¹⁰⁵ *Tsjechow A.* Drie susters. Kaapstad: Tafelberg, 1977; 1980; 1988.

¹⁰⁶ *Tsjechow A.* Drie susters / in Afrikaans vertaal deur Robert Mohr. 2de oplaag. Johannesburg: Artistieke en Letterkundige Regte Organisasie, 1971.

¹⁰⁷ *Tsjechow A.* Oom Wanja. Vertaal deur Karl Schoeman. Kaapstad: Human en Rousseau, 1968.

¹⁰⁸ *Tsjechow A.* Die Kersieboord / Afrikaanse vertaling deur Karel Schoeman. Kaapstad: Human en Rousseau, 1975; 1976.

¹⁰⁹ *Tsjechow A.* Die Buffel en ander eenakters / Vertaal deur Alewyn Lee. Kaapstad: Tafelberg, 1980.

¹¹⁰ *Tsjechow A.* Kasjtanka / Uit die Engelse vertaal deur William Stobbs. Kaapstad: John Malberbe, 1975.

всем пьесам. А в 1985-м был поставлен спектакль Джона Драйвера и Джеффи Хэддоу «Чехов в Ялте».

Эстель Бота не только собрала статистические данные, но и опросила театральных деятелей своей страны. Они сошлись на том, что зрителям нравятся эти пьесы и что студенты, обучающиеся актерскому мастерству, любят участвовать в чеховских спектаклях. Высказывалось и мнение, что африканерам пьесы Чехова ближе, чем английская драматургия. Что характеры и вся атмосфера чеховских пьес им понятней, даже в какой-то мере роднее. Объяснялось это довольно распространенным в ЮАР мнением о близости характеров русских и буров-африканеров¹¹¹.

Но вся эта слава пришлась на долю дореволюционной России. Последним восьми десятилетиям повезло меньше. В годы холодной войны наиболее известным из русских писателей XX в. в Южной Африке был Солженицын. Главным образом, «Архипелаг ГУЛАГ». Распространение получил и «Доктор Живаго». Издание книг остальных русских писателей можно пересчитать по пальцам. Издали на африкаанс одну из повестей Валентина Катаева¹¹², а также «Волшебника» Владимира Набокова¹¹³.

Разумеется, в Южной Африке были люди, неплохо знавшие русскую литературу двадцатого столетия. В Грейамстауне ко мне приходил человек, который сделал ее основой своего литературного труда. Джона Экса, преподавателя колледжа Сент-Эндрю в Грейамстауне, вдохновили романы Василия Яна «Чингис-хан» (1939) и «Батый» (1942) о нашествии Орды на русские земли в XIII в. В течение нескольких десятилетий, с 1953 г., Джон Экс работал над эпической поэмой «Евпатий Коловрат, или Духовная сила Руси» — о сопротивлении русских этому нашествию. Среди действующих лиц — герои русского народного эпоса Святогор и Илья Муромец. Главный герой — Коловрат.

И все же русская литература, изданная в СССР после 1917 г., осталась в Южной Африке менее известной. Причина, прежде все-

¹¹¹ *Botha E.* Anton Chekhov: Reception of a Russian Dramatist in South Africa // *The Waking Sphinx. South African Essays on Russian Culture.* Johannesburg: University of the Witwatersrand Library, 1989. P. 168–178.

¹¹² *Katajev V.* Waar is kameraad Mioussof? Johannesburg: Dramatiese, Artistieke en Letterkundige Regte Organisasie, 1969.

¹¹³ *Nabokov V.* The Enchanter. Cape Town: Tafelberg, 1986.

го, в том, что официальные власти и цензура считали, что она пронизана коммунистическими идеями. В результате этого в Южной Африке мало известно творчество таких прекрасных прозаиков, как Михаил Булгаков, Андрей Платонов, Михаил Зощенко, Исаак Бабель, Константин Паустовский и таких поэтов, как Анна Ахматова, Осип Мандельштам, Борис Пастернак, Марина Цветаева, Николай Гумилев, да и многих других.

* * *

Но хотя русские книги XX в. и не получали в Южной Африке широкого распространения, все же какие-то возможности знакомства с русской культурой были (разумеется — у имущих слоев) даже во времена полного отсутствия государственных отношений. Получила известность русская музыка, и не только классика прошлого (XIX) века, но и такие композиторы как Шостакович и Прокофьев. Появилось немало поклонников русского балета: знали о нем в основном по фильмам. Достижения русской науки, прежде всего в освоении космоса, не могла замолчать даже цензура времен апартхеида. Врач Кристиан Барнард за несколько лет до своей знаменитой операции по пересадке сердца побывал в Москве и считал нужным познакомиться с работой советских врачей.

А наряду с многочисленными статьями пропагандистского характера даже в период холодной войны публиковались и серьезные, глубокие работы. Их было мало, и они выходили зачастую в малотиражных журналах, поэтому круг читателей у них не был широким. Но все же такие работы были.

В журнале *Trek* в 1949 году вышла статья «Советская музыка и русская эстетика». В ней не просто говорилось о гонениях Центрального комитета КПСС на лучших композиторов. И не только проводилась параллель с подобными же преследованиями в нацистской Германии. Это само по себе было бы тривиально. Но показаны и глубокие корни борьбы между традиционными и новыми направлениями в русской музыке в XIX и XX вв. Автор рассмотрел ту борьбу взглядов по вопросам искусства, в которой приняли участие такие писатели и критики как Толстой, Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Стасов, и такие композиторы как Чайковский и Мусоргский¹¹⁴.

---

¹¹⁴ *Abrahams G. Soviet Music and Russian Esthetics // Trek. Johannesburg, 1949. Sept. P. 24–25.*

Большой вклад в знакомство южноафриканцев с русской литературой внесли две кафедры русского языка и литературы. Первая в истории ЮАР такая кафедра была создана в заочном Университете Южной Африки (Претория) в начале шестидесятых годов, вторая — в Витватерсрандском университете (Йоханнесбург) в конце шестидесятых. Обе были маленькими: на них работало не больше двух-четырех преподавателей, но они были зачинателями русистики в университетском образовании ЮАР. (Русский язык преподавался и в системе образования для офицеров с военно-разведовательными целями, но это имело закрытый характер, и собирать конкретные сведения пока не представляется возможным.)

Инициатором создания кафедры в Университете Южной Африки была Елизавета Григорьевна Фокскрофт (урожденная Кандыба). Она была энтузиастом православия, русского языка и русской истории. Ее взгляды или, во всяком случае, ее высказывания, не входили в резкое противоречие с политикой тогдашних властей ЮАР. Поэтому она получила возможность в шестидесятых и семидесятых годах шесть раз побывать в СССР. На своей кафедре она установила традицию проведения вечеров русской литературы и музыки. В научном плане ее интересы концентрировались на истории. Главным образом, на истории отношения России к Англо-бурской войне. В 1981 г., уже выйдя на пенсию, она выпустила книгу «Россия и Англо-бурская война»¹¹⁵.

В Витватерсрандском университете хранится ее богатый архив. Там не только ее рукописи и переписка, но и материалы о студенческих вечерах и концертах, посвященных русской культуре.

Кафедра в Витватерсрандском университете была в 1970-х организована Кристофером Муди, получившим образование в Великобритании. В течение ряда лет кафедра состояла только из двух человек. Это были сам Кристофер Муди и Елена Новак. С 1977 г., когда Елена Новак перешла в Южно-Африканский университет, ее место заняла Ирэн Мейсинг-Делик. С начала восьмидесятых, после ухода Кристофера Муди, Мейсинг-Делик заняла место заведующего, а с конца восьмидесятых, после ее переезда в США, стала заве-

---

¹¹⁵ *Kandyba-Foxcroft E. Russia and the Anglo-Boer War 1899–1902. Roodeport: CUM Books, 1981.*

довать кафедрой Генриетта Мондри, уроженка Латвии. Все они специализировались по русской литературе.

Кристофер Муди серьезно изучал русскую культуру и историю. Будь то история древних русских церквей¹¹⁶, красота архитектуры Санкт-Петербурга¹¹⁷, проблемы русского модернизма¹¹⁸ или современного советского искусства¹¹⁹, он писал с хорошим знанием предмета. О старинных церквях и монастырях Муди рассказывал читателям так же интересно, как о творчестве модернистов Казимира Малевича, Василия Кандинского, Владимира Татлина, Михаила Ларионова и Натальи Гончаровой. О картинах Оскара Рабина и скульптурах Эрнста Неизвестного — так же обстоятельно, как об идеях Мейерхольда и Эйзенштейна.

Муди отлично перевел и издал в Йоханнесбурге в 1977 г. воспоминания русской сестры милосердия, участницы Англо-бурской войны¹²⁰. Но больше всего его интересовала русская литература, ее история, ее роль в жизни русского общества и трудности, которые она испытывала¹²¹.

Он ярко передал свое ощущение от вечеров поэзии, на которых присутствовал в Москве. С изумлением и восхищением писал о вечере поэзии в 1962 г. в Лужниках, где присутствовало 14 тыс. человек. И о другом, где по словам Муди, Евгения Евтушенко заставили несколько раз читать «Бабий Яр» и «Наследники Сталина»¹²².

Большинство характеристик, которые Кристофер Муди давал литературным направлениям и отдельным писателям и поэтам, как мне кажется, были справедливы и выдержали проверку

---

¹¹⁶ *Moody Ch.* The Ancient Churches of Russia // *Lantern*. Pretoria, 1972. Vol. XXII. No. 2.

¹¹⁷ *Moody Ch.* Leningrad: Venice of the North // *Lantern*. 1974. Vol. XXIII. No. 4.

¹¹⁸ *Moody Ch.* Russian Modernism // *De Arte*. 1972. No. 11.

¹¹⁹ *Moody Ch.* Contemporary Soviet Art // *De Arte*. 1973. No. 14.

¹²⁰ *Izedinova S.* A few Months with Boers. The War Reminiscences of a Russian Nursing Sister. Johannesburg: Perskor Publishers, 1977.

¹²¹ *Moody Ch.* Contemporary Soviet Literature // *South African Libraries. Suid-Afrikaanse Biblioteke*. 1972. Vol. 40. No. 2.

¹²² *Moody Ch.* Poetry in Russia to-day // *Standpunte*. 1975. Feb. Vol. XXVIII. No. 3. P. 30–31.

временем. Но ему трудно было судить о трех поэтах-бардах — тех, кто тогда пользовались наибольшей популярностью: Булат Окуджава, Владимир Высоцкий и Александр Галич. В те времена их не печатали. Муди не упоминает имен Высоцкого и Галича. А Окуджаву он не вполне сумел оценить. И написал, что стихи Окуджавы «зачастую наивны»¹²³.

Больше всего Кристофера Муди интересовали Солженицын и Эренбург. Он написал о них книги и ряд статей. Свое отношение к Солженицыну он выразил в названии первой же из своих статей о нем, еще в 1970 г.: «Александр Солженицын — величайший из ныне живущих русских писателей»¹²⁴. Он писал и о структуре и стиле солженицынских произведений¹²⁵, и о его связи с традициями русской литературы¹²⁶, публиковал рецензии на его книги¹²⁷.

Пристальное внимание Муди привлек и роман Евгения Замiatина «Мы». Он рассматривал его не только в традициях русской литературы, сравнивая с «Бесами» Достоевского, но и в сопоставлении с английской антиутопией: с романами Джорджа Оруэлла и с «Бравым новым миром» Олдоса Хаксли¹²⁸.

В двух статьях «Политическое диссидентство в Советском Союзе» Кристофер Муди рассмотрел основные направления диссидентского движения в России. Из диссидентских манифестов и статей Кристофер Муди особенно выделил работы академика Андрея Сахарова, а также прогноз Андрея Амальрика «Доживет ли Советский Союз до 1984 года?». Сама такая постановка вопроса многим казалась тогда надуманной, а заголовок претенциозным. Но Муди еще тогда, в 1973 г., назвал статью Амальрика «замечательной». Как

¹²³ *Moody Ch. Poetry...* P. 37.

¹²⁴ *Moody Ch. Alexander Solzhenitsyn. Russia's Greatest Living Writer* // *Lantern*. 1970. June. Vol. XIX. No. 4.

¹²⁵ *Moody Ch. Alexander Solzhenitsyn — Structure and Style of the Major Novels* // *UNISA English Studies*. 1974. March. Vol. XII. No. 1.

¹²⁶ *Moody Ch. Solzhenitsyn and Russian Tradition* // *Standpunte*. 1974. Febr. 1–14. No. 27 (3).

¹²⁷ *Moody Ch. Recent books on Solzhenitsyn* // *New Nation*. Grahamstown, 1973. July/August; *Moody Ch. Solzhenitsyn's Latest Challenge: Gulag Archipelago* // *New Nation*. 1974. July.

¹²⁸ *Moody Ch. Zamyatin's «We» and English Antiutopian Fiction* // *UNISA English Studies*. [Pretoria], 1976. Apr. Vol. XIV. No. 1.

мы знаем теперь, Амальрик оказался провидцем: он ошибся всего на семь лет. С вниманием отнесся Муди и к данной Амальриком оценке социальной базы советского диссидентства тех лет.

Кристофер Муди писал о многих трудностях и лишениях народов Советского Союза, о притеснениях всех возможных свобод. Но он не только констатировал их, как многие другие наблюдатели, а пытался понять — с их историческими причинами, уходящими нередко в глубь веков. И никогда не писал о народах Советского Союза свысока, как позволяли себе многие авторы. Горько сокрушался, что лучшим представителем культуры огромной страны приходилось изъясняться «эзоповым языком»¹²⁹.

Работа по изучению русской литературы не прекратилась в Витватерсрандском университете с уходом Кристофера Муди. В 1982 и в 1984 г. были проведены два «Славянских симпозиума» и затем изданы их труды. В них — немало интересного. Например, статья «Образы Кавказа и Ближнего Востока в лирической поэзии Лермонтова»¹³⁰.

* * *

Возможности для ознакомления с российской культурой стали улучшаться в ЮАР с конца восьмидесятых — начала девяностых, т.е. с концом холодной войны, перестройкой в СССР и агонией режима апарtheidа.

С этого времени резко учащаются поездки южноафриканских деятелей культуры в СССР. В 1987 г. в Москву приезжает один из известнейших южноафриканских прозаиков — Андре Бринк (почти все его романы выходили и в русских переводах). Его интерес к России был не случаен. Он переводил чеховскую «Чайку». А после посещения Москвы перевел изданную в 1935 г. повесть Нины Берберовой «Акомпаниаторша»¹³¹. Он перевел ее на язык африкаанс (правда, не с русского, а с французского).

---

¹²⁹ *Moody Ch.* Book Censorship in the Soviet Union // Suid-Afrikaanse Biblioteke. The South African Library. 1973. Dec. Vol. 41. No. 3. P. 165.

¹³⁰ *Gasinski T.Z.* Images of the Caucasus and the Middle East in the Lyrical Poetry of Lermontov // Slavic Symposium 1984. Department of Russian Studies. University of Witwatersrand. Johannesburg; University of the Witwatersrand, 1984.

¹³¹ *Berberova N.* Die Begeleidster. Uit die Frans vertaal deur André P. Brink. Pretoria: Queillerie, 1993.

Вслед за Бринком в Москве побывали Дани фан Никерк, глава кейптаунского издательства Tafelberg, известный журналист Алистер Спаркс, представители ряда газет и журналов. В 1990 г. в Москве на Международной конференции по истории Африки впервые побывала большая группа ученых и общественных деятелей из ЮАР — около 20 человек. В августе 1991 г. в международной встрече библиотечных работников в Москве участвовали директора крупнейших библиотек ЮАР. Они были свидетелями попытки августовского переворота. А кейптаунский поэт Баренд Турин (чьи стихи переводились на русский язык), вскоре опубликовал в Кейптауне книгу «Август в Москве» — подробный дневник своих московских впечатлений с 3 августа до 1 сентября 1991 г.¹³² Августовский путч глазами южноафриканца — это, мне кажется, не может не заинтересовать и россиян.

На рубеже восьмидесятых и девяностых годов прошлого века в ЮАР вышло несколько сборников статей, посвященных российской культуре. В них приняли участие русисты из различных университетов ЮАР (и даже других стран), но издавались они Витватерсрандским университетом. В предисловии к первому из них говорилось: «Настало время напомнить о культурных контактах России и Южной Африки и взаимных влияниях, которые оказались заслонены политическими играми». В предисловии также подчеркивалось: «К нашему стыду мы, южноафриканцы, должны признать, что очень мало знаем русскую литературу XX столетия. А в Советском Союзе современных южноафриканских авторов таких, как Гордимер, Бринк, Брейтенбах, хорошо знают и любят. Настало время исправить этот дисбаланс»¹³³.

Вскоре издали и другой сборник — «Южноафриканские очерки о литературе, истории и идеологии Восточной Европы и СССР (1988–1990)»¹³⁴. Статьи: «К восстановлению единства русской литературы» — о ее объединении с российским зарубежьем, «Патриотизм и интернационализм в советской детской литературе в период гласно-

¹³² *Toerien B. Augustus in Moskow. Kaapstad: Tafelberg, 1992.*

¹³³ *The Walking Sphinx: South African Essays on Russian Culture / ed. by H. Mondry. Johannesburg: University of the Witwatersrand, 1989. P. VII.*

¹³⁴ *South African Essays on Literature, History and Ideology in Eastern Europe and USSR (1988–1990) / ed. by H. Mondry, W. Kasack. Johannesburg: University of the Witwatersrand, 1991.*

сти: голоса писателей-женщин в “альтернативной прозе”», «обзор литературы языка африкаанс в русских переводах 1963–1989».

Затем — сборник «Традиция и перемены в Центральной и Восточной Европе»¹³⁵.

С 1992-го в Витватерсрандском университете стали выходить «Славянские альманахи». Уже в первом (1992) Ирина Ивановна и я были в составе «Международного совета редакторов». Там же была и наша статья «Ранние контакты между Россией и Южной Африкой»¹³⁶.

Большинство статей в этих сборниках написаны, как у нас было принято говорить, на уровне мировых стандартов. Во всех статьях Генриетты Мондри, инициатора и редактора сборников, видно не только отличное знание русской литературы, но и умение мыслить теоретически и поиски новых подходов и тем. Она постаралась рассмотреть литературные процессы перестроечных и послеперестроечных лет¹³⁷. А в статье об Андрее Битове¹³⁸ дала анализ корней его творчества в литературе девятнадцатого и двадцатого веков. Обратившись к гончаровскому «Фрегату “Паллада”», казалось бы, изученному уже вдоль и поперек, сумела интересно сопоставить его с книгами о путешествиях, написанными другими русскими литераторами, начиная с Карамзина и Пушкина¹³⁹. Ряд работ Г. Мондри, прежде всего о Константине Леонтьеве, издавались в России и в Германии¹⁴⁰.

¹³⁵ Tradition and Change in Central and Eastern Europe / ed. by H. Mondry. P. Schweiger. Johannesburg: University of the Witwatersrand, [1993].

¹³⁶ Davidson A., Filatova I. Early Contacts between Russia and South Africa // Slavic Almanac. A Year Book of the South African Society for Slavic, Central and East European Studies. Vol. I. Johannesburg, 1992. P. 66–93.

¹³⁷ Mondry H. Is there a Crisis in the Russian Cultural and Literary Press? Some Diverse Opinions // Slavic Almanac. Vol. II. Johannesburg, 1993. P. 19–47.

¹³⁸ Mondry H. «Literaturnost» as a Key to Andrey Bitov's «Pushkin House» // The Waking Sphinx... Johannesburg: Univ. of the Witwatersrand, 1989. P. 3–19.

¹³⁹ Mondry H. A Formalist Reading of the Chapter on the Cape Province from Goncharov's «Frigate Pallada» // The Waking Sphinx... P. 130–144.

¹⁴⁰ Мондри Г. Попытка типологизации творчества К. Леонтьева на примере анализа «Исповеди мужа» // Вопросы литературы. Вып. II. М., 1992; Мондри Г. Константин Леонтьев. М.: Наука, 1993; Mondry H. Yet another Literary Parody on Chernyshevsky: K. Leontiev's «In my own Land» // Die Welt der Slaven. Jahrgang XXXV. 2. München, 1990; Mondry H. A Husband's Confession: Pagan es-

Вполне естественно, что южноафриканских литературоведов интересует сопоставление творчества наиболее известных их соотечественников с русскими писателями. Г. Мондри провела культурологическое сопоставление произведений Достоевского и Германа Босмана, одного из лучших южноафриканских прозаиков¹⁴¹. А Кристофер Инглиш проделал такую же работу, сравнивая Босмана и Лескова¹⁴².

Вообще сравнительным методом авторы этих сборников пользовались широко. Салли Томпсон сопоставила образ Америки у Юрия Трифонова с тем, как писали об Америке и американцах Горький и Бунин, Есенин и Маяковский, Пильняк, Валентин Катаев, Ильф и Петров, Вознесенский, Евтушенко, Станислав Кондрашов¹⁴³. Джозеф Шермен дал параллельный анализ гоголевской «Шинели» и рассказов Шолом-Алейхема¹⁴⁴.

Джудит Кемпбелл проявила глубокий интерес к проблемам перевода русской литературы на английский. Она детально разобрала трудности перевода «Двенадцати» Александра Блока¹⁴⁵, а затем обратилась к переводам детской литературы¹⁴⁶. В результате поездки в Москву и работы в Центральной детской библиотеке она в 1993 г. опубликовала и статью о героях повестей Бориса Минаева и Анатолия Алексина¹⁴⁷.

---

thetics versus Christian Ethics. Towards Typology of the Work of Konstantin Leont'ev // *Die Welt der Slaven*. Jahrgang XXXVI, 1+2, 1991.

¹⁴¹ *Mondry H.* Bosman's and Dostoevsky's Prison Notes: A Culturological Reading of Russian and South-African Texts (notes of «The House of the Dead» and «Cold Stone Jug») // *Slavic Almanac*. Vol. I. 1992. P. 34–65.

¹⁴² *English Ch.* Shalk Lourens and Ivan Flyagin: A Study of the «Skaz» Mode of Narration with Reference to the Stories of Leskov and Bosman // *The Waking Sphinx*... P. 145–167.

¹⁴³ *Thompson S.* Reflections of America in Trifonov's «Oprokinuty Dom» // *The Waking Sphinx*... P. 23–39.

¹⁴⁴ *Sherman J.* «God and the Tsar»: Ironic Ambiguity and Restorative Laughter in Gogol's «Overcoat» and Sholem Aleykhem's «On Account of a Hat» // *The Waking Sphinx*... P. 59–82.

¹⁴⁵ *Campbell J.* Translating Blok's «Dvenadtsat'» into English. Some cultural and Practical Considerations // *The Waking Sphinx*... P. 95–113.

¹⁴⁶ *Campbell J.* Children's Literature in Translation: Cross Cultural Implications // *Slavic Almanac*... Vol. I. P. 1–20.

¹⁴⁷ *Campbell J.* Boris Minaev's Sasha and Anatolij Aleksin's Sergej: Two Childs Heroes of the Eighties // *Slavic Almanac*... Vol. II. P. 1–18.

Южноафриканские литераторы и литературоведы проявляют большой интерес к Достоевскому. Написаны диссертации уже не только о различных сторонах его творчества, но и о его влиянии на авторов позднейшего времени. Для Рудольфа Йоханнеса фан Никерка изучение Достоевского стало делом всей жизни. Диссертацию о «Записках из подполья» (на языке африкаанс) он защитил в Университете Претории еще в 1967 г.¹⁴⁸ Более чем через четверть века, в 1993 г., он сказал мне, что, накопив денег, с выходом на пенсию он собирается осуществить свою мечту: проехать по всем местам в России, связанным с жизненным путем Достоевского. Диссертация Г. Мондри также была посвящена Достоевскому¹⁴⁹. Она рассмотрела взгляды советских и зарубежных специалистов по Достоевскому и отметила антисемитские тенденции в книгах «Три круга Достоевского» и «В мире Достоевского», изданных в Москве в 1979 и 1980 гг.¹⁵⁰ В 1996 г. Агнета Маккрис, преподавательница русской литературы в Южно-Африканском университете, защитила диссертацию об идеях Достоевского, сравнивая его с Андре Жидом¹⁵¹.

Джон Куцие, один из крупнейших прозаиков Южной Африки (почти все его романы издавались и в Москве) опубликовал в 1994 г. роман о Достоевском — «Мастер из Петербурга»¹⁵².

Список не только переводов русской литературы, но и произведений южноафриканских авторов, связанных с историей и культурой России, можно продолжить. В 1983 г. в Йоханнесбурге была издана пьеса о временах Распутина и Николая II, и в том же году ее показали на сцене Государственного театра в Претории¹⁵³. А в 1996 г. писатель Джон Кенч, изучавший русский язык и литературу, опубликовал пьесу, в основе сюжета которой — папанинская экспедиция на

¹⁴⁸ *Niekerk R.J. van. Vryheid as fundamenteel — eksistensiële prinsipe in Aantekeninge uit het ondergrondse van F.M. Dostojewski. Pretoria: Universiteit van Pretoria, 1967. June.*

¹⁴⁹ *Mondry H. Evaluation of Ideological Trends in Soviet Dostoevsky Scholarship. Pietermaritzburg: Natal Witness, 1984.*

¹⁵⁰ *Mondry H. Anti-Semitic Trends in Soviet Dostoevsky Scholarship of the Brezhnev Era // The Waking Sphinx... P. 83–94.*

¹⁵¹ *McCreath A.A. Regeneration: Dostoevskij's Ideology, with a Glance at Gide's Paradoxical «Adaptation». Ph.D dissertation / University of South Africa, 1995.*

¹⁵² *Coetzee J.M. The Master of Petersburg. London: Secker and Warburg, 1994.*

¹⁵³ *Galgut D. Echoes of Anger. Johannesburg: Jonathan Ball Publishers, 1983.*

Северный полюс¹⁵⁴. Самого Папанина автор вывел как агента партии и КГБ, приставленном к настоящим ученым, чтобы следить за ними. Отсюда и название пьесы: «Предатель на льдине». Впоследствии, в разговорах со мной Джон Кенч настаивал на такой трактовке, ссылаясь на сведения в западной прессе.

* * *

Может быть, в связи с реорганизацией сферы образования, начавшейся при новом режиме, возникли непредвиденные трудности. Может быть, были иные причины. Но, так или иначе, русскую кафедру Витватерсрандского университета закрыли, ликвидировали к 1995 г., когда она как раз была на пике своей активности, создала даже Южно-Африканское общество славянских, центральноевропейских и восточноевропейских исследований. Генриетта Мондри вынуждена была уехать в Новую Зеландию, преподавать русскую литературу в Кентерберийском университете. Последний выпуск «Славянского альманаха» (т. 3, № 3–4), подготовленный при ее участии и изданный в 1995-м, она получила уже в Новой Зеландии.

Интерес к российской культуре отнюдь не иссяк, но закрытие этого очень активного центра... Что ж, грустно...

Как известно, культурные контакты проходят переориентировку, подъемы, спады. В Южной Африке интерес к русской литературе испытал разные периоды и в немалой степени под влиянием политических перемен. До конца 1980-х годов сказывалась атмосфера холодной войны. Но кого-то русская культура тогда привлекала именно как гонимая, как запретный плод. Самое начало девяностых — это открытие шлюзов, вспышка интереса. Середина девяностых — все же противоречивое время. Может быть, перестройка жизни страны.

Русский клуб

Там живет мой друг приезжий,
Распрощавшийся с Москвой,
и насмешливый, и нежный,
и снедаемый тоской.

Окуджава

За годы жизни в Южной Африке я повидал сотни выходцев из нашей страны. Разных поколений: и тех, кто приехал туда десятилетия назад, и тех, кто совсем недавно, буквально вот-вот.

---

¹⁵⁴ *Kench J. Traitor on the Ice. Cape: Mallard Publishers, 1996.*

Большинство приезжавших осело в Йоханнесбурге, центре деловой жизни. Но немало и в Кейптауне, Претории, в Порт-Элизабет. Даже в Грейамстаун приехали две молодые семьи: Шипины и Смахины.

С кем-то я сдружился. Знакомства чаще всего возникали в университетах, в библиотеках ... в магазинах. Самые постоянные — в Кейптауне, в нашем Центре российских исследований.

Само открытие его не могло не привлечь внимание соотечественников. Торжественная церемония. Речь Манделы. Министры. Делегация депутатов Думы: они были в это время в ЮАР и пришли на церемонию. И главное — ведь первый раз в Кейптауне началось преподавание русского языка, курсы лекций об истории, культуре России. Так что если не все, то почти все соотечественники, кто жил в Кейптауне и окрестностях, конечно, пришли. Представлялись, знакомились. Многие стали завсегдатаями.

Наш маленький коллектив и просторные пять комнат стали центром притяжения. Собственно, мы оказались единственной аудиторией, где они могли отвести душу. Хотели узнать, чем мы тут занимаемся. И еще больше — какие новости из России. Что-то знали — слушали радио, читали газеты. Но о России там писали скудно. А им хотелось узнать свежие новости, оценки.

В нашем Центре установили большую антенну-тарелку, и можно было смотреть российское телевидение. Легко представить, как это привлекало! И новости услышать, и родные места увидеть.

Я каждый год ездил в Москву — даже по два-три раза — и мог рассказать новости.

Вторым центром стали собрания Русского клуба. Мы его создали как филиал московского Общества Доброй Надежды. Правда, собирались не часто. Но все же — это возможность встретиться сразу несколькими десяткам россиян. Потолковать друг с другом да и с теми южноафриканцами, которые учились в России.

Те, кто приехал недавно и еще не окончательно обосновались, искали свое место под южноафриканским солнцем. Здесь тоже «Преториястройка». Боязнь непредсказуемости. Не поехать ли дальше — в Австралию, Новую Зеландию?

Большинство посетителей — те, кто приехал два-три года назад, и те, кто только что, нашу советскую жизнь, хорошо знал. Но хотелось поговорить. Не терпелось услышать, что там теперь?

Честно говоря, ничего такого уж чрезвычайного, чего бы они не знали, я сказать не мог. Но все-таки — конкретные перемены, вкус, запах событий. Слушали, удивлялись... Радовались... Огорчались...

Лед треснул, когда дошло до воспоминаний. В общем-то мы были из близких поколений. Нашлись общие вкусы, привязанности. Кто-то сразу вспомнил Окуджаву:

Всё меньше мест в Москве, где помнят наши лица,
Всё больше мест в Москве, где и без нас правы.

Записывать бы те разговоры... Они помогли бы понять тех, кто уехали из СССР. А их ведь миллионы. И отъезды не кончились. Уезжают и уезжают... И молодежь...

Мне хотелось лучше понять, почему они уехали. И почему в ЮАР.

* * *

Ну ясно, что в годы перестройки, а затем и с распадом СССР, открылись широкие возможности для эмиграции. Но почему всё же уехали?

У многих решение возникло спонтанно, не было годами выношенным желанием. Подтолкнули трудности конца восьмидесятых — начала девяностых. Пустые полки в магазинах. Кажется, идея перестройки была им по душе, но боялись непредсказуемых перемен. И призрак распада Советского Союза, а затем его воплощение в жизнь. Страх: что будет?

К жизни в эмиграции подготовлены не были. Как жить? Держаться поближе к своим, к русским? Или сразу налаживать местные связи? Не лучше ли так?

Были слышаны, читали в разных книгах, воспоминаниях, что в среде эмигрантов обычно свои несогласия, противоречия, склоки. Что где два эмигранта, там три партии.

Словом, сомнения, сомнения, сомнения...

Но были и такие, в чьем сознании мысли об отъезде бродили давно. Кого-то несправедливо выгоняли с работы, арестовывали, ссылали. У кого-то побывали в ссылках ближайшие родственники. Кого-то дискриминировали из-за анкетных данных.

Кто-то говорил о том, с чем ему на родине вообще не хотелось мириться. Ругали бюрократию. Считали, что власть не отве-

чает за свои поступки. Что перед судом, милицией и всеми органами правопорядка ставится задача охраны режима, а не защиты прав граждан. И что это — стародавняя традиция.

Кто-то решил уехать уже давно, не приемля советскую власть. Кто-то считал, что она гонкой вооружений обескровливает страну. Кто-то надеялся на перемены с распадом СССР, а потом разочаровался. Возмущались:

— Те самые, кто раньше с гордостью носил партбилет на груди во внутреннем кармане пиджака, теперь носят на шее крестик и целуют руку патриарху. И если раньше все неприятное им отмечали клеймом «антисоветчина», то теперь: «русофобия». Если раньше считали, что наш строй особый, особый и еще раз особый, потому что советский, теперь для них он все равно особый, но уже потому, что почвенный, соборный, державный. И как в советское время не хотели считаться с опытом других стран, так и теперь.

Но куда ехать? В Европу, в Соединенные Штаты? Найдешь ли там работу? В новые молодые государства? Их больше сотни. Там наверняка нехватка квалифицированных рабочих рук. Но там свои сложности. И Европу-то мы не так уж хорошо знаем, а те страны?

А тут вдруг — бурный всплеск интереса к ЮАР. Открывалась самая закрытая для нас часть планеты. Десятилетиями ее поносила советская пропаганда!

Пропаганда возымела, как это вообще нередко бывает, и обратное действие. У кого-то вызывало недоверие, что в газетах о расизме в ЮАР говорилось уж слишком часто, настойчиво. Газетные статьи уж больно похожи одна на другую, написаны одними и теми же словами. Наверно, потому, что в ЮАР никто из авторов не бывал и своими впечатлениями не мог расцветить расхожие штампы. Недоверие вызывало и весьма явное в пропаганде стремление показать расизм ЮАР как явление, типичное вообще для капиталистического мира. Через апартхейд заклеить весь Запад.

Эта нарочитость и могла вызвать недоверие, сомнение: что-то все время показывают нам только одну сторону жизни ЮАР. А может, есть там что-то и другое? Страна-то большая, богатая. Красивая, привлекательная. Те, кто привыкли не верить пропаганде, задумывались: может, на самом деле всё наоборот.

С провозглашением гласности, с развенчанием ряда пропагандистских мифов многие сочли, что среди этих мифов был и об-

раз ЮАР. Одна из тогдашних книг о ЮАР подверглась такой критике: «Суть ее: все белые там — сволочи и гонители свободы, все черные — благородные разбойники и борцы за свободу. Белые убивают сладострастно черных: вешают, стреляют, душат; черные убивают белых только патриотически, сражаясь за свободу свою и своей родины». Так в апреле 1991 г. в газете «Экономика и ресурсы» говорилось о книге «Фрагменты южноафриканской симфонии», изданной в Москве в 1989 г.

Родился — и очень быстро — новый миф: а может быть, как раз там-то, в ЮАР, люди (как-то само собой подразумевалось — белые) сказочно благоденствуют.

Эмигранты напомнили мне, что в московских подземных переходах пошла бойкая торговля неизвестно как и откуда взявшимися анкетами на въезд в ЮАР. В газетах появилось объявление фирмы «Проект»: «Мы решим ваши проблемы, связанные с ЮАР». Какие проблемы? «Туризм, визовая поддержка, консультации по трудоустройству и другое». Обращаться «круглосуточно».

В Риге стал издаваться бюллетень для желающих устроиться в ЮАР на работу. Созданное в Сибири общество «Афросиб» выпустило листовку «Едем в Южную Африку?!» Газета «Вечерний Новосибирск»¹⁵⁵ объяснила, что ЮАР — «это одно из самых богатых, мощных и стабильных государств». Журнал «Эхо планеты» сообщил: «Ведь в ЮАР много славян» и призвал «создать центр славянской культуры в Йоханнесбурге»¹⁵⁶. Газета «Экономика и ресурсы» поддержала идею создания в ЮАР «славянского центра, славянского фонда, общеславянской газеты», поскольку «славян там не менее 150–200 тысяч»¹⁵⁷. Когда я был в Москве, все это как-то проходило мимо моего внимания. Но теперь, услышав от эмигрантов, попросил московских друзей проверить. Они зашли в библиотеку и подтвердили, прислали точные ссылки на эти публикации.

К тому же романтика слов «Кейптаун» и «мыс Доброй Надежды» завораживала еще наших дедов и прадедов. Песню «Трансвааль, Трансвааль, страна моя» пели в начале столетия. «В Кейптаунском порту» поют и сейчас.

---

¹⁵⁵ Вечерний Новосибирск. 2 февр. 1991.

¹⁵⁶ Эхо планеты. 1991. № 16.

¹⁵⁷ Экономика и ресурсы. 27 марта 1991.

Что ж, ЮАР действительно не самое бедное государство в мире. Неплохо развитая промышленность: ее создание восходит ко временам, когда здесь были открыты крупнейшие в мире месторождения золота, алмазов, платины. Сельское хозяйство не только обеспечивает нужды страны, но и работает на экспорт. Прекрасное виноделие. Отличная инфраструктура. ЮАР — самая экономически развитая африканская страна.

Разумеется, там нет и никогда не было сотен тысяч славян. Не стало их и с новым притоком. Но все же на рубеже восьмидесятых и девяностых приезжать стали. Многие — не прямо из СНГ, а через третьи страны.

Утешали себя мудростью великих — Пифагора: «Уходя на чужбину, не оборачивайся»... Тютчева: «У меня не тоска по родине, а тоска по чужбине».

Бизнесменов манили деловые возможности. Стремившихся найти работу — новое поле деятельности. Несмотря на безработицу, в специалистах высокой квалификации страна все-таки нуждалась.

Легче всего, конечно, говорить об ученых, инженерах, врачах. Они приезжают по контрактам, так что все на виду. Труднее судить о людях других профессий. «Новые русские» — как понять, кто из них уже прочно осел, а кто только присматривается? Ну, и совсем уж не уследить за теми, кто приехал нелегально.

Появилась и «русская мафия».

Уже в 1996-м, купив газету *Cape Times*, прочитал статью «Борьба за контроль над ночными клубами»: «Ростом он шесть футов и весит сто килограмм, это 23-летний русский». Зовут его Юрий Ульяницкий, приехал он с Украины в Южную Африку всего четыре года назад, но «и владельцы ночных клубов и вышибалы говорят о нем лишь шепотом, называя его «Русский» или «Юрий», и признаются в страхе перед ним».

Корреспонденту *Cape Times* удалось найти марокканца Хусейна — «правую руку» Юрия, и тот согласился организовать встречу со своим боссом. Рэкетиры ночного Кейптауна были немногочисленны. В России был якобы чемпионом по борьбе, а в Южной Африке два года назад стал чемпионом по дзюдо. Превосходно дерется ногами и участвует в «абсолютной борьбе», где нет никаких правил и победителем считается последний, кто держится на ногах. Услышав, что его называют рэкетиrom, возмутился: «Кто это

говорит? Пойдемте, я покажу вам, как много у меня друзей и среди вышибал, и в самих клубах». Встреча была «нервной» и закончилась требованием Юрия не упоминать в газете его имени. «Вы можете называть меня просто — Русский».

А вот и еще одна сенсация. Под заголовком «Русские расхватывают дома в Кейптауне», газета *Mercury* тогда же, в 1996-м, сообщила, что уже идет схватка между компаниями по купле-продаже земель, ферм и домов. «Катапультированные семь лет назад в капитализм, русские теперь стремятся получить собственность в Южной Африке».

Сам я не встречался с «русской мафией», с теми, кто приобретал собственность. А вот с хорошими инженерами, геологами, врачами встречался часто.

Они-то и приходили в наш Русский клуб.

Приходя в наш Центр и Клуб, обменивались впечатлениями о стране, где оказались. Меня спрашивали о ее истории, традициях, обычаях, людях.

И все же и в Центре, и в Клубе — больше всего разговоров о России.

О чем спрашивали? Что волновало?

В разговорах затрагивались самые разные темы. Так что невозможно обобщить. Что-то я запомнил, о чем-то делал беглые заметки.

На первых встречах в 1994 г. скорбели об уходе из жизни любимых артистов: Евгения Леонова, Иннокентия Смоктуновского, Олега Борисова.

Часто вспоминали стихи кумиров шестидесятых, да и более поздних лет — Евтушенко, Вознесенского, Роберта Рождественского! Кому-то из моих собеседников посчастливилось бывать на их вечерах в Политехническом. Кто-то об этих вечерах слышал: слава о них гремела по всей стране... Василий Аксенов, его «Звездный билет», «Затоваренная бочкотара». Журнал «Юность», в котором это печаталось. Журнал, который называли «Этот безумный, безумный, безумный “Новый мир”».

Обсуждали феномен советской действительности семидесятых. Окуджаву, Высоцкого, Галича не показывали по телевизору, не давали выступлений в концертных залах. Высоцкий с горечью пел:

Мое имя не встретишь в рекламах
Популярных эстрадных певцов.

Но их песни в магнитофонных записях знала вся страна, от
Владивостока до Калининграда.

Есть магнитофон системы «Яуза»,
Вот и все, и этого достаточно.

Не обошлось без жалоб на злую судьбу. Но от страны, кото-
рую пришлось покинуть, не отрекались. Однажды кто-то принес
сборник Окуджавы и прочитал:

...но следы минувшей драмы
все равно у нас в крови.

Сколько же им пришлось пережить, прежде чем решили уе-
хать из страны отцов и дедов!

В другой раз кто-то читал «Песню исхода» Галича:

Уезжайте! А я останусь.
Кто-то должен, презрев усталость,
Наших мертвых стеречь покой!

Помнили слова Алены Александровны, его дочери, о том,
что в 1974 г. он был вызван в ОВИР, и ему предложили выехать по
неизвестно от кого пришедшей израильской визе и сказали, что
если он не уедет на запад, то поедет на север.

Помнили его «Песенку-молитву, которую надо прочесть пе-
ред самым отлетом»:

Твой каждый вздох и твой каждый шаг,
Господи, благослови!

И крик души — уже в Париже — незадолго до кончины:

Когда я вернусь,
О, когда я вернусь!..

Кому-то посчастливилось — еще во время знаменитых вы-
ступлений поэтов в Политехническом — подолгу говорить с
Робертом Рождественским. Я не запомнил рассказов об этом. Но
потом прочитал записки Рождественского. Их опубликовали по-
смертно.

«Долгое время мы говорили о своей стране, как принято говорить о покойниках: только хорошее.

Если судить по газетам, то у нас никогда не тонули корабли, не сталкивались поезда и не падали самолеты. То есть, они, конечно, тонули, сталкивались и падали, но сообщалось об этом лишь в случаях, когда умолчать было невозможно: среди пассажиров находились граждане других стран.

Мы существовали, были и — одновременно — хотели казаться.

Казаться лучше, чем есть. Поэтому мир считал нас непонятными, загадочными...

Мы — дети жесткого века, воспитанные на том, что существует некое нечто, которое неизмеримо выше таких понятий, как человечность, совесть, любовь, сострадание, милосердие».

Примерно это я и услышал тогда в пересказе слов Рождественского.

* * *

В декабре 1995-го обрадовались декларации Государственной Думы «О поддержке российской диаспоры и покровительстве российским соотечественникам». И тому, что в Воркуте открыт памятник жертвам политических репрессий.

— Скульптор-то — Эрнст Неизвестный. Уж как Хрущев его материл на выставке в Манеже! А когда самого Хрущева отовсюду прогнали, тут-то он с Неизвестным и сошелся. А потом кого семья Хрущева просила памятник на Новодевичьем сделать? Эрнста Неизвестного!

— Поглядеть бы и тот, в Воркуте. Далеко, конечно... Ну хотя бы тот, что напротив «Крестов», в Ленинграде. Шемякин разве хуже Неизвестного?

Это — о памятнике жертвам политических репрессий. Его поставили напротив печально известной тюрьмы «Кресты» тогда же, 30 декабря.

Двое армян обрадовались, что в апреле Дума наконец-то осудила геноцид, который привел когда-то в Турции к гибели миллиона армян.

Бурные эмоции вызвал указ Ельцина с длинным названием: «О восстановлении законных прав российских граждан — бывших

советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период». У кого-то родственник побывал в плену и потом был сослан на Колыму. Вспомнили, что такая судьба постигла большинство советских солдат и офицеров, побывавших в немецком плену — три миллиона, если не больше. Проклинали Сталина за то, что он объявил пленных изменниками и предателями. Зазвучали и такие голоса:

— А Черчилль, Рузвельт? В Ялте пообещали Сталину передать ему всех военнопленных, кого освободят их войска. Разве не понимали? Или не подумали?

— Да поняли, только поздно, через много лет. Англичане даже поставили памятник «Жертвам Ялты».

— А у нас в газете «Правда» над этим памятником посмеялись. Позубоскалили.

В 1996-м их обрадовал указ Ельцина о создании фонда «Россияне» для поддержки соотечественников за рубежом. Мои собеседники не очень представляли себе, какое это имеет отношение конкретно к ним. Но радовались, что теперь не будут их, как раньше — в СССР — считать предателями, отщепенцами.

Сочли правильным, что ввели новую должность — уполномоченного по правам человека. Что Ельцин издал указ о развитии фундаментальной науки. Что начаты работы по уничтожению боевых отравляющих веществ. Что 22 июня — теперь День памяти и скорби, а 7 ноября — День согласия и примирения.

Возмущались, конечно, взрывом в Московском метро. Как и убийством Листьева.

Опечалились, узнав о кончине Иосифа Бродского и Зиновия Гердта.

* * *

В мае 1995-го, в День Победы, приходили посмотреть на моряков «русских конвоев», на церемонию их награждения российскими медалями. Знакомились с ними, слушали их речи. И вспоминали своих родных — участников войны. Меня расспрашивали о Ленинградской блокаде.

Но и тут разговоры поворачивались по-разному.

Была в Кейптауне молодая семья российских немцев. Правда, какие они немцы? Из поколения в поколение жили в России. Но

летом 41-го, с началом войны, их родителей выселили в Среднюю Азию. На них смотрели как на немцев, и у них уже не было другого выхода: пришлось считать себя немцами. И их детям тоже. Так что с первой же возможностью — уехали. Сперва в Германию, а затем захотели приглядеться к ЮАР. Не понравится — опять в Германию (так вскоре и получилось).

Пришли к нам, когда отмечалось 50-летие Победы. И муж, он был школьным учителем истории, не удержался — высказал всё, что знал об отношениях большевистского режима с Германией.

— Ведь в Первую мировую войну Ленин предал союзников — Англию и Францию. Заставил Россию заключить сепаратный мир. А потом? Антанта запретила Германии укреплять ее армию. И где повышали свою боеспособность, где учились немецкие офицеры в 1920-х? В СССР. Гудериан, его ведь во всем мире считали потом мастером танковых сражений. А у кого он учился? У Тухачевского.

А как Гитлер пришел к власти? Ведь парламент проголосовал за него. А почему? Сталин считал тогда, что социал-демократы хуже фашистов: фашисты — открытые враги, а социал-демократы — враги страшнее, они скрывают свое подлое лицо. И немецкие коммунисты боролись против них. А если бы они выступили в союзе с социал-демократами, Гитлер не получил бы в парламенте большинства.

— А Мюнхенский пакт?! Конечно, позорный. Но все-таки он не открывал Гитлеру путь к мировой войне. А пакт Риббентропа—Молотова, как считают на Западе, открыл и поделил Европу на сферы влияния между Сталиным и Гитлером. Сталин поднял тогда тост на обеде не только за Гитлера, но и за Гимmlера.

— А знаете вы о совместном параде советских и гитлеровских войск в Бресте в сентябре 1939-го? Был он или его не было?

— И когда Западная Европа воевала против Гитлера, советские эшелоны с сырьем и продовольствием непрерывно снабжали Германию. В июне 1940-го Молотов поздравлял Гитлера с победой над Францией. Сталин поздравил Гитлера с днем рождения даже 20 апреля 1941-го, за два месяца до вторжения гитлеровских войск в СССР!

Что-то из этих фактов оказалось вновинку для многих в Клубе. Потом долго их обсуждали.

В связи с юбилеем Победы снова и снова говорили об Окуджаве. Его день рождения — 9 мая, а жизнь связана с войной.

Кто-то, как и я, слышал историю о том, как Окуджаву вызывали в «инстанции» и распекали за повесть «Будь здоров, школяр»: слишком грустно говорится там о войне. А он ответил:

— На ту войну я пошел добровольцем. Если начнется новая, пойду опять. Но вы что, хотите, чтобы я этому радовался?

История эта когда-то обошла всю Москву. Может быть, она и выдумана. Но... все решили: уж больно похожа на правду.

* * *

От обсуждения тяжелых тем не раз переходили к стихам. Хотя и они зачастую были невеселыми.

После Окуджавы, Высоцкого и Галича самым любимым из поэтов-современников называли Игоря Губермана. В Москве его начали издавать со второй половины восьмидесятых. Вновь прибывшие привезли его сборники. В его «гариках» видели и свою судьбу, и оправдание своего отъезда, и трудности эмигрантской жизни. И ностальгию.

Им хотелось чувствовать себя частью тех многолетних потоков эмиграции, которые повсюду — от Нью-Йорка до Харбина — создали культуру российского зарубежья. И как тут кстати оказались слова Губермана:

Счастье для нации,
что русской культуры побеги
отчасти растут в эмиграции.

У него находили главное, о чем думали, когда хотелось вернуться домой.

Мне здесь любая боль знакома.
Близка любовь. Понятна злость.
Да, здесь я раб. Но здесь я дома.
А на свободе — чуждый гость.

Но тут же вспоминали:

И родина мне щедро изменяет
С подонками, прохвостами и суками.

И:

Тень незабвенного усатого
Над заколдованной страной.

И о тех, кто сделал крики о патриотизме своей профессией:

Когда тонет родина в крови,
Когда стынут стоны на устах,
Те, кто распинался ей в любви,
Не спешат повиснуть на крестах.

И о распаде Советского Союза:

Чем безумней дряхлая система,
Тем опасней враз ее разрушить.

Но многие возражали. Считали, что ответ станет ясен только через годы и десятилетия. Потому что уж слишком многое в жизни нашей страны переплетено, перепутано.

Хочет бесноватая действительность
Над мудрым разумением теории.

И что трезвого анализа пока нет. Феномен сталинизма еще не понят. А —

Давно пора, [...] мать,
умом Россию понимать!

Жарко обсуждались данные Комиссии по реабилитации, называли ее Комиссией Яковлева. По ее подсчетам с 1920 г. и до начала 1950-х были репрессированы около 4 млн человек, и из них приговорены к высшей мере наказания 786 тыс. Одни ужасались этим цифрам, другие уверяли, что и эти цифры, конечно, занижены.

— Ну даже если эта комиссия и посчитает честно, все равно эти цифры не отражают всего урона. Ведь если бы Сталин в 1937–1938-м не уничтожил трех маршалов из пяти и большую часть высшего и среднего командного состава армии, Гитлер, может, и вообще не решился бы напасть на нас. А если б и решился, потери не стали бы такими ужасными. Уж во всяком случае не 27 миллионов.

Сразу включились несколько человек:

— Да, миллионы и миллионы людей были репрессированы. Но подумайте, сколько же нужно было людей, чтобы арестовывать, держать их в лагерях, мучить, расстреливать. Сколько же было тюремщиков! Сколько вооруженных охранников, как говорили — «вохры»! И это продолжалось не год, не два — десятилетия! Одни следователи, расстрельные команды, охранники уже становились пен-

сионерами, прибывали новые и новые. Сколько же их было? За столько-то лет! Сотни тысяч? Миллионы?

Молодой человек лет тридцати процитировал слова Ахматовой: «Теперь в глаза друг другу посмотрят две России — одна, которая сидела, и другая, которая сажала». И обратился ко всем. С надрывом:

— Ну представьте, вам приказали бы изо дня в день издеваться над людьми, мучить их и морально, и физически. А затем — пулей в затылок. И вы бы знали, что они невиновны. Как бы вы себя чувствовали? Неужели не искали бы выхода. Петлю себе на шею? Револьвер к виску?

Ответы — тоже с надрывом:

— Если и бывало такое — небось, очень-очень редко. Иначе бы слухи докатились, сохранились.

— Значит, палачи выживали. И что-то не слышно, чтобы кто-то каялся. Как же они справлялись со своей совестью? Как у Окуджавы:

А если что не так — не наше дело:

Как говорится, родина велела!

— Стало быть, справлялись. А ведь родились они, наверно, нормальными. Понять бы, что было такого в душах людей, на чем сталинизм вырос.

— И ведь растили своих детей, внуков. Передавали им свое отношение к жизни.

— Считается, что Хрущев разоблачил Сталина. Но ведь при Хрущеве, в 1960 г., дали звезду Героя Советского Союза Меркадеру, который по заказу Сталина в 1940-м убил Троцкого. Можно по-разному относиться к Троцкому, но ведь это убийство. И у Хрущева не дрогнула рука сделать Героем Советского Союза человека, которого весь мир знал как убийцу!

— Тут, в ЮАР, 21 марта 1960 г. полиция стреляла в демонстрантов. Убили несколько десятков человек. Так ООН разгневалась, призвала весь мир возмутиться, и с тех пор этот день отмечался как День борьбы против расизма. А у нас расстреливали и уничтожали миллионы, но отмечается это как надо? Наши правозащитники объявили День жертв репрессий, но что-то незаметно, чтобы власти придавали этому должное значение.

Вот такие вопросы задавали и друг другу, и мне. Собственно, вопросы ли это? Делились наболевшим.

— Вспомните анкеты сталинского и послесталинского времени. Все население страны делилось на две части. У одной анкета «чистая». А у другой? Были вы или ваши родственники среди раскулаченных? Были когда-либо сосланы или ограничены в правах? Принадлежали по своему происхождению к эксплуататорским классам? Есть у вас родственники за границей, где, с какого времени и чем занимаются (фамилия, имя, отчество и степень родства). Были вы или ваши ближайшие родственники в плену или интернированы в период Отечественной войны? Где, когда, при каких обстоятельствах освобождены?..

* * *

Конечно, «пятый пункт».

— Считают, что это о евреях. Но разве только? А корейцы? Их выселяли еще в межвоенные годы. Немцы Поволжья? Эстонцы, латыши, литовцы — в 1940-м, и в послевоенные годы. А крымские татары, калмыки, балкарцы, чеченцы, ингуши? Народы, выселенные в конце войны. Большая часть населения страны оказалось гражданами второго и третьего сорта.

Главным тут был не вопрос, почему советская власть так поступала. Это, казалось, моим собеседникам понятно. Обсуждалось другое.

— И кто-нибудь за них заступался? Если миллионы сидят в ГУЛАГе, а у других права так ограничены, то как же чувствуют себя остальные, кого это не коснулось?

— Ну так им открываются большие возможности — могут продвигаться по служебной лестнице, ездить за границу. Получается, как и здесь, в ЮАР. Одним — путь был открыт, другие — на обочине. Только тут деление расовое: белые — не белые.

— И как же они, эти привилегированные, себя чувствовали. Сознавали, что их карьера — за счет остальных? Было у них ощущение вины перед этими другими? В ЮАР все же среди привилегированных белых были такие, кто боролся за права непривилегированных. А у нас? Сочувствие? Бывало к тем, кто сидел. А к тем, кто лишен прав? Что-то не помню... Если меня выдвигают, значит, я этого достоин. Не приходило в голову, что вот тут, рядом, есть те, кто намного успешнее бы справился, но... анкетные данные.

Зашла речь и о номенклатуре.

— Не только ведь в верхних эшелонах власти был перечень доверенных лиц. Такие списки были в каждой сфере деятельности.

— На освободившийся пост назначали, исходя не из профессионализма, а чтобы из номенклатуры. Неважно, что в делах не разбирается. Как у Высоцкого:

Мол, кроме водки, — ничего,
Проверенный товарищ.

* * *

Приобретали разговоры и такой оборот:

— Как это получилось, что дочь самого Сталина эмигрировала. И вернувшись на несколько месяцев, опять уехала. Сын Хрущева — тоже и публично гордился, что ему удалось получить американское гражданство. Это семья того, кто говорил американцам, что закопает их, покажет им кузькину мать.

Называли имена детей и внуков и других наших руководителей.

— Как могли Молотов и Калинин терпеть, что их жен арестовали, отправили в ГУЛАГ? И почему Молотов до конца своих дней славословил Сталина? Ведь он обрадовался потом возвращению жены, после ее тюремно-лагерных лет. Что же он считал в порядке вещей то, что с ней Сталин сделал?

— И бедный Сергей Иванович Вавилов? Каково ему было принять предложение Сталина стать президентом Академии наук? После того, как его старший брат Николай Иванович умер от тюремных мучений?

Потом разговор повернулся в неожиданную сторону.

— Все мы тут говорим о порядках в Советском Союзе. Но посмотрите, ведь теперь всю идет идеализация досоветского прошлого. До чего дошло. При Пушкине говорили: «царь», «церковь», «поп». Сейчас: государь император, храм, священнослужитель. Пушкин мог писать: «не гнался бы ты поп за дешевизною...». Можно представить, что сейчас так напишут?

Кто-то сказал, что только что, в мае, воздвигли памятник Николаю II.

— По-человечески, конечно, жаль его, особенно семью. Но среди загубленных миллионов — сколько людей достойней его! Им-то нету памятников.

— Я думаю, ему надо бы дать орден Октябрьской революции: если бы не он, ее, может, и не было бы.

И такой поворот.

— Школьникам рассказывают только о победах. О войне 1812 г. — как мы разгромили Наполеона. О войне с Гитлером — о победе под Сталинградом, Москвой, Курском. А как удалось Наполеону взять Москву? Как Гитлер сумел дойти до Москвы, Сталинграда, Закавказья, блокировать Ленинград? Разве это не надо знать? Высокие начальники твердят: «Молодежь надо учить на победах, а не на поражениях». Но даже футболисты, хоккеисты изучают свои поражения, чтобы они не повторились, а нам, как государству, народу, это, значит, не надо?

— Да, молодежи говорят: вы наследники наших великих побед. Но ведь наследовать нельзя выборочно — только хорошее. А крепостничество, ГУЛАГ, «раскулачивание»? А истребление интеллигенции? Это не входит в наследие? Этого знать не надо?

— И церковь тоже воспекает в своем прошлом только хорошее. Но я что-то не понял, считает она правильным, что отлучили Льва Толстого?

— Я на днях читала Александра Блока. Помните: «Победоносцев над Россией простер свиные крыла». А Победоносцев-то — глава Святейшего Синода.

* * *

В 1997-м всех объединила весть о кончине Окуджавы. Его любили все, без исключения. Собрание Русского клуба стихийно превратилось в вечер памяти. В руках — сборники его стихов. Читали наизусть. Чаше — грустное. О том, что, казалось, относится и к ним:

Как хорошо, что уехал Набоков,
тайны разлуки ни с кем не деля...
Как пофартило! А скольких пророков
не пощадила родная земля!

И о судьбе родного народа:

Лишь только начнешь размышлять над своею судьбою,
как тотчас в башке — то печаль, то сума, то тюрьма.

...

Я, рожденный в империи страха,
даже празднествам светлым не рад.

Чтобы как-то развеять грусть, я напомнил не столь печальные его слова. Простенькие. Но и они за душу берут:

Мой дорогой, пока с тобой мы живы,
все будет хорошо у нас с тобой...

Только вот самого Окуджавы, такого дорогого всем нам, уже не было.

Знакомые, родные голоса

И в нашем Русском центре, и в Русском клубе мы обменивались книгами, журналами, которые привозили из Москвы. Что-то привозил я из своих частых поездок, что-то наши соотечественники, когда ездили навестить родственников. Так удавалось хоть чуть-чуть следить за новинками культурной жизни.

Был случай, когда мы читали книгу еще до ее выхода: воспоминания Лии Оливеровны Голден. Она готовила их к изданию в Америке и прислала мне рукопись. Эти мемуары заинтересовали и русских, и южноафриканцев: судьбой самой Лии и ее рассказами о встречах с известными людьми.

Лия была чернокожая русская. Из-за цвета кожи ее воспринимали зачастую как африканку. Ее отец, афроамериканец, переселился в СССР в начале 1930-х. С конца 1950-х Лия вместе со мной работала в отделе Африки Института востоковедения, а затем в Институте Африки. Была хорошо знакома со многими афроамериканцами — и теми, кто поселились в СССР в 1930-х, и теми, кто приезжал позднее, — со знаменитым певцом Полем Робсоном, американским историком Уильямом Дюбуа. Была замужем за занзибарцем, который учился в Университете дружбы народов, а потом стал министром экономики Танзании. С конца восьмидесятых Лия — профессор университета в Чикаго. Приезжала в августе 1994 г. в Кейптаун на открытие нашего Центра российских исследований. Потом вернулась в Россию.

В книге — жизнь чернокожих людей в СССР, жизнь и быт афроамериканцев в сегодняшней Америке... Афроамериканская профессура в Чикаго.

Рассказ Лии о Поле Робсоне особенно заинтересовал моих собеседников — и южноафриканцев, и россиян. Многие удивились, что он бывал в СССР с 1934 г., что у него в СССР был немалый круг добрых знакомых. И как он огорчился потом, услышав, что кто-то из них пошел под каток сталинского Большого террора. В пятидесятых, приезжая в Советский Союз, он в своих концертах пел песни и на английском, и на русском, и даже на суахили. Петь на идиш ему не разрешили. Сказали: «У нас евреев не так много». Он удивился: «А что, суахилийцев больше?»

Уильям Дюбуа, один из основателей панафриканизма, в Африке популярен, и мои собеседники, южноафриканцы, хотели знать о нем побольше.

Расспрашивали меня и о самой Лие. Поразились, когда я сказал, что она была дружна со Светланой Аллилуевой, дочерью Сталина, провожала ее, когда та уезжала из СССР. А та вывела Лию в своих воспоминаниях под именем Берта, назвав лучшим знатоком Африки.

Я не удержался и рассказал, как Лия когда-то позвонила мне и попросила приехать. Немедленно! Я вскочил в такси, примчался. На ней, что называется, лица не было.

— Мне только что звонила Светлана из Цюриха.

— ?!

— Была вне себя. Сказала, что не может дозвониться своим детям. Что боится худшего: не заплатились ли они за ее отъезд. И с яростью стала перечислять кремлевских руководителей: от них ведь всего можно ждать.

Тут я понял состояние Лии. Светлана-то была в Цюрихе, а она в Москве. За такой звонок в те годы...

Как ее успокоить? Пытался, как мог.

У Лии ведь эта нервотрепка легла на давние, постоянные осложнения из-за ее связей с иностранцами. Естественно, это не нравилось тем, кому поручено следить за иностранцами. Да и руководству института, в котором она работала, — зачем им эта головная боль.

О Светлане Аллилуевой слышали в ЮАР многие — и наши, и южноафриканцы. Кто-то читал ее воспоминания. Это еще больше усилило интерес к Лие Голден.

Я рассказал потом Лие об этих впечатлениях по поводу ее книги.

Родным, знакомым пахнуло на кейптаунских россиян от только что изданной книги Риммы Казаковой «Возлюби».

В один из моих приездов в Москву Римма подарила мне эту книгу, сказав: «Погляди ее. Ей-Богу, там я сказала то, что сейчас на душе».

Мы с Риммой учились вместе на истфаке Ленинградского университета. И остались друзьями на всю жизнь. Я верил ей. Верил тому, что она писала.

Моих кейптаунских россиян ее книга просто захватила. Им казалось, в ней — пульс новой московской жизни.

К 1990-м Римма давно уже была известным поэтом (слово «поэтесса» она не любила, как и Ахматова). Была секретарем Союза писателей Москвы. Но эта книга — не стихи. Это сборник заметок, которые она делала для себя, с 1990 г., а потом решила опубликовать. Ее отклики на быстротекущие события.

Меня привлекла первая же страница — воспоминания о нашей учебе: «Ведь когда я поступила на истфак, большинство преподавателей факультета были репрессированы как космополиты» <...> «То мы зубрили “Марксизм и вопросы языкознания” и “Экономические проблемы социализма в СССР”, то клеймили врачей-отравителей и еврейскую организацию “Джойнт”, перевозили избобличившую “убийц” Лидию Тимашук...».

«Помню, в пору кампании за приоритет России у нас на факультете ходил такой коротенький анекдот, издававшийся над тупым русофильством: два преподавателя спорят о русском приоритете в возникновении различных общественно-исторических формаций, и один, чуть не выдирая другому бороду, вопит, с пеной у рта: “Нет, родиной рабовладельческой формации была наша великая Россия!”».

Но моим собеседникам важнее было другое: оценка текущих событий. Римма писала: «Быстренько все перевернулось. Вчерашние нехристи из писателей считают первейшим долгом присутствовать при освящении церквей и различных церковных презентациях. Владыки, мучительно напоминающие партийных работников, учат паству, как учили недавно в академиях общественных наук, невольно усваивая популистские манеры политиков. Национал-патриоты твердят о собственности, о том, что только православие спасет Россию».

При этом она сама от Бога не отрекается. «Я человек, бесспорно, нерелигиозный, так уж воспитали. Но вряд ли можно сказать, что неверующий. Однако вера, как любовь, дело интимное. За верой в Бога — века, человеческие судьбы, страдание, поиск истины, смысла. Как культура не всегда сочетается с понятием образования, так и вера не обязательно определяется количеством поставленных свечей и выстоянных литургий...». «Не надо о Боге на всех перекрестках. Не надо к Богу, как недавно к коммунизму, — хором и в ногу».

Это настроение оказалось созвучно кейптаунским русским.

Очень понравились и стихи Риммы, на которые когда-то заместитель председателя КГБ Н. Захаров написал письмо в ЦК КПСС (Римма привела в книге текст этого доноса). Его возмутили такие слова:

...сможем без вождя.
Вожди, вожди —
Народец ненадежный.

Понравилось и: «русофобов, честно говоря, в глаза не видела на просторах русского Отечества». И «опять же ни одного сиониста за всю жизнь не видела... А вот антисемитов встречала сколько угодно».

И уже сами цитировали стихи Риммы, которую возмущало черносотенное общество «Память»:

А на указателе к могиле
Пастернака
выведено:
жид.

И — об отъезде немцев и евреев: «Или вот еще немцы и евреи уезжают. Как же мы это допускаем? Не гоните и не гонимы будете... Уедут наши немцы и наши евреи — ведь не отмоемся! Русское чувство пострадает. Оно никогда не было усеченным, узконационалистическим.

О, Господи, когда же мы от этой скверны избавимся! И разве можно любить Россию с помойкой уничижительного отношения к нерусским людям на душе?».

Уезжают русские евреи,
покидают отчий небосвод.

И кому-то, видно, душу греет
апокалипсический исход.

И вообще о национализме: «Пришла к выводу, что, хотя сейчас национальный принцип “в решении стержневых вопросов” — не годится он в качестве главного. И более того, он опасен! Люблю Россию, переживаю за наших “беженцев”, я, чистопородная российская патриотка, но увидела на стене какого-то дома надпись: “Россия — для русских!” и все во мне возмутилось».

Эти мысли оказались ой-как созвучны настроению кейптаунских российских эмигрантов.

Ну а мне было интересно вообще все, о чем она писала. Даже заметки о школьных годах нашего поколения. Кто из нынешней молодежи представит такое? «Когда мне было шестнадцать, я и не помышляла влюбиться, потому что существовало раздельное обучение, мальчиков — живых — мы, девочки, в глаза не видели и не знали, что это такое. Марсиане, инопланетяне... Наш класс заочно дружил с «подготоми» — курсантами подготовительного морского училища. Мы с ними весело переписывались, а когда они приходили раз в год к нам в школу на вечерушку с танцами, и они, и мы жались по стенкам: боялись друг друга и бдящих учителей».

Да и это кому-то из сверстников Риммы (и моих) всколыхнуло память. Вернувшись в Москву, я рассказал Римме о тутошнем интересе к ее книге.

Как жаль, что я пишу это, когда ее уже нет...

Невеселое собрание

Собрания нашего Русского клуба всегда всех нас радовали. Радостно было увидеться, посмотреть друг другу в глаза, обменяться мнениями и добрыми словами.

Но одно собрание, в апреле 1998-го, уже почти перед нашим отъездом из Кейптауна, оказалось для нас всех не столь радостным.

К татарской семье, которая уже два года жила в Кейптауне, приехал родственник. Прилетел накануне, еще толком не отоспался. Но на наше собрание его привели. Оказалось, он приехал, надеясь осмотреться: не переехать ли из Казани в Кейптаун, к родным.

К нам на собрание он принес книгу, только что изданную в Москве. Не просто принес — он ею перед нами размахивал. Ска-

зять, что он возмущался — значит, ничего не сказать. Просто весь кипел. Кричал:

— Если я колебался: уезжать или нет, то поглядев эту книгу, понял: Уезжать! Только одно — уезжать!

Название книги: «Казачий кулак против экспансии инородцев». Автор — Н.В. Гунькин. Московское издательство «Старая Басманная». Москва. Вышла в начале 1998-го. Тираж немалый — пять тысяч.

И стал — страницу за страницей читать нам вслух фразы, а то и целые абзацы. Они ошеломили всех.

Приведу цитаты. Много. Такие книги знать надо. Иначе не поймешь ярость таких, как этот парень. А понимать надо!

Вот, по порядку, от страницы к странице:

«Царская власть своей безмерно доброй в отношении инородцев политикой только взрастила из них врага». «Советская власть продолжила до полного маразма политику благодеяний в отношении националов». «Планируя расчленение России на “союз мелких государств”, общекиргизский народный совет...». «Чем скорее современное казачество откажется от демократических предрассудков, тем для него же будет и лучше». «Инородцы ни в коем случае не должны занимать ключевых постов». «Тотальную чистку бюрократического аппарата от нэруси». «Редкий год в Сибири не проходил без того, чтобы какие-нибудь засранцы не восстали против русских». «К настоящему времени туземная по-мойка настолько развонялась, что приходится брать лопату, дабы избавить Россию от ужасных миазмов интернациональной демократии». «Законный возврат земель бывшего Хивинского ханства в состав нынешней России есть одна из самых серьезных задач». «Ничтожные туземцы с их вислозадыми клячами». «Нынешние псевдогосударственные и государственные образования националов подлежат полному искоренению». «Недоверие должно стать главной особенностью русских в межнациональных делах, если они не желают выглядеть недотепами, которых нэрусь постоянно обманывает».

Все сидели подавленные, а он продолжал: «Сегодня в Республике Казахстан устроена над русскими настоящая судебно-прокурорско-милицейская расправа». «Разъезжает сегодня по за-границам кривоногий и плосколицый казах Назарбаев». «Те же

казахи приветствовали немцев возгласами: “Хайль, Гитлер!”, “Привет, фашист”. «Культура, каковой овладели казахи, есть культура русского народа, однако опоганенная, испохабленная, обблёванная и обоссанная назарбаевскими сродственниками».

Видя мое изумление и узнав, что я историк, выпалил:

— Хотите — берите ее. Мне эту мразь не жалко.

Я взял. Вечером сразу же стал читать.

Неловко мне воспроизводить эту терминологию, но она же вышла пятитысячным тиражом и не где-нибудь, а в центре нашей Белокаменной. И что тут сказать? Вспомнить Александра Блока: «Пламя ненависти клубится в душах».

Главная идея автора: надо восстановить Советский Союз. И указывает путь к этому:

«Выход заключается в блицкриге. Молниеносная война, без сомнения, окажется успешной, если применять максимум новейших военных технологий. Всё сметающий удар по войскам, скажем, Казахстана и немедленная его оккупация, а затем опора на местное русское население для контроля над территорией и с изоляцией, при необходимости, туземцев — вполне по силам России. Две-четыре республики, с которыми она, Россия, расправится, если и не приведут к покорности остальных, то полностью сломят их моральный дух. В такой ситуации довершение процесса территориального воссоздания страны не составит труда»¹⁵⁸.

Все эти цитаты взбесили не только того парня, а и всех нас. И тут кто-то вынул из портфеля журнал «Молодая гвардия», который только что привез из Москвы. Апрельский номер за 1994 г. И стал читать нам выдержки из статьи «Абсолютная идея нашего будущего». Вот в чем, оказалось, эта абсолютная идея: «Русские и чеченцы, русские и азербайджанцы, русские и грузины, русские и узбеки, русские и арабы, русские и негры — нации абсолютно некомплементарные [то есть несовместимые]. Это означает, что наши интересы всегда будут прямо противоположны, а любое приближение друг к другу на расстояние ближе пистолетного выстрела будет восприниматься как вызов».

Разве не перекликается с книгой Гунькина?

---

¹⁵⁸ Гунькин Н.В. Казачий кулак против экспансии инородцев. М.: Старая Басманная, 1998. С. 6, 19, 23, 38, 40, 92, 198, 222, 224, 240, 287, 289, 313, 317, 321, 327, 328, 332–333.

Все поголовно возмущались. Общим было: если такие «патриоты», как автор этой книги, возобладают, не избежать России третьего распада.

— Если такое выходит в Москве, неизбежно такое же должно появиться у «инородцев» в их республиках. Только с обратным знаком. Если их могут так поносить в московских изданиях, почему не ответить тем же?

— Если «Россия для русских», то неизбежно будет «Татарстан для татар», и дальше уже страшно подумать. Второй распад, в 1991-м, был все-таки, в отличие от первого в 1917-м, бескровным. А если страсти накалятся, как в этой книге?

— Сколько же разговоров о национальной идее! А идея-то, что тут гадать, куда уж проще: чтобы люди жили хорошо и свободно!

— Если Россия будет придумывать свою особую национальную идею, то и Украина — свою. Белоруссия и все другие республики Средней Азии, Кавказа — свои. Не столкнутся ли национальные идеи друг с другом?

Говорили, что начался наплыв в Россию из Молдавии, Украины, Средней Азии, с Кавказа.

— Понятно. Там жить сейчас еще труднее, чем в России. Но как же судьба-то их сложится? Примут? Или прогонять будут? Опыт-то есть. В России число немцев перевалило когда-то за два миллиона, евреев — почти за шесть. Где они теперь? Значит, не уютно им было. Для России нашей хорошо, что они уехали? А сколько было таких, кто радовался их отъезду! Вот и теперь — «кулак против экспансии инородцев».

Завершила споры такая тема:

— Вот мы любим говорить: своей историей надо гордиться. Кто-то даже сказал: историю надо знать, чтобы ею гордиться. Речь, конечно, о нашей истории. Но само-то слово «гордиться», такое уж оно удачное? Перекликается со словом «гордыня», а это и у православных — грех. И еще: гордиться, значит — перед кем-то. А перед кем? Русские перед украинцами? Для русских Мазепа был предатель, для украинцев — герой. И пошло-поехало.

И еще. Если уж ты хочешь гордиться тем, что делали твои предки, видишь себя их продолжателем, то как быть с грехами предков? Не могли же они делать только добро. Что они — святые?

Конечно, и неудачи, и провалы, и заблуждения. Да и преступления. Что ж, ты наследник только хорошего? Если наследник в одном, будь добр, неси ответ и за другое. И если помнишь одно, помни и другое. Или тебе об этом чужие напомнят.

— И если гордишься, не приведет это тебя к отторжению от других народов, к высокомерию, к противопоставлению им?

* * *

Нашлись среди нас, кто неплохо знал историю. Кто-то был школьным учителем. Да и другие: зря они, что ли, сживали часами в библиотеке нашего Центра.

Учитель из Саратова вспомнил слова Николая I о безусловном превосходстве России перед Западом: «Посмотришь, порассуждаешь и убедишься, что если там что и лучше, то у нас оно выкупается другим словом, что такое *несовершенство* во многом лучше их *совершенства*». А Бенкендорф, начальник Третьего отделения, шеф жандармов и вообще правая рука царя, считал, что «прошлое России удивительно, настоящее великолепно, а будущее замечательно». И это при крепостном праве!

Слово за слово, стали припоминать слова Александра III, что пока русский царь рыбу удит, Европа может подождать.

Ленин (полное собрание его сочинений у нас тоже было) писал родным из Мюнхена в 1900 г.: «...глупый народ — чехи и немчура». А потом о Женеве: «гнусная дыра». «Париж — дыра скверная». Сталин, по воспоминаниям Константина Симонова, говорил: «Иностранцы — засранцы». О выражениях Хрущева почти все помнили.

Приводили и более поздние высказывания.

Мне показалось, что очередь высказаться — за мной. Снял с полки воспоминания великого князя Александра Михайловича — они в нашем Центре были. Он был близок к Николаю II, женат на его сестре. В семье Романовых его называли «Сандро».

В молодости князь бывал здесь, в Кейптауне, и писал о кейптаунском офицерском клубе. В начале 1930-х издал воспоминания.

Я хотел проверить одно место, которое смутно помнил. О том, как воспитывали его поколение Романовых, а значит, и его сверстника, будущего императора. Что внушали им? Нашел и стал читать:

«Французы порицались за многочисленные вероломства Наполеона, шведы должны были расплачиваться за вред, причиненный России Карлом XII в царствование Петра Великого. Полякам нельзя было простить их смешного тщеславия. Англичане были всегда “коварным Альбионом”. Немцы были виноваты тем, что имели Бисмарка. Австрийцы несли ответственность за политику Франца-Иосифа, монарха, не сдержавшего ни одного из своих многочисленных обещаний, данных им России. Мои “враги” были повсюду. Официальное понимание патриотизма требовало, чтобы я поддерживал в своем сердце огонь “священной ненависти” против всех и вся».

Послышались комментарии:

— Так удивляться ли, что Николай II называл японцев макаками?

— Да что говорить, ведь даже Пушкин жаловался:

Бывало, что ни напишу,
Все для иных не Русью пахнет.

Книгу стали разглядывать, листать, стали вслух читать и такое место: «Мой законоучитель ежедневно рассказывал мне о страданиях Христа. Он портил мое детское воображение, и ему удалось добиться того, что я видел в каждом еврее убийцу и мучителя. Мои робкие попытки сослаться на Нагорную Проповедь с нетерпением отвергались: “Да, Христос заповедал нам любить наших врагов», — говаривал о. Георгий Титов, — но это не должно менять наши взгляды в отношении евреев”. Бедный о. Титов! Он неумело старался подражать князьям церкви, которые в течение восемнадцати веков проповедовали антисемитизм с высоты церковных кафедр. Католики, англиканцы, методисты, баптисты и другие вероисповедания одинаково способствовали насаждению религиозной нетерпимости, и равным образом антисемитское законодательство России почерпало главные свои основы из умонастроения высших иерархов православной церкви»¹⁵⁹.

Посыпались реплики:

— Удивляться ли, что Николай II ответил отказом, когда Витте, а за ним и Столыпин просили его решить, наконец, «еврейский вопрос»?

---

¹⁵⁹ Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. Paris: Lev, 1933. С. 91–92.

— А помните, у Окуджавы:

Пока от вранья не отвыкнем
традиции древней назло,
покуда не всхлипнем, не вскрикнем:
куда это нас занесло?!

— Да и у Владимира Соловьева: «Россия должна сознать грехи свои, покаяться, отказаться от национального самодовольства и национальной ненависти».

И общий вывод: это можно сказать о любом государстве — все этим грешны, так или иначе. Но нам бы не кивать на других, а о себе подумать. Тогда бы и оттока из страны было меньше, и с соседями жили бы спокойней.

Разговорились. Сидели долго.

Но все-таки успокоили разгорячившиеся страсти. Вытащили бутылки южноафриканского вина и ликера «Амарула». Прекрасное вино, которое когда-то возили Наполеону на остров Святой Елены.

Посетовали, что до России эти вина не доходят. Винили российскую бюрократию, неповоротливость бизнесменов. До середины 1994 г. товары ЮАР бойкотировались на мировых рынках. После краха политики апарtheid запреты сняли. И можно было закупить громадные партии по дешевке. Кое-кто из российских бизнесменов сообразил. Но... бесчисленные бюрократические барьеры, неразбериха. В общем, время упустили. А ведь эти вина — среди лучших в мире. Винодельческое искусство привезли на мыс Доброй Надежды еще в конце XVII в. французские гугеноты, бежавшие после Варфоломеевской ночи. И на южноафриканской почве их умение прижилось.

Так с бокалами этих вин мы и проводили тот вечер.

А я удивлялся и — еще больше — радовался неиссякающему интересу соотечественников к нашей общей культуре. И как близко они принимают к сердцу то, что волнует и меня!

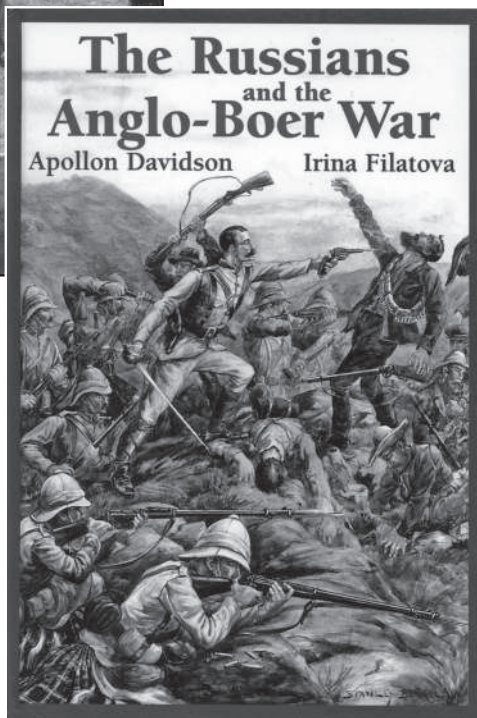

НАХОДКИ

Аполлон Давидсон
возлагает венок
на могилу Бориса
Штрольмана, российского
добровольца, погибшего
в Англо-бурской войне

Издана в ЮАР в 1998 г.

Вроде бы уж как далеко Юг Африки от России. И все-таки сколько же нашлось сведений о связях наших стран, сколько документов — и очень давних, и отнюдь не давних!

Расскажу о некоторых.

Когда тут слышали о нашей стране?

Мне давно хотелось дознаться: когда же слух о нас впервые дошел сюда, за много тысяч верст?

Оказалось — больше трех с половиной веков тому назад. Допетровское время, царствование Алексея Михайловича.

Голландская Ост-Индская компания в середине семнадцатого века основала на мысе Доброй Надежды заправочную станцию для кораблей на пути между Европой и Востоком. Первым начальником этой станции директорат Компании назначил человека по имени Йохан (Ян) ван Рибек (1618–1677). Ван Рибек прибыл на мыс Доброй Надежды 6 апреля 1652 г. Этот день и считается датой рождения Капской колонии (Колонии на мысе), которая, постоянно разрастаясь, дала начало нынешней Южно-Африканской Республике. А на месте станции или, как называли ее, «морской таверны» — на стыке океанов, Атлантического и Индийского — возник потом Капстад (Кейптаун).

И всего через пять месяцев, 13 сентября того же 1652 г., ван Рибек упомянул в своем дневнике слово «Московия»¹⁶⁰. В какой связи? Он писал, что жители «Московии» охотятся на тюленей и используют их жир в самых разных практических целях. Вероятно, он имел в виду поморов и тюленевый промысел северных рай-

---

¹⁶⁰ Journals of Jan van Riebeeck. Vol. I (1651–1655). Cape Town; Amsterdam: A.A. Balken, 1952. P. 58.

онов нашей страны. Тюленей в южноафриканских водах было много, и ван Рибек предлагал использовать их жир.

Спустя восемьдесят лет упоминания о России стали не редкостью среди европейцев на мысе Доброй Надежды. Дело в том, что в 1737 г. губернатором Капской колонии стал Хендрик Свелленгребель. Его отец Йоханнес Свелленгребель родился в Москве в 1671 г. и прожил в России большую часть жизни. Даже в «Южно-Африканском словаре национальных биографий» его называют «русский из Москвы». А дед переселился в Москву из Амстердама в 1643 г., занимался торговлей. В Москве и умер (в 1699-м), прожив тут больше пятидесяти лет¹⁶¹.

Конкретных сведений о том, что рассказывала о Московии кейптаунским друзьям семья Свелленгребелей, пока не найдено. Но рассказы, несомненно, были: слишком уж тесно связана с Россией история этой семьи.

* * *

А когда стали говорить о России черные южноафриканцы? Сколько-то широко — в 1850-х, в связи с Крымской войной. В середине 1850-х в народе *кóса*, крупнейшем народе Юга Африки, развернулось выступление против британского владычества. Тогда и донеслась весть, что какие-то *русские* убили губернатора Капской колонии генерала Кэткерта, который отправился на Крымскую войну.

«Noma Russia — это обычное имя... Жители этих мест, после того, как русские убили сэра Джорджа Кэткерта, стали давать своим любимым дочерям имя “Мать русских”. Кэткерта [...] считали самым ненавистным колониальным губернатором — за то, что он разгромил ама-кóса [самоназвание народа *кóса*]...». Так сказано об одном из самых трагических событий в истории африканцев Южной Африки в историческом романе южноафриканского писателя Зейкса Мда, изданном в 2000 г.¹⁶²

---

¹⁶¹ South African Dictionary of National Biography / ed. by E. Rosenthal. London: F. Warne, 1966. P. 369; Dictionary of South African Biography. Vol. II. Cape Town: Tafelberg, 1972. P. 726.

¹⁶² Zakes Mda. The Heart of Darkness. Oxford; New York: Oxford University Press, 2000. P. 70. Джордж Кэткерт — губернатор Капской колонии в 1852 г. Убит в 1854 г. в Крымской войне, в битве под Инкерманом.

А в «Оксфордской истории Южной Африки» читаем: «Слухи о Крымской войне проникли в страну кóса в 1854 г., и там стали поговаривать: “Русские такие же черные, как мы, и они придут помочь нам сбросить англичан в море”»¹⁶³.

Южноафриканский историк Джефри Пейрес резюмировал свидетельства тех времен: «Весть о гибели в сражении их бывшего губернатора распространилась среди кóса с такой скоростью, которую европейцам трудно представить. Кóса никогда не слышали о России. Еще меньше они могли понять причины Крымской войны. Они знали лишь, что какие-то таинственные «русские» убили сэра Джорджа Кэткерта и сдержали британскую армию. Кто это русские? Каким оружием они воюют? Какого они цвета? Колониальные власти отвечали, что русские — белые и что британцы побеждают. Но такие разъяснения встречали вежливое недоверие. Возник слух, что два поселенца, которые бежали на земли кóса, спасаясь от кредиторов, на самом деле беглецы из разгромленной британской армии. Постепенно поверили, что русские — не белые, а черные и даже, что это духи воинов кóса, которые пали в различных войнах против Капской колонии. После вести о гибели Кэткерта кóса месяцами следили с высоких холмов, не приближаются ли русские корабли»¹⁶⁴.

Может быть, этот слух и привел к тому, что еще через четверть века верховный правитель народа пондо (из группы народов кóса) послал 10 ноября 1886 г. письмо — «Царю. Санкт-Петербург. Россия» — с просьбой о защите от англичан и буров. Это письмо я нашел уже не в южноафриканских архивах, а в московском¹⁶⁵.

Наши путешественники не забыты

Воспоминания русских, побывавших на Юге Африки, у нас издавались. Я их читал, перечитывал, писал о них в своих книгах «Облик далекой страны» и «Зов дальних морей». Но легко ли было

¹⁶³ The Oxford History of South Africa. Oxford: Clarendon Press, 1969. P. 256–257.

¹⁶⁴ Peires J.B. The Dead will arise. Nongqawuse and the great Xhosa Cattle killing of 1856-7. Johannesburg: Ravan press, 1989. P. 72–73.

¹⁶⁵ Государственный Архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 677. Оп. 1. Д. 475. Л. 1–2.

представить, что какие-то из этих впечатлений дойдут до Южной Африки, будут там переведены на английский и опубликованы?

Но ведь — и перевели, и издали. К тому же в годы, когда все исходящее из нашей страны воспринималось властями ЮАР, мягко говоря, недружелюбно: в 1960-е.

Издали отдельной книгой ту часть книги Василия Михайловича Головнина о его плаваниях из Кронштадта до Камчатки, в которой он рассказывает о пребывании на Юге Африки в 1808—1809 гг.¹⁶⁶

Легко понять, чем впечатления Головнина заинтересовали читающую южноафриканскую публику. Корабль «Диана», которым командовал Головнин, стоял там 13 месяцев (его задержали из-за тогдашней войны между Россией и Британией). Головнин, человек очень наблюдательный, собрал богатый материал о том, что видел и слышал. И сведения о судоходстве в тех местах, и о нравах жителей, даже о рыночных ценах на все основные товары. Конечно, это должно было заинтересовать тех в ЮАР, кто хотел лучше знать свое прошлое. И каким оно виделось людям из далекой северной страны.

Книгу издало общество «Друзья Южно-Африканской библиотеки». И с подробными комментариями: ведь многое могло быть уже непонятно современному читателю.

А тремя годами раньше в четырех «Бюллетенях» той же библиотеки напечатали перевод очерков Ивана Гончарова¹⁶⁷. О Южной Африке он писал, еще не дав читателю ни «Обломова», ни «Обыкновенной истории». Он был там чуть больше месяца. Но удивляет — как много сумел заметить. И с какой любовью писал о ней. «Жаль было нам уезжать из Капской колонии... мы пригрелись к этому месту...». Так что не случайно кейптаунские книголюбы перевели его очерки.

Как хорошо, что в Южной Африке проявили такой интерес к русским впечатлениям об их стране. Может быть, неплохо бы и

¹⁶⁶ *Golovnin V.M. Detained in Simon's Bay. The Story of the Detention of the Imperial Russian Sloop «Diana» from April 1808 to May 1809. Cape Town: Friends of the South African Library, 1964.*

¹⁶⁷ *A Russian View of the Cape in 1853 / transl. by N.W. Wilson from I.A. Goncharov's «Fregat Pallada», with Additional Notes by D.H. Varley // Quarterly Bulletin of the South African Library. Vol. 45. No. 2–4; Vol. 16. No. 1. Cape Town, 1960–1961.*

нам в России издать их впечатления о нас? Их ведь немало, и многие по-настоящему интересны.

Русское имя в южноафриканской энциклопедии

Пяти томный энциклопедический «Словарь южноафриканских биографий». Тысячи страниц. Я внимательно листал страницу за страницей: интересно ведь, кто есть кто в истории Южной Африки, по мнению составителей такого фундаментального издания.

Чего я никак не мог ожидать — увидеть русское имя. И вдруг! Евгений Яковлевич Максимов — «бурский офицер и журналист»¹⁶⁸.

Нет, его не выдают за бура. В энциклопедии оказался из-за помощи бурам в Англо-бурской войне.

Подробно дана его биография. Родился в Царском Селе (указано, что теперь это город Пушкин). Перечислено, в каких российских полках служил, в каких войнах участвовал: в Русско-турецкой в 1877–1878-м, потом в Средней Азии, в войске Скобелева. Как поехал воевать на стороне греков против турок. Был журналистом в Персии и Афганистане...

Но больше всего — о том, что делал в Южной Африке. Сперва был рядовым бойцом, затем заместителем начальника Иностранного легиона — добровольцев, приехавших из Европы и Америки. Потом командовал Голландским корпусом (из Голландии, прародины буров, прибыло особенно много добровольцев). Его роль в сражениях оказалась столь важной, что несколько бурских отрядов избрали его генерал-майором (у буров была традиция избирать военачальников). Максимов стал почетным гостем на последнем заседании трансваальского фольксрада (парламента) перед тем, как англичане захватили Преторию, столицу Республики Трансвааль.

В Южной Африке Максимов пробыл недолго (с конца февраля до конца мая 1900 г.). Получив несколько ранений, вынужден был вернуться в Россию, и в Петербурге призывал собирать пожертвования для помощи бурам.

В «Словаре» дана ему такая оценка: «Максимов прославил свое имя как бесстрашный солдат. Как командир он установил же-

¹⁶⁸ Dictionary of South African biography. Vol. V. Pretoria: Human Sciences Research Council, 1987. P. 495–496.

лезную дисциплину, но был популярным лидером и бойцы его глубоко уважали».

Упомянули и о его судьбе после возвращения в Россию: пошел на войну с японцами и погиб под Мукденом.

Стоило включить в эту энциклопедию сведения и о других российских добровольцах той войны. Их, по разным подсчетам, было около двухсот. Среди них и Александр Иванович Гучков. Но Максимов, действительно, стал наиболее известен.

Увы, в 16-томной Советской исторической энциклопедии места Максиму не нашлось, хотя для истории России его имя, казалось бы, значимей, чем для истории Южной Африки.

...Для меня эта находка в южноафриканской энциклопедии оказалась не только поразительной, но и радостной. Сведения о Максимове я собирал много лет. Разыскал его сына, Александра Евгеньевича. В своей квартире на Васильевском острове он показал мне личный архив отца. Чего там только нет! Не только о войнах, где он сражался. Не только о странах, где он побывал.

Хотя бы его дуэль с князем Витгенштейном — самая громкая, бурно обсуждавшаяся в газетах дуэль в России на заре XX в. Я читал переписку между секундантами, составленные ими протоколы, материалы судебного разбирательства. И это не дуэли времен Пушкина и Лермонтова, о которых хорошо известно, а дуэль двадцатого века!

Этого авторы энциклопедии не могли знать, как и многих других фактов его насыщенной событиями жизни.

Но в Южной Африке помнят о той помощи, которую оказывали россияне бурам во время Англо-бурской войны: не только о Максимове, но и о других добровольцах. И о русских врачах и сестрах милосердия, которые лечили раненых¹⁶⁹.

Бур в Бутырке

Этот человек был в нашей стране в годы Гражданской войны — в качестве летчика — офицера британских войск, высадившихся в Архангельске для поддержки Белого движения, и, попав в плен к красным, оказался в московской тюрьме.

---

¹⁶⁹ The Russian Red Cross in the Anglo-Boer War, 1899–1902 / transl. by Ch. Moody // Historia. Pretoria, 1977. Vol. 22. No. 2. P. 112–129.

Его звали Кеннет фан дер Спай. Прошел Первую и Вторую мировые войны, дослужился до генерала. Выйдя в отставку, опубликовал объемистые воспоминания «В погоне за ветром»¹⁷⁰. Время пребывания в России, не такое уж долгое в его столетней жизни, считал столь важным, что посвятил этим полутора годам треть своих мемуаров. В книге есть главы о снаряжении военной экспедиции в Россию, о пребывании в Архангельске и на Северном фронте, о том, как попал в плен к большевикам. Есть и главы: «Москва и тюрьма», «Одиночная камера и госпиталь», «Бутырская тюрьма и освобождение». И множество фотографий.

Опубликовал он свои воспоминания в Кейптауне. Книга вышла небольшим тиражом и давно стала редкостью. Меня она поразила откровенностью автора и симпатией к нашей стране. Казалось бы, посидев в Бутырке, он вполне мог озлобиться. К тому же в 1966-м, когда книга выходила в свет, властями ЮАР отнюдь не приветствовались симпатии к нашей стране.

В первый же свой приезд в ЮАР в 1989-м я попытался навести о нем справки. Узнал, что он вышел в отставку после Второй мировой войны и поселился под Кейптауном на своей ферме Old Nectar (Старый Нектар). Занялся выращиванием роз и настолько этим увлекся, что его розы считаются самыми красивыми в Кейптауне. Книги фан дер Спая о розах получили признание далеко за пределами Южной Африки.

Но главное, что узнал: он жив. И хотя ему девяносто семь — в здравом уме.

Увы, в тот первый короткий приезд я не смог добраться до его фермы.

...Конец октября 1991-го. Меня пригласили читать лекции в Университет Стелленбоша. До фермы «Старый Нектар» на машине меньше получаса.

Но я опоздал на пять месяцев. Он умер в конце мая 1991-го, не дожив нескольких месяцев до столетнего юбилея.

Я познакомился с его вдовой Юной фан дер Спай. Она моложе его лет на тридцать, а то и больше. Вместе со мной она пожалела, что наша встреча не состоялась. И не только из-за его воспоминаний о России. Ведь он помнил Англо-бурскую войну. Когда она

---

¹⁷⁰ *Spy K.R van der. Chasing the wind. Cape Town: Books of Africa, 1966.*

завершилась, в 1902-м, ему было десять лет. Он хорошо знал историю своего народа, историю буров.

Мой интерес к судьбе ее мужа привел к тому, что Юна Спай сделала мне поистине царский подарок: его рукописный дневник с 24 апреля 1919-го до 6 апреля 1920 г. Со времени, когда он попал в плен к большевикам, до освобождения и отъезда из России. Я получил и машинописную расшифровку, которую сделала Юна, учтя трудный почерк мужа.

К этому главному подарку она присовокупила его фотографии разных лет, статьи о нем и его книги «Как выращивать розы в Южном полушарии» и «Старый Нектар» и розы».

Одна из статей, опубликованная в Южной Африке в конце 1987 г., озаглавлена «Старейший пилот во всем мире». Что ж, один из первых пилотов в Африке, он, весьма вероятно, оказался к 1987-му, когда ему было девяносто пять, старейшим из оставшихся в живых летчиков во всем мире. Во всяком случае, одним из старейших.

Его долголетию в немалой степени способствовала, конечно, ферма Old Nectar, одно из самых живописных мест Южной Африки. Усадьба, с великолепным старинным домом, прекрасным большим садом. И любящая, умная, образованная и даже в старости красивая жена.

...В Архангельск Кеннет фан дер Спай прибыл в 1918-м во главе группы английских и южноафриканских пилотов и техников одноместных самолетов Camel. Было ему 26 лет, но он уже имел богатый опыт в военных операциях в Африке и в Европе и дослужился до чина подполковника.

Первая запись в дневнике, который мне дала вдова, относится к 24 апреля 1919 г. Его Camel, с пулеметом и бомбами, потерпел аварию. Возле озера Воже (в дневнике Важа), к северу от Кириллова-Белозерского, двигатель отказал. Самолет удалось посадить, но при посадке он перевернулся. Выбираться из-под него пришлось полчаса.

26 апреля — после двух дней скитаний по лесу — фан дер Спая схватил патруль. Сказали, что отправят в Вологду. «Обращались хорошо, дали ту же еду, что себе: чай, черный хлеб и кашу».

8 мая — в Вологде. Большую часть пути — пешком, затем на поезде. «Первая хорошая еда за 14 дней». Сказали, что отправят в Москву, куда уже отправили нескольких пленных англичан.

10-го мая. Привезли в Москву. В гостиницу «Метрополь», где размещался Наркомат иностранных дел. И сразу же встреча с М.М. Литвиновым, который тогда был заместителем наркома. Литвинов намекнул, что фан дер Спая постараются обменять на Федора Раскольникова (который был в это время в Англии). После встречи с Литвиновым отвезли в Кремль, где уже содержались несколько пленных английских офицеров. И подвергли тщательному обыску: «первый раз за все время плена!».

В течение нескольких месяцев шесть английских офицеров (фан дер Спай был старшим по чину) держали под домашним арестом в Кремле, потом в помещении английского консульства. Несколько раз виделись с Литвиновым. Получали посылки от Британского и Голландского Красного Креста. Водили их даже на концерты Римского-Корсакова, Чайковского, Грига. Офицеры подписали обязательство не делать попыток к побегу, но подчеркнули, что обязательство действует лишь пока они под домашним арестом.

Но 28 июля Литвинов сказал фан дер Спаю и его товарищам, что они «находятся в недостаточно безопасном месте». Записывая это в дневнике, фан дер Спай не удержался от комментария: «В Советской Республике, кажется, никто никому не доверяет, и создается впечатление, что власти нет или она очень слаба».

В августе положение пленников ухудшилось. Режим содержания стал более строгим. Новых пленных — около сорока английских офицеров — отправляют уже в Бутырку. 22 августа туда же перевели и группу фан дер Спая. В книге воспоминаний: группа фан дер Спая протестовала против ухудшения режима содержания и против того, что других англичан отправили прямо в тюрьму. Пригрозили даже, что откажутся от обещания не совершать побега. На что Литвинов сказал: «Тогда пеняйте на себя: я не могу больше отвечать за то, что с вами произойдет!»

И началась жизнь в Бутырке. Фан дер Спай прошел через многие испытания, через которые проходили тогдашние обитатели этой тюрьмы. Сначала — камера, где теснились двести человек и откуда то и дело кого-то выводили на расстрел. Затем — камера на тридцать. И «одинокочка» — в его дневнике есть это русское слово, написанное английскими буквами. Курил махорку — это слово тоже вошло в его лексикон. Дошел до крайнего истощения. Однако не потерял чувства юмора: писал в дневнике, что не может понять, чем кормятся на их изможденных телах полчища клопов.

Но дневник его не только об этом. Он пишет о тюремном знакомстве с министрами царского правительства, со многими аристократами.

Конечно, положение офицеров английской армии в тюрьме было не столь ужасным, как у наших соотечественников. Время от времени им приходили посылки от Красного Креста. Иногда пу-
скали священника. Главное, они меньше опасались расстрела: все-
таки иностранцы. Большие надежды возлагали на Чичерина и
Литвинова. Ждали, что на кого-нибудь обменяют: доходили слухи,
что с английским правительством ведутся переговоры. Как-то им
в обычном жиденьком супе дали кусочек мяса (конины). Они уви-
дели в этом добрый знак.

В марте 1920-го их перевели из Бутырки в Андроньевский
монастырь и стали готовить к отправке в Англию через Финлян-
дию. Нарком Чичерин выразил надежду, что они «забудут дурные
впечатления о своем пребывании в Советской России».

Для этого в последние недели их водили на выставки, в му-
зеи, на концерты. 27 марта 1920-го — «Севильский цирюльник»,
28 марта — «Корневильские колокола», 30 марта — картинная га-
лерея, 31 марта — Большой театр, 1 апреля — Кремль. Алмазный
фонд, 4 апреля — балет «Копеллия».

Но это лишь отчасти смягчило их впечатления. Особенно
коробили плакаты на улицах Москвы: «Религия — опиум для на-
рода». «Бог — капиталист», «Сбросим ярмо религии». «Вы больше
не рабы — зачем же бить поклоны богу?».

Кое-что в воспоминаниях фан дер Спая нуждается в провер-
ке. Например, в книге он пишет о встречах и беседах с Шаляпиным,
генералом Поливановым, Феликсом Юсуповым, но в дневнике
упоминаний об этом нет.

Англия не встретила фан дер Спая и его товарищей как геро-
ев. Вернее, их вообще никто не встречал.

Но тюрьма, должно быть, истощила не все его жизненные силы.
Приехав в Лондон, он отметил: «...Моды изменились, пока мы счита-
ли мух в тюрьме, и мы увидели, что все женщины — молодые и ста-
рые — носят юбки выше колен — какое интригующее зрелище!».

А завершая мемуары о России, написал:

«Вспоминая, я не сожалею. Пожалуй, надо скорее считать
мою тюремную жизнь испытанием способности терпеть и умения

размышлять, а не проклинать те несчастные месяцы, которые я вынужден был потерять. Несомненно, что в тюрьме включились те части моего сознания, которые в привычной жизни не функционировали. У меня было время — много времени — подумать, поразмышлять и понять смысл тех ценностей в опыте человеческих отношений, о которых я прежде не задумывался. Я встретил много интересных людей, научился лучше распознавать помыслы человека, его реакцию на события, научился понимать его надежды. Истязания, страдания духа и тела, долгие черные дни и ночи лучше забыть. Да если они и вспоминаются, то сейчас уже не кажутся такими ужасными».

Интерес фан дер Спая к России передался его семье. Внук изучал русский язык. Вдова читала книги о России. Не раз приглашая меня с женой в «Старый Нектар», подробно расспрашивала о тутошней жизни. И в сентябре 1998-го исполнилась ее мечта: она побывала в России как турист.

Южноафриканцы — георгиевские кавалеры

История нашей Гражданской войны... Скажут: не хватало нам в ней еще и южноафриканцев!

Но факт фактом. Были. Участвовали. Воевали. Не только фан дер Спай.

В Йоханнесбурге мне дали «Список южноафриканцев, которые участвовали в Гражданской войне в России, 1918–1920 гг.» В нем 34 фамилии. 32 офицера и два сержанта.

Но и это еще не все. В.М. Биссет, директор Морского музея, автор двух статей «Роль Южной Африки в Гражданской войне в России» составил для меня «Дополнительный список южноафриканцев — участников российской гражданской войны». В нем еще семь имен. Но, вероятно, сказал Биссет, и этот список неполон.

Многие из этих людей привезли высокие награды России.

Капитан У.Г. Элбу — орден Св. Станислава, капитан Х. Бустид — орден Св. Владимира 2-й степени, майор К.М. Браун — ордена Св. Анны 2-й и 3-й степеней и орден Св. Владимира. Лейтенант Л.Р. Хейденрих — орден Св. Анны и Св. Станислава 4-й степени. Подполковник Х.Х. Дженкинс — орден Св. Анны 2-й степени. Лейтенант С.М. Кинкид — ордена Св. Анны, Св. Станислава и

Георгиевский крест. Сержант М. Мак-Коркиндейл — Георгиевский крест. Подполковник Д.М. Маклеод и капитан Н.Д. Норкатт — ордена Св. Анны 2-й степени. А подполковник К.Р. фан дер Спай — орден Св. Владимира и Георгиевский крест.

Где они заслужили эти ордена? На севере России, под Архангельском. На юге, за сотрудничество с Добровольческой армией Деникина. На Дальнем Востоке. В Сибири.

Южно-Африканский Союз был доминионом Британской империи, и эти офицеры и унтер-офицеры попали в Россию в составе британских войск, отправленных Антантой для поддержки Белого движения.

Все они — белые южноафриканцы. Буры или потомки выходцев из Великобритании (черные южноафриканцы тогда не могли быть ни офицерами, ни унтер-офицерами). Все прошли войну против немецких войск в Европе или в германских колониях в Африке.

Так что россияне участвовали в Англо-бурской войне, а южноафриканцы — в Гражданской войне в России.

Приемный сын Горького — посол де Голля

Листаю многотомное издание писем фельдмаршала Яна Сметса, который во время Второй мировой войны был премьер-министром Южно-Африканского Союза. В письме Сметса де Голлю от 15 сентября 1942 г. есть такая фраза: «Я очень высоко ценю полковника Пешкова. В его лице у Вас есть достойный и преданный офицер, чтобы представлять Вас в Южной Африке»¹⁷¹.

Полковник Пешков? О ком идет речь? Его настоящее имя Зиновий Свердлов. Брат Якова Свердлова, ближайшего сподвижника Ленина.

Фамилию Пешков он получил от своего старшего друга, Максима Горького. Зиновию Свердлову, еврею, не разрешалось жить в Москве. Поэтому Горький усыновил его и дал свою фамилию.

Во время Первой мировой войны Зиновий Пешков сражался на Западном фронте, во Франции, потерял руку, стал кавалером

---

¹⁷¹ To General C. de Gaulle 16 Sept. 1942 // Selections from the Smuts Papers. Vol. 6. London: Cambridge University Press, 1973. P. 387.

Почетного легиона. После войны остался во Франции, был офицером Иностранного легиона, подружился с де Голлем и в 1942–1943 гг. — представитель Сражающейся Франции в Южной Африке.

Де Голль опасался, что Петен и правительство Виши, согласившись капитулировать перед Гитлером, пойдут и на уступки Японии, дадут ей возможность обосноваться на Мадагаскаре. Вести переговоры в создавшейся сложной обстановке де Голль поручил Зиновию Пешкову.

Дружба Пешкова, уже генерала, продолжалась с де Голлем и после войны. Когда де Голль возглавил Францию, он поручил Пешкову вести самые ответственные переговоры с иностранными государствами. И в своих «Военных мемуарах» писал о Пешкове с уважением и теплотой.

Тут и их помнят?

«Южно-Африканский словарь национальных биографий»¹⁷² — это небольшая по формату книга. В отличие от 5-томника статьи тут очень короткие, иногда всего по несколько строчек. Но и здесь я нашел немало биографий выходцев из России, которые сыграли заметную роль в Южной Африке. Двадцать семь кратких биографий. Промышленники, ученые, журналисты, музыканты. Есть и «бурский военный лидер» времен Англо-бурской войны. Есть член парламента Южно-Африканского Союза, есть человек, которого четыре раза избирали мэром городского совета Кейптауна. Есть театральный режиссер. Есть и «южноафриканские финансисты».

Должно быть, немало из этих людей, а может, и все заслуживают, чтобы о них вспомнили и на родине, в России.

Хочу рассказать о двух из них. Я нашел биографии этих людей в этом словаре, заинтересовался и стал искать сведения.

* * *

После Гражданской войны на Юг Африки — один за другим — приехали два видных российских специалиста по горному делу.

¹⁷² Southern African Dictionary of National Biography. Compiled by Eric Rosenthal. London: Frederick Warne and Co., 1966.

В 1921 г. — статский советник Павел Евлампиевич Ковалев (1878–1950), уроженец Ярославля. Изучал горное дело в Петербурге, в 1912–1917 гг. был советником министра торговли и промышленности.

Обосновался в Южно-Африканском Союзе, но работал и в других странах Юга Африки. Пользовался авторитетом как специалист по проблемам производства платины, издал ряд научных трудов.

Свои статьи в *South publique Africaine mining and engineering journal* подписывал: «Бывший вице-директор горного департамента Российского правительства и заместитель профессора Петроградского горного института». Артур Конан Дойл, с которым Ковалев встречался в Йоханнесбурге в 1928 г., приписывал ему даже более высокие должности. «Я виделся недавно с интересным человеком, профессором Ковалевым, который был когда-то российским министром горного дела. Когда его изгнали [большевики], ему оказалось очень легко найти себе место в этом мире, поскольку он был одним из крупнейших специалистов по платине».

Конан Дойл, очевидно, после обсуждения с Ковалевым писал, что Урал намного богаче платиной, чем Южная Африка, что СССР может продавать платину по более дешевой цене, и если СССР так сделает, это создаст трудности для горной промышленности Южной Африки¹⁷³.

В Государственном архиве ЮАР есть протоколы встреч Ковалева с южноафриканским министром горнорудных ресурсов Ф.У. Бейерсом и исполняющим обязанности министра горнорудных ресурсов Фредериком Кресуэлом. Ковалев настаивал на советско-южноафриканском соглашении о добыче платины и о ценах на платину на мировом рынке. Больше того, когда из СССР для переговоров по этому вопросу приехал профессор Липовский, заявивший, что он — председатель Уральского отделения советского комитета геологии, Ковалев организовал ему 8 октября 1926 г. встречу с Кресуэлом. Кресуэл не пошел на соглашение с Советским Союзом, но в 1930 г., когда СССР предложил Германии продать ей большое количество платины, деловые круги Южной Африки встревожились¹⁷⁴.

---

¹⁷³ Doyle A. Conan. Our African Winter. London: John Murray, 2001. P. 113.

¹⁷⁴ South African State Archives. SAB. MNW. Vol. 823. Ref. MM 385/26. MM 829/30.

У Ковалева в течение ряда лет были тесные связи с советскими геологами. Его труды печатались в СССР в те годы, когда печатать эмигрантов было не принято. Но, вероятно, темы, о которых Ковалев писал, считались важными.

В 1929 г. Ковалев встречался с приехавшими в Преторию на Международный геологический конгресс известными советскими учеными: Н.М. Федоровским, директором Всесоюзного института минерального сырья, и Д.И. Мушкетовым, директором Института прикладной геофизики. В Москве издали книгу Ковалева «Месторождения медных руд Катанги и Северной Родезии» и ряд его статей¹⁷⁵. По некоторым сведениям, он получил приглашение приехать в СССР, но неизвестно, использовал ли он эту возможность.

Умер в Дурбане в 1950 г.

* * *

Судьба Павла Степановича Назарова (1877–1941) не менее интересна. Уроженец Оренбурга, он в Московском университете получил образование как горный инженер. Долго путешествовал по Сибири, потом обосновался в Ташкенте.

Еще в молодости работал на Памире. В районах Хивы и Самарканда изучал легендарные древнейшие рудники, где добывались серебро, золото, рубины. Его впечатления от этих раскопок публиковались не только в России, но и во Франции, Англии, Соединенных Штатах.

Во время Гражданской войны Назарова за отказ сотрудничать с большевиками посадили в тюрьму. Освобожденный белыми, бежал через Китай в Индию. Затем — Тибет, Кашмир, Ангола.

В Южно-Африканский Союз приехал в 1927 г. Оттуда — в Конго (Катангу). Опять в Анголу. В Северную Родезию (ныне Замбия).

Окончательно осел в Южно-Африканском Союзе в 1930 г. Вел геологическую разведку в различных областях Южной Африки.

¹⁷⁵ Ковалев П. Добыча осмистого иридия в Южной Африке // Минеральное сырье и его переработка. 1928. № 11–12; Он же. Платиновая промышленность Южной Африки // Минеральное сырье. 1930. № 5; Он же. Разработка платиноносных норитов в Рустенбургском округе Трансвааля и извлечение из них платиноидов // Минеральное сырье. 1930. № 11–12; Он же. Месторождения медных руд Катанги и Северной Родезии. М.: Институт прикладной минералогии, 1931.

В Йоханнесбурге писал воспоминания о своих странствиях по Центральной Азии. Их сразу же опубликовали в английском журнале *Black Magazine*, а в 1932-м — книгой «Гонимый сквозь Центральную Азию», и она стала бестселлером. В 1935 г. издал еще одну книгу «От Кашгара до Кашмира». В предисловии к ней Малькольм Бёрр написал, что «эрудиция, знания, натура спортсмена, наблюдательный взгляд, лукавый юмор и живое перо создали Павлу Степановичу Назарову широкий круг читателей не только в Великобритании, но и в заморских доминионах — всюду, где лучшие мужские качества признаются и ценятся».

По словам Назарова, впервые — еще мальчиком — он узнал о Южной Африке из романа Жюль Верна «Приключения трех русских и трех англичан в Южной Африке». А в ожидании расстрела в Ташкенте читал другой роман Жюль Верна¹⁷⁶.

«Повествования Назарова, — говорил английский писатель Джон Пристли, — читаются как нечто между впечатлениями Марко Поло и «Арабскими ночами», и каждое слово — правда»¹⁷⁷.

Умер Назаров в мае 1941 г. в Йоханнесбурге.

* * *

Интерес к судьбе Ковалева и Назарова привел меня к тому, что я нашел их российских предшественников в южноафриканском горном деле. Нашел уже не в ЮАР, а в российских архивах.

Задолго до их приезда, еще в конце XIX в., правительство России отправляло в Трансвааль русских горных инженеров. Зачем? Чтобы набираться опыта для развития горного дела на Урале и в Сибири.

В Санкт-Петербурге в Центральном историческом архиве, я нашел документ: «С Высочайшего соизволения, последовавшего во 2-ой день ноября 1890 года, Горный Инженер Коллежский Советник Китаев был командирован в Южную Африку, сроком на 8 месяцев, с целью изучения механических и химических способов разработки золотоносных месторождений, а также для собрания

¹⁷⁶ *Burr Malcolm*. Introduction // Nazarov P.S. Moved on! From Kashgar to Kashmir. London: George Allen and Unwin, 1935. P. II–III; *Rosenthal E.* Shovel and Sieve. London: George Allen and Unwin, [n.d.]. P. 75–76; *Burr Malcolm*. A Fossicker in Angola. London: Figurehead, 1933. P. 26.

¹⁷⁷ *Rosenthal E.* Shovel and Sieve... P. 82.

сведений о действующих в Южно-Африканской республике¹⁷⁸ узаконениях, регламентах и инструкциях, касающихся горного дела, с выдачею единовременно на путевые издержки 1500 руб. и с назначением в заграничное содержание, сверх получаемого им внутреннего содержания по должности Управляющего Уральским горным училищем по 500 руб. в месяц»¹⁷⁹.

30 сентября 1897 г. горный инженер Вячеслав Степанович Реутовский, исполнявший тогда обязанности помощника начальника Томского горного управления, послал в Санкт-Петербург — в Горный департамент Министерства земледелия и государственных имуществ Российской империи — свои соображения, главным из которых было следующее: «Геологическое строение Кельбесской системы Томского горного округа не только таково, что оно напоминает Трансвааль, но этой системе свойственны, по видимому, те же конгломераты, которые по пробам, произведенным в Томской золотосплавочной лаборатории, оказались и золотосодержащими».

А раз так — Россия должна изучать геологию Южной Африки. Реутовский писал, что «целью путешествий русских инженеров в Африку и Австралию до сих пор было ознакомление преимущественно с техникой золотоносных стран. Поэтому и результат этих путешествий выразился, главным образом, в описании различного рода технических приспособлений, устройств, орудий и машин, применяемых в золоторудном деле». Но, как он считал, «собственно интересам практической геологии в указанных трудах мало уделялось места».

Доводы Реутовского признали убедительными. Появился другой документ: «О командировании горного инженера статского советника Реутовского в Африку и Австралию для изучения золотопромышленного дела».

«Командировать в Африку и Австралию сроком на восемь месяцев чиновника особых поручений Томского горного управления, горного инженера статского советника Реутовского с целью изучения условий тамошней золотопромышленности как в геоло-

¹⁷⁸ Так официально назывался Трансвааль.

¹⁷⁹ Центральный Государственный Исторический Архив (далее — ЦГИА). Ф. 37Б. Оп. 44. Д. 841. Л. 10.

гическом, так и техническом отношении, с выдачей двух тысяч рублей на путевые издержки и с назначением по 500 рублей в месяц в заграничное содержание, сверх получаемого им по должности».

И резолюция: «На подлинном рукою министра земледелия и государственных имуществ написано: “Высочайшее соизволение последовало в Царском Селе 27 октября 1897 г.”». Министр А. Ермолов подписал предложение о командировании Реутовского 27 октября 1897 г. «Высочайшее соизволение» последовало в тот же день.

Реутовский так объяснил значение своей командировки:

«Наблюдаемое за последнее время уменьшение добычи золота на Урале и в Сибири находится, между прочим, в зависимости от того, что наши золотопромышленники до сих пор мало пользовались геологическими данными при разведках и разработке золотоносных месторождений. Поэтому в настоящее время, когда практика золотопромышленности начинает повсюду опираться на эти данные, представляется своевременным дать русским горным инженерам возможность изучить весьма интересные месторождения золота в кварцевых конгломератах в Трансваале (Африка) и в кварцевых жилах в Виктории (Австралия). Инженеры эти могли бы затем ознакомлять лиц, занимающихся у нас золотопромышленностью, с практическими указаниями в целях правильной и экономичной разведки и разработки рудных месторождений золота»¹⁸⁰.

Были ли результаты?

Были. Прежде всего, оказалось, что южноафриканский опыт, если и не полностью, то частично, можно было применить в Сибири и на Урале. В отчете, отправленном Реутовским из Кейптауна 29 января/10 февраля 1898 г., говорилось:

«Считаю первую половину своей задачи исполненной: виденное мною в Трансваале не только интересно само по себе, но интересно и в том отношении, что кое-что из виденного может быть применено с большой пользой и у нас. Процесс обработки золотых руд цианистым калием в таком виде, в каком он применяется теперь в Южной Африке, — один из новых. Вместе с процессом Siemens & Halske он составляет такой прием, которым легко обрабатывать наши отвалы, образующие горы на золотых приис-

---

¹⁸⁰ ЦГИА. Ф. 37. Оп. 57. Д. 956. Л. 7–8.

ках, не говоря уже о том, что эти способы делают почти излишним применение дорогостоящей обработки хлоринацией».

Реутовский ознакомился с добычей не только золота в Трансваале, но и алмазов в Капской колонии на крупнейших в мире его разработках — в Кимберли. «По пути осмотрены мною знаменитые месторождения алмазов в Кимберли, — писал он. — Это не только оригинальные, но и единственные месторождения этого драгоценного камня в коренной породе: все до сих пор известные месторождения (Индии, Бразилии, Борнео, Австралии и Урала) есть месторождения наносные...

Способы добычи алмазов и их получение из пород не менее характерны: здесь впервые пришлось увидеть «алмазные поля» — это громадные, в несколько верст длиною, пространства, на которых расставляется порода для разрыхления, что совершается в продолжении 6–8 и даже 12 месяцев. Твердые сорта породы при обработке подвергаются дроблению, не боясь раздробить алмазов, так как пользуются в этом отношении свойствами пород дробиться по плоскостям не алмазов, а других более мягких элементов».

По возвращении Реутовского в Россию его подробный «Отчет о командировке в Африку и Австралию» печатался по указанию министра земледелия и государственных имуществ в нескольких номерах «Вестника золотопромышленности», а затем вышел отдельным изданием. А сам Реутовский был назначен управляющим Томской золотосплавочной лабораторией¹⁸¹.

***

Правительство Российской империи не ограничилось командированием русских инженеров в Южную Африку. Оно несколько раз приглашало в Россию Джона Хэммонда, который считался одним из крупнейших в мире экспертов горного дела. Хэммонд был американцем, но приобрел известность работой в горнорудных компаниях Сесилия Родса.

В 1898 г. он провел несколько месяцев в России: его пригласили проанализировать горнорудный потенциал России и возможности его использования. Пригласил его Сергей Юльевич Витте, в то время министр финансов, известный своими попытками модернизировать экономическую жизнь Российской империи.

¹⁸¹ Там же. Л. 35, 36 и оборот.

Хэммонд проехал по Сибири, был на Алтае, на Енисее. Впечатления о тогдашней России и о возможностях развития в этой стране горного дела занимают немало места в его воспоминаниях.

После этого визита Хэммонд посетил Россию снова в 1910 г., по приглашению Коковцова, преемника Витте на посту министра финансов. С ним вели переговоры премьер-министр Столыпин, министр иностранных дел Сазонов, министры торговли и сельского хозяйства Тимашев и Кривошеин. С Хэммондом обсуждались уже не только горнорудные дела, но и вопрос о привлечении западных капиталов в экономику России: Хэммонд к этому времени стал влиятелен в деловых кругах США и Великобритании. Принимал Хэммонда и Николай II. Император спросил, почему Америка недостаточно симпатизирует России: это проявилось даже во время русско-японской войны. Хэммонд, среди прочих причин, сослался на черносотенство и антисемитизм¹⁸².

Главный вывод Хэммонда стоит вспомнить и сегодня: природные ресурсы России, «поразительно привлекательны для инвестиций». Но привлечению иностранного капитала препятствуют две помехи: «русское законодательство не благоприятствует инвестициям» и «русская бюрократия контролирует все стороны русской экономической жизни»¹⁸³.

Ковалев и Назаров не могли не знать обо всем, что предшествовало их приезду в Южную Африку. И наверняка обсуждали с местными специалистами горнорудного дела, да, не исключено, и с высокопоставленными чиновниками. Услышать бы их суждения...

Совсем уж нежданная находка

«Я спал под звездным небом Украины и слушал прибой на берегу Черного моря. В моей памяти слились, неразрывно сплелись в единое целое украинские песни и сказки и те небывлицы, что я слышал от друзей отца, ремесленников из среднерусских губерний, приезжавших к нам каждое лето»¹⁸⁴.

¹⁸² *Hammond John Hays. The Autobiography. Vol. 2. New York: Farrar and Rinehart, 1935. P. 464–471.*

¹⁸³ *Ibid. P. 461.*

¹⁸⁴ *Parvus. Im Kampf um die Wahrheit. Berlin: Verlag für Sozialwissenschaft, 1918. S. 4–5.*

Такие восторги — разве это редкость? И, может быть, не стоило бы их тут приводить. Но дело в том, от кого они исходили.

Этот человек провел детство и юность на Украине, в небогатой семье. В девятнадцать лет впервые уехал из Одессы за границу, и потом почти вся его жизнь прошла в Германии, Швейцарии, Дании, Турции, Болгарии. Считается, что именно он, договорившись с правительством кайзеровской Германии, организовал в 1917-м возвращение в Россию большевиков во главе с Лениным.

Предсказал войну России с Японией и первую русскую революцию. Пылко участвовал в событиях 1905 г. Писал марксистские теоретические статьи. Знал всех вождей российской и немецкой социал-демократии и со многими был в дружбе. Сотрудничал в ленинской «Искре». Пользовался уважением и в РСДРП, и у германских социал-демократов. В разные годы жизни был близко знаком с Лениным, Троцким, Горьким, с Вильгельмом и Карлом Либкнехтами, Розой Люксембург, Кларой Цеткин, Бебелем, Каутским, Бернштейном. Но почти с каждым, кроме Шейдемана и Эберта, отношения испортились. А с Максимом Горьким была долгая тяжба из-за денег. И имя этого человека уже стало связываться с денежными аферами. Его считали обладателем крупных богатств.

Казалось бы, мог забыть об Украине, об Одессе, где прошли детство и юность. А поди ж ты, за несколько лет до смерти написал и такое.

Услышал я об этом человеке совсем неожиданно.

...Айда Купер — сотрудница Кейптаунского университета по работе с иностранными учеными. Этой ее профессии я и обязан знакомством с нею. В качестве профессора, приглашенного из Москвы, я, естественно, время от времени обращался к ней с самыми разными вопросами. Но однажды она сама задала мне вопрос:

— Скажите, Вам говорит что-нибудь имя Парвус?

Услышать о Парвусе в Кейптауне, за тысячи и тысячи километров от мест, которые хоть как-то связаны с его именем! Но продолжение оказалось еще удивительней.

— Вам, конечно, мой вопрос показался странным. Дело в том, что у меня хранится часть его личного архива.

— ?!

— Если хотите, я Вам как-нибудь покажу.

В первый же свободный вечер я отправился к Айде. Она положила передо мной коробку.

— Вот его письма, паспорт, фотографии. Вот орден его сына. Смотрите. Но можно я расспрошу Вас? У меня ведь сведения о нем односторонние. А Вы историк.

Я удивился. У нее — письма Парвуса. И она еще о нем спрашивает. Может быть, просто хочет проверить, чего стоят знания иностранного ученого.

Она, вероятно, поняла мои мысли. Улыбнулась.

— Конечно, я знаю, он был близок с Лениным и с Троцким. Злой гений Ленина — так, кажется, о нем писал Солженицын?

В ответ я рассказал Айде Купер, что встречал сына Парвуса от его первого брака — Евгения Александровича Гнедина. Виделся с ним у моего учителя и старшего друга Николая Александровича Ерофеева, который его хорошо знал: в первой половине тридцатых они вместе работали в газете «Известия».

И все же я знал о Парвусе мало. Никогда им особенно не интересовался. Да в советской литературе и трудно было что-нибудь найти: о нем не принято было писать. Знал, разумеется, что Парвус — псевдоним Александра Гельфанда. Что в различных упоминаниях ему давали разное отчество: Лазаревич, Израилевич, Львович. Что в 1904 г. Троцкий жил у Парвуса в Мюнхене, а когда наступил 1905-й, оба они с фальшивыми паспортами приехали в Петербург, считая, что сбываются их революционные прогнозы. Стали издавать газету. Потом Троцкого арестовали. Парвус занял его место председателя первого Совета рабочих депутатов, ставшего подпольным. Потом — арест, суд, Туруханск, побег, Германия.

Новый прогноз Парвуса: через несколько лет в Европе начнется война, и она приведет к распаду «капиталистических структур». Со всей силой своего несомненного таланта Парвус обличал капитализм и предрекал ему гибель. И вместе с тем мечтал разбогатеть. Его разносторонняя одаренность в сочетании с аферами в денежных делах за короткое время сделали его миллионером. От него отвернулись и российские, и левые германские социал-демократы.

В ответ Айда поведала:

Через несколько лет после окончания Второй мировой войны в Кейптауне поселилась возлюбленная Парвуса, эмигрантка из Германии — Мария Шиллингер. Со временем она сдружилась с се-

мьей Айды Купер, ей предложили жить у них в доме. Состарившись, стала немощной, ее возили в коляске. Умерла в 1970-х.

Мария рассказывала Айде, что Парвус ценил ее молчаливость, и поэтому она присутствовала на многих его встречах. С Лениным, Троцким...

Мария любила его, считала единственным мужчиной своей жизни, несмотря на его цинизм, на большую разницу в возрасте (по ее словам — тридцать лет), на то, что он не захотел на ней жениться. Она была немецкой дворянкой, он — эмигрант из России, еврей. Должно быть, у этого «слона с головой Сократа», как называли его, весившего почти полтора ста килограммов, было обаяние, привлекавшее женщин.

У Марии от него два сына. Но поскольку она не была с ним в законном браке, сыновья носили ее фамилию. В Кейптаун с ней приехал только один из них, Александр. Но поселился отдельно, и вообще отношения у них были натянутые. Отца он ненавидел за то, что тот сделал его незаконнорожденным.

С этим сыном семья Айды Купер после смерти Марии не поддерживала отношений. Считала, что теперь его уже нет в живых.

О втором сыне Айда знала еще меньше. У Марии Шиллингер был его американский орден «Пурпурное сердце». И удостоверение от 11 сентября 1945 г.: награжден пехотинец армии США, рядовой первого класса Ганс Шиллингер «за ранения, полученные от вражеских действий на море 9 июня 1944 года».

Орден был прислан Марии Шиллингер в Кейптаун, много лет спустя после Второй мировой войны и без каких-либо сопроводительных писем.

В Кейптауне Ганс вроде бы никогда не был, и о письмах от него Айда Купер никогда от Марии Шиллингер не слышала.

К сожалению, Айда мало что могла рассказать: очень уж давно все это было, и в памяти почти все стерлось. Да и Мария, должно быть, очень скупое рассказывала. Не случайно же Парвус ценил в ней молчаливость.

После смерти Марии Шиллингер у Куперов остались письма Парвуса к ней из его бесчисленных поездок. Большинство из них датировано 1916 и 1917 гг. Создается впечатление, что тогда они жили вместе, под одной крышей. Остался и медальон с фотографией Парвуса, несколько его фотографий, его заграничный пас-

порт. По словам Айды, был и большой портрет Парвуса, но после смерти Марии они отдали портрет Александру. Сохранилось и множество кейптаунских фотографий Марии.

...Когда я уезжал из Кейптауна, Айда принесла мне письма, паспорт, фотографии, медальон, орден. Сказала:

— Может, Вы когда-нибудь об этом напишете.

Отдала и книгу «Купец революции»¹⁸⁵, которая хранилась у Марии Шиллингер. Не уверен, что у Айды, загруженной университетской работой с утра до вечера, было время прочитать этот объемистый, не очень увлекательно написанный труд. Как я потом выяснил, почти сразу же он был издан с небольшими изменениями на английском языке¹⁸⁶, а в 1991-м — и на русском, правда, не в России, а в Нью-Йорке¹⁸⁷.

После выхода книги Солженицына «Ленин в Цюрихе» многие утверждали, что именно этот труд З. Земана и В. Шарлау стал для него главным источником сведений о Парвусе. В подробном разборе книги «Ленин в Цюрихе» Борис Суварин писал, что Солженицын под влиянием Земана и Шарлау «представляет Парвуса “отцом первой революции” и вкладывает в его уста совершенно вздорные слова, например, о японских деньгах, якобы полученных большевиками и будто бы вызвавших бунт моряков на “Потемкине”. Или, например, что Япония финансировала иностранных сепаратистов и помогала социал-революционерам издавать в Нагасаки газету «Воля»... Оба автора, на чьи произведения опирается Солженицын, не сумели избежать обычную ошибку биографов, ставивших героя в центр событий своего времени. Они сильно преувеличили значение Парвуса, делая его чуть ли не главным действующим лицом революции 1905 года»¹⁸⁸... «Солженицыну не повезло — он черпал информацию из столь мутного источника... Поэтому с изумлением читаешь в книге “Ленин в

¹⁸⁵ Scharlau W.B., Zeman Z.A. Freibenter der Revolution. Eine Politische Biographie. Köln: Verlag Wissenschaft und Politik, 1964.

¹⁸⁶ Zeman Z., Scharlau W.B. The Merchant of Revolution. London: Oxford University Press, 1965.

¹⁸⁷ Земан З., Шарлау В. Парвус — купец революции. Нью-Йорк: Телекс, 1991.

¹⁸⁸ Суварин Б. Солженицын и Ленин. «Ленин в Цюрихе» с исторической точки зрения // Время и мы. Тель-Авив, 1977. № 2. С. 135.

Цюрихе” воображаемые разговоры Ленина с Парвусом на совершенно невообразимые темы»¹⁸⁹.

Не знаю, справедлива ли такая суровая критика. Но меня тогда больше заинтересовали не споры о роли Парвуса в истории, не вопрос о достоверности книг Земана и Шарлау и тем более Солженицына, а конкретные ниточки, которые вели к той информации, что я получил на Юге Африки.

Естественно, интересно было узнать, что там сказано о женщине, кончившей свои дни в Кейптауне. Оказалось, лишь один абзац:

«Гельфанд даже попытался устроить свою личную жизнь. Он поселился вместе с г-жой Марией Шиллингер. Их сын — это уже был третий ребенок Гельфанда, — родившийся в середине 1917 года, получил фамилию матери и имя отца. Гельфанд всегда с гордостью говорил о своем сыне, поскольку видел в нем гарантию продолжения рода и семейных традиций. Как и другие дети Гельфанда, Александр Шиллингер бесследно исчез в бурном водовороте истории, захлестнувшем Европу в последующие годы»¹⁹⁰.

Значит, авторы единственной биографии Парвуса знали об этом меньше, чем Айда Купер. О Гансе даже не слыхали.

Вернувшись в Москву, я стал листать книгу Евгения Александровича Гнедина, старшего сына Парвуса. Когда-то, во время встреч с ним у Ерофеева, я слушал его рассказы о работе в «Известиях», в Наркоминделе, о тюремно-ссылном периоде его жизни (с 1939 по 1955 г.), когда его допрашивал Берия, а избивал начальник Особой следственной части НКВД Кобулов. Еще больше мы говорили о статьях, которые Гнедин, каким-то чудом оставшись в живых, публиковал в «Новом мире»¹⁹¹.

Он отца не знал, видел его в последний раз в четырехлетнем возрасте, когда мать, разойдясь с Парвусом, вернулась из Германии в Россию и поселилась в Одессе. Фамилию «Гнедин» он взял, будучи уже взрослым.

¹⁸⁹ Там же. С. 145.

¹⁹⁰ Земан З., Шарлау В. Указ. соч. С. 229–230.

¹⁹¹ Гнедин Е. Судьба европейского наследства // Новый мир. 1964. № 1; Гнедин Е. Бюрократия Двадцатого века // Новый мир. 1966. № 3; Гнедин Е. Утраченные иллюзии и обретенные надежды // Новый мир. 1970. № 10. (Его статьи выходили и позже, уже после смерти автора: Гнедин Е. Себя не потерять // Новый мир. 1988. № 7.)

В мемуарах Гнедина «Катастрофа и второе рождение» я раньше мало обращал внимания на первую часть: «Дело о наследстве Парвуса». Теперь прочитал ее внимательно. И нашел, что искал. Гнедин, оказывается, встречался с Марией Шиллингер.

Парвус скончался от сердечного приступа 12 декабря 1924 г. Было ему пятьдесят семь лет. Слух о его несметных богатствах не оправдался. Но все же он оставил пароходство, издательство, научный институт и научную библиотеку, виллу под Берлином, участок земли в Швейцарии и, разумеется, автомобиль.

Сразу же выяснилось, что детей — от разных женщин — у него было немало. Но наследниками признали лишь его стенографистку, которая добилась оформления брака с ним, уже когда он был близок к уходу в лучший мир, а также ее шестилетнюю дочь и сына от первого брака — Гнедина. Гнедин получил три восьмых наследства и отдал Советскому государству. Официальная вдова ему не понравилась, хотя бы уже тем, что вскоре после кончины мужа она лихо отплясывала в ресторане (кстати, с одним из незаконных сыновей Парвуса).

А вот как через несколько десятилетий Гнедин вспоминал о Марии.

«Я встретился и с другой женщиной, с которой Парвус был близок довольно долго. Фрау Шиллингер (я сейчас внезапно вспомнил ее фамилию, кажется, точно) была экономкой в доме Парвуса во время войны, в частности в Копенгагене, в годы его особенно успешных финансовых операций. У нее было два сына от Парвуса, еще два моих сводных брата. Эта уже не очень молодая немка с приятным лицом вызвала во мне большую симпатию, нежели законная вдова. Она производила впечатление неглупой, милой и какой-то уютной женщины. Я нашел в ней смутное чисто внешнее сходство с моей матерью, и мне подумалось, что мой отец должен был это заметить. В то время как с вдовой мне не о чем было говорить, с фрау Шиллингер мы охотно разговаривали. Она сдержанно упомянула о своем материальном положении, которое вряд ли было устойчивым. Можно было с уверенностью сказать, что она не посещает ночные рестораны. Я тут же подумал, что по справедливости следовало бы ей выделить какие-либо средства, если оправдаются предположения, что Парвус оставил миллионное богатство.

Два сына фрау Шиллингер — тоже мои сводные братья — не вызвали у меня никаких эмоций, ни положительных, ни отрицательных. С этими двумя немецкими мальчиками у меня явно не было ничего общего. Их дальнейшая судьба мне неизвестна¹⁹².

Конечно, в чем-то память изменила Гнедину. А может, просто его тогдашние впечатления оказались нечеткими из-за своей мимолетности. Если Мария Шиллингер и была «не очень молодая», то только его тогдашними глазами. Ему было двадцать пять. Ей — если и больше, то лишь чуть-чуть. Айде Купер она говорила, что Парвус умер, когда ей было около тридцати. И она вряд ли играла роль «экономки».

...Наше уходящее столетие видело много ярких авантюристов. Парвус, несомненно, один из них. Этот выходец из Одессы не был отягощен моральными принципами. Но Казанова ими тоже не блистал, и тем не менее его не вычеркнули из XVIII в.

Письма Парвуса проплыли с Марией Шиллингер полмира, чтобы оказаться на юге Черного материка. Теперь они проделали со мной обратный путь, перелетев из Кейптауна на родину того, кто их писал.

Винфред Шарлау и Збигнев Земан горько жаловались на скудость документальных свидетельств:

«После смерти Гельфанда его сын вместе со своими друзьями устроил в его шваненвердерском доме настоящий обыск. Они искали политические документы, но не нашли ничего. Вполне вероятно, что перед смертью Гельфанд уничтожил все документы. Лишь после последней войны¹⁹³ в Берлине было найдено небольшое собрание его деловых бумаг. Значительное число документов должно было также находиться в Копенгагене, но у молодого английского ученого, работавшего недавно в архивах датской столицы, сложилось впечатление, что и здесь была проведена целенаправленная операция по их уничтожению. Эти факты несомненно свидетельствуют о том, что Гельфанд стремился сохранить в тайне все обстоятельства своей жизни и своевременно “замести следы”»¹⁹⁴.

¹⁹² Гнедин Е. Катастрофа и второе рождение. Мемуарные записки. Амстердам: Фонд им. Герцена, 1977. С. 57–58.

¹⁹³ Речь идет о Второй мировой войне.

¹⁹⁴ Земан З., Шарлау В. Указ. соч. С. 9.

Перед смертью, считали эти авторы, «ему оставалось сделать еще две вещи. Во-первых, жениться на своей секретарше — молоденькой баварской девушке, которая впоследствии предпочитала не вспоминать об этом кратком эпизоде в своей жизни. И, во-вторых, позаботиться об уничтожении своих частных бумаг: похоже, что их пепел был развеян по шваненвердерскому саду»¹⁹⁵.

Письма, найденные в Кейптауне, при такой общей скудости документов, могут помочь понять этого человека, те бурные страсти, которые кипели в нем самом и вокруг него. Он писал о своих разъездах, о людях, с которыми встречался.

Ряд писем относится к особенно интересному периоду: 1916 и 1917-й гг. Но работа над ними требует больших усилий. Они носят очень личный характер, и упоминания событий общественно-политического характера даются вскользь. Очень лаконично. «Любимой Марии» не надо было объяснять. Но теперь, почти через сто лет, разобраться трудно.

По словам Гнедина, он все же нашел тогда, сразу после смерти отца, какие-то документы, привез в Москву и сдал в Институт Ленина.

А сколько разведок следили за Парвусом во всех странах, где он бывал! В Германии... В России — и до и после революции... Где-то ведь все это таится. А о таинственной судьбе его сына Ганса разве ничего не знают американские архивы?

Да и сами письма требуют детального изучения. Что-то, может быть, прояснилось бы в истории российской и немецкой социал-демократии? А может, и той роли, которую сыграли деньги кайзеровской Германии в российских событиях 1917-го? Но пока у меня не было времени и сил этим заняться.

...В изданной в Петербурге книге «Вокруг Сталина» появилось и такое свидетельство: «Псевдоним “Молотов” в начале XX века (т.е. раньше, чем В.М. Скрябин) имел известный деятель международного социал-демократического движения, сотрудник газет “Искра” и “Заря” А.Л. Парвус»¹⁹⁶.

---

¹⁹⁵ Земан З., Шарлау В. Указ. соч. С. 323.

¹⁹⁶ Торчинов В.А., Леонтьев А.М. Вокруг Сталина. Историко-биографический справочник. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2000. С. 348.

Это лишь несколько находок, которые мне посчастливилось найти в Южной Африке. Ирине Ивановне Филатовой повезло не меньше. Она нашла личный архив Давыдова (из рода Дениса Давыдова), который прожил в Южной Африке несколько десятков лет, в том числе его переписку с русскими эмигрантами по всему миру. А также архив певицы Ксении Бельмас, которая бежала в Гражданскую войну в Западную Европу, была примадонной европейских театров, а с середины 1930-х поселилась на Юге Африки и стала там основательницей школы оперного искусства.

Тоже неожиданное

Симон Васильевич Петлюра. Его жизнь связана не только с Украиной. Жил он и в Петербурге, и в Москве. Последние годы, хотя и не по доброй воле, в Варшаве и Париже.

Ниточка от его судьбы тянется и к Югу Африки. Разве не странно?

Как известно, Петлюра был убит в Париже выстрелом в упор. Парижский суд оправдал того, кто это сделал. Так вот этот человек, звали его Шолом Шварцбард, окончил свои дни в Кейптауне. Умер он 31 марта 1938 г., пережив Петлюру на 12 лет. Шварцбард был в Южной Африке представителем «Всеобщей энциклопедии на языке идиш».

В Кейптауне судьба Шварцбарда привлекала внимание. В первую очередь — евреев. Для многих он был героем: мститель за погромы, не побоявшийся ни суда, ни ответной мести.

Но Шварцбарду симпатизировали не только евреи. В глазах большей части интеллигенции антисемитизм ассоциировался с фашизмом. А фашизм бурно рос тогда в Южно-Африканском Союзе (теперь — Южно-Африканская Республика). В канун Второй мировой войны там возникали свои отряды, похожие на штурмовиков. Например, «Серые рубашки».

Те, кого это тревожило, зачастую не знали толком, кто такой Петлюра. Но с его именем связывались погромы, а с погромами, в свою очередь — нацизм. Поэтому Шварцбард вызывал симпатии. Печатались его портреты, его речь на парижском суде в 1927 г., его интервью. И он объяснял, почему убил Петлюру.

СОТЕЧЕСТВЕННИКИ

Л.А. Карташова
перед входом
в Центр российских
исследований

Б.В. Ананьич, Л.А. Карташова
и А.Б. Давидсон в Центре
российских исследований

У истоков иммиграции

А там — на четверть
Бывший наш народ.

Высоцкий

Конечно, нас и в нашем Русском центре, и в Русском клубе очень интересовала история россиян, обосновавшихся здесь, начиная с самых первых.

Останавливаясь на мысе Доброй Надежды с начала XIX столетия, моряки первых российских кораблей, встречали то одного, то другого россиянина: забрасывали их туда сплетения судеб. Есть даже сведения, что один из «птенцов гнезда Петрова», оказавшись в Голландии, перебрался потом в Капскую колонию, и его потомки известны по сей день.

Но это были лишь единицы. Сколько-то заметной российской общины в Южной Африке не было до 1880-х.

В Государственном архиве ЮАР хранится странный документ. Датирован 14 февраля 1882 г. Послан в Кейптаун комиссару коронных земель и общественных работ. Подписан: Адалберт Буковский, граф Леливы. Автор просил разрешения «привезти восемь тысяч душ сюда — это всё немецкие сельскохозяйственники, живущие в настоящее время на Волге, в России». Автор послания объяснял, что эти немцы эмигрировали в Россию во второй половине XVIII в. и заняли определенные территории в ней, благодаря «манифесту» Екатерины II. Далее он объяснял, что эти иммигранты и их потомки должны покинуть Россию до 1885 г. Он называл себя управляющим их эмиграцией и объяснял, что уже договорился об их иммиграции в Аргентину и Бразилию. Но немцы решили сменить предполагаемое место жительства и направиться в Южную Африку.

Буковский настоятельно рекомендовал этих людей южноафриканской администрации. «Я могу добавить, — писал он, — что вышеозначенные люди не нуждаются в средствах. Будучи весьма трудолюбивым народом, большое число из них благополучны. Они не будут, таким образом, бременем для правительства, но, наоборот, смогут сослужить добрую службу Колонии в отношении военных операций во время войны, особенно потому, что во время их пребывания в России они должны были постоянно противостоять одному из самых воинственных народов — татарам»¹⁹⁷.

Этот проект так и не материализовался. Массовый отъезд немцев из России не произошел, во всяком случае, тогда. Удовлетворились ли они своим благополучием в своем новом отечестве? Предпочли ли они стычки с татарами, чей военный потенциал и воинственность в конце XIX в. были явно преувеличены Буковским, сражениям в так называемых кафрских и зулусских войнах?

Кто такой Адалберт Буковский, и почему он написал это письмо, понять трудно. Никаких сопутствующих документов, которые пролили бы свет на это письмо, в архиве я не обнаружил.

Массовая эмиграция из России в Южную Африку началась, как раз в то время, когда появился этот проект. Но это была не немецкая эмиграция с берегов Волги, а — в основном — еврейская эмиграция из западных частей Российской империи.

В 1875 г. в Капской колонии было всего 82 эмигранта из России, среди них всего три женщины¹⁹⁸. В 1891 г. эмигрантов из России было уже 1092¹⁹⁹, а в 1904 г. — 12137²⁰⁰. В том же 1904 г. 9 тыс. эмигрантов из России жили в Трансваале²⁰¹. По данным переписи населения Южно-Африканского Союза в 1911 г. в стране

---

¹⁹⁷ National Archives of South Africa. Cape Town Archives Repository (NASA, KAB). AMPT PUBS, Vol. CCP 1/2/1/51. Ref. A 56.

¹⁹⁸ Result of a census of the Colony of the Cape of Good Hope, taken on the Night of Sunday. The 7th March 1875. Cape Town: Saul Solomon, 1877. P. 157.

¹⁹⁹ Results of a census of the Colony of the Cape Good Hope as on the Night of Sunday. The 5th April 1891. Cape Town: Richards, 1892. P. 78.

²⁰⁰ Result of a census of the Colony of the Cape of Good Hope as on the night of Sunday. The 17th April 1904. Cape Town: Cape Times, 1905. P. 100.

²⁰¹ Result of a census of the Transvaal Colony and Swaziland, taken on the night of Sunday. The 17th April 1904. London: Waterlow and Sons Limited, 1906. P. 142.

было уже 24 839 жителей, родившихся в России, более половины из них — в Трансваале²⁰². Эти цифры относятся только к первому поколению иммигрантов из России. Кем бы ни считали себя их дети, они родились уже в Южной Африке и следовательно попадали в другую категорию переписи.

В Южно-Африканском Союзе, согласно переписи 1921 г., насчитывалось 26 476 лиц, родившихся в России, и 1317, родившихся в Польше²⁰³. В дальнейшем число выходцев из этих стран сокращается. Перепись 1936 г.: уроженцев России — 16 236, Литвы — 13 285, Польши — 4224, Латвии — 3443²⁰⁴. Подавляющее большинство этих людей родились, конечно, еще в Российской империи.

По переписи 1946 г. в Южно-Африканском Союзе жили 11 256 уроженцев СССР (России), по переписи 1951-го — всего 7988. В дальнейшем эти цифры сокращаются год от года.

В эти цифры не входят дети и внуки родившихся в России.

Нельзя сказать, что российская иммиграция изучалась уж очень мало. В Южной Африке публиковались воспоминания. И даже исследования²⁰⁵.

Больше всего сведений собрано о российских евреях.

В 1880-е годы еврейское население Южной Африки составляло 4 тыс. человек, в 1904-м — 38 101, в 1911-м — 49 926 (3,7% всего белого населения)²⁰⁶. Большинство южноафриканских евреев были выходцами из России, в основном из Литвы, Польши и западных территорий Белоруссии. Все эти регионы в то время были частью Российской империи. Эмигрантов из Ковно (Каунаса), Вильно (Вильнюса), Гродно, Витебска, Минска и Могилева и прилегающих к этим городам районов было куда больше, чем из дру-

²⁰² Union of South Africa. Third census of the population of the Union of South Africa enumerated. 3rd May 1921. Part V. Birthplace (Europeans). Pretoria: Government Printing, 1923. P. 4.

²⁰³ Ibid.

²⁰⁴ Union of South Africa. Sixth census. 5th May 1936. Vol. V. Birthplaces, period of residence and nationality of the European, Asiatic and coloured population. Pretoria: Government Printer, 1942. P. IX.

²⁰⁵ Например: *Kosmin B.A. Majuta. A History of the Jewish Community in Zimbabwe*. Gweru: Mambo Press, 1980. P. 10, 25.

²⁰⁶ *Shimoni G. Jews and Zionism: The South African Experience (1910–1967)*. Cape Town: Oxford University Press, 1980. P. 5.

гих мест. Их называли «литваки», а южноафриканскую еврейскую общину в целом иногда называли «колония Литвы». Но представить с какой бы то ни было степенью точности, сколько было литваков, невозможно. Поначалу в официальных записях об иммиграции всех восточноевропейских евреев называли «русские евреи»²⁰⁷.

Хаим Вейцман, первый президент Израиля, позже задавался вопросом: «...городишко Шавли, похоже, по каким-то непонятым причинам дал Южной Африке огромное число евреев. Это загадка для меня: как такое маленькое местечко могло произвести столь большую эмиграцию»²⁰⁸.

Еврейская иммиграция из Англии, хотя численно и небольшая, долго сохраняла ведущие позиции в южноафриканской еврейской общине. Только в начале XX в., когда был создан Еврейский совет представителей, русские евреи стали более влиятельными.

Больше всего сведений я нашел на кафедре иудаистики и еврейства и в Еврейском научном центре Кейптаунского университета. Там обширный архив и богатая библиотека. Находились рядом с нашим Центром. Мы постоянно встречались с их сотрудниками. Они расспрашивали о жизни в России. Не только с научными целями. Вспоминали прошлое своих семей. С интересом выслушали мой рассказ, как еще в 1957-м на Московский Всемирный фестиваль молодежи и студентов приехало несколько российских евреев из Йоханнесбурга и Кейптауна. Это была, наверно, первая возможность для таких людей повидать страну, где жили их предки. Я на фестивале сопровождал делегацию Южной Африки. Поговорил и с теми людьми.

Кафедра иудаистики и Еврейский научный центр... Каких только документов и фотографий там нет! Кто были ранние переселенцы из России, еще в 1880-х. Чем занимались, как существовали, чем зарабатывали себе на жизнь в совершенно новой для них стране. На фотографиях — истощенные, изможденные лица. Изнурительный, тягостный переезд. Изматывающий страх перед непредсказуемым будущим.

---

²⁰⁷ South African Jewry / ed. by Leon Feldberg. Johannesburg: Fieldhill, 1965. P. 25.

²⁰⁸ Weizman Chaim. Trial and Error. The Autobiography. New York: Harper, 1949. P. 346.

Эмиграция из России на Юг Африки началась с евреев. Они стали частью бурного исхода еврейства — через сто лет после того, как миллионы евреев в результате раздела Речи Посполитой оказались в пределах Российской империи.

С очень скудным скарбом, естественно, если бы жизнь в «черте оседлости» была сносной, не бежали бы на край света.

Салтыков-Щедрин, Толстой, Лесков в Кейптаунском университете

Всем этим и на кафедре, и в научном центре занимались очень тщательно. Но прежде всего рассказали мне о собранных ими высказываниях Салтыкова-Щедрина, Льва Толстого, Лескова...

Вот как писал Салтыков-Щедрин в 1882 г., когда начался широкий отток евреев из России²⁰⁹.

«История никогда не начертывала на своих страницах вопроса более тяжелого, более чуждого человечности, более мучительного, нежели вопрос еврейский... Нет более надрывающей сердце повести, как повесть этого бесконечного истязания человека человеком... <...>

Делается он христианином — он выкрест; остается при иудействе — он пес смердящий. Можно ли представить себе мучительство более безумное, более бессовестное?

<...> Ибо и во сне увидеть себя евреем достаточно, чтобы самого неунывающего субъекта заставить метаться в ужасе и посылать бессильные проклятия судьбе».

Николая Александровича Лескова погромы тоже заставили задуматься о «еврейском вопросе». И он откликнулся с такой же горечью. В 1884 г. издал брошюру «Еврей в России. Несколько замечаний по еврейскому вопросу»²¹⁰.

«Здесь если и занимались судьбою евреев, то почти не заботились об улучшении их участи, а только выискивали средства от них оберегаться. Это чувствуется во всем духе русского законода-

²⁰⁹ Отечественные записки. 1882. № 8. СПб. (см. также: Салтыков-Щедрин М.Е. Полное собрание сочинений: в 20 т. Т. 15. Кн. 2. М.: Худ. лит., 1973. С. 229–240).

²¹⁰ Лесков Н.А. Еврей в России. Несколько замечаний по еврейскому вопросу. М.: Книга, 1990.

тельства о евреях, и это же привело к тому, что положение евреев в России почти не улучшалось. Так, они до сих пор остаются неполноправными и неравноправными не только по сравнению с людьми русского происхождения или с инославными христианами, но даже и по сравнению их с магометанами и даже язычниками.

<...> Евреев брали от родителей в малолетстве и отправляли их в отдаленные батальоны, где их крестили в православие <...> У евреев брали в рекруты малолетних детей (от 12-летнего возраста).

<...> Но тени на еврейском горизонте сгущаются: говорить о их деле с беспристрастием стало уже не только неудобно, но даже и небезопасно.

<...> Если же и есть евреи, которые не любят России, то это понятно: трудно пламенеть любовью к тем, кто тебя постоянно отталкивает. Трудно и служить такой стране, которая, призывая евреев к служению, уже вперед предрешает, что их служение бесполезно, а заслуги и самая смерть еврея на военном поле не стоят даже доброго слова. Не обидно ли, что когда русскому солдату напоминают пословицу, что “только плохой солдат не надеется быть генералом”, то рядом с ним стоящему в строю солдату-еврею прибавляют “а ты, брат, жид, — до тебя это не касается”.

Пусть сегодня отнесется Россия к ним как мать, а не как мачеха, и они сегодня же готовы забыть все, что претерпели в своем тяжелом прошлом, и будут ей добрыми сынами».

Лев Толстой в 1891 г. в статье «Что такое еврей?» писал: «Еврей — символ вечности. Он, которого ни резни, ни пытки не смогли уничтожить; ни огонь, ни меч инквизиции не смогли стереть с лица земли, — он, который первым возвестил слова Господа, он, который так долго хранил пророчество и передал его всему остальному человечеству; такой народ не может исчезнуть. Еврей вечен, он — олицетворение вечности».

А позднее даже В.В. Шульгин, которого столь часто называли антисемитом, считал, что «еврейский погром есть начало анархии вообще. Это есть начало так называемого «черного бунта». Начнут с «жидов», но кончат непременно избиением всего более или менее культурного и разгромом того, что с такими величайшими трудами удалось восстановить»²¹¹.

---

²¹¹ Шульгин В.В. Три столицы. Путешествие в Красную Россию. Берлин: Изд-во «Медный всадник», 1927. С. 357.

Все эти статьи и книги я увидел в Кейптауне.

И на кафедре и в Еврейском научном центре весьма ценят, что и многие другие представители лучшей части русской интеллигенции так ответили на волну еврейских погромов, которая поднялась в 1881 г. после убийства Александра II (хотя к его гибели, как известно, евреи никакого отношения не имели). В годы правления Александра III антисемитизм резко возрос. Погромы... Кейптаунцы говорили, что с начала 1880-х до Первой мировой войны почти 3 млн евреев уехали из России. Большинство — в Северную Америку, почти 40 тыс. — в Южную Африку.

Одним из бесчисленных свидетельств роста антисемитизма назвали мне поведение любимца Александра III — генерал-адъютанта П.А. Черевина (1837–1896). Он был товарищем министра внутренних дел, а затем начальником охраны дворца. Графиня М.Э. Клейнмихель (1864–1931) — в те времена хозяйка одного из самых известных петербургских великосветских салонов — вспоминала о нем в своих мемуарах не только как о «любимце» царя, но и как «яром антисемите». Ее мемуары мне показали в Еврейском научном центре.

Когда Черевин понял, что на процессе одной из его знакомых адвокат-еврей может представить нежелательные ей доказательства, он просто велел арестовать адвоката и отправить в Сибирь. Когда графиня Клейнмихель сказала ему: «Но ведь это — низость», он ответил: «Не могу же я ставить на одни и те же [условия] моих друзей и какого-то грязного жида, если сегодня и невиновного, то бывшего вчера или будущего завтра виновным». Жена адвоката в день его ареста «получила выкидыш и умерла», а он, вернувшись из ссылки, «покинул Россию и уехал в Париж». Александра III графиня хорошо знала и назвала «самым антисемитским из правителей».

Говорили мне и о том, как в те времена антисемитизм был в целом букете ксенофобии. Графиня Клейнмихель сразу после гибели Александра III оказалась свидетельницей ухода из государственной политики М.Т. Лориса-Меликова. «Я до сих пор слышу голос полковника графа Валугева, бывшего председателя комитета министров, говорившего другому чиновнику о “проклятом армяшке!”»²¹². Нараста-

²¹² Клейнмихель М. Из потонувшего мира. Мемуары / пер. с фр. Берлин: Глагол, 1918. С. 90.

ние ксенофобии было одной из тенденций того времени, и вызвало восторг в лагере контр-реформаторов. И М.Н. Катков провозглашал тогда: «Встаньте, господа. Правительство идет, правительство возвращается». Чуть позднее лидер Союза русского народа Н.Е. Марков говорил о «слюньювой гуманности»²¹³.

Почему сюда ехали?

В Центре иудаистики считали, что евреи в России познакомились с апарtheidом значительно раньше, чем в Южной Африке была изобретена эта политика. Погромы только усугубили ситуацию. Но и до погромов они были лишены многих гражданских прав. У них не было права владеть землей. За исключением некоторых представителей свободных профессий, им не разрешали селиться за пределами «черты оседлости», крайнего запада России. Стать врачом, как и вообще получить высшее образование, было очень трудно: даже в тех районах, в которых им разрешалось жить, существовала процентная норма: число евреев среди студентов не должно было превышать 2–3 процентов.

В 1991 г. журналист спросил южноафриканскую писательницу и лауреата Нобелевской премии Надин Гордимер об ее отце, уроженце России. Она ответила: «Я только недавно узнала, что две его сестры были убиты, а его мать ослеплена во время погрома»²¹⁴.

Большинство русских евреев, которые решили ехать в Южную Африку, были бедными мелкими торговцами и ремесленниками. У них не было ни здоровья, ни денег. Сам путь в Южную Африку был чрезвычайно тяжел: путешествовать в приличных условиях они не могли себе позволить. В южноафриканских архивах — множество снимков и описаний этих иммигрантов. Они выглядят измученными и оборванными, у них практически нет багажа. Тридцатилетние мужчины выглядят больными стариками. Описание Бермана, 38-летнего портного, приехавшего в сентябре 1911 г., вполне типично: рост 5 футов, вес 105 фунтов, лыс, страдает малокровием, нет 12 зубов²¹⁵.

---

²¹³ Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. С. 57, 87.

²¹⁴ The Jerusalem Report. Jérusalem, 1991. Oct. 24. P. 6.

²¹⁵ Bradlow E. Immigration into the Union, 1910–1948. Policies and Attitudes / PhD in History. Cape Town: University of Cape Town, 1978. Vol. I. P. 187.

Далеко не все из них принадлежали к русской культурной традиции (еще одна причина, по которой они не так уж мучились ностальгией). Не знали и английского. Поколениями жили в своей собственной среде: политической, религиозной и культурной, — но эта среда была внутри России, поэтому к южноафриканской жизни им было трудно приспособиться. Они готовы были принять новую жизнь, но старая не отпускала.

* * *

Сколько же в Еврейском научном центре собрано свидетельств о раннем периоде иммиграции из России! Документы отъезда, документы приезда сюда, освоения тутошней жизни. Переписка, воспоминания, впечатления...

Имелись, конечно, и исключения. Среди иммигрантов было несколько врачей. Вот сведения о некоторых из них — тех, кто получил квалификацию в России и был зарегистрирован в Медицинской учетной книге Капской провинции в 1880–1910 гг.

Абельгейм Арон Яков зарегистрирован в 1899 (в учетной книге 1900 г.) — уехал в Трансвааль. Френкель Яков зарегистрирован в 1899 (1900) г., получил квалификацию в 1891, уехал в Трансвааль. Краковский Александр зарегистрирован в 1900 (1901) г., получил квалификацию в 1883 г., практиковал в Паарле под Кейптауном. Левин Лазарь Хирш зарегистрирован в 1900 (1901) г., практиковал в Оудсхурне и Ледисмите (Капская провинция). Шейнисон Николай зарегистрирован в 1900 (1901) г., получил квалификацию в 1883 г., практиковал в Кейптауне.

Конечно, и этим людям приходилось годами доказывать действительность своего диплома. Правда, бывало, как в случае с Ноэлем Кремером, что для этого оказывалось достаточно, чтобы русский консул Клиффорд Найт, посмотрел их документы²¹⁶. А переписка о докторе Александре Краковском велась даже через посредство русского министра иностранных дел графа Ламсдорфа²¹⁷.

Был среди переселенцев и капитан Арон Фридман. В Кейптауне его знали как Старого Моряка. Он прошел путь от матроса до капи-

²¹⁶ National Archives of South Africa. Public Records of Former Transvaal Province and its Predecessors. Pretoria. (NASA, TAB). CS. No. 721. Ref. 11412.

²¹⁷ NASA, KAB. GH. No. 1/485. Ref. 26 and 35; No. 23/84. Ref. 15.

тана. Командовал несколькими кораблями, и в конце концов стал владельцем своего собственного судна, трехмачтового торгового парусника «Елизавета», водоизмещением в 1310 т.

Уроженец Латвии, он с юношеских лет плавал на парусных кораблях, а потом на линкоре «Адмирал Чичагов». Избороздил все океаны, говорил на нескольких языках.

Но однажды, когда он огибал мыс Доброй Надежды с грузом из Швеции в Мозамбик, природа тех мест настолько очаровала его, что Фридман решил поселиться в Южной Африке. Он вернулся в Европу и продал свой корабль в Гавре (во Франции).

В 1895 г. в Германии был спущен на воду самый большой парусник — «Потоцкий», но время парусного флота уходило в прошлое. А плавать на пароходах Старый Моряк не хотел. Он писал в своих записках: «Я никогда не любил плавать на пароходах. В них нет жизни, и у них нет души. Люди, которые управляют ими — не моряки, а просто водители, инженеры и уборщики»²¹⁸.

В его записках — давно ушедший быт моряков парусного флота, даже суеверия, привычные в их среде.

С помощью капитана его большая семья — семь братьев — переселилась из Латвии в Южную Африку. Арон Фридман создал Агентство новостей Каролины и был избран мэром этого городка в Восточном Трансваале. Позднее он жил в Кейтауне, там и умер в январе 1964-го, в возрасте 92 лет. Через 23 года после смерти Фридмана родные нашли его морской сундучок, спрятанный в старой мастерской. В сундучке оказался его архив: документы, письма, открытки. Мне рассказал об этом один из его сыновей, Джек Фридман.

Но людей, владевших профессиями такой высокой квалификации, как Старый Моряк, среди иммигрантов были лишь единицы. А подавляющему большинству приходилось начинать жить совершенно заново, можно сказать, с нуля. С освоения самых азов тех языков, о которых они не имели прежде никакого представления: английского, голландского, африкаанс, да и языков тех африканских народов, с которыми новым иммигрантам необходимо было общаться.

Жизнь первого поколения иммигрантов — тяжела. Даже тем, кто еще в России приобрел какую-то профессию, зачастую прихо-

---

²¹⁸ *Friedman D. South Africa's Ancient Mariner. Pretoria: Daan Retief Publishers, [n.d.]. P. 36.*

дилось переучиваться, чтобы работать в новых условиях для людей с иными вкусами и требованиями. На улицах Йоханнесбурга и других городов можно было увидеть только что приехавших евреев, голодных, без гроша в кармане, ищущих работу — любую.

Многие устраивались на работу в «кафрские столовые» возле шахт или в продуктовые магазины, кондитерские. Южноафриканский автор нарисовал яркую картину их жизни: «После печального опыта многомесячного пребывания без работы, за работу «каферитником» можно было быть благодарным. Считалось нормальным жить в комнате в задней части магазина с четырьмя другими работниками и иметь длинный рабочий день. Вставать в четыре утра, чтобы зажечь угли в печи и приготовить мясо, бульон, требуху, буроворс [колбасу], кукурузную кашу — было ежедневной рутиной. Несмотря на плохой запах и тяжелый труд, эта работа имела свои преимущества: хлеб, мясо, суп и картофель в изобилии»²¹⁹.

Широко распространенным занятием была мелкая торговля. Современник описал жизнь таких торговцев в письме: «Поначалу горька судьба такого торговца — «точера» или «шмуза», как его называют африканеры. <...> Целыми днями и неделями бродит он по округе от фермера к фермеру с тяжелой корзиной на плечах под горящими лучами африканского солнца. Карабкается по высоким горам, спускается в долины, чтобы постучать в дверь к африканеру и продать свой товар. <...> Однако в эти месяцы труда и смятения он узнает характер буров, выучит немного голландский язык, ознакомится с обычаями страны. И тогда почувствует облегчение»²²⁰. К этому надо добавить еще, что от торговцев ждали не только товаров, но и новостей о происходящем вокруг.

Как бы ни тяжела была поначалу эта жизнь, для иммигрантов было важно, что в Южной Африке они не встретили такого антисемитизма, как в стране, которая была их родиной. Еврейская синагога была открыта в Йоханнесбурге самим президентом Трансвааля Крюгером в 1892 г.²²¹ На официальной церемонии от-

²¹⁹ *Berger N. Chapters form South African History, Jewish and General. Johannesburg: Kayor Publishers, 1982. P. 69.*

²²⁰ *Shimoni G. Op. cit. P. 11.*

²²¹ *Johannesburg, One Hundred Years. Johannesburg: Chris van Rensburg Publications, 1986. P. 80–81.*

крытия Еврейского совета представителей в Кейптауне в 1903 г. главным оратором был губернатор Капской колонии лорд Милнер²²². В год создания Южно-Африканского Союза (в 1910 г.) премьер-министр Луис Бота, открывая праздник Еврейского национального фонда в Йоханнесбурге, сказал, что Южная Африка предложила евреям свой дом²²³. Сесил Родс высказался о Родезии так: «В моей стране все в порядке, если туда приехали евреи». Один из его соратников взял эти слова эпиграфом к своей книге²²⁴.

Конечно, жизнь отличалась от слов. Иммиграция, более или менее свободная поначалу, постепенно ограничивалась разного рода рогатками, специально ставившимися на пути русских евреев. Подлинное отношение ближайшего друга Родса, доктора Джеймсона, проявилось не для печати, а в частном письме 1916 г. Надо не допустить, писал он, чтобы «международное еврейство и их радикальные друзья здесь» влияли на премьер-министра Боту²²⁵. А в 1920 г., когда несколько русских евреев захотели поселиться в Северной Родезии, их, несмотря на громкую фразу Сесилия Родса, признали нежелательными иммигрантами. В этой связи министр иностранных дел Великобритании писал верховному комиссару в Кейптаун, что «русские евреи зачастую покидают территорию, в которой они натурализуются»²²⁶.

Но приветливые слова все же ободряли. Разве можно было представить, чтобы русский император или министр произнес что-нибудь, хоть отдаленно напоминавшее слова Боты, Милнера, Родса или открыл синагогу? О таком и помыслить не приходилось.

Правда, действительность в Южной Африке стала для евреев более неблагоприятной впоследствии, когда наиболее реакционные круги стали обвинять их в либеральных, социалистических и даже революционных настроениях и в тесном сотрудничестве с африканцами.

---

²²² Shimoni G. Op. cit. P. 15.

²²³ The Indian Opinion. Durban. 20.8.1910.

²²⁴ Johnston F. Great Days. London: Bell, 1940. P. 207.

²²⁵ Colin I. The Life of L.S. Jameson. Vol. II. London: Edward Arnold and Co, 1923. P. 318.

²²⁶ National Archives of South Africa. National Archives Repository (Public Records of the Central Government since 1910). Pretoria (NASA, SAB). GG. Vol. 923. Ref. 16/104.

В 1905–1906 гг., в связи с новым резким усилением погромов в России, по Южной Африке прокатилась волна митингов протеста. Они проходили не только в таких больших городах, как Йоханнесбург и Кейптаун²²⁷.

На митинге в городе Паарль 29 ноября 1905 г. была единогласно принята резолюция: «...Это митинг жителей Паарля, глубоко обеспокоенных продолжающимися всплесками массовых убийств и зверств в России, направленных против тех, кто придерживается еврейской веры. Митинг выражает отвращение к таким преступлениям и удивление по поводу того, что акции такого рода могут совершаться в этом веке цивилизации и прогресса, и искреннюю веру в то, что правительство Его Величества выступит с такими заявлениями, которые заставят правительство России дать еврейскому народу такую же защиту, которая предоставляется поданным всех цивилизованных наций»²²⁸.

Резолюция митинга в Кимберли 16 ноября 1905 г.: «По мнению этого митинга избиения и убийства, от которых евреи во многих частях России страдали в течение нескольких последних месяцев, являются прискорбным преступлением против цивилизации, и этот митинг жителей Кимберли выражает сердечное сочувствие тем, кто страдает от этого бедствия»²²⁹.

Резолюция собрания в городке Уиллоумор 27 ноября 1905 г.: «...Это собрание жителей Уиллоумора на публичном митинге осуждает бесчеловечное и чудовищное преследование евреев в России и выражает им свою глубочайшую симпатию в час испытания и страданий»²³⁰.

Следующая волна таких митингов прокатилась по Южной Африке в 1913 г., когда евреев в России обвинили в том, что они в ритуальных религиозных целях убивают русских детей («дело Бейлиса»). В связи с этим в Йоханнесбурге в ноябре 1913 г. состо-

²²⁷ NASA, KAB. GH. Vol. 1/487. Ref. 124; KAB. GH. Vol. 23/94. Ref. 196. See also: «Cape Times». Cape Town. 1906. July 16.

²²⁸ NASA, KAB. GH. Vol. 23/ 90. Ref. 338; KAB. GH. Vol. 1/487. Ref. 141.

²²⁹ NASA, KAB. PMO. Vol. 212. Ref. 1838/ 05; KAB. GH. Vol. 23/90. Ref. 334; KAB. GH. Vol. 1/487. Ref. 139.

²³⁰ NASA, KAB. GH. Vol. 23/90. Ref. 354; KAB. GH. Vol. 1/488. Ref. 3.

ялся публичный митинг под председательством мэра города. На митинге были единогласно приняты и переданы премьер-министру Луису Боте две резолюции. Первая гласила: «Это собрание выражает глубочайшую симпатию евреям по поводу возобновления безосновательных и жестоких “кровавых обвинений”, что проявилось в ходе суда над Бейлисом в Киеве, и сожаление, что такие обвинения возможны в наш просвещенный век». Эта резолюция была предложена двумя священнослужителями.

Вторая резолюция, предложенная Патриком Данкеном (будущим генерал-губернатором Южно-Африканского Союза), адвокатом К.Ф. Сталлардом и д-ром Ф.Е.Т. Краузе, гласила: «...Этот митинг просит правительство послать телеграмму министру иностранных дел Его Величества с просьбой оказать все возможное давление на российское правительство с тем, чтобы предотвратить, в интересах гуманности, всплеск “погромов”»²³¹.

Меня интересовали не только документы, а, прежде всего, живые рассказы о том, что мои собеседники слышали от своих дедов — предания их семей. Как мне объясняли, представление о «местечковости» как глухомани, не совсем верно. Зачастую уезжал глава семьи и, обосновавшись, звал жену, детей, родных. Они слали письма родным, рассказывали о новом житье-бытье. Так что в местечках неплохо знали, что происходит в мире.

По сравнению с потоком евреев, уезжавшим в Америку, эмиграция на Юг Африки — лишь ручеек. Но и это десятки тысяч!

* * *

Почему выбирали Южную Африку? Считали, что буры, убежденные кальвинисты, глубоко чтившие Ветхий Завет, видят в евреях библейский избранный народ и относятся к ним с уважением. Так относился и Пауль Крюгер, президент Трансвааля. Антисемитизм развился десятилетия спустя, в 1930-х, с появлением в среде африканеров поклонников Гитлера.

К тому же, живя в России, евреи знали, что в Трансваале из-за золотой лихорадки быстро растет промышленность и торговля. Конечно, надежд разбогатеть на добыче золота не было: какие они

---

²³¹ NASA, SAB. PM. Vol. 1/1/290. Ref. PM 150/36/1913; SAB. GG. Vol. 129. Ref. 3/1479.

золотопромышленники? Ни денег, ни умения, ни знания европейских и африканских языков. Но все же рассчитывали найти и себе место в бурной экономической жизни. Зачастую нанимались к торговцам, становились коробейниками, разносчиками товаров.

Большинство обосновалось в Трансваале. Но кто-то находил работу в Кейптауне или в других местах Капской провинции. Кто-то, наоборот, ехал севернее, пересекая Трансвааль, — в Родезию.

Многое помогли мне понять встречи со студентами и преподавателями кафедры изучения еврейства. Они знали историю российского еврейства. Как же врезались в память их семей погромы, Союз Михаила Архангела, если внуки помнили, как Николай II приветствовал создание черносотенного Союза русского народа.

Язык идиш уже не знали, кроме отдельных выражений. Но знали Шолом-Алейхема. Недобрым словом поминали великого князя Сергея Александровича, генерал-губернатора Москвы: он решил в 1890-х годах выселить из Москвы всех евреев, вплоть до Левитана, певца русской природы. Сокрушались об ушедшей безвозвратно культуре обитателей черты оседлости, о самобытном еврейском облике Одессы. О том, что пришлось уехать и Шолом-Алейхему. Повторяли, что когда-то в России жили 5–6 млн евреев. Где они теперь? Богатый приток получила Америка. Пусть не мозгов — далеко не все были умны и образованы. Но энергии! Только динамичные люди могли решиться отправиться в неизвестность. Известнейший композитор Америки Джордж Гершвин — выходец из России, Голливуд создан российскими евреями... В США из Нобелевских лауреатов по науке больше трети — еврейского происхождения.

Да и первые Нобелевские лауреаты Южной Африки — евреи. Арон Клуг — за достижения в науке, Надин Гордимер — в литературе.

Говорили: «Если бы гитлеровцы не кричали о “еврейской науке”, не выгнали бы Эйнштейна и его коллег, то не появилась ли бы атомная бомба в Германии?»

Меня не удивило, что в Кейптауне знали слова, которые любил Максим Горький: «...если украл русский, говорят: украл вор, а если еврей, говорят: украл еврей». Цитировали Игоря Губермана о Фанни Каплан, ее осуждали: одни «за то, что еврейка стреляла в вождя», другие: «за то, что она промахнулась». И слова Ежи Леца: «Я знаю почему евреев считают богатыми — они за все платят».

Но в Центре еврейских исследований слышал рассуждения и на темы, о которых как-то не задумывался прежде.

Меня спросили: «А когда, Вы думаете, было покончено с чертой оседлости?»

Я ответил, что, по-моему, это сделало Временное правительство в марте 1917-го своей декларацией о равенстве граждан.

— А вот и нет. Дело совсем не в том указе. А в поражениях российской армии в 1915 г. После захвата германской армией большей части Польши военные действия оказались в черте оседлости. На кого-то надо было свалить хотя бы часть вины за тогдашние поражения. Вот и нашли козлов отпущения. Местных евреев, поляков, литовцев обвинили в симпатиях, а то и прямом пособничестве немцам. Больше всего это сказалось на евреях. Их сотнями тысяч погнали на восток, в Центральную Россию, до Поволжья и дальше. Срочно... Зачастую не давая собраться. Евреям не за что было любить черту оседлости, но все-таки — насиженные места, могилы отцов и дедов. А уезжать пришлось в неизвестность. Так что черта оседлости исчезла отнюдь не из сочувствия к ее жителям. С этого и началась жизнь евреев в глубинных областях России.

О чем только ни спорили в коридорах, в «комнатах для профессуры» (Common room) Кейптаунского университета! «Дело врачей», «космополитизм», убийство Михоэлса, расстрел членов Еврейского антифашистского комитета, списки о «засоренности кадров», которые составлялись в советских учреждениях и организациях.

Как-то задали мне вопрос: «А когда еврейское население России совсем не ощущало на себе государственного антисемитизма?»

И сами сказали, что это короткий период. С того указа Временного правительства до 1940-х, до «борьбы с космополитизмом», до шумной кампании об «убийцах в белых халатах». То есть, всего четверть века. Сказали: «После смерти Сталина дискриминация, конечно, стала не столь явной, но все же евреи чувствовали себя гражданами второго сорта, что и привело к новой эмиграции — с 1970-х.»

Обо всем этом не столько спрашивали, сколько говорили сами. Как бы объясняли, почему уехали сюда, на Юг Африки, в отнюдь не самый благополучный край земли.

А о современной жизни мне пришлось слышать не только утверждения, но и вопросы и недоумения.

— Скажите, а почему даже теперь происходит такое? Когда осуждают Троцкого, Зиновьева, Каменева, раскрывают их подлинные еврейские фамилии. А когда речь идет о тех, о ком принято говорить с симпатией, их еврейские фамилии не принято называть: Утесов, Светлов, Раневская... Получается, если еврей нравится, он — русский, а если не нравится, сразу вспоминают, что он еврей.

Спрашивали: «Поскольку Сталин с середины тридцатых и особенно с начала Отечественной войны перешел от ленинского интернационализма к великодержавности, то антисемитизм был неизбежен?»

— Как мог Сталин в годы, когда вести о Холокосте потрясли весь мир, развернуть свою антисемитскую кампанию? Что это? Так было у него в крови? Или допекли его собственные дети? Старший сын женился на еврейке. Дочь полюбила еврея, и когда отец отправил его в ссылку, вышла замуж тоже за еврея.

Цитировали Высоцкого:

Запретили все цари всем царевичам
Строго-настрого — ходить по Гуревичам,
К Рабиновичам не смей, тоже — к Шифманам!

— А откуда пошло мнение, что евреи не умеют воевать? Помните: «Иван воюет в окопе, Абрам торгует в коопе». Посмотрите официальную статистику: по числу Героев Советского Союза евреи заняли одно из первых мест среди народов страны. А потом, когда после «шестидневной войны» весь мир признал боевые качества евреев, их осудили и за это? В советских СМИ бытовало выражение «израильская военщина».

Одна кейптаунская театралка объясняла, что дегероизация евреев проявилась в театре, кино, во всех массовых зрелищах. Люди с именами Абрам, Моисей, Сара, с фамилией Рабинович не могли быть не только героями, но даже положительными персонажами на советской сцене.

— Да и вообще, долгие годы принято было избегать слова «еврей». Слово «холокост» в советских СМИ почти не появлялось.

Слово «Израиль» — только в отрицательном смысле. А когда Василий Аксенов написал повесть «Апельсины из Израйля», его заставили изменить на «Апельсины из Марокко».

Один из собеседников рассказал о своем разговоре в Москве с человеком, который раздраженно пенял ему:

— Ты любишь Высоцкого, Галича, Окуджаву, Жванецкого, Губермана! Это ж все евреи! Ну, хорошо, Высоцкий — полуеврей. Окуджава? Пусть не еврей, но все равно — не русский.

Все это обрушилось на меня: им надо было выговориться, объяснить причину эмиграции.

Цитировали Окуджаву:

Под крики толпы угрожающей,
Хрипящей и стонущей вслед,
Последний еврей уезжающий
Погасит на станции свет.

...

Еврей, о России тоскующий,
На совести горькой моей.

Со всем этим я сталкивался не только в годы жизни в Кейптауне, но и потом, во время коротких приездов. В мои любимые книжные магазины на Лонг-стрит свежие английские книги приходили раньше, чем в Москву. Эмигранты последних притоков живо обсуждали их. Книги В.П. Наумова, члена Президентской комиссии по реабилитации репрессированных, написанные в соавторстве с американскими профессорами: «Убийство Сергея Кирова», «Последнее преступление Сталина: заговор врачей», «Сталинский секретный погром». Кейптаунские книголюбы знали из этих книг факты и даты, которых я не знал. Дату ареста жены Молотова, Полины Жемчужиной. Точные даты «ленинградского дела» и расстрела Кузнецова, Вознесенского и всей ленинградской верхушки. Приказ Сталина, а затем Маленкова: «бить до полусмерти» арестованных врачей. И многое другое.

Слуга России

В Еврейском центре ознакомили меня с судьбой человека, имени которого я раньше даже не слышал. Говорили, что обязательно надо знать его и то, что он написал.

Михаил Владимирович Грулёв (1857–1943) считал себя единственным генералом-евреем в дореволюционной российской армии. Куда только ни бросала его военная служба! Сибирь, Дальний Восток, Средняя Азия, Кавказ. Русско-японская война. Генеральный штаб. Работа в военно-исторической комиссии. Руководство известным журналом «Разведчик». Даже кругосветное плавание...

Показали перечень книг, где он был автором или составителем. Они выходили не только в Петербурге, но в Ташкенте и Чите, когда он там работал. «Забайкалье. Историко-стратегический очерк» (Чита, 1891). «Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом», выпуски 1–5 (Ташкент, 1897–1899). «Аму-Дарья. Очерки Бухары и Туркмении» (Ташкент, 1898). «В штабах и на полях Дальнего Востока. Воспоминания командира полка и офицера Генерального штаба о минувшей войне с Японией», две части (СПб., 1908–1909). Книга «Соперничество России и Англии в Средней Азии» (СПб., 1909) переведена на английский и немецкий. «Очерк восстаний пограничных племен Индии» (СПб., 1909).

Многое выходило под его редакцией. Даже «Автобиография Абдурахман-хана, эмира афганского». Два тома. Перевод с английского (СПб., 1902).

Продолжал он изучать военные действия и находясь в эмиграции. Издал книгу «Великая борьба народов, 1914–1918».

В Кейптауне я нашел не все эти книги. Особенно пожалел, что не было там книг «Куропаткин и его помощники» (СПб., 1912) и «От Мукдена до Портсмута» (СПб., 1914). И еще больше — о том, как виделась ему повседневная армейская жизнь: «Злобы дня в жизни армии» (Брест-Литовск, 1910).

Но самую последнюю его книгу — «Записки генерала-еврея» мне показали. Она вышла в Париже в 1930-м. Второе издание — американское (1987 г.) мне подарили. В ней он подвел итог своей полувековой военной и литературной деятельности²³². Там и служба на дальних окраинах Российской империи, и повседневный армейский быт, и Генеральный штаб, каким он был когда-то. Манчжурия, Русско-японская война...

²³² Грулев М.В. Записки генерала-еврея. Париж: Изд. автора (Imprimerie Pascal), 1930. (Переиздания: Antiquary (США, репринт), 1987; М.: Кучково поле; Гиперборея, 2007. Все цитаты из этой книги.)

Примечательны даже его заметки вскользь, не относящиеся прямо к служебной деятельности. Его большое путешествие в Читу в 1898 г., к месту службы. Великий сибирский путь... железной дороги еще нет.

«На первых же перегонах мне пришлось ознакомиться с бродячей ссыльной Русью, следуя вместе с большой партией ссыльно-каторжных.

Из уважения к моему офицерскому званию конвойные не мешали мне вступать в разговор с каторжными; для меня открылся совершенно новый, неведомый для меня мир.

Партия была семейная, т.е. в состав ее входили как каторжанки, так и добровольно следующие при ссыльных мужьях жены и дети. Отличаясь поэтому чрезвычайной пестротой, подвернувшаяся мне партия представляла весьма богатый материал для наблюдения. Тут были и политические, и уголовные; были представители чуть ли не от всех национальностей, населяющих Россию и от всех классов населения...

Политические ссыльные пользовались в то время значительными привилегиями по сравнению с уголовными. Конвойные говорили им «вы»; на этапах отводили им, по возможности, особые помещения; свои же товарищи по ссылке, уголовные, относились к политическим с большим вниманием и сердечностью»²³³.

Разве не интересен нам сейчас его рассказ об англо-русском соперничестве в Центральной Азии и о рискованном докладе, который он в 1897-м представил в Ташкенте сотрудникам по генеральному штабу?

«Целыми веками общество наше воспитывалось на идее о походе в Индию. Вместе с молоком матери мы всасывали взлелеянную мечту о распространении нашего оружия за Гиндукушский хребет, в самую колыбель человечества, в сказочную страну мировых сокровищ, чтобы попутно свести здесь все старые счета с Англией.

Трудно сказать, на чем базировалась мысленная самоуверенность, которая не желала считаться ни с какими условиями географическими, стратегическими и иными. Плодилось немало невежественных и легковесных статей и брошюр, которые усиленно

---

²³³ Генерал-губернатор Туркестана.

толкали Россию по направлению к Индии, насыщая наше общественное мнение опасными химерами».

Грулёв решил сделать сообщение в закрытом собрании, доступном только для генералов и офицеров генерального штаба. «Мне, однако, сейчас же после моего доклада видно было, что он не пришелся по вкусу, хотя никто ничего не возражал; а один из товарищей по генеральному штабу, полк. Н.Н. Юденич — всегда прямой и откровенный — даже пожал мне руку, пробурчав, что давно надо было сказать то, что я высказал.

Понадобилась тяжкая для России катастрофа на Дальнем Востоке, чтобы наше правительство отрезвилось в своих пустопорожних угрозах относительно Индии. Только в 1907 г. — 10 лет спустя после моей проповеди в Ташкенте, — заключено было англо-русское соглашение, в котором Россия откровенно раз и навсегда отказалась от всяких агрессивных намерений по направлению к Индии. Только тогда и оказалось возможным издать мою книгу «Соперничество России и Англии в Средней Азии».

Куда как любопытны его зарисовки о жизни великих князей, членов семьи Романовых. Некоторых своих родственников российских императоры ссылали на Кавказ или в Туркестан за женьтибу на женщинах не их круга или за другие «проступки».

Грулёв восхищается порой реформами Александра II (хотя и сочувствует полякам из-за гонений после восстания 1863 г.). Но с горечью говорит о времени Николая II: «В эпоху Милютина, в 60-х годах, Россия оживала от мрака к свету, от давящего кошмара Николая I к освободительным реформам Александра II. Все начинания проникнуты были любовью к делу и добросовестным исполнением. А в наше время, в эпоху злосчастливого Николая II, вся бюрократия проникнута была жадностью и хищением».

Как газеты и публичные лекции настраивали общественное мнение на войну с Японией? Твердили:

«Давно пора было бросить с японцами всякие переговоры... взять этих зазнавшихся макак со стола и поставить под стол.

Вообще, все эти лекции насыщены были таким лягушечьим бахвальством, которое всегда кончается катастрофой. Какую службу сослужили нам в эту войну с Японией все хитроумные расчеты, клонившиеся к тому, чтобы взмылить и подзадорить наш традиционный девиз “шапками закидаем”? <...> Еще в 1895 г., после поездки по Японии, я представил подробную записку по на-

чальству о вооруженных силах Японии, как сухопутных, так и морских, в которой выводы имели предостерегающий и отнюдь не убаюкивающий характер».

Но он сразу же навлек на себя упреки в «непатриотичности» и несвоевременности таких поучений, которые могут действовать на других «обезкуражающим образом»²³⁴.

И грустный вывод: «Слишком крепко велось у нас стремление к самосмакованию. Малейшая попытка к выяснению наших слабостей приравнивается уже к самооплеванию и таким образом мы искони предпочитаем, по примеру премудраго страуса, не смотреть на угрожающую опасность, а лучше прятать голову под собственным крылом».

В связи с этой злосчастной войной и мысли о судьбе инородцев в нашей стране.

«Действительно, в особенности перед лицом войны, перед лицом смерти, бросалось в глаза это незаслуженное чудовищное безправие евреев в России. Резче всего это сказывалось относительно положения еврейского солдата. При самом поступлении на службу он встречал уже атмосферу обычной, преследующей его всюду вражды и ненависти, не только со стороны окружающих товарищей новобранцев, но главным образом со стороны начальствующих офицеров. При первой же беседе с новобранцами ротный командир не преминет прибавить при обращении к новобранцу еврею что-нибудь ироническое, дышащее глумлением и недоверием. Это в лучшем случае. А если ротный командир принадлежал еще к новременским патриотам, то “жида”-новобранцы с первого же дня становились мишенью злых шуток, скрытой и явной травли и всяческих издевательств. Солдаты старались, конечно, подражать начальству. И, таким образом, человеку с первых же шагов службы отравлялось существование в полном смысле слова».

Грулёва возмущало вообще отношение к инородцам.

«Я усиленно боролся в печати против преследований в с я к и х и н о р д ц е в²³⁵, так как по моему убеждению это губило Россию больше чем какое бы то ни было другое зло. Боролся не только за обездоленных евреев, но и за поляков, и староверов. Ведь дошли до такого абсурда, что Куропаткин, будучи главнокомандую-

---

²³⁴ Стиль и орфография источника сохраняется.

²³⁵ Разрядка в оригинале.

щим, имея неограниченную власть во всем, должен был воевать с Синодом по вопросу о том: может или не может солдату-староверу, умирающему на поле брани, дать напутствие в лучший мир другой солдат старой веры? И ведь победил Синод, — н е л ь з я...».

И опять ужасный вывод: «Умудриться нужно так плодить вокруг себя, внутри и вне, только врагов и врагов».

Конечно, можно задать вопрос: а как же самому Грулёву, ино-родцу, еврею, все-таки удалось стать генералом?

Дело не в том, что ему, конечно, пришлось отказаться от еврейской религии и перейти в православие. Само по себе это могло бы и не открыть ему дорогу. Но... «Если бы я унаследовал фамилию не Грулёв, а Рабинович, Янкелевич или что-нибудь в этом роде, то не бывать мне не только генералом, но и подпрапорщиком».

А как относился он к своей родине, России? Выйдя в отставку после жарких столкновений с Сухомлиновым, военным министром, он в мае 1912 г. уехал во Францию. Но и там, никак уже не завися от российских властей, писал, что, борясь против гонений на евреев, «...я в то же время видел в такой борьбе сокровенное и разумное служение России, моей Родине, по долгу совести и принятой присяги. ...

Но — что делать! Под игом свирепствовавшего рокового для России режима Родина наша лишалась слуг поважнее и значительнее меня...».

А после 1917-го?

Пик еврейской иммиграции на Юг Африки пришелся на тридцатилетие — с 1880-х годов до Первой мировой войны. Он неплохо изучен в Кейптауне. Собранный там материал уникален. Ведь по местам, откуда этот людской поток шел, потом прошелся холокост. Родственники тех, кто уехал, их семьи были истреблены. Их домашние архивы не сохранились. Так что сведения, собранные в Южной Африке, дают представление не только о том, как обустроивались и жили переселенцы, но и о той их жизни, от которой уезжали (в Литве, Латвии, Польше). Эти сведения важны и для изучения тогдашней истории России.

Но все же *эта* иммиграция всего лишь 30–35 пять лет. А ведь потом — еще целое столетие. И оно изучено куда меньше. Почему?

Прежде всего потому, что характер иммиграции поразительно усложнялся.

Та громадная эмиграция, которая была вызвана большевистским переворотом и Гражданской войной, кажется, мало коснулась Южной Африки. Уж больно далеко. Да, может быть, надеялись на скорое возвращение домой?

С установлением советской власти уехать оказалось невозможно. Запрет, границы на замке.

Но позднее все же притоки россиян, хотя и небольшие, достигали Юга Африки. Их направления примечательны. Из Литвы, Латвии, Польши... Из Харбина и Шанхая... Из других стран Африки, даже из Конго... А через Южную Африку — в другие африканские страны...

Мне посчастливилось. Я повидал и расспрашивал тех, кто не только поселился на Юге Африки давно, но и старался собрать какие-то сведения и о других южноафриканских россиянах.

Впервые я услышал о тутошней жизни российской иммиграции еще в 1960-х. В Москве. Летом 1960-го на Международный конгресс востоковедов приехал в Москву Гаральд фон Сикард, прибалтийский немец. Он уехал из России во время Гражданской войны. Прожил в Южной Африке, больше всего в Южной Родезии (ныне — Зимбабве), 28 лет. Был миссионером и исследователем культуры и истории африканских народов. Изучил несколько африканских языков, собирал сведения устной традиции. О нем я уже немного написал выше в связи с другими африканистами русского зарубежья.

С начала 1960-х я встречался в Москве — часто и подолгу — с южноафриканскими коммунистами. А среди них немало тех, кто принадлежали к семьям эмигрантов из Литвы, Латвии, Польши — семьям, жизнь которых прошла еще в Российской империи. Разумеется, наши разговоры велись о современных политических проблемах Южной Африки. Но удавалось разговорить собеседников и об эмигрантской жизни.

Когда же удалось добраться до Мозамбика и Замбии, я и там встретил россиян. Правда, буквально лишь несколько человек, потому что из-за военных действий в этих странах эмигранты покидали их, переселялись в Южно-Африканскую Республику или вообще в Европу. Но все же в 1985 г. в Булавайо (Зимбабве) я встре-

тил Веру Пантелеевну Калашникову. Она родилась в Смоленске в 1925 г. Во время войны, по словам Веры Пантелеевны, немцы угнали ее в Германию. После войны она вышла замуж за бельгийского фабриканта. Приобрела профессию косметолога и парикмахера: несколько лет училась в Париже. Уехала со вторым мужем, английским экономистом и бизнесменом, в Южную Африку. Жила там в 1961–1973 гг. Она говорила, что ее косметический кабинет был самым фешенебельным в Трансваале, а среди клиентов — семьи Фервурда и Форстера, двух премьер-министров ЮАР. Тяжелая и долгая болезнь мужа отвлекла ее от работы и подорвала ее материальное благосостояние. После его смерти переселилась в Южную Родезию.

Там же, в Булавайо, в 1985 г. жила еще одна русская из Тбилиси, Аида Маклин (по мужу — шотландцу). Ей было уже 88 лет.

Через Южную Африку поехал в Намибию Николай Константинович Мосолов, историк и археолог, автор книг о намибийской истории, в том числе книги о заповеднике Ватерберг. Писал он и для русских журналов и газет, издававшихся в Париже и в Нью-Йорке. Дочь его — певица Сабина Мосолова — в 1991 г. стажировалась в Германии у Галины Вишневской. Прожив много лет в Намибии, в середине 1980-х годов семья Мосоловых переселилась в ЮАР.

Одним из первых эмигрантов, кого я встретил в Кейптауне, был Михаил Дмитриевич Бибиков. Он, как и немало других россиян, переехал на Юг Африки после многих лет жизни в Западной Европе. Переселился из Франции в Южную Африку еще в 1955 г.

Поведал мне свою биографию. Родился он осенью 1919 г. в санитарном поезде Добровольческой армии, воевавшей против большевиков на Дону и в Поволжье. Поезд был организован его бабушкой, княгиней Варварой Урусовой. Другой его бабушкой была Бибикова (урожденная Оболенская). Дед Бибикова был воронежским губернатором. Крестная мать — великая княгиня Мария Павловна (старшая), а крестный отец — генерал Покровский, начальник штаба Добровольческой армии.

Михаил Дмитриевич рассказывал о тех, с кем он был близко знаком в Южной Африке. О князе Сергее Кантакузине, который жил в Дурбане. Об Александре Нарышкине: он переселился из Швейцарии в Родезию, а оттуда в Кейптаун. О бароне Всеволоде

Фредериксе, который был племянником барона В.Б. Фредерикса, министра двора при Николае II, и племянником Маннергейма.

Как это бывало в православной общине Кейптауна, Бибиков считал себя монархистом и гордился этим. Сказал даже с каким-то вызовом: «Я монархист. Я человек самых правых взглядов. И не люблю либералов».

Побывал я и в доме Виктора Архиповича Иванова, прожившего в Южной Африке почти полвека. Его самого уже не было в живых. Но Эвелин, вдова Иванова, охотно о нем рассказывала. Среди православных Южной Африки имя Виктора Ивановича окружено почетом. Его считали самым русским даже среди «очень русских». Он поселился здесь в 1940-х годах. Приехал на гастроли с ансамблем казаков-эмигрантов «Хор донских казаков» и решил остаться. Проявил себя во многих ипостасях. В первую очередь как карикатурист. Регулярно печатал свои карикатуры в африканерской газете *Die Vaderland*. Устраивал много выставок. В 1949 г. вышел альбом его карикатур.

В русской общине Иванова любили за песни, пляски, шутки, за добрый и веселый нрав. Да и за то, что он завещал бросить свой пепел в Дон. Он хорошо знал язык африкаанс и пользовался симпатией многих африканеров.

Иванов, как и многие в русской общине, придерживался правых взглядов. Ненавидя большевизм, он — как многие эмигранты — переносил свою неприязнь на все, что ему казалось хоть немного левым.

Иванов старался организовать общественную жизнь русской православной общины. Он стал одним из инициаторов создания в Йоханнесбурге в 1952 г. The Society of Russian Refugees. В том же году это общество, собрав деньги, купило на Хантер-стрит в Йоханнесбурге дом. Назвали его Русским домом. Там устроили и маленькую церковь-часовню. Небольшой русской общине было трудно ее содержать, но все-таки деньги собирали. В том же 1952 г. пригласили священника С. Старикова (прежде он жил в Кении). А в январе 1959 г. его сменил приехавший из Америки архимандрит Алексей Черный, уроженец Латвии. Его паствой считались все православные в Южной, Центральной и Восточной Африке.

В Кейптауне одна из самых интересных встреч была у нас в ноябре 1991 г. с Марией Торрингтон, позднее моя жена сдружилась

с ней. Интерес вызывала не только ее родословная, хотя генеалогическое древо Марии тоже не из ординарных. Ее мать, Ольга Петровна Кочубей (1910–1979), бабушка — графиня Любовь Александровна Мусина-Пушкина (1886–1946), а прабабушка — Кошелева-Безбородко. Ее дед, Петр Васильевич Кочубей (1880–1918), в конце Первой мировой войны помогал работе Красного Креста в Киеве. Был расстрелян большевиками в Киеве 8 февраля 1918 г.: его вывели из дома и застрелили тут же, поблизости. Через несколько дней те же люди пришли снова и попросили прощения, сказали, что расстреляли по ошибке, приняв за кого-то другого. Вскоре Мусина-Пушкина постаралась уехать из страны, эмигрировать. Семья попала в Бельгию. Мать Марии, Ольга Петровна Кочубей, вышла замуж за бельгийского юриста и философа Виллема Райсвика. Поженившись, молодожены сразу же уехали в Бельгийское Конго и провели там три года: 1930–1933.

Впоследствии семья переселилась в Южную Африку. Отец Марии стал преподавать философию в Витватерсрандском университете. В семидесятых годах в Кейптауне родители Марии умерли. А она училась в Кейптаунском университете и в Стелленбоше. Ее мать прекрасно знала русский язык и культуру, но в жизни детей это оказалось вытеснено иными интересами.

В отличие от многих других потомков аристократических семей Мария не кичится происхождением. Наоборот, говорила: «Я обычный человек, с обычными интересами». И подтрунивала над многими русскими иммигрантами, которые, приехав в Южную Африку, объявляли себя аристократами. «Каждый — князь или по крайней мере граф». Досталось от нее и иммигрантам-евреям. По ее словам, у них была своя манера — объявлять, что все родственники погибли в немецких газовых печах, даже когда это не соответствовало истине.

Мария жаловалась на разобщенность русских, которые живут в Кейптауне и вообще в Южной Африке. Она считала, что причина тому — отсутствие православной церкви в Кейптауне. Архимандрит Черный в семидесятых годах прошлого века раз в год приезжал в Кейптаун, и все тогда собирались.

***

Какова была роль россиян в культурной, научной и общественно-политической жизни?

Когда я познакомился с Владимиром Григорьевичем Третчиковым, годы его славы были уже давно позади. С 1945 г. по 1975 г. по всему миру было продано больше 1250 тыс. литографических копий его картин. С одной только картины «Китайская девушка» — 250 тыс. К 1975 г. по всему миру состоялось 46 выставок его работ, а число посетителей достигло 2,5 млн человек²³⁶.

В Кейптаун он переселился из Шанхая вскоре после Второй мировой войны.

В сентябре 1994 г., пригласив нас на свою роскошную виллу в Кейптауне, он показал 40-минутный фильм, который был сделан о нем в 1979 г. в Южной Африке. Сказал, что в разных странах о его персоне сделано еще несколько фильмов. Рассказал, как много посетителей было на его выставках и как много среди них — людей именитых. На выставке в Канаде в 1962 г. побывала и сестра Николая II, великая княгиня Ольга, которая провела последние десятилетия своей жизни в Канаде.

На мой вопрос, каким он себя считает человеком, сказал, что на подобные вопросы обычно отвечает: «Я — между Толстым и Распутиным. Больше — Распутин».

Его книга воспоминаний открывается посвящением: «To Natalie, my wife, who says that life with me is one moment in heaven, next in hell but mostly in purgatory»²³⁷.

Отношение к Третчикову в Южной Африке неоднозначно. Довольно широко распространено мнение, что картины этого художника — мастерски сделанный китч; многие сравнивают Третчикова с Ильей Глазуновым — и те, кто ценит Глазунова, и те, кто его творчество тоже относят к разряду китча. Когда мы спросили самого Третчикова, как он относится к такому сравнению, тот ответил, что Глазунова не знает, как и других русских художников последних десятилетий. «Я знаю Репина», — сказал он.

Он вообще не относит себя к какой-либо традиции. С гордостью подчеркнул в разговоре с нами: «Я — самоучка».

Но многие из русских, живущих в ЮАР, считают, что в картинах Третчикова слабо представлена русская тематика, что он

---

²³⁶ Total's book of Southern African Records / comp. and ed. by Eric Rosenthal. Johannesburg: Total South Africa, 1975. P. 51.

²³⁷ Ibid. P. 4.

мало интересовался Россией и русскими, плохо говорил по-русски, не помогал соотечественникам, никогда не ездил в Россию. Сам же Третчиков сказал нам, что он «переворачивал» те страны, где устраивались его выставки. «Я бы перевернул и Россию, если бы туда поехал».

Но каково бы ни было отношение к нему и его творчеству, в ЮАР Третчикова считали самым богатым художником в мире.

* * *

Липпи Лившиц, уроженец Латвии, стал одним из самых известных скульпторов Южной Африки.

Арон Клуг, получивший в 1982 г. Нобелевскую премию за достижения в области химии, родился в Литве, провел детство в Дурбане, учился в Витватерсрандском университете и работал в Кейптаунском.

Литература? Надин Гордимер первой в Африке удостоилась Нобелевской премии по литературе. Гертруда Сара Миллин в межвоенный период была очень популярна. Один из ее романов перевели на русский язык и издали в Москве еще в конце 1920-х. И Гордимер, и Миллин — обе из семей российских эмигрантов.

А общественно-политическая жизнь? Тут роль выходцев из России и их детей особенно велика. В коммунистическом движении и в левых профсоюзах — Джо Слово, Рэй Александер, Рут Фёрст, Солли Сакс... Перечень можно продолжать и продолжать. А в парламенте? Хелен Сузман в течение двух десятилетий была самым яростным борцом против апарtheidа. Против расизма выступил и Х. Давыдов. На те немногие парламентские места, за которые могли голосовать небелые, были избраны пять выходцев из России.

Среди иммигрантов из нашей страны я встретил нескольких, кто собирал свидетельства об истории иммиграции: особенно интересовалась этим журналистка Вера Белякова. По возвращении в Москву я дал их адреса Б.М. Горелику. Связавшись с ними, он написал диссертацию об одном из периодов иммиграции и издал ее небольшой книгой²³⁸.

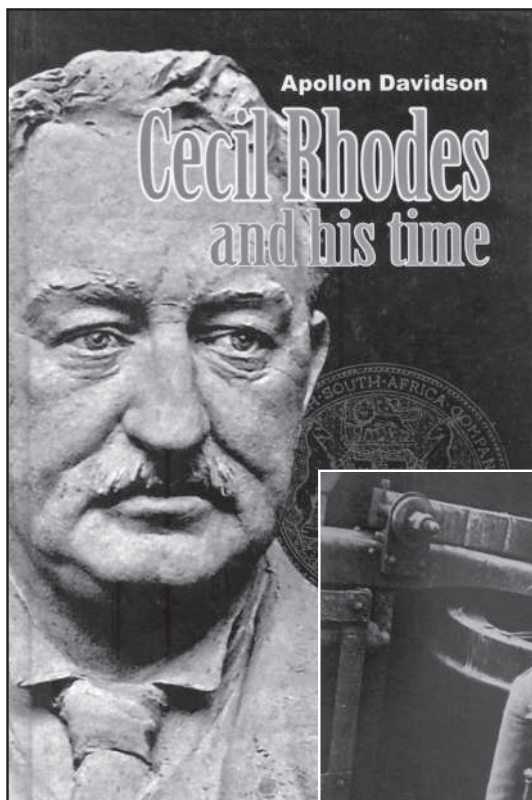
²³⁸ Горелик Б.М. Российская эмиграция в Южную Африку: вчера и сегодня. М.: Ин-т Африки РАН, 2007.

Но все же, конечно, вся эта история заслуживает бóльшего внимания. Особенно — последняя четверть века, с конца 1980-х, когда запреты на выезд из нашей страны ослабели или вообще были сняты. Я познакомился со многими иммигрантами этой последней волны. Но не пишу о них. Кто знает, может быть, они решат вернуться и сочтут, что публикация их откровенностей неуместна. Или — что она вызовет какое-то недовольство у их семей, оставшихся здесь.

ПЕРЕКЛИЧКА С КНИЖНЫМИ ОБРАЗАМИ ДЕТСТВА

Издана в ЮАР
дважды —
в 2003 и 2012 гг.

Уинстон Черчилль
в Англо-бурской войне

Наткнулся я в Южной Африке на следы тех людей, чьи имена знал с детства.

«Книжный шкаф раннего детства — спутник человека на всю жизнь». Думаю, мы все согласимся с этими словами Осипа Мандельштама. Можно лишь уточнить: не только раннего детства, но и вообще детства да и юности.

А Киплинг, Конан-Дойл, Марк Твен... имена, которые моему поколению врезались в память с детства. Чуть позже — Черчилль. А теперь на дорогах у мыса Доброй Надежды я то и дело встречал следы тех людей. Эти места вошли в их книги не случайно. Они тут были, жили, а то и воевали.

Этим и хочу здесь поделиться. Мне казалось, что это интересно не мне одному.

Африканский Киплинг

Трансвааль за спиной...

Киплинг

Наизусть читаем Киплинга...

Высоцкий

В один из первых дней в Кейптаунском университете я решил пройтись по обширной университетской территории. И с удивлением увидел, что очертания одного из ближайших коттеджей мне чем-то знакомы. Как такое? Ведь я его видел впервые. На следующий день опять подошел к нему. Поглядел — да, что-то знакомое...

Вернулся в университет. Встретил одного из профессоров. Ну, думаю, он-то знает. Так и оказалось.

— Ну как же — это ведь The Woolsack, коттедж Киплинга!

Бог ты мой! Как же я сразу не догадался. Старые его фотографии я видел во многих книгах о Киплинге. Правда, на фотографиях и рисунках он выглядит иначе. Не сам дом — он-то остался прежним, а все, что его окружает. Тогда — лет сто назад — здесь, у подножия горного хребта, который венчает знаменитая Столовая гора, коттедж стоял один. Вокруг все зелено: поля, роща, яркие цветы. Поблизости нет других строений. Нет автострады, которая сейчас грохочет рядом. На старых снимках «позировали» изящные куду — южноафриканские антилопы.

А сейчас на этом месте — факультеты, административные здания, общежития и стадионы Кейптаунского университета. Стоянки машин. Снуют студенты. В доме — студенческий совет. Стоят компьютеры, и никто не помнит, что тут было когда-то.

Можно свободно зайти в дом, ходить по комнатам. Студенты заняты своими делами и на меня особого внимания не обращали. Обстановка современная. О Киплинге ничто не напоминает.

Когда я понял, что это за дом, я долго разглядывал его и внутри, и снаружи. На следующий день в университетской библиотеке снова взял биографии Киплинга. Раньше мне как-то не приходило в голову, что многое из всего, чем он прославился, создано тут, в белом просторном коттедже у мыса Доброй Надежды. И даже идея знаменитого стихотворения «Заповедь» пришла ему в голову в связи с южноафриканскими событиями.

По Югу Африки он путешествовал в молодости. Работал здесь журналистом во время Англо-бурской войны.

Южная Африка для Киплинга так притягательна, что он воспевает ее как восхитительную красавицу:

Что за женщина жила
(Бог ее помилуй) —
Не добра и не верна,
Жуткой прелести полна,
Но мужчин влекла она
Сатанинской силой.

Здесь Киплинг скрывался от туманной промозглой лондонской зимы. Первые восемь лет XX в. приезжал каждый год и проводил здесь по несколько месяцев. Для его детей это место было раем. Тут, среди природы, написано многое, за что в 1907-м он стал Нобелевским лауреатом.

Но это не была жизнь отшельника. Во время своих конных прогулок к нему часто заглядывал Сесил Родс, «некоронованный король Южной Африки», кумир Киплинга и его старший друг. Сесил Родс и поручил Герберту Бейкеру — в те времена самому знаменитому архитектору Южной Африки — построить этот коттедж. А место выбрала жена Киплинга.

Дворец самого Родса Groote Schuur (Большой амбар), который потом стал резиденцией президентов и премьер-министров ЮАР, в двух с половиной — трех километрах от киплингского The Woollack.

Откуда взялось такое название дома? Дословно: мешок, набитый шерстью. В словаре дан такой перевод: набитая шерстью подушка, на которой по традиции сидит лорд-канцлер в палате лордов. Но южноафриканские знакомые дали мне другое объяснение. Сказали, что на этом месте, вероятно, когда-то жила семья, носившая эту фамилию.

Приезжал к Киплингу и Баден-Пауэлл. Он тогда еще не основал прославившее его на весь мир движение бойскаутов, но уже приобрел известность мужеством в Англо-бурской войне.

Старых знакомых у Киплинга было в Южной Африке множество. Его жизнь связана с этим краем с 1891-го, когда он, 26-летний журналист, побывал здесь впервые. В 1900-м уже известным писателем прибыл на Англо-бурскую войну. Стал сотрудником газеты *Friend* в Блумфонтейне.

Вспомнилось мне, как полвека назад у костров туристских походов и на молодежных стройках мы пели:

День-ночь, день-ночь — мы идем по Африке,
День-ночь, день-ночь — все по той же Африке...

Да и еще раньше, в 1950-м и 1952-м, мы — студенческий батальон Ленинградского университета — во время военных сборов на Карельском перешейке, на заброшенной линии Маннергейма, маршировали под эту песню. В Африке никто из нас не бывал, но слова

Пыль-пыль-пыль-пыль —
От шагающих сапог

были близки даже тем, кто никогда не слышал об их авторе.

Многие из нас тогда заучивали наизусть стихотворение, которое на русский язык переводили лучшие российские поэты. Самым первым получил известность, мне кажется, перевод Михаила

Лозинского. Он-то и дал русскому переводу название: «Заповедь» (у самого Киплинга оно озаглавлено: «Если...»).

Пусть час не пробил, жди, не устывая,
Пусть лгут лжецы, не снисходи до них;
Умей прощать и не кажись, прощая,
Великодушной и мудрей других.

Стихи, сказки, рассказы, романы Киплинга — часть нашей жизни. Кому из нас только ни читали, когда мы были детьми, сказки «Книги джунглей» или «Маугли»?

Все это сразу нахлынуло на меня. И, естественно, захотелось, как говорят, «поделиться». В университете нашлось с кем поговорить. А в доме Киплинга — нет. Большинство студентов там — африканцы. Само слово «Киплинг» тогда не слышали. В школьное образование, которое они получили в годы расистского режима, упоминание Киплинга вряд ли входило. Для тех же, кто о нем слышал, этот поэт — бард британского империализма. В разговоре с ними я процитировал стихотворение, где Киплинг восхищается африканскими воинами, сражавшимися против англичан:

Мы пьем за вас, Фуззи-Вуззи,
За Судан, где родной ваш дом!

Пылкий английский патриот Киплинг все же умел восхищаться даже теми, кто воевал против его страны. Во время Англо-бурской войны — в марте 1900 г., умер генерал Жубер, главнокомандующий войсками Трансвааля. Киплинг написал стихи и в память генерала, и в память его народа:

В народе сильном, кованном в огне,
Едином от сражений и побед.

А когда та война кончилась, он не бил в барабан, не кричал «Победа!», а написал стихотворение «Урок»:

Мы схлопотали урок и, надо сказать, поделом.

...

Мы получили урок, а в прок ли нам он пойдет?

И призвал к примирению:

Чтобы мы с соседом моим
Исправили вред, нанесенный войной
И мертвым, и живым.

Этот рефрен — во многих его стихах:

Врагам салют отдайте...
Они ведь тоже люди...

* * *

Беседовал я об этом со студентами в доме поэта, а потом задумался: «Как он относился к нам, к России?» Достал его сборник. Рассказ «Бывший». Вот и о русских: «Поймите меня правильно: всякий русский — милейший человек, покуда не напьется. Как азиат он очарователен. И лишь когда настаивает, чтобы к русским относились не как к самому западному из восточных народов, а, напротив, как к самому восточному из западных, превращается в этническое недоразумение, с которым, право, нелегко иметь дело. Он и сам никогда не знает, какая сторона его натуры возобладает в следующий миг»²³⁹.

Но такое суждение о русских... Выражает ли оно полностью его отношение к нам? Мало ли что может вложить автор в разговоры своих персонажей? Есть у Кипплинга и совсем иное суждение о России. В стихотворении 1918 г. — его отклик на большевистский переворот 1917-го. Его сравнительно недавно перевели на русский язык.

Тут у него уважение к народу России и горечь из-за его трагедии:

Была у него держава, и сила, и слава над ней...
Империя строилась триста лет
И рухнула в триста дней!

Это стихотворение вошло в изданный поэтом Евгением Витковским самый объемистый том русских переводов Кипплинга. Там — и те стихотворения южноафриканского цикла, которые раньше вообще не переводились или переведены заново. Впервые — и многие стихи об Англо-бурской войне.

Каким бы патриотом Кипплинг ни был, все же вряд ли можно сказать, что он желал зла другим народам — африканцам или нам, россиянам. Он был сыном своего времени. Родился через десять лет после Крымской войны, в которой русские и английские солда-

---

²³⁹ Кипплинг Р. Восток есть Восток. Рассказы. Путевые заметки. Стихи. М.: Худ. лит., 1991. С. 260.

ты и моряки убивали друг друга. Когда ему было двенадцать-тринадцать, Англия поддержала Османскую империю в войне против России и не дала Санкт-Петербургу воспользоваться плодами победы.

Он родился и вырос в Индии. Там особенно остро ощущались англо-русские противоречия. Гул сражений «белого генерала» Скобелева приближался в Средней Азии к северным пределам «жемчужины Британской империи», как тогда любили называть Индию английские политики. Две крупнейшие империи в мировой истории... Разве они могли относиться друг к другу не как соперники? Киплинг был певцом одной из них. Правда, в десятилетие — с 1907 до 1917-го — эти империи все же заключили союз. Даже вместе воевали против кайзеровской Германии. А Николай II с гордостью принял жезл английского фельдмаршала. Единственный сын Киплинга погиб в этой войне за дело, которое считалось общим. Но вскоре пришли большевики, и союз снова уступил место враждебности.

Из семи десятилетий жизни Киплинга в течение шести Англия и Россия, мягко выражаясь, не очень благоволили друг другу. От нас и ему доставалось. Много лет — с 1939-го — он был в СССР в опале, его не издавали. Последний раз не в фаворе оказались его стихи об англо-афганской войне: «Поверни от стен Кабула...». С конца семидесятых — ненужные параллели с вводом «ограниченного контингента» советских войск в Афганистан.

Но, вообще-то, ему у нас и везло. Мог ли он представить, что в военных лагерях сталинского времени студенты-комсомольцы будут петь о его Африке? Или что его стихотворение со словами «А цыганская дочь — за любимым в ночь» положат на музыку, и оно окажется в центре фильма «Жестокий романс», который будут смотреть десятки миллионов?

Как сейчас относятся к барду Британской империи в странах, которые когда-то были английскими колониями? В первые годы после того, как Индия провозгласила независимость от Англии, Киплинга там поносили. А теперь — ничего, издают, печатают, признают талантливым поэтом и писателем.

Изо дня в день, проходя мимо дома Киплинга в Кейптаунский университет, я думал: как будет с его памятью тут, в ЮАР?

На этом доме все-таки появилась мемориальная доска.

Бывая в Лондоне, я вступил в Кипплинговское общество. В 2007 г. оно опубликовало в своем журнале *The Kipling Journal* мою статью «Кипплинг в России»²⁴⁰.

Конан Дойл в непривычной роли

Я решил убить Шерлока Холмса,
он отвлекает меня от более важных дел...

Из письма Конан Дойла Мэри Дойл

Блумфонтейн. Когда-то это была столица Оранжевого Свободного Государства, одной из двух бурских республик. Чтобы добраться сюда из Кейптауна, надо проехать полстраны. В Блумфонтейне есть уникальный музей — Военный музей бурских республик.

Я разглядывал экспонаты и документы этого музея. Они хранят память о Крюгере, президенте Трансвааля; о Штейне, президенте Оранжевой республики; о Смэтсе, фельдмаршале. Фотографии Уинстона Черчилля — не того грузного, с неизменной сигарой, какого помним мы по фильмам и журналам Второй мировой войны, а тоненького, двадцатипятилетнего, каким он попал в плен к бурам. Ему удалось бежать, и за его голову было назначено вознаграждение — целых 25 ф. ст. Это объявление тоже хранится в музее.

Можно долго перечислять громкие имена тех, кто оказался в Оранжевой и Трансваале тогда, в годы Англо-бурской войны. Был и человек, который приехал сюда, в Блумфонтейн. Обосновался он в помещении Блумфонтейнского клуба.

Это был тот, о ком там же, в Блумфонтейне, я видел книгу «Человек, который был Шерлоком Холмсом»²⁴¹. Он приехал в Блумфонтейн не для того, чтобы проливать кровь. Наоборот — залечивать раны.

Поначалу он собирался сражаться. И в конце 1899-го стоял в очереди добровольцев. Но его не взяли. По возрасту — уже сорок лет.

---

²⁴⁰ Davidson A. Kipling in Russia // *The Kipling Journal*. London, 2007. Vol. 81. No. 322. С. 54–55.

²⁴¹ *Michael and Mollie Hardwick*. The Man who was Sherlock Holmes. London: John Murray, 1963.

Да и здоровье — не для походной жизни. Тогда, вспомнив, что он по образованию врач, отправился хирургом военного госпиталя.

Собираясь в путь, он старался не привлекать к себе внимания, но нельзя сказать, чтобы особенно преуспел. В лондонских газетах появились заголовки: «Шерлок Холмс идет на войну».

Для многих поколений читателей и зрителей герой стал неразрывно связан со своим автором. На могильной плите автора так и написано: «Создатель Шерлока Холмса».

Но кто теперь помнит, что сам Конан Дойл отнюдь не считал создание Шерлока Холмса главным смыслом своей жизни?

«Я решил убить Шерлока Холмса, он отвлекает меня от более важных дел», — писал он своей матери. И осуществил это желание. В 1893-м появилось «Последнее дело Шерлока Холмса». Лишь под яростным давлением читателей ему пришлось потом оживить полюбившегося всем героя. Но новые книги о Шерлоке Холмсе появились лишь через несколько лет, уже в начале XX столетия.

А книг он написал около семидесяти — Шерлок Холмс фигурирует лишь в нескольких из них. И среди них не только романы, повести и рассказы, но и книги о путешествиях, и обстоятельно документированные объемистые тома исторического характера.

И в рыцарское достоинство Конан Дойл был возведен не за создание Шерлока Холмса, а за книгу о войне в Африке. Не роман, а документальный историко-публицистический труд — «Великая бурская война».

В Кейптауне я купил ее у букинистов на Лонг-стрит. Вот она, издание 1902 г.²⁴² На титуле сказано, что это «полное издание». Семьсот семьдесят страниц. Тираж по тем временам огромный: 63 тыс. экземпляров. Еще поразительнее другое. Это «полное, семнадцатое по счету, издание». И все семнадцать изданий вышли за два года! Какой же, значит, интерес они вызвали у поколения наших прадедов!

А вот и другая книга — «Война в Южной Африке, ее причины и способ ее ведения». Тот же 1902 г. Не столь объемиста, но зато — подумать только! — вышла почти одновременно на многих европейских языках. В Германии — двадцать тыс. экземпляров, во

---

²⁴² Doyle A. *Conan. The Great Boer War. Complete Edition*. London: Smith, Elder & Co., 1902.

Франции и Бельгии — тоже двадцать тыс., в Испании — десять, в Венгрии — восемь, в Голландии и Италии — по пять тысяч, в скандинавских странах тоже пять, в Португалии — три.

В Москве — у букинистов — я нашел русское издание²⁴³. Вышло в Одессе. Перевод сделан баснословно быстро — в том же 1902 г. Тираж — пять тысяч.

Так что, работая в госпитале, Конан Дойл успел собрать и громадный материал о той войне. Продумать его. И написать.

Легко представить, какое влияние во всем мире имели эти книги!

Целью знаменитого уже тогда автора было ослабить то возмущение действиями его родины, которое охватило Европу. И он писал — цитирую по русскому изданию, — что «большинство людей во всех странах, настроенных против нас, было введено в заблуждение потоком разных нареканий и ложных слухов, распространившихся продажною и невежественной прессой».

Как и многие политики, даже и нынешние, он поддался соблазну винить зеркало, а не лицо. Что же касается обвинения англичан в жестокости по отношению к женщинам и детям, то он присоединился к словам тогдашнего министра колоний Джозефа Чемберлена: «... в истории можно найти прецеденты жестоких мер, которые мы вынуждены были принять в отношении повстанцев; так поступали французы в Алжире, русские на Кавказе, австрийцы в Боснии и немцы во Франции»²⁴⁴.

Конан Дойл писал это во время войны, когда страсти вокруг этих событий кипели. Потом английские историки давали более объективные оценки.

* * *

Африка заняла важное место в его жизни задолго до Англо-бурской войны. В 1882 г. еще неизвестным корабельным врачом двадцати трех лет отроду Дойл оказался в Западной Африке. Позднее он описал это путешествие в романе «Торговый дом

---

²⁴³ На обложке: Война в Южной Африке, ее причины и способ ее ведения. А. Конан Дойла, автора «Большой бурской войны». Одесса: Topics (англ. газ.), 1902.

²⁴⁴ Там же. С. 142–143.

Гердлстон». В нигерийском городе Лагосе отлеживался после тяжелой болезни.

В конце 1895-го уже известным писателем, породившим и убившим Шерлока Холмса, приплыл из Италии в Египет и прожил там полгода. Мечтал отправиться в путешествие по Сахаре. Пересек Египет с севера на юг. Потом на верблюде добрался через пустыню до Вади-Хальфы, городка в северном Судане. В то время возобновлялась война Англии с суданцами, и Конан Дойл решил стать военным корреспондентом — единственная возможность пробраться на театр военных действий.

Поразительное совпадение. Несколькими годами раньше, в 1890-м, вышел роман Киплинга «Свет погас». Одно из главных мест действия — Судан. Та же затяжная война Англии с восставшими суданцами, только ее предыдущий этап: восьмидесятые годы. Двадцатипятилетний Киплинг, никогда еще не бывавший на войне, сумел правдиво показать прозаичную и отнюдь не радостную жизнь военных корреспондентов.

Конан Дойл, конечно, знал роман «Свет погас». Да и с Киплингом познакомился. Восхищался его талантом.

И вот в 1896-м, узнав о решении английского правительства возобновить войну и добиться разгрома суданцев, решает выступить в той самой роли, которая была обрисована Киплингом. В тех самых местах. И в той самой войне.

Но в Вади-Хальфе Конан Дойла ждало разочарование. Сражений, которые он хотел увидеть, еще не было. Оказалось, что приготовления к началу кампании только начались. А тут пришла депеша о тяжелой болезни жены. Ему пришлось вернуться в Англию. Об опасностях, которые поджидали писателя в Судане, он написал свою известную «Трагедию Короско».

Когда началась Первая мировая война, Дойл, уже 55-летний, просился на фронт. Его не взяли, но он все же побывал на фронте, даже в окопах. А в английском флоте был корабль «Конан Дойл».

Что и говорить, у него была громкая и добрая слава. Хорошо знавший писателя Джером К. Джером выразил это кратко: «...человек большого сердца, большого роста, большой души».

Популярность его книг об Англо-бурской войне привела к тому, что в Первую мировую войну он вернулся к этой деятельности летописца и историка. Написал шеститомную историю бри-

танских военных действий в Европе в 1914–1918 гг. В России он видел союзника. В «Открытом письме сэра Артура Конан Дойла к русскому народу» призывал к англо-русскому сближению и заверял, что на Англию, как союзника в борьбе против кайзеровской Германии, вполне можно положиться. В феврале 1916-го, когда в Англию в качестве военных корреспондентов приехали Корней Чуковский, Алексей Толстой и еще несколько писателей и журналистов, он водил их по Лондону, рассказывал о военных усилиях англичан и, как любитель истории, — о местах, связанных с пребыванием Петра I в Лондоне.

Сколько уже написано о нем, и сколько еще можно написать! А как Дойл разоблачал колониальные зверства в Конго: его книга «Преступление в Конго» вызвала когда-то взрыв возмущения действиями бельгийского короля Леопольда. А его увлечение спиритизмом! Написал даже книгу «Путешествие спирита».

* * *

Следы Конан Дойла я искал не только в Блумфонтейне, но и в Кейптауне. В гостинице Maunt Nelson, где я останавливался, мне сказали: «Да, жил он у нас».

А потом, уже в 2007 г., в Лондоне вышла книга «Артур Конан Дойл. Жизнь в письмах»²⁴⁵. Большой том, почти семьсот страниц. Это сохранившаяся переписка Конан Дойла. Раньше публиковались лишь отрывки. А тут — вся его жизнь запечатлелась.

Конечно, по письмам, даже самым, казалось бы, откровенным, все равно всего о человеке не узнаешь. Прав Евтушенко:

У каждого — свой тайный личный мир.
Есть в мире этом самый лучший миг.
Есть в мире этом самый страшный час,
Но это всё неведомо для нас...

Но все-таки...

Самая интересная, самая подробная переписка — с Мэри Дойл, его мамой. Он ее любил, делился с ней тем, что его волновало, советовался.

Она его всячески отговаривала идти на войну в Африку. Боялась за сына, за его семью.

---

²⁴⁵ Doyle A. *Conan. A Life in Letters*. London: Harper Press, 2007.

И дело не только в этой, такой понятной и трогательной материнской заботе. Она вообще войну Англии против буров считала несправедливой.

Письмо от 22 ноября 1899 г.: «Не отправляйся туда, Артур. Это мое первое и последнее слово. Ты так много должен сделать дома... Видит Бог, мое сердце сжимается, когда я думаю об этом. Если эти политики и журналисты, которые так бездумно толкают к войне, если бы они сами отправились на фронт, наверное, они вели бы себя осторожнее. Они толкают страну (даже если и им не хочется этого) к этой ужасной войне, и если ты меня слушаешь, ты не будешь их жертвой. Это стало бы самоубийством...».

И мать и сын исходили из обстановки, сложившейся в Трансваале и вокруг него.

С середины 1880-х, когда в Трансваале обнаружили крупнейшие в мире месторождения золота, туда ринулись тысячи золотоискателей со всего мира, прежде всего англичан. Началось бурное развитие промышленности. Возник «Золотой город» — Йоханнесбург. Сами буры, оставаясь по преимуществу фермерами, активного участия не принимали. Приезжих называли иностранцами — «ойтландеры» (по-английски — «уитлендеры»). Правительство Трансвааля не давало им полных гражданских прав, участия в выборах в фольксраад (парламент), боясь, что эти голоса поменяют его состав. В конце 1895 г. вооруженные силы созданной Сесилем Родсом Британской южноафриканской компании во главе с Джеймсоном вторглись в Трансвааль (в историю это вошло как «Набег Джеймсона»). Буры окружили их, взяли в плен. Германский кайзер Вильгельм II заявил о поддержке буров. Трансвааль превратился — из-за своих золотых месторождений — в объект интриг европейских государств.

Мать и сын оценивали эти события по-разному. Мать читала, что Трансвааль — независимое государство, и нечего вмешиваться в его дела. Она сочувствовала бурам: «Их бедные степи им так же дороги, как наша страна — нам, и они не хотят отдавать ее в руки “Родс и Ко”».

У сына — соображения прямо противоположные. Письмо от декабря 1899 г.: «Я уверен, что Ваши взгляды на справедливость войны совершенно неверны». Он отстаивал правоту британского правительства и винил трансваальского президента Крюгера.

Взгляд Конан Дойла совпадал с тогдашней британской политикой и пропагандой.

В своих письмах он приводил аргументы, которые можно было прочесть почти в каждой тогдашней английской газете. Он писал:

«1. Уитлендеры уже составляют большинство населения страны [Трансвааля].

2. Большинство из них — англичане.

3. 9/10 налогов, собираемых в Трансваале, платят они.

4. После 15 лет своих просьб и требований они не получили ни одного голоса, даже в городском совете...».

Пожалуй главным в длинном перечне был такой пункт:

«7. Англия является гарантом этого народа, а также Верховной Властью».

Почему?

Конан Дойл имел в виду мирный договор 1881 г., заключенный Трансваалем (или, как он назывался официально — Южно-Африканская Республика) с Великобританией после первой Англо-бурской войны 1880–1881 гг. В нем говорилось, что свои отношения с иностранными государствами Трансвааль должен согласовывать с Великобританией. Это было единственным ограничением его суверенитета, но уже и этому за давностью лет не придавалось значения. Так, Трансвааль в 1898 г. заключил дипломатические отношения с Россией, а еще раньше с другими государствами Европы, не спрашиваясь у Лондона. Но Конан Дойл, видимо, это ограничение и имел в виду.

Главное же, он гневался, что Трансвааль не дает прав гражданства уитлендерам, и восклицал в письме к матери: «Что же вы стали бы делать? Что можно сделать?».

Вопрос ведь куда как актуален в наши дни: мучительно обсуждается в Европе из-за усиливающегося наплыва населения из Азии и Африки.

Конечно, проводить аналогию с тем, что было в Трансваале больше ста лет назад, мягко говоря, спорно. Ведь многие, если не большинство золотоискателей, приехавших на «золотой бум» в Трансвааль, вряд ли хотели там прочно обосноваться. Многие хотели, разбогатев, вернуться в родные края. Их голоса на выборах нужны были больше не им самим, а «королям алмазов и золота», прежде

всего крупнейшему из них — Сесилию Родсу, чтобы изменить существующие в Трансваале порядки, а может быть, и саму власть.

Понимал ли это Конан Дойл? Если и понимал, всё же его представления о патриотизме, о благотельной роли Великобритании находились в русле господствовавших тогда идей.

Решение Конан Дойла ехать на войну ускорила, вероятно, «Черная неделя». Так называли серию поражений, которые британские войска понесли от буров 10–17 декабря 1899 г. Присланные в Южную Африку молодые необстрелянные новобранцы терпели на первых порах поражения от опытных бурских стрелков, вставших на защиту своей родины и отлично знавших местные условия. Конан Дойл решил, что «это самая черная [неделя] в жизни нашего поколения и самая ужасная для британской армии в течение всего этого столетия»²⁴⁶.

Соображения его были жесткими: «Не должно быть никаких полумер. Надо употребить все силы, чтобы прекратить сопротивление Трансваала и Свободного Государства; и подавить тех, кто симпатизирует им в Капской колонии. Ради нашей империи, ради сохранения нашей чести и достоинства, ради нашей нации нам надо воевать против буров»²⁴⁷.

В январе 1901 г. он писал Мэри Дойл: «Британский флаг будет реять над объединенной Южной Африкой, где каждый человек будет обладать равными правами!»²⁴⁸

Должно быть, он был искренен.

А что было бы лучше для Южной Африки: власть буров или англичан? Спорили долго историки и политики. У африканцев же — свой взгляд.

* * *

Все это — забытое и полузабытое — невольно вспоминается, когда бродишь по улицам южноафриканского города, исхоженным ногами этого удивительного человека.

Нельзя сказать, что тут, в Военном музее бурских республик, только ему отдаются самые высокие почести. Будучи яростным

---

²⁴⁶ Doyle A. *Conan. A Life...* P. 431.

²⁴⁷ Ibid. P. 10.

²⁴⁸ Ibid. P. 438.

английским патриотом, он, как это нередко бывает с патриотами, слишком оправдывал действия своей родины. И буры помнили это. Но в отличие от записных «патриотов», которые кричат о любви к родине, но не готовы ради нее ничем всерьез поступиться, Конан Дойл готов был сражаться, шел на войну. И не менее важно — патриотизм не вполне застилал ему глаза. Он стремился понять и тех, против кого воевала его страна. В Южной Африке помнят и это.

Чтут его личное мужество. Но, прежде всего, талант.

...Наконец, еще одна книга. Последняя в его жизни. «Наша африканская зима» — о путешествии по Африке, последнем. Он поехал с женой и детьми в Блумфонтейн через тридцать лет. «Я хотел показать своей семье некоторые из мест, так знакомых мне со времен бурской войны».

Эту книгу в 1961-м мне посчастливилось купить у ленинградских букинистов. Экземпляр с автографом Конан Дойла и датой, поставленной его рукою — 18 октября 1929 г. За восемь с половиной месяцев до кончины.

Как этот экземпляр в добротном синем переплете проделал путь до наших краев, до магазина «Академкнига» на Литейном? Чьи руки прикасались к нему после того, как автор старческой, но твердой рукой вывел черными чернилами дарственную надпись неизвестному мне человеку по фамилии Нитобург. Кто это был и почему Конан Дойл подарил книгу именно ему? Я отдал ее Кристоферу Файфу, одному из лучших британских африканистов.

За страницами всех этих книг — их автор. Он страстно любил жизнь, приключения, романтику, спорт. Увлекался регби, возглавлял регату. Отдал дань боксу. Сказал о себе устами Шерлока Холмса: «Вся моя жизнь — сплошное усилие избежать тоскливого однообразия будней». Слово «приключения» сохраняло над ним власть до конца дней. Даже перед смертью он нашел в себе силы шутить: «Приключений в моей жизни было много. Но самое сильное и удивительное ждет меня теперь».

«Забытый Конан Дойл» называлось одно из моих «Писем с мыса Доброй Надежды», опубликованное в 1999 г.²⁴⁹ Тогда мне казалось, да и сейчас кажется, что роль Африки в жизни Конан Дойла за-

---

²⁴⁹ Давидсон А. Забытый Конан Дойл // Эхо планеты. 1999. Июль.

служивает внимания. Но десятью годами позднее, когда отмечалось 150-летие со дня его рождения (родился 25 мая 1859 г.), писателя вспоминали почти исключительно как создателя Шерлока Холмса.

«Черчилля, мертвого или живого!..»

Газеты взахлеб славили мой подвиг
Черчилль. «Мои ранние годы»

Мне довелось увидеть своими глазами поля битв Англо-бурской войны, участвовать в событиях, которыми в 1999–2000 гг. отмечалась ее 100-летняя годовщина. Почувствовать, как в этих событиях отразилась память народа, который известен у нас как буры, а сам себя называет африканерами. И его тревога за свое будущее.

...К Клубу фермеров я подошел первым — в назначенное время. На этот сбор в Винтертоне, таком маленьком городке, что и на карте-то его не найдешь, собрались сотни людей не только из других мест Южной Африки, но и из Европы. Больше — местных буров. Крупные, крепкие, здоровые. Широкие длинные шорты. Лица и руки задубели под солнцем: середина южноафриканского лета.

Едем на поля жаркого боя, одного из тех, что громыхали в этих краях сто лет назад.

В открытых джипах — молодежь, одетая, как бурские бойцы той войны, опоясанные патронташами, в лихо заломленных широкополюх шляпах. Держат на длинных древках старое четырехцветное знамя Трансвааля.

Спион-коп. Как это перевести с языка африкаанс на русский? Разведывательная гора? Название пошло от первых бурских переселенцев. Придя сюда в конце 30-х годов XIX в., они с этой горы обзоредали окрестности, выбирали места для своих поселений и пути для дальнейших странствий. У горы плоская вершина. Она настолько выше окружающей местности, что с нее видно всё — на десятки километров.

До вершины мы добрались, не скажу, чтобы без труда. И тут, наверху — как это назвать? Памятник? На фотографиях я видел много раз. Но совсем другое — увидеть воочию. И услышать здесь, на месте, историю давней битвы.

Пока ехали туда в автобусах, болтали о том о сем. Смеялись. Но когда забрались на вершину... Перед глазами такое, что все примолкли.

Необозримый простор. На вершине — огромная общая могила. Длинная-длинная траншея. Ее вырыли английские солдаты. Пробыли в ней несколько часов. И погибли, защищая ее. Остались в ней навечно. Она стала их общей могилой. У начала траншеи, как у изголовья, поставили большой крест. Он возвышается над вершиной горы и над всем, что вокруг нее... Вокруг — другие могилы и памятники. На некоторых списки погибших. Или просто: «Здесь лежат несколько храбрых солдат».

Мы — на самом верху, на очень обширной и довольно ровной вершине. Внизу — равнина, река. Зеленые холмы Африки.

Далекий от нас край. И погибшие — не наши. Но действует... Подавляет. Поневоле примолкнешь.

Тишина. Величие и безмолвие природы.

Сегодня 23 января 2000 г. Ровно 100 лет назад в этот самый день почти две тысячи английских солдат получили приказ занять Спирон-коп. Что происходит там, наверху, не знали ни генералы, ни рядовые. Но на всякий случай — идут бесшумно, переговариваться запрещено.

Зачем англичанам понадобилась эта гора?

Шел четвертый месяц Англо-бурской войны. Англичан преследовала неудача за неудачей, поражение за поражением, они были тем более позорными, что огромная Британская империя терпела их от маленьких бурских республик, Трансвааля и Оранжевой. Буры окружили гарнизоны трех английских отрядов и держали их в осаде. На помощь одному из них в городке Ледисмите и шло 23-тысячное английское войско. Ему надо было пересечь равнину и переправиться через реку Тугела. А все это со Спирон-копа видно, как на ладони и, значит, могло простреливаться. И англичанам необходимо было выяснить, есть ли на этой горе бурские команды.

Бурских бойцов в тех местах было куда меньше. Четыре с половиной тысячи. Им надо и Ледисмит держать в осаде (а там 14 тыс. английских солдат), и противостоять армии, что идет на выручку осажденным.

У той горы оказались и несколько человек, чьи имена потом вошли в историю. Во главе буров стоял Луис Бота, через десять лет

он — премьер-министр только что созданного Южно-Африканского Союза. В английском санитарном отряде одним из санитаров был Ганди. Да, тот самый. Его еще не называют Махатмой, Учителем. Ему тридцать один год. Он уже давно живет в Южной Африке и останется там еще надолго. Всего — на двадцать лет. Там и создаст свое учение — сатьяграху.

Там есть еще один человек, и еще моложе. Двадцатипятилетний лейтенант Уинстон Черчилль.

И командующий английской армией, идущей к Ледисмиту, Чарлз Уоррен, десятилетием раньше возглавлявший лондонскую полицию. На то время прихлалась история с убийцей по прозвищу Джек Потрошитель, всколыхнувшая Англию и докатившаяся даже до России. Этот маньяк убивал проституток и расчленял их трупы. Поймать его никак не удавалось. Власти должны были свалить на кого-то вину за это. Козлом отпущения сделали Уоррена. Ему пришлось покинуть свой пост и вернуться из полиции в армию. Но та история не прошла для него бесследно: он боялся новых неудач и гнева начальства.

Над Уорреном стоял генерал Буллер. В первые ужасные для англичан месяцы войны он командовал всеми британскими войсками в Южной Африке. В поражениях винули его, Буллера. Из Англии прислали нового главнокомандующего — фельдмаршала Робертса, но за Буллером оставили руководство войсками в колонии Натал — той части Южной Африки, где находились Ледисмит и Спирит-коп.

Так что уже окрыленному недавними победами Луису Боте противостояли два 60-летних генерала, побитых жизнью, боявшихся снова сделать неверный шаг, и потому нервных и нерешительных.

Да и бойцы противостоящих сторон очень разные. Буры — не солдаты. Это вооруженные фермеры. Никакой армейской выучки. Каждый приходил со своим конем, со своим запасом еды (прежде всего билтонгом — вяленным мясом). А порой и со своей винтовкой. Они не знали, что такое шагать строем и тянуть носок. Зато легко ориентировались в этих краях, прекрасно стреляли и, главное, знали, за что дерутся: за независимость своих маленьких республик.

А английские солдаты? Большинство из них только-только прибыли из Великобритании. Им внушили, что их долг — служить

королеве. Но тут чужая им Африка. Невыносимая жара. Боевого опыта нет: последней для Англии серьезной войной была Крымская, за полвека до Англо-бурской. Необстрелянные. Большинство — новобранцы. Буры называли их «роойнек»: «люди с красной шеей». На испепеляющем солнце шея, не прикрытая ни мундиром, ни каской, — самое страдающее место.

Для них все в этой войне внове — и для солдат, и для генералов. «Деревенские мужлань» — не только отличные стрелки, но и лучше вооружены. Готовясь к войне, они тайно, в ящиках с надписью «Горное оборудование», ввозили из Германии крупновские пушки и карабины, по тем временам лучшие в мире.

И они навязали англичанам свои правила войны. Вести бой сомкнутыми колоннами оказалось невозможно. Попытки так идти против пулеметов закончились гибелью, а в этой войне пулеметы были применены в широком масштабе впервые.

Английские солдаты начали было войну в своей обычной форме: яркие красно-синие мундиры с широким белым поясом. О лучшей мишени бурские стрелки не могли и мечтать. Пришлось британцам (а потом — вслед за ними — и всем армиям мира) переодеться в «хаки».

Да и вообще сколько оказалось новшеств в этой войне! Ведь Западная Европа не знала войн после Франко-прусской, и все изобретения, сделанные за тридцать лет, проходили проверки боем тут, на Юге Африки.

* * *

...С наступлением ночи, с 23 на 24 января 1900 г., почти две тысячи английских солдат стали взбираться по южному склону Спийон-копа. Бурский отряд в сто человек отступил после недолгой перестрелки, и англичане получили приказ окопаться на ближайшей части вершины. Но твердый глинистый грунт, усеянный камнями, лопаты брали плохо. Не хватало и опыта зарываться в землю. Окопы и траншеи ведь тоже стали широко применяться с той войны, а кажутся нам вечными спутниками сражений потому, что с ними оказались потом связаны все войны XX в.

Вырыли траншею длиной в 300–400 метров, но на глубину только 45 сантиметров. Должно быть, показалось, что это достаточно. Место выбрали крайне неудачно. Не представляли себе, на-

сколько далеко и широко простирается вершина горы и что происходит на других склонах.

До восьми утра над горой стоял густой туман, окружающие места были трудно различимы, и у англичан возникло ощущение относительной безопасности. Но когда туман рассеялся и взошло солнце, поняли, в какую ловушку попали. Буры успели втащить свои орудия на соседние холмы. Траншея и все позиции англичан оттуда легко простреливались. От шрапнели — тоже новинки той войны — траншеи не спасали. А на вершине горы, в ее северной части — бурские снайперы. Укрыться негде. Гора голая. Деревьев нет. Трава, редко-редко мелкий кустарник.

В спешке забыли телеграфный провод. А гелиограф — установка, которая подавала световые сигналы, поврежден осколком снаряда. Так что оставалось сообщаться с Уорреном только посыльными. А это уже не минуты, а часы.

Генерала Вудгейта, руководителя операции на Спион-копе, смертельно ранили уже в 8:30 утра. Он почти тотчас умер, и пошла еще большая неразбериха.

Офицер, принявший командование, направил Уоррену донесение: «Пришлите подкрепления немедленно, или все потеряно. Генерал убит». Только получив донесение, а это было уже в 9:50, Уоррен понял, что положение неизмеримо серьезней, чем он полагал. Он и Буллер отправили на вершину горы подкрепления. Но, не договорившись толком друг с другом, назначили преемниками убитого генерала разных офицеров.

Поднять орудия на гору или один из близлежащих холмов англичане не успели, и ничто не противостояло артиллерии буров. А в траншее английским солдатам было так тесно, что, по выражению одного из бурских бойцов, «между их телами даже сухарь нельзя бы просунуть». Как им стрелять? Один из них писал потом: «Невозможно было даже чуть-чуть приподнять голову из траншеи: тебя пристрелят в тот же миг».

Под градом шрапнели и выстрелами траншея превратилась в человеческое месиво. Тела, разорванные на куски. Подкрепления, не поддержанные артиллерией, не изменили общую ситуацию. И все это под палящим солнцем. Жажда. Водой не запаслись.

В 13:00 один из солдат Ланкаширского пехотного полка, не выдержав, поднял белый флаг. Буры немедленно перестали стрелять и встали, чтобы взять пленных, но из дальнего конца тран-

шей раздались выстрелы. Схватка было возобновилась, но на стороне ланкаширцев поднялось уже несколько белых флагов. Буры стали брать пленных. Английский подполковник Торникрофт подбежал к ним с криком: «Командую тут я! Идите ко всем чертям! Никакой капитуляции нет».

Но это не помогло. Ланкаширцы шли сдаваться. (Потом английская цензура вычеркивала из солдатских писем упоминание о том, что они подняли белый флаг.)

Подошедшим подкреплениям оказалось не легче. У них не было и траншей. Прикрытие — одни только камни. Битва продолжалась до наступления темноты. В два часа ночи совершенно изнуренный Торникрофт сам явился в палатку Уоррена и доложил, что дал приказ к отступлению. Уоррен сообщил это Буллеру. Тот в шесть утра прибыл в лагерь Уоррена и принял командование на себя, в сущности отстранив Уоррена. В своем секретном отчете военному министру Буллер возложил вину на него.

Тем временем буры, даже не зная еще о полном отступлении англичан, тоже решили оставить вершину этой злосчастной горы. Они были потрясены размерами своих потерь — 58 убитых и 140 раненых. Это неизмеримо меньше, чем потеряли англичане. Но буры во всей своей истории не знали такого урона.

Англичане за этот один бой потеряли почти 1200 человек, из них 322 убитыми.

На следующее утро объявили перемирие, чтобы подобрать раненых и похоронить убитых. Тут уже разговаривали друг с другом, вместе курили. Англичанам потребовалось три дня, чтобы похоронить своих в вырытых ими траншеях.

...Так нам рассказал все это Гилберт Торледж, знаток этих мест и их истории, переходя от одного захоронения к другому. У нас, во всей нашей группе, не осталось и следа от тех беззаботных шуток, что раздавались в автобусе по дороге сюда. Оказалось, что среди нас — внуки и правнуки тех, кто тут лежит.

И мне вспомнились стихи о той войне:

Без гроба, так, в чем был, его
Зарыли и ушли.
Лишь Африка вокруг него,
Холмы пустынь вдали;
Чужие звезды над его
Могилою взошли.

На обратном пути кто-то сравнил эти потери с миллионами погибших в двух мировых войнах и, зная, что я пережил блокаду в Ленинграде, сказал о миллионе умерших там от голода. Но можно ли мерить историю статистикой, цифрами? В Трансваале и Оранжевой буров насчитывалось немногим больше двухсот тысяч. Это всех — мужчин, женщин, детей. В боях и в английских концлагерях погиб каждый восьмой или девятый.

Да и для Англии это была национальная трагедия. Не только плач матерей и жен, но и удар по престижу самой большой империи в истории человечества. Сколько злорадства и насмешек по всему миру. Пришлось везти туда через Атлантику почти полмиллиона солдат, в два раза больше, чем было буров в обеих их республиках, вместе взятых. Горечь в словах Киплинга:

Коль кровь — цена владычеству,
Коль кровь — цена владычеству,
Коль кровь — цена владычеству,
То мы заплатили с лихвой!

...После нашего возвращения со Спийон-копа в Винтертон — продолжение программы, посвященной 100-летию Англо-бурской войны. Доклады об участии добровольцев, сражавшихся на стороне буров — ирландцев, немцев, французов, евреев. И.И. Филатова — доклад об участии русских.

А вечером — торжественный ужин. Из Претории приехал хор старших школьников. Они спели песни той войны — и бурские, и английские. Прочитали отрывки из тогдашних военных дневников.

* * *

Так в 2000 г. отмечалось 100-летие Англо-бурской войны в маленьком городке Винтертон. Точнее, одно из событий войны — Спийон-коп. А программа, связанная со 100-летием, рассчитана в ЮАР больше чем на два с половиной года: до 31 мая 2002-го, когда отмечалось 100-летие окончания войны.

Я был в качестве гостя на нескольких торжественных церемониях. Возложил венок на могилу участника той войны, русского моряка лейтенанта Бориса Штрольмана на кладбище в Претории.

По всей стране шли молебны, посещения полей сражений, торжественные собрания, выставки, научные конференции. Книжки, брошюры, статьи.

Чем объяснить?

Наверно, причин много. Но над одной, пожалуй, стоит задуматься особо.

Буры, или — как они сами называют себя — африканеры, чувствуют себя и сейчас, очевидно, под угрозой. Тогда они, заплатив дорогую цену, выжили, устояли как народ. Больше того, в Южно-Африканском Союзе, созданном англичанами после той войны, правительство возглавлялось бурами. А потом, не ужившись в Британской империи и возникшем на ее месте британском Содружестве, буры вывели из него страну и провозгласили независимым государством — Южно-Африканской Республикой. Буры правили всеми ее центральными органами и провинциями, армией, полицией.

А с 1994 г. власть перешла к африканцам, к черному большинству. От тех горячих симпатий, которые проявляла к бурам Европа во время их героической войны против Англии, ничего не осталось. Считается, что именно бурский национализм запятнал себя созданием расистского режима апартхеида. Черным африканцам, что поделывать, было за что не любить буров. Песня «Убей бура, убей фермера», возникшая в 1970-х, отражала накопившуюся неприязнь.

Теряет влияние и язык буров — африкаанс. Меняются названия провинций, городов, улиц. Новые таблички — на языках зулу, ко́са, тсвана.

У буров — и чувство вины, и опасения за будущее.

Считалось, что кто-кто, а уж буры-то не будут уезжать из Южной Африки. Политики из их среды еще не так давно заявляли: «Будем сражаться спиной к стене!»

Но сражаться спиной к стене никто не стал. Да и войны не было. А эмиграция идет, хоть и не массовая. Уезжает молодежь, причем самая профессионально подготовленная. Куда? В страны, созданные теми, против кого буры дрались в ту войну, — англичанами. Новая Зеландия, Австралия, Канада.

Небольшие народы особенно тревожатся за свою судьбу, и у них на это есть основания. Страх раствориться среди больших на-

ций, утратить свою идентичность, культуру, язык. Боязнь не выжить как народу.

Поэтому у буров такая вспышка внимания к самой героической странице своего прошлого. Поэтому и молодые буры на Спион-копе — с развевающимися флагами Трансвааля, страны, которой уже нет на карте.

Те, кто был со мной на Спион-копе и потом, на конференции и на большом торжественном ужине, — все они видели, что ни одного черного африканца среди них не было.

Такое несхожее отношение разных народов к прошлому своего общего государства — разве это типично только для Южной Африки?

Эти вопросы висели в воздухе и чувствовались, кажется, всеми. Но в открытую почти не обсуждались. Наверно, потому, что ответить трудно.

А я думал о своей стране, России. Относятся такие вопросы и к нам?

* * *

В той битве на стороне буров сражались четыре русских добровольца. Мне удалось разыскать впечатления одного из них, поручика Евгения Федоровича Августуса²⁵⁰. Они опубликованы в Варшаве — на русском языке в «Варшавском военном журнале» — в 1900–1901 гг. Затем вышли отдельной книгой «Воспоминания участника Англо-бурской войны 1899–1902 гг.» в 1902 г.

В бурском коммандо Августус был простым рядовым. Буры предлагали иностранцам, приезжавшим к ним на помощь, быть в своих отрядах только рядовыми. Так что Евгений Федорович не мог знать, что делалось в высоких эшелонах власти с обеих сторон. Августус видел только свой участок боя. Но тем не менее, а может быть, именно поэтому, его наблюдения так интересны. Писал он вскоре после возвращения в Россию.

«Фигуры буров то мелькают в зеленой траве, то исчезают за острыми ребрами скал. И меня охватывает это неудержимое стремление вперед; точно в каком-то гипнозе, оглушенный адским

---

²⁵⁰ Августус Е.Ф. Воспоминания участника Англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшава: Тип. «Бристоль», 1902. (Все цитаты из этой книги.)

грохотом, ослепленный ярким солнцем, я рвусь вперед. Вон расстиляется вершина горы, увенчанная несколькими корявыми мозаиками — вон бесформенные завалы, там англичане...

Буры припали за камни; они как бы застыли, слились с выступами земли, скрывающими их от залпов противника; не суетясь, не волнуясь, они крепко сжимают приклад винтовки и выжидают, точно хищные коршуны, появление желтой каски и блеск штыка. Справа слегка затрещали частые ружейные выстрелы, сверкают гильзы, обоймы; в горле защекотало от едкого порохового газа.

Над завалами рвутся без счета шрапнели, и медленно расплываются в воздухе дымки снарядов, затмевая яркий свет солнца кровавой пеленой...

А я, не испытывая ни кровожадности, ни восплаемого стихотворцами «эпического настроения» в хаотическом разгаре этой беспощадной бойни, я уже опорожнил все гнезда своего патронташа...».

Над позицией англичан появляется белая грязная тряпка. Буры прекращают стрелять, радостно вскакивают, выбегают вперед. «Но белый флаг срывается внезапно; снова с большим ожесточением загорается стрельба».

И вдруг впереди «показывается толпа людей; спотыкаясь, падая, они устремляются на нас. Что это, вылазка? Удар в штыки? А у нас уже нет почти патронов, у нас нет штыков. Не выдержать бурам, рассеянным по всему скату, дружного штыкового удара. Но нет, вон англичане, побросав винтовки, подняв руки кверху, бегут прямо к нам; они сдаются в плен... Вон один с почерневшим лицом, с воспаленными глазами, бросается, как зверь, на меня. Я невольно замахнулся прикладом, но он припал с каким-то диким хрипом к баклаге и судорожными глотками, как умирающий от жажды, пьет воду.

И буры, и англичане, за минуту перед тем убивавшие друг друга с кровожадностью озверевших людоедов, столпились в кучу, почерневшие от копоти, забрызганные кровью и мозгами своих павших товарищей, истомленные, измученные двенадцатичасовым боем; они пьют из общей баклаги, делятся по-братски последним сухарем».

Эти заметки — отражение того живейшего интереса, который проявляла Россия к той войне. Одних только добровольцев —

россиян и выходцев из России — там сражалось, по подсчетам англичан, около 225 человек. Бурный отклик российского общества на ту войну — часть нашей истории²⁵¹.

* * *

Почему я привлек внимание к битве на горе Спирит-коп? В ней сфокусировались важные черты всей Англо-бурской войны. И та атмосфера, которая отразилась на отношении к ней по всему миру. Особенно же для тех, кто чувствовал ее совсем близко. И Киплинг, Конан Дойл... А уже те, кто напрямую участвовал в той битве! Ганди, Луис Бота... Тут хочу остановиться только на одном из них.

С тех событий Англо-бурской войны началась карьера Черчилля, его восхождение к военной, а отсюда и к политической славе.

Черчилль участвовал и в том сражении. Был связным генерала Уоррена. Поднимался на вершину горы. Он и передал Торникрофту приказ продолжать удерживать вершину и получил ответ: «С сожалением сообщая, что я вынужден покинуть Спирит-коп, поскольку защитить наши позиции невозможно». А о генерале Черчилль писал потом: «Он очаровательный старый джентльмен, и мне его действительно жаль. Но мне жаль и нашу армию».

Черчилль описал эту битву подробно. Я прочитал это тогда, сразу же. Но теперь, несколько лет назад, эти ранние воспоминания 25-летнего лейтенанта вышли и на русском языке, и с ними может познакомиться каждый, кто захочет.

Не стану приводить все черчиллевское описание. Только одно — о его личном участии. По его словам, когда над полем кровавой битвы уже опустилась ночь, у подножия горы британское командование собрало неформальный военный совет. Понимали, что «еще одного такого дня пехота не выдержит». И обсуждали, можно ли поднять пушки на вершину горы. Чтобы выяснить это, Черчиллю приказали подняться туда.

«Был созван еще один неформальный военный совет. Сэр Чарльз Уоррен хотел знать мнение полковника Торникрофта. Я был послан, чтобы переговорить с ним. Стояла непроглядная

---

²⁵¹ Davidson A., Filatova I. The Russians and the Anglo-Boer War. Cape Town, Pretoria, Johannesburg: Human and Rousseau, 1998; Davidson A., Filatova I. Russians Sources on the Anglo-Boer War // South African Archives Journal. Johannesburg, 1999/2000. Vol. 41.

тьма. Каменистая и неровная дорога была безнадежно забита санитарными вагонами, отставшими солдатами и ранеными. Мне вскоре пришлось спешиться, и я полез наверх, повсюду натываясь на потоки людей, извивавшиеся вдоль почти отвесных склонов горы. Наверху время от времени раздавались ружейные выстрелы. Остался только один целый батальон — Дорсетцы. Все остальные были перемешаны. Офицеры собирали отдельные взводы, роты и полуроты; там и сям формировались более крупные единицы, но не было никакой возможности ухватить в темноте кого-либо или что-либо. Темнота и пересеченная местность все парализовали.

Я нашел полковника Торникрофта на вершине горы. Он сидел на земле, окруженный полком, который он взрастил, людьми, которые сражались за него, как львы, и следовали за ним, как собаки. Я объяснил ему ситуацию, как мне велели, и как я сам ее понимал. Морские орудия для этой попытки уже готовы, саперы и рабочие отряды находятся в пути с тысячами мешков с песком. Что он думает? Но решение уже было принято. Он не получал никаких посланий от генерала и не имел времени написать рапорт. Бой был слишком жарким, слишком близким. Поэтому, ничего не зная и не ожидая никаких пушек, он решил отступить. Вкратце он так изложил свою точку зрения: «Лучше шесть целых батальонов у подножия холма, чем зачистка поутру». Затем мы спустились вниз, ведя следом свой арьергард, очень медленно и осторожно».

Юный Черчилль не побоялся написать, что эта битва «прославила солдат гораздо больше, чем генералов». Но все же «эти самые генералы, в конце концов, были храбрыми, способными, благородными английскими джентльменами, которые изо всех сил старались выполнить задачу, которая, вероятно, была невыполнима»²⁵².

Битва на Спирит-коп при всей своей драматичности была не единственным ярким событием в южноафриканском период жизни Уинстона Черчилля. Его внучка начала книгу о своем деде так: «Героические приключения Уинстона Черчилля во время Англо-бурской войны в один момент подняли его на мировую арену». И, «несомненно, были величайшим событием его жизни»²⁵³. А кни-

²⁵² Черчилль Уинстон. Индия, Судан, Южная Африка. Походы Британской армии, 1897–1900. М.: ЭКСМО, 2004. С. 214–215.

²⁵³ Celia Sandys. Churchill. Wanted Dead or Alive. London: Harper Collings Publishers, 1999. P. XXI.

гу назвала: «Черчилль — разыскивается живым или мертвым». Да, действительно, такие объявления были расклеены в Претории в конце 1899 г.

...В памяти нынешних поколений образ Черчилля больше всего связан с тем, что он был премьер-министром Великобритании в годы Второй мировой войны. И его облик по фотографиям — пожилой, полный, одутловатый. Таким политик выглядит и на памятке, который поставлен в центре Лондона.

Таким представлял его и я в годы Второй мировой войны когда имя Черчилля мелькало в наших газетах. Его приезд в Москву, его встреча со Сталиным. Его речи, которые в 1942 и 1943 гг. выходили брошюрами на русском языке. Какие-то сохранились у меня до сих пор. Помню, какое внимание москвичей привлекал приезд его жены Клементины в 1945-м.

Но лишь десятилетия спустя — оказавшись в Кейптауне и Йоханнесбурге, я наслушался о том, каким Черчилль был тут за сорок лет до Второй мировой войны. И прошел по тем местам, где побывал он молоденьким офицером и военным корреспондентом, стройным, подтянутым. Узнал, как он попал в плен к бурам. Как бежал. Как в местах бегства были развешаны объявления, что за его голову назначена награда. Правда, сейчас кажется, не такая уж и высокая: 25 ф. ст. Но ведь Черчилль был не такой уж важной птицей. Да по тем временам и деньги не столь уж маленькие. Достаточно соблазнительные, чтобы нашлись желающие охотиться за беглецом.

Так что натерпелся он! Но выдержал. И преодолел не только страх, но потом и опьянение славой. Слух о его побеге из плена моментально донесся до Англии, и по возвращении на родину он стал бы светским львом лондонских салонов. Но Черчилль остался на Юге Африки, вернулся в британскую армию и — как ни в чем не бывало — продолжал воевать, не претендуя на более заметные должности. Оказался и на вершине Сион-копа.

Каким Черчилль был тогда? К 25 годам у него за спиной уже немалый опыт. Окончив в декабре 1894-го военное училище, получил назначение в 4-й Гусарский полк и через несколько месяцев отправился на Кубу, где шла испано-американская война. У него в кармане контракт с лондонской газетой *Daily Graphic*: за каждое свое «письмо с фронта» получит по пять гиней — неплохие для него деньги, он не так уж был богат.

На первых шагах карьеры ему помогла красота его матери: среди ее многочисленных поклонников был даже принц Уэльский, будущий король Великобритании Эдуард VII. Помогала и известность его отца, умершего в январе 1895-го. Рандольф Черчилль, был связан и с этой газетой: еще в 1891 г. там публиковали его письма из Южной Африки.

На Кубе Черчилль пробыл совсем недолго, но получил первый опыт — и боевой, и журналистский. Побывал под пулями, заслужил первую медаль.

Вернувшись с Кубы, провел несколько месяцев в Лондоне, завел знакомства с влиятельными людьми: и тут ему помогала мать. Хотел было поехать в Африку — в Южную Родезию (теперь Зимбабве), считал те места «полными волнений и приключений». Но все же отправился в Индию как военный журналист. Там нашел свою первую любовь. Памелу Плоуден, дочь британского наместника в Хайдерабаде, он считал «самой красивой девушкой», из всех, кого знал²⁵⁴. Но мечтал Черчилль не столько о женщинах, сколько о политической карьере. И уже тогда, в Индии, попыхивая сигарой, уверял, что когда-нибудь будет премьер-министром.

Искал случая прославиться. Услышав о восстании на северо-западе Индии, ринулся туда и слал корреспонденции в редакцию *Daily Telegraph*. В 1898-м отправился в Судан, там англичане подавляли восстание махдистов. Участвовал в боях, слал корреспонденции в Лондон.

Решил было уйти из армии в политику. Баллотировался в июле 1899-го в парламент от консервативной партии, одним из лидеров которой был его отец. Но ... не избрали. Оказался на распутье.

И тут новый шанс — Англо-бурская война. Много лет спустя Черчилль в четвертом томе своей «Истории народов, говорящих по-английски» писал: «Британия вступила в двадцатый век в военной схватке. Она отправила на поля сражений почти полмиллиона солдат, больше, чем она посылала за океан за всю свою историю. Конфликт в Южной Африке начался как маленькая колониальная война, но очень скоро потребовал огромных национальных усилий».

---

²⁵⁴ *Celia Sandys*. Op. cit. P. 4.

Еще задолго до Англо-бурской войны, вскоре после попытки Джеймсона, соратника Сесилия Родса, совершить переворот в Трансваале, Черчилль набросал свои соображения, назвав их «Наши счета с бурами». Соображения жесткие: «Не должно быть никаких полумер. Надо употребить все силы, чтобы прекратить сопротивление Трансвааля и Свободного Государства и тех, кто симпатизирует им в Капской колонии. Ради нашей империи, ради сохранения нашей чести и достоинства, ради нашей нации нам надо воевать против буров».

Что он имел в виду? Напомню, что в 1880-х в Трансваале нашли крупнейшее в мире месторождение золота, и на золотую лихорадку ринулись толпы европейцев, особенно англичан. Магнаты золотопромышленности требовали предоставить этим пришельцам право гражданства в Трансваале. Нужно это было магнатам: получив своих сторонников в фольксрааде (трансваальском парламенте), они могли добиться и политической власти в Трансваале. Трансваальский президент Крюгер на это никак не соглашался. Его поддержала и другая бурская республика — Оранжевое Свободное Государство. А британское правительство говорило, что десятки тысяч англичан подвергаются дискриминации. Такую позицию отстаивал в своей записке и юный Черчилль. Писал он для себя или хотел куда-то послать — неизвестно. Внучка нашла эту записку в его архиве.

А потом, тоже еще до Англо-бурской войны, Черчилль высказал все это британскому министру колоний Джозефу Чемберлену во время праздничной прогулки по Темзе. Чемберлен выслушал молоденького офицера потому, что был другом его покойного отца. К тому же это мнение совпадало с его собственным.

19 сентября 1899-го (до начала войны оставалось еще три недели) Черчилль предложил лондонской газете *Morning Post* статью ее корреспондентом на Юге Африки и сразу получил согласие. Конечно, издатель и редактор могли найти и более опытного журналиста, но связи, известность семьи Черчиллей оказались важнее. Да и сам Уинстон, несмотря на молодость, уже проявил себя. Готовилась к печати его первая книга «Война на реке» — о войне в Судане (вышла в ноябре 1899-го). Готовясь к отъезду, Черчилль думал даже сделать документальный фильм о надвигающихся событиях.

Попросил поддержки у могущественного Чемберлена. Тот ответил: «Я вечером же напишу Милнеру, попрошу его дать хорошие возможности сыну моего старого друга. Уверен, что он сделает все, что может». И написал Алфреду Милнеру, британскому наместнику в Южной Африке, что Черчилль — «очень умный молодой парень».

Черчилль был уверен, что война вот-вот начнется. Боялся только, что она кончится раньше, чем он успеет приехать. Что буры быстро сдадутся.

Он отплыл 14 октября, когда война шла уже три дня. Плавание оказалось для него нелегким: морская болезнь, плохо переносил качку. И считал, что война окажется недолгой, что он вернется домой уже к марту. Пророчество не свершилось. Война шла два с половиной года.

* * *

Приплыл в Кейптаун 31 октября. Оттуда, обогнув мыс Доброй Надежды, в Дурбан. Затем в Питермарицбург. Всюду слышал, что буры одерживают одну победу за другой.

15 ноября отправился на бронепоезде к позициям буров, чтобы уточнить их расположение. Бронепоезд попал в засаду, Черчилль изо всех сил старался его спасти, но не удалось. Он со своими спутниками попал в плен. Отправили их в Преторию, там тюрьмой для них стало здание школы. Жаловаться на плохое обращение с военнопленными не приходилось. Впоследствии Черчилль вспоминал: «По отношению к представителям белой расы буры оказались гуманнейшими из людей»²⁵⁵. Но и минуты отчаяния случались. В его письме в Англию (посылать письма буры разрешали) есть слова: «Сегодня мне 25 лет — и ужасно думать, насколько же мало времени осталось»²⁵⁶.

В заточении пробыл месяц. Бежать решили втроем — он и еще два пленных офицера. Но удалось только ему.

«Я был сам по себе в Претории... Улицы кишели горожанами, но никто не обращал на меня внимания. Скоро я оказался в предместье и на каком-то мостике присел пораскинуть мозгами.

---

²⁵⁵ Черчилль У. Мои ранние годы. 1984–1904. М.: КоЛибри, 2012. С. 258.

²⁵⁶ Churchill R. The young Churchill. London: Sinclair-Stevenson, 1972. P. 279.

Я находился в центре вражеской страны. Мне не к кому было обратиться за помощью... О моем побеге станет известно на рассвете. Сразу начнутся розыски. При этом все выходы блокированы. В городе выставлены пикеты, провинция патрулируется, поезда обыскиваются, железная дорога охраняется».

Решил искать железнодорожные пути, ту ветку, по которой поезда шли на Делагоа-Бей, в португальский Мозамбик.

«После двух часов ходьбы впереди замаячили сигнальные фонари станции. Спустившись с полотна, я обогнул платформу и залег под откосом ярдах в двухстах от нее. Я рассудил так: после остановки поезд не сразу возьмет разгон и проедет мимо меня на небольшой скорости. Прошел целый час. Терпение мое стало иссякать. Вдруг я услышал свисток и нарастающий рокот. Вспыхнули желтые головные фонари локомотива. Пять минут поезд стоял на станции, потом шумно запыхтел, выбрасывая пары. Я скрючился под насыпью, мысленно проигрывая свои будущие действия. Надо пропустить локомотив, иначе меня увидят. И мчаться к вагонам.

Поезд тронулся медленно, но скорость набрал быстрее, чем я ожидал. Слепящие огни неслись на меня. Рокот перерос в грохот. Надо мной нависла громадная масса. Силуэт машиниста на фоне пышущей топки, черный профиль машины, клубы пара мелькнули и скрылись. Я выскочил на насыпь, за что-то схватился, сорвался, опять схватился, снова сорвался, вцепился в какую-то ручку, повис, пересчитывая носками ботинок рельсы, и с трудом вытянул себя на буфер пятой от головы поезда платформы. Это оказался товарняк, и платформа была забита кулями, покрытыми угольной пылью, — в них ехали обратно на шахту пустые мешки из-под угля. Я вполз повыше и зарылся в эти кули. Через пять минут я исчез под ними. Мне было тепло и удобно. Может, машинист видел, как я бежал к поезду, и на следующей станции поднимет тревогу, а может, и нет?! Куда идет поезд? Где его будут разгружать? Действительно ли это направление на Делагоа-Бей? Что делать утром? А-а, пустое. Повезло сегодня — и хорошо. Дальше — по обстоятельствам. Я расположился поспать, и, поверьте, нет колыбельной лучше перестука колес поезда, уносящего беглеца от вражеской столицы со скоростью 20 миль в час.

Не знаю, сколько времени я спал, но проснулся внезапно и без следа недавней веселости, с гнетущим сознанием наваливаю-

щихся забот. Сойти с поезда нужно было до рассвета, чтобы успеть напиться где-нибудь в прудике и еще затемно найти укрытие. И дожидаться, когда меня выгрузят вместе с мешками, не стоило. Я выбрался из своего уютного гнездышка и опять сел на буферный штырь. Поезд шел с приличной скоростью, но я понимал, что пора слезать. Я ухватился за скобу сзади платформы, сильно оттолкнулся левой рукой и прыгнул. Мои ноги, влипнув в землю, сделали два гигантских шага, и в следующую секунду я распластался во рву, здорово оглоушенный, но невредимый. Поезд, мой верный ночной товарищ, продолжал свой путь».

А как быть? «Я перебирал в уме все возможные исходы своей эскапады. Словами не передать, каким страхом и омерзением я преисполнялся при мысли о том, что меня поймают и вновь водворят в Преторию. Я не находил утешения ни в одном из философских наставлений, которыми иные щеголяют в часы душевной и физической крепости и покоя. В беде, как оказалось, от них толку мало».

Как же все это далеко от того Черчилля, который твердо закрепился в сознании людей по всему миру!

«Удаляясь от полотна, я вяз в трясилах и болотах, продираясь сквозь обсыпанную росой высокую траву, переходил вброд речушки, через которые были перекинuty железнодорожные мосты. Скоро я вымок по пояс... Ничего не оставалось как брести дальше — все более бесцельно и безнадежно. На меня нагоняли черную тоску мерцающие там и сям окна; за ними в тепле и уюте обитали люди, но мне туда ход был заказан».

И тут поразительно повезло. Буры не выгоняли из страны давно осевших там англичан. И когда Черчилль, не выдержав усталости и голода, все же постучался в окна одного из домов, это оказался дом англичанина, управляющего угольными копиями. Черчилля накормили. А потом, снабдив матрасом и одеялами, укрыли в угольном забое. Там мешала ему только стая крыс, они съели даже свечу, оставив его без фонаря. В шахте Черчилль скрывался несколько дней. Пригревший его англичанин придумал план действий. В Делагоа-Бей отправлялась большая партия шерсти. Упакованная в огромные тюки она занимала две или три товарные платформы. Грузились тюки в тупике возле шахты. И можно было уложить их так, чтобы в центре осталось место для беглеца. «Все

мое нутро восставало против перспективы быть превращенным в куль, совершенно беззащитный, неподвижный, целиком зависящий от того, что взбредет в голову пограничникам».

Черчилль не знал, что в английских газетах уже были телеграммы о его побеге и сообщения, что он уже расстрелян. А в Претории даже на здании правительства висело объявление, что 25 фунтов предлагается «любому, кто доставит бежавшего военнопленного Черчилля, мертвого или живого».

Ночью 19 декабря Черчилля привезли к железнодорожному тупику. Он увидел зазор между тюками и протиснулся туда. К вечеру поезд пришел в португальский Мозамбик, Лоренсу-Маркеш (ныне Мапуту). Черчилль соскользнул с конца платформы (между сцепками) и вскоре оказался на улицах этого города, а затем и в английском консульстве.

* * *

Оттуда вернулся к своим, в Дурбан. «В Дурбане я почувствовал себя народным героем. Меня приняли так, словно я выиграл великое сражение. Порт был украшен флагами. Оркестры и просто встречающие запрудили пристань. Адмирал, генерал, мэр лезли, отгесняя друг друга, на борт, чтобы пожать мне руку. В приливе любви меня только что не разорвали на части. На плечах толпы я был доставлен к ратуше, откуда меня не желали отпустить без речи, и, из приличия поломавшись, я ее произнес. Меня забросали телеграммами со всех концов света, и вечером я триумфатором отправился в армию.

Там меня тоже приняли лучше некуда. Я обосновался в том самом домике, в сотне ярдов от которого чуть более месяца назад меня взяли в плен, и там с грубым походным размахом, собрав за столом множество друзей, отпраздновал свою удачу и Рождество».

А в Англии «газеты взахлеб славили мой подвиг... На время я стал знаменитостью»²⁵⁷.

Но Черчилль решил остаться в Южной Африке, в британской армии. И оказался на вершине Спийон-копа, где ровно через сто лет мне рассказывали о той битве историки тех событий. Они не совсем совпадают с воспоминаниями Черчилля. Да и рассказ

---

²⁵⁷ Черчилль У. Мои ранние годы... С. 270, 272, 276, 277, 287, 295.

его о пленении тоже выглядит чуть-чуть иначе. Черчилль утверждал, что его взял в плен сам Луис Бота. И Боте, и Черчиллю пришлась по душе такая версия об их первой встрече. Однако, как я узнал, взял Черчилля на мушку и заставил поднять руки другой бурский боец. Он вскоре погиб на той войне.

И все же?... У многих ли политических деятелей XX в. были в жизни такие события, как у Черчилля в южноафриканской войне?

По возвращении в Англию он был избран в парламент. А дальше — широко известно.

* * *

Южноафриканская часть биографии Черчилля заслуживает, чтобы мы ее знали. Да, он был очень честолюбив. Да, он использовал те связи, которые дало ему доставшееся от предков аристократическое происхождение. Да, вероятно, рассказывая о своих военных деяниях, он, бывало, преувеличивал свою роль. Но деяния-то действительно были. Было подлинное мужество. Рисковал своей жизнью, и не раз. И мужество, и находчивость в ситуациях, казалось бы, безнадежных. Была и правдивость, пусть и не всегда, как почти у каждого, тем более — у политического деятеля.

Эти черты сохранились и потом. И через сорок лет, когда он принял бразды правления Британией, которая после разгрома Франции осталась одна перед фашистской Германией и всей завоеванной Гитлером Европой, Черчилль не только взял на себя тяжелейшую ношу. В своей «тронной речи» в палате общин 13 мая 1940 г. он обратился к своему народу совершенно откровенно: «Мне нечего предложить вам, кроме крови, труда, пота и слез»²⁵⁸. А еще через два месяца, выступая по радио 14 июля, заявил «...война будет длительной и тяжелой»²⁵⁹.

Грустно проводить сравнение. Но Сталин обратился к нашему народу 7 ноября 1941 г. совсем иначе. Он сказал: «В Германии теперь царит голод и обнищание, за четыре месяца войны Германия потеряла четыре с половиной миллиона солдат. Германия истекает кровью... Еще несколько месяцев, еще полгода, может быть, годик

---

²⁵⁸ См.: Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. М.: Междунар. отношения, 1989. С. 291.

²⁵⁹ Черчилль У. Мускулы мира. М.: ЭКСМО, 2003. С. 178.

и гитлеровская Германия должна лопнуть под тяжестью своих преступлений»²⁶⁰. Тут ведь не было ни слова правды.

Во время Второй мировой войны Черчилль не боялся летать из одного конца мира в другой. То для встречи со Сталиным, то для встречи с Рузвельтом, то в связи с другими неотложными делами. Немолодой, больной человек летал на тогдашних самолетах, зная, что немцы следят за каждым его шагом. Совету министров Великобритании пришлось даже обсуждать вопрос, кто заменит Черчилля, если он погибнет.

Да только ли в этом проявилось мужество Черчилля и как человека, и как политика?

Конечно, он был сыном своего времени, как и каждый из нас. И как говорили в советское время — «сыном своего класса».

У нас в 1920–1930-х его изображали как самого лютого врага Советского Союза. В «Малой советской энциклопедии» о нем: «постепенно переходит на откровенно фашистскую позицию»²⁶¹. А потом — с 1946 г. — из-за его речи в Фултоне объявили зачинщиком холодной войны.

Что ж, он не был поклонником советской власти. Но все же еще накануне Второй мировой войны считал не Сталина, как многие западные политики, главной угрозой человечеству, а Гитлера. Он не принимал участия в мюнхенских переговорах 1938 г. с Гитлером. Наоборот, осуждал Чемберлена за эту сделку. А когда Гитлер напал на СССР, Черчилль первым — уже 22 июня 1941 г. — предложил Советскому Союзу сотрудничество и помощь. И Сталин в выступлении по радио 3 июня 1941 г. сказал, что историческое выступление премьера Великобритании г. Черчилля о помощи Советскому Союзу вызывает «чувство благодарности в сердцах народов Советского Союза»²⁶².

Несколько месяцев, проведенных в Южной Африке, открыли для него политическую карьеру, о чем он так мечтал. Сесил Родс

---

²⁶⁰ *Сталин И.* Речь на параде Красной армии 7 ноября 1941 года на Красной площади в Москве // *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: Политиздат, 1947. С. 39.

²⁶¹ *Малая советская энциклопедия.* Т. 9. М.: Сов. энцикл., 1931. С. 782.

²⁶² *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза... С. 16.

сказал тогда: «Этот молодой человек, если его не остановят, пойдет ой как далеко». Черчилля не остановили. Ни тогда, ни потом.

Так начался его путь.

Марк Твен в Клубе Совы

В биографии Марка Твена есть любопытные «африканские страницы». Я вспомнил о них, когда был принят в кейптаунский Клуб Совы. Знаменитый американец побывал там больше ста лет назад. Его речь, увы, не сохранилась. В его воспоминаниях о кругосветном путешествии 1895–1896 гг. есть только фраза: «Посетил я и клуб»²⁶³. И всё. Дальше уже о другом: «Ездил по прекрасным набережным, что у подножья гор, и по райским долинам, где расположены виллы». Эти кейптаунские набережные и эти виллы видел и я, через сто лет. И по гравюрам представлял, какими они были тогда.

Кейптаун был последним городом путешествия Марка Твена. А до того: Австралия, Новая Зеландия, Цейлон, Индия, Маврикий. После Кейптауна уже только Англия: там он остался надолго, чтобы собрать и издать свои заметки. Некоторые из них меня удивили: даже у такого автора, известного своими парадоксальными характеристиками. Например:

«Суммировав все добытые мною сведения о бурах, я пришел к следующим выводам:

Буры очень набожны, глубоко невежественны, тупы, упрямы, нетерпимы, нечистоплотны, гостеприимны, честны во взаимоотношениях с белыми, жестоки по отношению к своим чернокожим слугам, ленивы, искусны в стрельбе и верховой езде, увлекаются охотой, не терпят политической зависимости; хорошие отцы и мужья; они не любят шумное общество в городах, предпочитая ему уединенность, отдаленность, одиночество, пустоту и тишину степи; отличаются здоровым аппетитом и не очень разборчивы в еде: их вполне устраивает свинина, маис и билтонг, при одном условии — чтобы всего этого было побольше; они с удовольствием едут за тридевять земель на веселую танцульку с угощением на всю ночь, но ради молитвенного собрания охотно про-

---

²⁶³ Твен М. Собр. соч.: в 12 т. Т. 9. М.: ГИХЛ, 1961. С. 564.

едут и вдвое большее расстояние; они гордятся своим голландско-гугенотским происхождением, своим религиозным и военным прошлым; гордятся подвигами своего народа в Южной Африке, своими смелыми исследованиями пустынных, не нанесенных на карту земель, куда они отправляются в поисках территорий, свободных от власти ненавистных им презренных англичан, и своими победами над туземцами и англичанами; но больше всего они гордятся тем непосредственным интересом, какой постоянно проявляет к их делам само провидение. Буры не умеют ни читать, ни писать; и хотя здесь печатаются две-три газеты, однако никто, по-видимому, этим не интересуется; еще до недавнего времени здесь не было школ, детей не учили; слово “новости” оставляет буров равнодушными, им совершенно все равно, что творится в мире»²⁶⁴.

Мне хотелось узнать, как к этим словам относятся сами буры. И стал расспрашивать «сов» в Клубе. И хотя я был тоже «совой», спрашивал осторожно, чтобы часом не обидеть. Кто знает, может быть, у них на него давняя обида. В нашей стране ведь тоже отношение к нему бывало разное. Когда-то была даже статья «С Томом Сойером пионеру не по пути», и там говорилось, что «из этих самых “Томов” выросли в настоящем ярые защитники частной собственности, враги коммунистического движения, прочный оплот “Ку-клукс-клана”, организаторы и руководители линчевания негров».

Но в Клубе Сокры неприязни я не увидел. Ответы получал:

— В «Томе Сойере» и «Гекльберри Финне» вроде о бурах ничего нет. А остальное разве упомнишь. Да и вообще мы все-таки не такая читающая страна, как ваша. Климат слишком хороший. Долгой зимы нет — вот и читают у нас меньше.

Но одного библиотечного работника я все-таки, как говорят, достал. На следующее собрание клуба он пришел во всеоружии.

— А вы обратили внимание, какой эпиграф Твен дал одной из южноафриканских глав своей книги? И стал цитировать. «Даже чернила, которыми пишется всемирная история, не что иное, как разжиженный предрассудок». Вот предрассудок он тут и высмеял, хоть и не написал это прямо. И потом — что он вообще мог знать о бурах, хотя и писал: «...я изучил характер буров». Но почти сразу признался: «Личного доступа к бурам у меня не было; их воззре-

---

²⁶⁴ Твен М. Указ. соч. С. 546.

ния, кроме тех, с которыми я мог познакомиться в прессе, остались для меня тайной». И был, конечно, прав. Языка нашего он не знал, судил со слов англичан, которых встречал. А в нашем Клубе Совы, тогда чисто английском, буров не было и в помине.

Разговор принял уже не шуточный оборот. Мой собеседник приводил мне одно за другим высказывания Марка Твена.

— Ну мы, африканеры, конечно, ненавидели Сесилия Родса. Марк Твен верно считал, что Родс был за каждой английской попыткой завоевать нашу республику, Трансвааль. Но все-таки вы-
ражал он это очень уж по-своему, по-марктовеновски.

И привел мне такие слова Марка Твена о Родсе: «Откровенно признаюсь, я восхищен им; и когда пробьет его час, я непременно куплю на память о нем кусок веревки, на которой его повесят».

— Так что, — заключил он, — Марк Твен не щадил никого. Не только нас, буров. А нам потом, во время Англо-бурской войны, еще как сочувствовал. Под влиянием сочувствия судил о нас совсем-совсем иначе:

«Их часто называют нецивилизованным народом, но я не понимаю почему. Благополучие, пища, кров, одежда, здоровый труд, скромные и разумные стремления, честность, доброта, гостеприимство, любовь к свободе и доблестная готовность бороться за нее, спокойствие и мужество в час несчастья, терпение в час лишений и невзгод, отсутствие шума и хвастливых воплей в час победы, непритязательная и мирная жизнь, лишенная безрассудных волнений, — если и существует высшая и лучшая форма цивилизации, мне она неизвестна, и я не знаю, где ее искать. Вероятно, мы привыкли воображать, что необходимо еще удовлетворить множество артистических, интеллектуальных и других искусственных потребностей, иначе цивилизация не будет полной. Мы и англичане обладаем всем этим, но, поскольку нам не хватает большей части вышеперечисленного, мне кажется, что бурская цивилизация выше нашей».

Библиотекарь вспомнил, что была и еще одна причина суровых суждений писателя во время его кругосветного путешествия. Каким бы великим ни был человек, он остается человеком — со своими перепадами настроения. А для Марка Твена это была тяжелая пора. В характере писателя появился трагический пессимизм. В его дневнике тех лет есть такая горькая запись:

«Гек возвращается домой. Бог знает откуда. Ему 60 лет, спятил с ума. Воображает, что он еще мальчишка, ищет в толпе Тома, Бекки и проч. Из долгих блужданий приходит Том. Находит Гека. Вспоминают старое время. Жизнь оказалась неудачной. Все, что они любили, все, что считали прекрасным, ничего этого уже нет. Умирают».

Сколько же горечи принесла ему жизнь, если он так представил себе участь своих героев, полюбившейся всему миру детворы городка Ганнибал, что в штате Миссури.

И в кругосветное путешествие он пустился не по доброй воле. Надо было рассчитаться с долгами. «Я — почти старик, больной, преследуемый бронхитом, карбункулами, ревматизмом, с истерзанными нервами, я должен был паковать чемоданы и мчаться вокруг этого дьявольского света, — и для чего? Чтобы платить долги, которых я не делал».

Долги, и правда, возникли не по его вине. Экономический кризис в Америке. Начало 1890-х привело ко многим банкротствам. Погибло и издательство, принадлежавшее Марку Твену, и его сбережения, вложенные в новую типографскую машину. Вот и пришлось согласиться на кругосветное путешествие, чтобы выступать с публичными лекциями и написать книгу путевых наблюдений. Отправился с нелегким сердцем, в пути нередко болел. Публичными лекциями тяготился, видел в них что-то унижительное и, окончив путешествие, писал: «Я чувствую себя так, словно читал лекции не год, а тысячу лет».

Во время Англо-бурской войны он всячески осуждал Англию. Но заключал свои обвинения: «Не дай Бог, чтобы Англия потерпела поражение!»

Неожиданно? Нет. Он давал понять, что считает Англию при всех ее грехах демократическим государством, и крупный ее провал не приведет к добру.

Ведь так же со временем менялись многие его оценки. В 1867-м, побывав в Севастополе и Ялте, он увидел один образ России, восхищался встречей с императором и его свитой, а через три десятилетия говорил о самодержавии не иначе как с ненавистью.

К нашей беседе присоединились еще несколько «сов». На чем мы сошлись: американский писатель был всегда искренен и если менял свое мнение, то не из конъюнктурных соображений и не по-

тому, что хотел кому-то угодить. Он осуждал захватническую политику: за это клеймил не только Родса, но и свою родину — Америку. Ненавидел невежество и тогда, когда видел его и в среде буров, и в своей собственной стране. И никогда не шел на поводу у толпы. У него всегда было собственное мнение. Он говорил: «Если вы заметили, что вы на стороне большинства, это верный признак того, что пора меняться».

Соглашались ли с ним когда-то первые «совы», и как они отнеслись к нему? Не знаю. Но нынешние, умудренные сложными перипетиями южноафриканской жизни последних десятилетий, — да. И сочли, что стоит его заметки перечитать.

...Эти мои заметки лишь о некоторых всемирно известных людях, следы которых мне посчастливилось увидеть. Можно бы сказать о Бернарде Шоу: он, побывав в Москве в начале 1930-х, затем поехал на Юг Африки и там осмысливал и записывал впечатления и о нашей стране. Можно вспомнить и другие яркие имена и деяния.

Но, как считал Владимир Высоцкий, «писать про всё — не выдержит бумага». Так что все-таки заставляю себя остановиться.

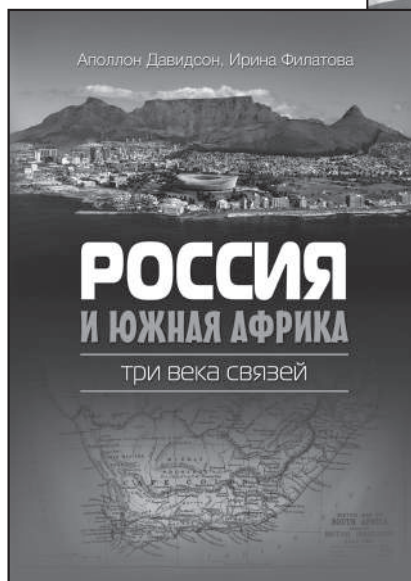
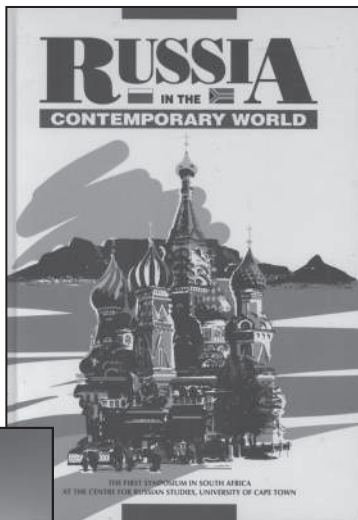

И ВСЕ-ТАКИ — КАК ЖЕ СЛОЖНО!

Сборник докладов Первого
симпозиума Центра российских
исследований (Кейптаун,
17–19 августа 1994 г.).
Издана в ЮАР в 1995 г.

Издана в Москве в 2010 г.

Издана в Москве в 2012 г.

Мыс Доброй Надежды,
Мы с доброй надеждой тебя покидали,
Но ветер крепчал.

Борис Поплавский

И длиною в жизнь лежит Дальний Путь,
новый во все времена.

Редьярд Киплинг

Центр российских исследований просуществовал в Кейптауне четыре года. Весной 1998-го ректорат университета решил его закрыть. Никаких претензий к Центру не было. Причина же — изменения в системе высшего образования ЮАР. Проводилась его африканизация. Раньше в изучении всемирной истории мало уделялось внимания самой Африке. Изучалась история Европы, история белого населения в Африке. Но о прошлом самих африканских народов говорили очень мало.

Эту практику решили поменять. Европейским странам уже переставали уделять то абсолютное внимание, как прежде. И — пусть и не напрямую — выразили желание: если какие-то неафриканские страны хотят, чтобы их тут поглубже изучали, то пусть такие страны и возьмут на себя расходы на это, целиком или частично. Япония и Израиль так и сделали. А Россия? Девяностые годы... Положение сложное. Советский Союз распался. Русская кафедра в Витватерсрандском университете и центр советологии в Стелленбоше закрылись в 1995-м. Осталось преподавание русского языка заочникам в Южно-Африканском университете. И — главное — наш центр в Кейптауне.

Поначалу Центр был создан российской компанией Marvol. Затем она перестала его субсидировать. Кейптаунский универси-

тет взял его на свой бюджет. Но долго так продолжаться не могло. К тому же, вероятно, сыграла роль и смена руководства Кейптаунского университета. Ректором стала Мампела Рампеле. По своим политическим взглядам она входила не в Африканский национальный Конгресс, а в движение «Черное самосознание», у которого связей с нашей страной не было.

...Нам всем, сотрудникам Российского центра, стало бесконечно грустно. Мы работали слаженно, сдружились. Жаль было расставаться со студентами. Двух из них университет наградил медалями за успехи и пообещал послать в Москву на стажировку.

Как жаль было нашего труда, вложенного в Центр! Установившихся в университете связей, взаимопонимания. А библиотека? Пять комнат, уставленных стеллажами! Я ведь каждую из этих книг находил в ЮАР или привозил из Москвы, даже из США!

Два министра: Эсоп Пахад, руководитель президентской администрации, и Палло Джордан, министр культуры, писали нам, что они — за восстановление Центра. Но что финансовое содержание должны взять на себя российская сторона. Российский бизнес на это не откликнулся.

Университет приглашал меня и потом из года в год приезжать и выступать с публичными лекциями. Не только статьи, но и книги, которые пишем мы с Ириной Ивановной Филатовой, издают в Кейптауне, Йоханнесбурге и Претории²⁶⁵. Но Российского центра, увы, уже нет. Рухнуло хорошее дело...

* * *

Если говорить о всех годах, которые я провел в ЮАР, они богаты столь разными впечатлениями, что их и не перечислить. О некоторых из них я пытался рассказать в этой книге.

Мне кажется, всем должен быть интересен тот перелом в истории ЮАР, свидетелем которого мне посчастливилось стать. Это был не только перелом, а и время больших надежд. Кейптаунский епископ Десмонд Туту (он был удостоен Нобелевской

---

²⁶⁵ Davidson A.B., Filatova I.I. The Russians and the Anglo-Boer War 1899–1902. Cape Town, Pretoria and Johannesburg: Human and Rousseau, 1998. P. 287; Davidson A.B. Cecil Rhodes and his time. Pretoria: Protea Book House, 2003. P. 391; Irina Filatova, Apollon Davidson. The Hidden Thread: Russia and South Africa in the Soviet Era. Johannesburg and Cape Town: Jonathan Ball, 2013. P. 553.

премии мира задолго до Манделы и де Клерка) надеялся тогда на создание *радужной нации*, в которой южноафриканские народы всех цветов кожи сплотятся вместе.

Это было время, когда шли переговоры АНК с правительством де Клерка, а затем и годы президентства Манделы.

Какие же мнения высказываются сейчас об этих годах и их последствиях? Этих мнений бесконечно много, и они самые противоречивые.

В этой книге я привел восхищенные отзывы о Манделе, которые ярче всего зазвучали в связи с его кончиной. Но в потоке суждений о нем есть и множество критических.

На страницах журналов, издающихся в ряде стран Африки, его обвиняют в том, что уж больно далеко он зашел в уступках белому населению.

Разноречивые суждения высказываются не только в Африке, но и за ее пределами. И даже в дни траура по кончине Манделы. В лондонской *Daily Telegraph* сразу же, 7 декабря 2013 г., вышла большая статья. «Правда о Манделе омрачена десятилетиями мифотворчества, созданного больше всего белыми либералами и рисующими его как доброго черного умеренных взглядов». Мнение автора: «Такой Мандела, конечно, существовал, но было и несколько других Мандел, какие-то из них совершенно засекреченные, другие — непонятные».

В статье признается, что «эйфория радужной нации середины 1990-х была главным образом его созданием, и ему надо отдать должное за то, что АНК принял (в 1996 г.) центристскую экономическую политику, которая привела к беспрецедентному экономическому росту и обеспечила финансовую поддержку беднейшей трети южноафриканского населения».

Упрек же ему за то, что он произносил «революционные» речи, состоял (во всяком случае в начале 1960-х годов) в компартии, а став президентом страны, недостаточно боролся с коррупцией.

Но как он мог не произносить «революционных» речей? Ведь это соответствовало политике его партии, поставленной вне закона. А если состоял в компартии, то ведь АНК и компартия с начала 1960-х выступали в союзе. Не боролся с коррупцией? Но коррупция по-настоящему развернулась, когда Мандела уже ушел с поста президента.

Каковы бы ни были упреки Манделе, автор признал главное: если бы Мандела, выйдя из тюрьмы, призвал африканцев к выступлению против белых, «Южная Африка была бы разрушена расовой войной». И главным оружием Манделы были не пушки, а «любовь и способность пробудить любовь в других, даже в нас. Мы счастливы, что у нас такой благородный и достойный противник». Так считает Риан Малан, автор статьи, африканер, известный писатель, противник Африканского национального конгресса²⁶⁶.

* * *

На страницах нашей российской печати тоже появилась резкая критика политики, связанной с именем Манделы. Вот большая статья «Миф о Манделе. ЮАР как урок для России» — в журнале «Военное обозрение»²⁶⁷.

Какой же урок для нашей страны видит автор А. Самсонов? Вот несколько его соображений.

«Путин, вознося хвалу Манделе, как до этого в России хвалили разрушителей — Горбачева, Ельцина, Сахарова и Солженицына, — в очередной раз принес присягу на верность господствующему на планете несправедливому порядку. Это очень опасная ошибка. Пора прекратить поклонение ложным кумирам. В истории России и человечества достаточно личностей, вызывающих уважение. Мандела явно не из их числа.

В чем же вина Манделы? «Темнокожий президент фактически разрушил экономически успешное государство. Южно-Африканская Республика раньше была практически единственным успешным государством на Черном континенте... В свое время ЮАР была экономическим локомотивом Африки, а Йоханнесбург называли «африканским Нью-Йорком». Республика процветала... В целом жаловаться на судьбу неграм не стоило».

Какой урок можно извлечь из деятельности Манделы? «Права и свободы черного населения, которых добивался Мандела, привели не к прогрессу, а к деградации ЮАР. Государство повторило опыт других “черных” государств... Африканские народы до-

---

²⁶⁶ *Malan R. Nelson Mandela: He was never simply the benign old man // Daily Telegraph. London, 2013. Dec. 7.*

²⁶⁷ *Военное обозрение. 13 дек. 2013.*

казали, что они еще не достигли такого уровня, чтобы эффективно и разумно управлять своими территориями».

Урок в «Военном обозрении» усмотрели не только для Африки. «Технологии поддержки «борьбы за права» в последние годы мы видели в самых различных странах. Последний пример — Украина. В итоге, когда побеждают “демократия” и “права человека”, население получает право свободно вымирать и выбирать специфику своего рабства, а все реальные богатства страны остаются у компрадорской буржуазии и транснациональных корпораций и банков. Схожую картину мы видим и в ЮАР. Население получило иллюзию свободы и “права человека”, а хозяева западного мира через ТНК и ТНБ получили реальную власть над природными ресурсами и финансовыми потоками».

И главное, «ЮАР — это своего рода предупреждение современной России. Русские взяли на себя миссию цивилизаторов, присоединив к себе Кавказ и Среднюю Азию. Огромные просторы Сибири и Дальнего Востока можно не брать в расчет, так как они имели крайне незначительное население. Российская империя и СССР успешно цивилизовали эти регионы, поднимали их культуру, народное хозяйство. Однако развал СССР отбросил Кавказ и Среднюю Азию в прошлое. Они еще не успели перейти на иной, более высокий уровень цивилизации и вернулись к обычным, привычным для себя нормам бытия. Это привело к появлению миллионов “новых варваров”... Отгородиться от “варварства” невозможно. Сценариев два: 1) либо сдаваться, как это сделали белые жители ЮАР, причем вариант “стены”, заборов, виз и т.д. — это тоже сдача, но растянутая по времени. Рано или поздно волна архаизации с юга сомнет все обломки более высокой цивилизации; 2) возобновить цивилизаторскую миссию. Россия должна вернуться на Кавказ и Среднюю Азию как “глава дома”».

Я не согласен с такими соображениями. Но показательно, что идут сравнения нашей жизни с южноафриканской.

И это — далеко не единственные сопоставления с нашей страной. Я не раз слышал от наших соотечественников, переселившихся в ЮАР, весьма горькие слова. Говорили, что почти все, кто вставал во главе нашей страны, стремились к авторитарной власти — в отличие от Манделы. И что в годы исторических переломов в истории России XX в. противоборствующие стороны шли не к компромиссу,

как Мандела и де Клерк, а лишь к жесткому противостоянию. Что после большевистского переворота это привело к Гражданской войне, а в результате событий 1993 г. — к расстрелу Белого дома.

Можно соглашаться или не соглашаться с теми или иными из таких разноречивых мнений, но знать их надо.

* * *

Недоумение и протесты многих критиков вызывает широкая система мер, официально именуемых «позитивные действия». Она закреплена в ЮАР многими законами.

В чем ее смысл? Создание преимуществ и привилегий для тех, кто прежде подвергался дискриминации. Для черных — в это понятие включаются все небелые, — и прежде всего для африканцев. Преимущества перед белыми во всех сферах: в государственном аппарате, в административных учреждениях, в частных компаниях, в бизнесе, в системе образования и здравоохранения. В советах директоров частных компаний обязательно должны быть и черные. При поступлении в университеты черные имеют преимущества перед белыми.

Естественно, что белые видят в этом ущемление своих прав. И считают, что это пагубно влияет на экономику. Ведь в экономике, в ее управленческие органы приходят люди, не имеющие соответствующего образования и опыта.

Но разве такая ситуация уникальна? Не бывало такого нигде? А в Советском Союзе в 1920-х, когда выдвигали людей рабоче-крестьянского происхождения, не всегда уделяя должного внимания их опыту и образованию? И интеллигенции не очень доверяли. Ленин писал Горькому (15 сентября 1919 г.): «...интеллигентов, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно». Как такое отношение сказывалось на экономике?

Да, конечно, ЮАР не стала раем. Выросла безработица, коррупция, преступность.

А межрасовые распри, против которых страстно боролись Мандела и де Клерк и их сторонники? Взаимные расовые предрассудки не ушли в прошлое. Мечта о «радужной нации» не сбылась.

Но могли ли межрасовые взаимные непонимания, предрассудки, противоречия, накопившиеся веками, уйти за жизнь одного-двух поколений? Могла ли новая власть не откликнуться на

обиды, зачастую справедливые, накопившиеся у большинства населения? На его жажду получить компенсацию за притеснения? Да, это, в свою очередь, привело ко многим новым несправедливостям, и перекосам в экономическом развитии.

Но после революций и слома пусть неудачной, но все же устоявшейся, организованной системы всегда бывал экономический спад. Колониализм, как бы мы к нему ни относились, создал свою систему социальной и экономической организации общества. Она рухнула (была исторически обречена), и для создания чего-то нового нужны поколения.

Я отнюдь не идеализирую обстановку в ЮАР и нынешних ее правителей. Тем более, что после ухода Манделы, и особенно позднее, в самые последние годы, снова активизировалась пропаганда против «белого расизма» и стремление отнять у белых фермы.

Да это так. Но если и уехали из ЮАР сотни тысяч белых, все-таки четыре миллиона остались, живут там.

А безработица в стране? Она и прежде была высокой. Сейчас возросла. Почему? В ЮАР ринулись миллионы африканцев не только из соседних стран, но даже из далекого Сомали. Значит, там хуже, и ЮАР их привлекает.

А африканцы самой ЮАР? Да, они бастуют, требуют лучшей жизни. Но все же за последние двадцать лет на месте многих трущоб построены современные жилые кварталы с электричеством, горячей водой.

Напомню, что в ЮАР так и не произошло гражданской войны, всеобщих и локальных межрасовых и межнациональных схваток. Хотя именно это ей предрекали. А сколько стран Африки и Азии это сотрясает и сейчас? И конца этому не видно!

* * *

Межрасовые и межнациональные отношения стали важнейшей проблемой современного мира. И их значение будет не уменьшаться, а возрастать. И те изолированность, замкнутость, самобытность, в которых когда-то жили народы, ушли и уже не вернутся. Конечно, глобализация вызывает резкое сопротивление, тягу к самоизоляции. Это проявилось даже в Британии, на референдуме 23 июня 2016-го. Но будущее всё-таки не за самоизоляцией. А во что выльется все более тесное взаимное приближение и взаимо-

проникновение, которое идет сейчас? Где, как, в какие формы это выльется? Как найти пути для взаимопонимания? Голова идет кругом, стоит только задуматься: так все это сложно. Так что и тут вспомнишь Окуджаву:

Когда-нибудь за жизнь свою вторую
я это все, конечно, расшифрую,
а нынче это недоступно мне.

Но ведь от того, как мы видим прошлое, зависит наше будущее.

Почти четырехсотлетние межрасовые отношения на Юге Африки, уход от угрозы межрасовой схватки да и дальнейшие сложности и трудности — это богатейшее поле для анализа, для сопоставления с происходящим в других странах, в том числе и в нашей.

Глобализация делает мир все более обозримым, континенты сдвигаются друг к другу. Страны — даже, казалось бы, такие далекие — все больше влияют друг на друга. Приблизилось к нам, к волнующим нас проблемам и то, чем живут люди за тысячи и тысячи верст от нас. Не стало ли ближе и пожелание, рожденное больше ста лет назад?..

За добрые наши надежды
И Доброй Надежды мыс.

Именной указатель

Абельгейм А. 253
Абдулла Ибрагим (см. Доллар Б.)
Абрахамс П. 75, 76
Августус Е.Ф. 300
Аксаков С.Т. 164,
Аксенов В.П. 188, 262
Александр Р. 71, 144, 273
Александр II 251, 265
Александр III 102, 147, 207, 251
Александра Федоровна, императрица 156
Алексин А.Г. 180
Аллилуева С.И. 200
Амальрик А.А. 176, 177
Амур Х. 142
Ананьич Б.В. 138
Арбатов Г.А. 3, 94, 95, 97, 100, 103
Ахмадулина Б.А. 168
Ахматова А.А. 35, 61, 164, 173, 195, 201

Бабель И.Э. 173
Баден-Пауэлл Р.С.С. 146, 279
Балезин А.С. 139
Бальмонт К.Д. 41
Банди К. 135
Бантинг Б. 71, 74, 91, 143, 144, 148
Бантинг С.П. 67, 71, 144
Бантинг Соня 71, 144
Барнард К. 173
Барнард Н. 121
Батлер Г. 156, 158
Батый (ист.) 172
Бах Л. 45, 47
Бебель А. 233
Бейерс Ф.У. 226
Бейкер Г. 279
Бейлис М. 257, 258
Белинский В.Г. 173
Белый А. 41
Бельмас К.А. 241
Белякова В. 273
Бенкендорф А.Х. 207

Берберова Н.Н. 158, 177
Берия Л.П. 237
Берман портной 252
Бернс Р. 168
Бернштейн Х. 74
Бернштейн Э. 233
Бёрр М. 228
Бибигов М.Д. 269, 270
Бико С. 141
Бинс Ч.Т. 74
Бисмарк О. фон 208
Биссет В.М. 223
Битов А.Г. 179
Бичер-Стоу Г. 49
Блок А.А. 180, 198, 205
Бонд Дж. 23, 160
Борейн А. 17–19, 22, 34
Борейн Дж. 22
Борейн И.И. 17
Борисов О.И. 188
Босман Г. 180
Бота Л. 256, 258, 293, 294, 302, 311
Бота П. 121
Бота Э. 171–172
Бота 18
Браганца А. де 92
Браун К.М. 223
Бредлоу Ф. 148
Брежнев Л.И. 95
Брейтенбах В. 28, 136, 178
Бретшнейдер Э. 74
Брикхил Дж. 7
Бринк А. 16, 17, 34, 75, 158, 177, 178
Бриттен Б. 168
Бродский И.А. 191
Брукс А. 7
Буковский А. 245, 246
Булгаков М.А. 173
Буллер Р.Г. 294, 296, 297
Бунин И.А. 35, 164, 180
Бурташов Ф. 78
Буссенар Л. 23, 27, 41
Бустид Х. 223
Бутелези М. 30
Бухарин Н.И. 47

Буча 64

Буш Дж. 20, 34, 104, 120

Вавилов С.И. 197

Валуев П.А. 251

Вейл П. 29, 135

Вейцман Х. 248

Верн Ж. 23, 41, 228

Вестра П. 143, 147

Вестра Р. 143

Виктория, английская королева 146

Вильгельм II 288

Винокуров Е. 168

Витгенштейн А.Ф. 218

Витковский Е.В. 281

Витте С.Ю. 208, 231, 232

Витухновский А.Л. 20, 42

Вишневская Г.П. 35, 269

Вознесенский А. 168, 180, 188

Вознесенский Н.А. 262

Войнович В.Н. 35

Волленбек К. 25

Волошин М. 131, 141

Волхютер В. 152–154

Вудгейт Э.Р.П. 296

Вудс Д. 136

Вулф Л. 148

Вурхис Дж. 96

Вырубова А.А. 156

Высоцкий В.С. 176, 188, 193, 197, 245, 261, 262, 277, 317

Вышинский А.Я. 150

Вяткина Р.Р. 135

Гайворонский Ф.С. 45–47

Галгат Д. 156

Галич А.А. 176, 188, 189, 193, 262

Ганди М. 112, 116, 294, 302

Гарни Д. 136

Гельфанд И.Л. (см. Парвус А.Л.)

Гердт З.Е. 191

Гернгросс Г.Е. 46–50

Герцен А.И. 134, 239

Гершвин Дж. 259

Гиверс В. 141

Гиммлер Г. 192

- Гинзбург Е.С. 35
Гитлер А. 130, 151, 163, 192, 194, 198, 205, 225, 258, 311, 312
Глазунов И.С. 272
Глакман М. 85, 86
Гнедин Е.А. 234, 237–240
Говард Р. 47
Гоголь Н.С. 157, 164, 170
Голант В.Я. 20, 42, 43
Голден Л. 135, 199, 200
Голль Ш. де 4, 224, 225
Головнин В.М. 155, 216
Голсуорси Дж. 169
Голуб Э. 74
Гончаров И.А. 10, 27, 156, 216
Гончарова Н.С. 175
Горбачев М.С. 20, 22, 34, 98, 104, 111, 120, 134, 324
Гордимер Н. 24, 30, 31, 75, 135, 178, 252, 259, 273
Горелик Б.М. 273
Горький М. 4, 73, 75, 161, 162, 164, 165, 180, 224, 233, 259, 326
Григ Э. 221
Гроссман В.С. 35
Грубер Р. 135
Грулёв М.В. 263, 265–267
Грушин Б. 99
Губерман И.М. 193, 259, 262
Гудериа Г.В. 192
Гумеде Дж. 133
Гумилев Н.С. 9, 11, 41, 98, 173
Гуныкин Н.В. 204, 205 (сн.)
Гурилев А.Л. 136
Гучков А.И. 28, 218
Гэлгут Д. 156
- Давенпорт Р. 29
Давидсон А.Б. 23, 33, 58, 85, 102, 133, 135, 291
Давыдов Д.В. 241
Давыдов Х. 273
Даладье Э. 163
Данкен П. 258
Датлин С.В. 79
Деканозов В.Г. 150
Дементьев А.Д. 99
Деникин А.И. 224
Деннис Ю. 46
Депельшин Ж. 90

Дехенар Й. 28
Джабаву Д.Д.Т. 86
Джеймс У. 136
Джеймсон 256, 288, 306
Джек М. 29
Джексон Дж. 99
Джексон Т. 45
Джеле Дж. 21
Дженкинс Х.Х. 223
Джером К.Дж. 286
Джовелл К. 136
Джозеф П. 91
Джонстон Г. 80
Джордан А. 21, 68–70
Джордан П. 21, 69, 132, 143, 322
Димитров Г. 46, 47
Добролюбов Н.А. 173
Дойл М. 287, 290
Доллар Б. 77
Достоевский Ф.М. 79, 136, 162, 164, 170, 176, 180, 181
Драйвер Дж. 172
Дубоу Н. 172
Дэвидсон Б. 74, 82–83
Дюбуа У. 199–200

Евтушенко Е.А. 135, 168, 175, 180, 188, 287
Екатерина II 155, 245
Ельцин Б.Н. 134, 190–191, 324
Ермолов А.С. 140, 230
Ерофеев Н.А. 234, 237
Есенин С.А. 180

Жванецкий М.М. 262
Жемчужина П.С. 262
Жид А. 181
Жубер П.Я. 280
Журкин В.В. 96

Замятин Е.И. 176
Захаров Н. 202
Зейл Слабберт Ф. фан 17, 19, 31
Земан З. 236, 237, 239
Синовьев Г.Е. 47, 261
Зощенко М.М. 173
Зусманович А.З. 20, 45–48, 51, 68, 72

Иванов В.А. 270
Иванов Ю.С. 66, 69
Иванова Э. 270
Идельсон Б.И. 46, 47
Ильф И. 180
Инглиш К. 180
Йонкер И. 75, 78

Кадар Я. 51, 53
Каддафи М. 16
Казакова Р. 201
Казанова Дж. 239
Казинс Н. 95
Калашников М.Т. 79
Калашникова В.П. 269
Калинин М.И. 197
Калязин В. 135
Калязина Т. 135
Каменев Л.Б. 261
Кан С. 91
Кандинский В.В. 175
Кандыба-Фоксacroфт Е.Г. (см. Фоксacroфт Е.Г.) 129
Кантакузин С.М. 269
Каплан Ф. 259
Караев К. 75
Каразин В.Н. 140
Карамзин Н.М. 179
Карл XII 208
Карташова Л.А. 138
Касрелс Р. 143
Катаев В.П. 172, 180
Катков М.Н. 252
Катрада А. 24, 30
Каутский К. 233
Кейн-Берман Дж. 24, 30, 31
Кемпбелл Дж. 180
Кемпбелл Р. 162, 163
Кенделл Д. 97
Кеннеди Э. 99
Кенч Дж. 181, 182
Кеттеринг 96
Кинелев В. 134
Кинкид С.М. 223
Киплинг Р. 4, 9, 27, 28, 41, 42, 146, 277–283, 286, 298, 302, 321
Киров С.М. 262

Киссинджер Г. 101
Китаев 228
Китчен, Э. 99
Китченер Г.-Г. 146
Кларк Дж. 46
Клейнмихель М.Э. 251
Клерк Ф.-В. де 17, 25, 109, 110, 121–123, 143, 323, 326
Клима В. 87
Клинтон У. 104
Клинтон Х. 104
Клуг А. 259, 273
Кобулов Б.З. 237
Ковалев П.Е. 226–228, 232
Кодеш У. 148
Козин Ф. 153
Козуля 152
Коковцов В.Н. 232
Колесников С.А. 150
Кон И.С. 135
Конан Дойл А. 4, 9, 28, 226, 277, 283–287, 289–291, 302
Кондрашов С. 100, 180
Копылова М. 135
Копытов 85
Котане М. 54, 68, 70, 116
Коуп Дж. 75
Кочубей О. П. 271
Кочубей П. В. 271
Краковский А. 253
Краснопевцев Л.Н. 65
Краузе Ф.-Е.-Т. 258
Кремер Н. 253
Кремер У. 98
Кресуэл Ф. 226
Кривда 36
Кривошеин А.В. 232
Криге Э. 75
Крижан Л. 87
Крузенштерн И.Ф. 155
Крэгер Л. 92–94
Крюгер С.Й.П. 27, 255, 258, 283, 288, 306
Кузнецов А.А. 262
Кузнецова А. 168
Кунанбаев А. 147
Купер А. 233–235, 237, 239

- Купер Л. 85
Куропаткин А.Н. 263, 266
Куцие Дж. 31, 121, 181
Кэмпбелл Р. 79
Кэткерт Дж. 214, 215
Кюи Ц. 155
- Ла Гума А. 75
Лавров Р.А. 73
Ламсдорф В.Н. 253
Ларионов М.Ф. 175
Лебедев Г. 71, 155, 160, 161
Лебедева М. 135
Левин Л.Х. 253
Левитан И.И. 259
Лейпольдт Л. 78
Ленин В.И. 46, 100, 163, 165, 166, 192, 207, 224, 233–237, 240, 326
Леонов Е.П. 188
Леонтьев К.Н. 179
Лермонтов М.Ю. 177, 218
Лесков Н.С. 4, 180, 249
Лец Е. 259
Либкнехт В. 233
Либкнехт К. 233
Ливингстон 85, 86
Лившиц Л. 273
Линде Г. 74
Липовский 226
Листьев В.Н. 191
Лисянский Ю.Ф. 155
Литвинов М.М. 165, 221, 222
Литвинова И. 165
Лозинский М.Л. 280
Лорис-Меликов М.Т. 251
Лукин В. 99
Люксембург Р. 233
- Мавродин В.В. 41
Майский И.М. 151
Макабени Г. 67
Макаров А. 135
Макаров И. 136
Макартни Дж. 160
Мак-Коркиндейл М. 224
Маккрис А. 181

- Маклаков В.А. 252
Маклейн Д. 57
Маклеод Д.М. 224
Маклин А. 269
Макрушин (см. Давидсон А.) 82
Максимов А.Е. 218
Максимов Е.Я. 217, 218
Малан Р. 324
Малевич К.С. 175
Маленков Г.М. 262
Мамардашвили М.К. 99
Мандела Н. 8, 9, 16, 17, 21, 26, 30, 58, 66, 69, 109–126, 132–134, 136, 141, 160, 183, 323–326
Мандельсон Р. 143
Мандельштам Н.Я. 35
Мандельштам О.Э. 173, 277
Маниками 63
Маннергейм К.Г.Э. 270
Мария Павловна (старшая), великая княгиня 269
Марк Х. 100
Марков Н.Е. 252
Маркс Дж. 54, 68, 70, 116
Маркс К. 87
Маркс Ш. 86
Маршак С.Я. 168
Маяковский В.В. 155, 180
Мбеки Г. 29, 30
Мбеки Т. 30, 69, 123, 124, 143, 160
Мейер М.С. 135
Мейерхольд Вс.Э. 166, 175
Меркадер Х.-Р. 195
Мейсинг-Делик И. 174
Микоян А.Н. 150
Миллин С.-Г. 165, 167, 273
Милнер А. 256, 307
Милованов И.В. 67–69
Милютин Д.А. 265
Минаев Б. 180
Михоэлс С.М. 260
Мобуту С.С. 90
Мокартни, лорд 161
Молотов В.М. 35, 145, 150, 192, 197, 240, 262
Мондри Г. 175, 179–182
Мосолов Н.К. 269
Мосолова С. 269

Муди К. 174–177

Мунсами 63

Мусина-Пушкина Л.А. 271

Мусоргский М.П. 173

Мушкетов Д.И. 15, 227

Мхлаба Р. 29, 30

Набоков В.В. 172, 198

Надсон С.Я. 155

Назарбаев Н. 204

Назаров П.С. 227, 228, 232

Найкер Дж. 63

Найпол В.-С. 77

Найт К. 253

Нарышкин А. 269

Насер Г.А. 116

Насонов Н.М. 45–47, 49

Наумов В.П. 262

Неизвестный Э. 175, 190

Нел, африканер 21, 22

Нел Ф. 28

Немирович-Данченко В.И. 41

Неру Дж. 116

Нессон Б. 143

Нето А. 101

Нзо А. 21, 36, 143

Нзула А. 45

Никерк Д. фан 178

Никерк Р. Й. фан 181

Николай I 102, 207, 265

Николай II 103, 156, 181, 197, 207, 208, 232, 259, 265, 270, 272, 282

Никсон Р. 3, 59, 60

Нкрума К. 116, 169

Новак Е. 174

Нодие Б. 24

Нокве Д. 91

Норкатт Н.Д. 224

Обама Б. 111, 112

Одиссей Л. 42

Окуджава Б. 11, 41, 176, 182, 184, 188, 189, 192, 193, 195, 198, 199, 209, 262, 327

Оливер Р. 80, 81, 85

Олифир Г. 135

Ольга Александровна, великая княжна 269

Ольдерогге Д.А. 20, 83, 85

Опперман Д. 75, 79

Оруэлл Дж. 176

Папанин И.Д. 182

Пан Ги Мун 112

Парвус А.Л. 233–240

Паркер Р. 57

Пастернак Б.Л. 168, 173, 202

Паустовский К.Г. 168, 173

Пахад Э. 143, 322

Педжет М. 165

Пейрес Дж. 215

Петен А.Ф. 225

Петлюра С.В. 241

Петр Великий 71, 208, 287

Петров Е.П. 180

Петровский (Димитров) Б. 46

Пешков (см. Свердлов З.) 224, 225

Пильняк Б.А. 180

Пинар С. 135

Пифагор 187

Платонов А.П. 173

Плещеев А.Н. 155

Пломер У. 157, 160, 162–164, 167

Плоуден П. 305

Победоносцев К.П. 198

Покровский В.Л. 269

Поливанов А.А. 222

Поло М. 228

Полонский Я.П. 155

Поплавский Б.Ю. 321

Поспелов Б.Н. 73

Пост Л. ван дер 157, 162, 167–169

Потехин И.И. 20, 45, 46, 48, 56, 58, 61, 67–69, 74, 76, 81, 84

Примаков Е.М. 3, 43, 89, 94–96, 104

Пристли Дж. 228

Прокофьев С.С. 173

Путин В.В. 111, 112, 324

Пушкин А.С. 145, 166, 179, 197, 208, 218

Пятницкий В. 47

Рабин О. 175

Рабинович М.Б. 20, 42

Райкин А.И. 62, 63

- Райсвик В. 271
Рампеле М. 141–142, 322
Раневская Ф.Г. 261
Ранналс Дж. 157
Раскольников Ф.Ф. 221
Распутин Г.Е. 156, 181, 272
Рахманинов С.В. 155
Рейнджер Т. 84
Репин И.Е. 272
Реутовский В.С. 229
Риббентроп И. фон 35, 145
Рибек Й. (Ян) ван 213, 214
Рив Р. 75
Римский-Корсаков Н.А. 221
Риттер Э. 75
Рихтер М. 45, 47
Рихтер П. 45, 47
Робертс Ф.-С. 146, 294
Робсон П. 199–200
Родс С. 28, 29, 85, 86, 129, 130, 136, 137, 142, 146, 231, 256, 279, 288, 290, 306, 312, 315, 317
Рождественский Р.И. 188, 190
Рокфеллер Д. 3, 94–97, 99, 100
Романов Александр Михайлович, великий князь 207
Романов Сергей Александрович, великий князь 259
Романовы (дин.) 207, 265
Роммель Э. 153
Ростропович М. 35
Рошаль Г.Л. 75
Ру Э. 64
Рузвельт Т. 163, 191, 312
- Савимби Дж. 101
Сазонов С.Д. 232
Саймонс Р. 232
Сакс Солли Э. 66, 70, 273
Салтыков-Щедрин М.Е. 4, 156, 249
Самсонов А. 324
Сахаров А.Д. 33, 105, 112, 176, 324
Свеллентребель Й. 214
Свеллентребель Х. 214
Свердлов З. 224, 225
Свердлов Я.М. 224
Светлов М.А. 261
Сидоров Е. 134

- Сикард Г. фон 83–85, 268
Симонов А.К. 136
Симонов К. 207
Сисулу У. 24, 30, 9
Скобелев М.Д. 140, 217, 282
Скрябин В.М. (см. Молотов В.М.)
Слово Дж. 21, 36, 71, 90, 111, 273
Слуцкий Б.А. 168
Смахтины, семья 183
Смоктуновский И.М. 188
Смэтс Я.-Х. 146, 224, 283
Снегирев И.Л. 45, 48
Собчак А.А. 135
Сократ 235
Солженицын А.И. 172, 176, 234, 236, 237, 324
Соловьев В.С. 209
Сондерс Г. 96
Сондерс К. 143
Сондерс С. 141
Спай К. фан дер 219–224
Спай Ю. фан дер 219
Спаркс А. 17, 24, 34, 178
Спис Л. 28
Сталин И.В. 46, 47, 63, 65, 103, 163, 175, 191, 192, 194, 195, 197, 200, 207, 240, 260–262, 304, 311, 312
Сталлард К.Ф. 258
Старииков С. 270
Стасов В.В. 173
Степанов 63
Столыпин П.А. 208, 232
Страхов Н.Н. 162
Стремлау Дж. 98, 99, 106
Струве В.В. 42
Суварин Б. 236
Сузман Х. 24, 273
Суслов М.А. 52, 53
Сухомлинов 267
Схуман К. 75
- Тамбо О. 9, 121
Татлин В.Е. 175
Твардовский А. 168
Твен М. 4, 14, 146, 277, 313–316
Терон И. 170
Тетёкин В.Н. 15

Тибеди Т. 67
Тимашев С.И. 232
Тито И.Б. 82
Тимашук Л. 201
Титов, о. Георгий 208
Тихвинский С.Л. 138
Толстой А.К. 103
Толстой А.Н. 287
Толстой Л.Н. 4, 156, 157, 162, 164, 166, 170, 173, 198, 249, 250, 272
Толстой-Милославский П.С. 98
Томпсон Д. 91
Томпсон Л. 104–106, 130
Томпсон С. 180
Торледж Г. 297
Торникрофт А. 297, 302, 303
Торрингтон М. 270
Торчинов В.А. 240
Третчиков В.Г. 157, 158, 272, 273
Трифонов Ю.В. 180
Троцкий Л.Д. 195, 233–235, 261
Трухановский В.Г. 311
Тургенев И.С. 164, 170
Тулин Б. 156, 158, 178
Турок Х. 148
Туту Д. 322
Тухачевский М.Н. 192

Удомо М. (лит.)
Уилсон Ф. 135
Ульяницкий Ю. 187
Ульяновский Р.А. 88
Уоддис Дж. 74
Уоррен Ч. 294, 296, 297, 302
Урнов А.Ю. 70
Урусова В. 269
Утесов Л.О. 261

Файф К. 82, 83, 291
Федоровский Н.М. 15, 48, 227
Фейдж Дж. 80, 81, 85
Фервурд Х. 123, 269
Фёрст Р. 74, 90–92, 273
Филатова И.И. 15, 23, 25, 33, 135, 138, 241, 298, 322
Фимистер Я. 143
Флеминг Я. 160

- Франко Ф. 163
Франц-Иосиф I 208
Фоксскрофт Е.Г. (см. Кандыба-Фоксскрофт) 174
Форстер Б.Й. 269
Фредерикс В. 270
Фредерикс В.Б. 270
Фрезер М.П. (см. Маклейн Д.)
Френкель Я. 253
Фридман А. 253, 254
Фридман Дж. 254
Фурсенко А.А. 135
- Хаггард Г.Р. 23, 27, 41, 75
Хаксли О. 176
Хани К. 122
Хант К. 142, 143
Хант Р. 142
Хантон Э. 74
Харди Дж. 46
Хатчинсон Э. 75
Хахиано Я. 28
Хейденрих Л.Р. 223
Хемингуэй Э. 169
Херсковиц М. 81, 85
Херсковиц-Копытова 85
Хирш Л.Л. 253
Хлебников П. 98
Хлебников Ю. 98
Хогг У.-Д. 148
Ходжкин Т. 84
Холкит Питер (лит.) 162
Холмс Ш. (лит.) 283, 284, 286, 291
Хорн П. 136
Хрбек И. 87, 88
Хрущев Н.С. 51, 52, 60, 95, 98, 103, 190, 195, 197, 207
Хугенет А. 165, 166
Хулец О. 87, 88
Хусейн, марокканец 187
Хьюс М.Э. (см. Кемпбелл Р.)
Хэддоу Дж. 172
Хэммонд Дж. 231, 232
- Цветаева М.И. 173
Цеткин К. 233

Чаадаев П.Я. 134
Чайковский П.И. 173, 221
Чака (лит.) 75
Чарская Л.А. 140
Че Гевара Э. 117
Чемберлен Дж. 146, 163, 285, 306, 307, 312
Черевин П.А. 251
Черный А. 157, 270, 271
Чернышевский Н.Г. 173
Черчилль Кл. 304
Черчилль Р. 151, 305
Черчилль У. 4, 9, 28, 163, 191, 277, 283, 292, 294, 302–307, 309–313
Чехов А.П. 158, 164, 171–172, 177, 252
Чикомбола Дж. 135
Чингис-хан (ист.) 172
Чичерин Г.В. 222
Чуковский К. И. 287

Шалк Г. (см. Волхютер В.)
Шаляпин Ф.И. 222
Шапера А. 85, 86
Шапиро И. (см. Шапера А.)
Шарлау В. 236, 237, 239
Шварцбард Ш. 241
Шейдеман Ф. 233
Шейн М. 143
Шейнис В.Л. 135
Шейнисон Н. 253
Шемякин М.М. 190
Шермен Дж. 180
Шерри Дж. 98
Шик (Шийк) Э. 20, 45–54
Шилдс Дж. 46
Шиллинге М. 235–239
Шиллингер А. 237
Шиллингер Г. 235
Шинкарев Л.И. 93, 131
Шипины, семья 183
Шлеммер Л. 24
Шмелев Н.П. 99, 135
Шолом-Алейхем С.Н. 180, 259
Шомбург Г. 74
Шостакович Д. 169, 173
Шоу Б. 317

Шрейнер О. 75, 90, 161, 162
Штейн М.Т. 283
Штрольман Б.А. 298
Шубин В.Г. 70, 110, 135, 138
Шульгин В.В. 250

Эберт Ф. 233
Эдуард VII 305
Эйзенштейн С. 175
Эйнштейн А. 259
Экс Дж. 172
Элбу У.Г. 223
Элиот Т.С. 169
Эндрюс Б. 67
Эренбург И.Г. 168, 176

Юг (см. Гернгрос Г.Е.) 46 (сн.)
Юденич Н.Н. 265
Юрий Долгорукий (ист.) 73
Юсупов Ф.Ф. 156, 222

Ян В.Г. 172
Ястребова И.П. 20, 114

Contents

THE FIRST WITNESSES	5
THE FIRST SOVIET DELEGATION IN SOUTH AFRICA	13
«The Road Beckons, Calls, Rings, Sings...»	20
Impressions.....	30
DISTANT AND CLOSE APPROACHES	39
From Far-away... ..	42
The Turn Around — all of a sudden	43
Gone with the Wind.....	44
Twenty Years Later.....	55
What Could Be Better! But... ..	56
After Nixon's Visit.....	59
Moscow Meets Africans.....	61
Meeting with the KGB	64
Warnings.....	66
South Africans are Back Here	69
No References to the Archives!.....	71
You will Not Be Able to Protect Us!	74
«Away from National Hubris!»	80
Russian Émigrés in African Studies	85
From the Socialist Camp	87
At the age of 53.....	89
The Questions that Could not Be Asked	90
Russian Hunter — Pathfinder	92
With Arbatov, Primakov and Rockefeller	94
At Yale University	104
ABRUPT CHANGES UNDER THE SOUTHERN CROSS	107
The Symbol of Peacemaking	111
A Good Lesson to the Contemporary World.....	123
YEARS AT THE CAPE OF GOOD HOPE.....	127
At the University of Cape Town.....	130
The Creation of the Russian Centre	132
What the Centre Did.....	137

The Owl Club	146
Cape Town — Arkhangelsk — Murmansk	147
South African Blood — to the Russian Wounded.....	149
«From Soviet Pilots — to the Best Friend»	151
Russian Books on Long Street.....	154
Acquaintance with the Russian Culture	160
The Russian Club	182
What Did They Ask About? What Worried Them?	188
Familiar, Beloved Voices	199
The Sad Meeting	203
DISCOVERIES.....	211
When Did They First Hear about Our Country?	213
Our Travellers Are Not Forgotten	215
The Russian Name in the South African Encyclopaedia	217
A Boer in Butyrki.....	218
South African Companions of George's Cross	223
Gorky's Adopted Son — De Gaulle's Ambassador	224
Are Even They Remembered Here?	225
A Completely Unexpected Discovery	232
Also Unexpected.....	241
CONTEMPORARIES.....	243
At the Sources of Immigration.....	245
Saltykov-Shchedrin, Tolstoy, Leskov at the University of Cape Town	249
Why Did They Come Here?	252
In the Service of Russia.....	262
And After 1917?.....	267
ASSOCIATIONS WITH CHILDHOOD LITERARY IMAGES.....	275
African Kipling	277
Conan Doyle in an Unusual Capacity.....	283
«Churchill, Dead or Alive!..».....	292
Mark Twain at the Owl Club.....	313
AND STILL — IT IS REALLY COMPLICATED!	319
Index of Names	329

Davidson, Apollon B. Letters from the Cape of Good Hope [Text] / A. B. Davidson ; National Research University Higher School of Economics. Moscow: HSE Publishing House, 2017. — 352 pp. — 300 copies. — ISBN 978-5-7598-1204-3 (hardcover). — ISBN 978-5-7598-1627-0 (e-book).

The Cape of Good Hope used to be called “The Tavern of the Seas”, a waypoint on the route followed by ships from Europe to the Far East. For Russian ships it was a route from St. Petersburg to Vladivostok and Russian America. Why would South Africa attract us nowadays? Why is it important to know what is going on in this far-off land?

The author lived there for several years in the 1990s. At that time South Africa was going through a turning point in its history, and he tried to understand the meaning of this country's experience for the rest of the world.

The book is intended for historians, political scientists, specialists in cultural studies, graduate and undergraduate students as well as those interested in the history of South Africa.

Научное издание

Давидсон Аполлон Борисович

ПИСЬМА С МЫСА ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*

Редактор *Н.В. Куприянова*

Художественный редактор *А.М. Павлов*

Компьютерная верстка: *Н.Е. Пузанова*

Корректор *Н.В. Куприянова*

Подписано в печать 15.12.2016. Формат 60×88 1/16

Бумага офсетная. Гарнитура «Newton». Печать офсетная

Усл. печ. л. 21,3. Уч.-изд. л. 16,5. Тираж 300 экз. Изд. № 1795

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20,

тел.: (495) 772-95-90 доб. 15285

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru, тел.: 8 (499) 270-73-59

Интернет-магазин

<http://id.hse.ru/shop>

**В интернет-магазине можно приобрести все
книги Издательского дома ВШЭ,
имеющиеся в продаже**

Интересующие вас книги вы можете найти в нашем каталоге,
воспользовавшись поиском по тематике, серии, названию и автору,
списком книжных новинок

**Заказ можно оформить круглосуточно на нашем сайте
или по тел.: +7 495 772-95-90 *15295
по рабочим дням с 10.00 до 18.00 мск**

Возможна оплата банковскими картами и наличными,
доставка курьерской службой в 300 городов России
или получение в пунктах самовывоза в 49 городах

БукВышка

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

Более 8000 наименований научной, учебной,
справочной, общеобразовательной
литературы отечественных и иностранных
издательств, в том числе
ВСЕ книги ИД ВШЭ

Сувениры с символикой ВШЭ

Скидки сотрудникам и учащимся ВШЭ

Адрес: Москва, ул. Мясницкая, 20

ЧАСЫ РАБОТЫ:

Пн–пт — с 10.00 до 20.00

Сб — с 10.00 до 19.00

Воскресенье — выходной

Тел.: +7 495 621-49-66

<http://id.hse.ru/bookvyshka>

ВЫСШАЯ
ШКОЛА
ЭКОНОМИКИ

id.hse.ru

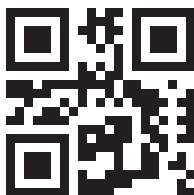
Уважаемые читатели!

Приглашаем посетить сайт

Издательского дома

Высшей школы экономики по адресу:

id.hse.ru

На нашем сайте вы найдете каталог книг
и журналов, информацию о новинках
и планах на будущее, отрывки из книг,
рецензии и многое другое.

Также на сайте размещена полная информация
о том, где можно купить наши книги и как
подписаться на журналы.

*Ждем круглосуточно,
каждый день!*